

В. И. КУЛЕШОВ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
И
ЛИТЕРАТУРА
40 ГОДОВ XIX В.

И з д а т е л ь с т в о
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
М о с к в а . 1958

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ И ЛИТЕРАТУРА 40 ГОДОВ XIX В.

В. И. КУЛЕШОВ

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ“
И
ЛИТЕРАТУРА
40-х годов XIX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1959

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что ни один исследователь, изучающий историю русской литературы или историю общественной мысли 40-х годов XIX века (творчество Белинского, Герцена, Огарева, Некрасова, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова, Достоевского), или связи с русской литературой произведений западноевропейских писателей (Жорж Занд, Бальзака, Диккенса, Теккерея), не может обойтись без «Отечественных записок». Он вынужден часто обращаться к фолиантам виднейшего журнала, в которых находятся богатые материалы.

«Отечественные записки» — журнал энциклопедический, он явился органом передовой русской реалистической литературы и критики, пропагандистом лучших достижений отечественной философской мысли и западноевропейской литературы. Исключительно велика роль этого журнала в консолидации широкого и победоносного реалистического направления русской литературы, «натуральной школы».

Любое литературное направление характеризуется некоторой творческой близостью писателей, и поэтому, несмотря на существенные идейно-политические различия, нередко наблюдающиеся между ними, направлению свойственны определенные исторически сложившиеся типологические черты. «Отечественные записки», организовав вокруг себя писателей, помогли русскому реализму увидеть себя как направление, дали ему идейно-теоретическую платформу.

Советские литературоведы неоднократно указывали на необходимость специального изучения «Отечественных записок» 40-х годов. В. Н. Орлов в статье «Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского», ограничивая свое исследование рамками 1830-х годов, считает, что: «История «Отечественных записок» — это, по сути дела, вся история русской журналистики сороковых годов. Она должна служить предметом специального исследования»¹. Н. И. Мордовченко в статье «Основные проблемы историко-литературного изучения Белинского» писал: «История «Отечественных записок» вообще

не изучена совершенно»². И действительно, до сих пор у нас нет обобщающего исследования об этом журнале. Дореволюционная работа Е. Ершова об «Отечественных записках» («Образование», 1905, № 1—5) сейчас совершенно потеряла свое значение как с фактической, так и с методологической стороны. Единственно ценным научным исследованием истории «Отечественных записок» 40-х годов в настоящее время является посвященная этому журналу глава в «Очерках по истории русской журналистики 1840—1850 гг.» А. Г. Дементьева (Гослитиздат, М., 1951).

Жанр монографического исследования журналов в современном литературоведении еще не определился. Здесь много спорного и неясного. Вопрос о предмете и методе исследования теоретически не поставлен ни в одной из вышедших работ по журналистике, отчего все они имеют до некоторой степени описательный характер. Это относится и к солидной трехтомной работе В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике».

На журнал не следует смотреть как на простую сумму статей или летопись истории. Журнал — одна из форм организации и сплочения общественных сил, орган борьбы, пропаганды идей: «Мир журнальный есть мир политический в миниатюре» (Белинский). Слово журнала и есть его дело. В. И. Ленин указывает: «...слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет»³.

В работах «С чего начать?», «Что делать?» и других В. И. Ленин показывает живую связь и диалектику переходов организационных вопросов в идеологические и, наоборот, идеологических в организационные в практике общерусской социал-демократической газеты. Но эти существенные качества журналистики ярко проявились уже в истории русской демократической печати, у истоков которой стоят, несомненно, «Отечественные записки» эпохи Белинского и Герцена.

«Отечественные записки» 40-х годов определили надолго тип русского передового энциклопедического журнала XIX века. Материал «Отечественных записок» позволяет создать широко документированное исследование идейно-литературного движения 40-х годов с его расстановкой сил, ростом и борьбой направлений в литературе, критике, философии. Журнал устанавливает под знаменем более или менее единого политического направления существенные взаимосвязи между литературой, критикой, публицистикой, философией; и вместе с тем журнал объединяет ряды борцов, показывает «красоту поколения» (Чернышевский), коллективный, созидательный процесс идейных исканий; формирует тип политического деятеля, трибуна,

вождя; воспитывает в сотрудниках «мастерское сочетание идей политических с философскими» (Герцен), ведет за собой массу читателей.

Предметом нашего исследования является роль «Отечественных записок» в организации реалистического направления русской литературы 40-х годов. Процесс консолидации направления во всей его сложности и противоречивости хорошо может быть прослежен при изучении внутренней истории журнала. Белинский в обзоре литературы за 1840 год так определял удельный вес «Отечественных записок»: «Мы не думаем сказать о себе слишком много, сказав, что история современной журналистики и частью современной литературы русской есть история «Отечественных записок»⁴.

Настоящая книга посвящена истории реалистического направления в той наиболее важной его части, которая получила свое оформление в «Отечественных записках». Мы пытаемся показать литературную эпоху через журнал. Это до некоторой степени сужает представление об эпохе, но зато позволяет дойти до ее «сокровеннейших биений» (Белинский). Изучая историю «Отечественных записок», мы обзреваем ход вещей, который привел к организации реалистического направления, проникаем в своеобразие его внутренних этапов, в сложное взаимодействие писателей с журналом как творчеством коллектива, как органом направления. В монографиях об отдельных писателях этот конкретный историко-литературный фон почти всегда обозначается суммарно, приблизительно. Но ведь сама творческая индивидуальность писателя может быть до конца правильно понята только в ее живом взаимодействии с литературным движением.

Анализ журнала с литературоведческой точки зрения дает возможность изучить на строго документальной основе литературное движение в его конкретной сложности и противоречивости.

В последнее время советскими литературоведами (Д. Д. Благим и др.) обоснованно подчеркивается необходимость изучения художественной литературы как специфической области познания действительности. Такое изучение требует четкого отмежевания истории художественной литературы как особого предмета исследования от сопредельных с ней дисциплин⁵. Но здесь нельзя смешивать два разных вопроса: вопрос об эстетической сущности литературы и вопрос об истории литературы; второй вопрос шире первого, так как в него входят и исторические причины литературных явлений, и биографии писателей, и обстоятельства творческой истории произведений.

Конечно, четкое методологическое отграничение литературы от смежных дисциплин выдвигает на первую линию изучение

эстетической сущности литературы, творческих методов, направлений, стилей, форм, жанров произведений. Однако за этим размежеванием нельзя забывать о тех более широких связях, которые всегда существуют у самой литературы в целом, как части идеологической надстройки, с другими ее частями, с которыми литература переплетается не только ветвями, но и корнями. И поэтому правомерны и крайне необходимы исследования, рассматривающие литературу (с учетом ее эстетической специфики) в ее реальном переплетении со всем «мыслительным материалом» эпохи. Специфика же литературы как образного познания существует не сама по себе, замкнуто, — она шлифуется во взаимодействии со всеми сопредельными идеологическими формами и находит себя и свои границы в этой взаимосвязи.

Творческая индивидуальность писателя и характер целого литературного направления складываются не только из причин литературно-эстетического ряда. На самом деле здесь все гораздо сложнее. Главная трудность состоит не столько в том, чтобы отграничить литературу, как предмет познания, от смежных дисциплин, сколько в том, чтобы найти те подлинные, разумные гносеологические и исторические взаимосвязи и взаимопроникновения, которые всегда существуют у литературы с другими формами общественного сознания, у истории литературы — с другими общественными научными дисциплинами.

Трудно заподозрить Белинского в недооценке специфики искусства и литературы, впервые в России им теоретически обоснованной, но вот что он писал: «Искусство, по мере приближения к той или другой своей границе, постепенно теряет нечто от своей сущности и принимает в себя от сущности того, с чем граничит, так что вместо разграничивающей черты является область, примиряющая обе стороны»⁶. Такой «примиряющей» областью между искусством и публицистикой была для Белинского понимаемая им более узко, чем нами сегодня, «беллетристика». На этом принципе взаимопроникновений построены его общие выводы о характере современного искусства. «В критике нашего времени,— писал он,— более, чем в чем-нибудь другом, выразился дух времени. Что такое само искусство нашего времени? Суждение, анализ общества; следовательно, критика. Мыслительный элемент теперь слился с художественным...»⁷. На известном соотношении «ума» и «таланта» построенное у Белинского характеристика дарований Герцена и Гончарова. Сущность историко-литературного процесса Белинский понимал весьма широко. Он писал: «Итак, содержание истории литературы составляет: история поэзии, беллетристики, прессы и, отчасти, науки»⁸. И действительно, история литературы включает в свой предмет все эти компоненты, поскольку они выявляют общественно-эстетическую сущность литературы на

данном историческом этапе. Кроме того, Белинский видел, что литература — это не только дело гениев, но и дело коллектива, а поэтому в «органически-историческом развитии литературы все сцепляется и связывается одно с другим». Белинский намеревался написать синтетический курс истории русской литературы, т. е. «целую историю русской литературы, обозренной с новой ее стороны, на которую еще никто не обращал внимания — со стороны развития литературных, нравственных и общественных начал»⁹.

Ставя все эти вопросы, мы, конечно, должны учитывать, что поэтические образы литературы не могут быть прямо отождествлены с результатами осмысления действительности в критике, философии, отразившимися в статьях «Отечественных записок», хотя связь между ними существует. Раскрытие проблем художественной литературы в их связи с теоретическим обобщением в критике и публицистике — главная трудность нашего исследования. Но всякое литературное направление складывается из двух моментов: творческой практики писателей и ее теоретического обобщения. Поэтому Лермонтов, Гоголь и молодые писатели «натуральной школы» не могли не отразить по-своему, эмоционально-художественно, тех злободневных вопросов, над решением которых бились критики и публицисты, Белинский и Герцен. Эта сложнейшая связь должна быть найдена, так как она всегда существует в силу самой сущности искусства как специфического отражения жизни и в силу исторических взаимосвязей между различными формами общественного сознания.

Исходя из той предпосылки, что «Отечественные записки» несут в себе оформляющееся литературное направление, у нас строится периодизация истории журнала.

Первые три главы отражают три периода истории «Отечественных записок»: 1839—1841 годы, 1842—1846 годы и 1846—1849 годы. Внутренний план каждой из этих глав одинаков: сначала анализируются состав и расстановка сотрудников (внешняя организация направления); затем — литературно-художественные произведения журнала, их проблематика (художественное содержание направления, его внутреннее творческое единство); затем — критика как теоретическая программа направления и, наконец, полемика журнала. В четвертой главе сделана попытка поставить два вопроса, которые логически завершают исследование: а) тип журнала, жанры и стили критики и публицистики «Отечественных записок» в связи с жанрами и стилями литературы и б) проблема читателя «Отечественных записок» 40-х годов в России и на Западе. В конце работы дано заключение, приложен список авторов

анонимных статей, появившихся в «Отечественных записках» в 1839—1849 годы, список псевдонимов и указатель имен.

Исходным принципом периодизации для нас являются перемены направления «Отечественных записок». Когда мы говорим о направлении журнала, то имеем в виду прежде всего критический отдел, который с осени 1839 по апрель 1846 года возглавлялся Белинским и всегда имел решающее влияние на остальные отделы. В критике находила свое наиболее яркое выражение политическая линия журнала. В зависимости от изменения содержания критики, ее философской основы, общественной целенаправленности изменялось и направление журнала. Кроме того, периодизация определяется также этапами формирования «натуральной школы», которые в основном совпадают с переменами в направлении критики, являвшейся теоретической программой школы.

Первый период — 1839—1841 годы — *организационное и идейное оформление «Отечественных записок»*. С 1839 года «Отечественные записки» начали выходить под редакцией А. А. Краевского*. Осенью того же года Белинский, переехав в Петербург, возглавил критический отдел «Отечественных записок» и со следующего года, увлекая за собой Герцена и Огарева, стал деятельным сотрудником журнала. В «Отечественных записках» собралось несколько членов распавшегося кружка Станкевича. Конечная дата первого периода — 1841 год — вводится нами по следующим мотивам: к этому времени Белинский окончательно преодолевает «примирение с расейской действительностью»; в 1841 году убит на дуэли Лермонтов, являвшийся главной литературной фигурой в «Отечественных записках»; вскоре после этого умирает Кольцов и примерно к этому времени ослабевает деятельность

* «Отечественные записки» были основаны в 1818 г. П. П. Свиным. В 1818 и 1819 гг. вышло по одному номеру. Сначала журнал назывался «Отечественные записки Павла Свинына» и действительно напоминал, как бы записную книжку издателя — «патриота», часто ездившего по России ради собственного любопытства. С 1820 г. журнал стал периодическим и выходил раз в две недели. Всего вышло 126 номеров. С 1831 г. выпуск журнала был прекращен и возобновлен в январе 1839 г. Краевским с совершенно новой программой (Е. Ершов и А. Г. Дементьев ошибочно утверждают, будто Свинын выпустил в 1838 г. еще несколько номеров. Это мнение не подтверждается имеющимися документами). Направление «Отечественных записок» при Свиныне было псевдопатриотическим. Но издателю удавалось отыскивать по захолустьям самородные таланты («открыл» Слепушкина, Алипанова), публиковать ценные сведения о народных умельцах. Здесь выступил Гоголь («Бисаврюк, или ночь накануне Ивана Купалы»), начинал печататься Н. Полевой. Но журнал открыто чуждался литературных вопросов, полемики, критики. Он прошел мимо шумных дебютов молодого Пушкина, и, таким образом, оказалось, что главное-то в «отечестве» не было «записано».

сотрудников, бывших друзей Белинского по кружку Станкевича: Ключникова (Θ), Красова, Бакунина, Каткова. Первый период характеризуется направлением главного полемического удара по «триумvirату» (Булгарин, Греч, Сенковский), монополистам петербургской журналистики, апологетам политики «официальной народности». Направление «Отечественных записок» в это время определяется статьями Белинского: «Очерки Бородинского сражения», «Менцель — критик Гёте», «Горе от ума», «Герой нашего времени», «Стихотворения М. Лермонтова», обзорами литературы за 1840 и 1841 годы. Первые три статьи отразили «примирение» Белинского, последующие — постепенный разрыв с ним. В этот период большое место в журнале занимает философская проблематика: разработка системы Гегеля и частичное увлечение берлинскими лекциями Шеллинга о «философии откровения» (Катков, Неверов). На литературном поприще этот период характеризуется объединением вокруг «Отечественных записок» молодых сил писателей-реалистов (Герцен, Огарев, Панаев, Соллогуб, Даль, Гребенка), представляющих собой первоначальное оформление «натуральной школы». Теснее сближается с «Отечественными записками» Лермонтов, творчество которого сложилось в иных традициях. Лермонтов ставит злободневные вопросы о судьбах современного поколения, о героях времени. «Отечественные записки» благотворно влияют на творчество Лермонтова, Белинский «спорит» с поэтом, дополняет его ответы на поставленные журналом вопросы. 1839—1841 годы — период консолидации разрозненного наследия 30-х годов под знаменем «Отечественных записок».

Второй период — 1842—1846 (март) годы — *расцвет «Отечественных записок»*. Резко изменяется направление критики в журнале. «Речь о критике» — новая программа. Критика открыто провозглашается выразительницей общественного мнения, критического духа века, составным элементом искусства. Философская идея отрицания непосредственно реализуется у Белинского в поднятии престижа критики, в проповеди социальной сатиры Гоголя, современного критического утопического социализма, исторических эпох разрушения старого (Реформация, Английская революция XVII в., Французская революция XVIII в.). В корне изменяется отношение журнала к современной французской литературе, особенно к Жорж Занд. Подводится итог всей предшествующей литературе («пушкинские статьи»); с обзора литературы за 1845 год Белинский начинает четко формулировать новые задачи «натуральной школы» на самом зрелом этапе ее развития. Формируется революционный демократизм Белинского — качественно новая идеология, возглавляющая освободительное движение в России. Разверты-

вается деятельность Герцена, приходят новые писатели: Некрасов, Тургенев, усиливается активность Панаева, Боткина. Назревает и происходит резкий конфликт между демократически настроенной группой Белинского и либеральной группой Краевского. Противоречия между демократизмом и либерализмом вскрываются в вопросах оценки деятелей французской революции XVIII века, утопического социализма и переходят на почву философскую, религиозную (Белинский и Грановский, Герцен и Грановский); они проявляются также в оценке роли современной буржуазии, в тактических вопросах (об отношении к славянофилам). На литературном поприще главные события этого периода — выход первого тома «Мертвых душ» Гоголя, полемика вокруг этого произведения, появление в печати первой части «Кто виноват?» Герцена. К 1845 году окончательно оформляется «натуральная школа». Выходят две части альманаха «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». В области философии «Отечественные записки» идут путем исканий, отвергая гегелевский идеализм и созерцательность фейербаховского материализма («Письма об изучении природы» Герцена). Главный полемический удар в этот период направлен против «Москвитянина» и славянофилов, как наиболее утонченных защитников застоя. В журнале происходят структурные изменения. В 1842—1846 годы «Отечественные записки» развиваются под знаменем революционного демократизма Белинского.

Третий период — 1846 (апрель) — 1849 годы — *«Отечественные записки» после ухода Белинского*. Журнал постепенно скатывается на либеральные и затем консервативные позиции (статья Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту»). Снижается идейный уровень критики (В. Майков). Но все же «Отечественные записки», вслед за «Современником», остаются лучшим журналом в России. В нем участвуют Салтыков, Грановский, В. Милютин, Кавелин, петрашевцы (Штрэндман, Достоевский). Журнал практически поддерживает «натуральную школу» на протяжении всего периода, хотя в критике и ревирует программу Белинского. Остро обсуждается крестьянский вопрос (статья А. П. Заблоцкого «О причинах колебания цен на хлеб в России»), на видное место выдвигается английская литература, политэкономия. В философии пропагандируется позитивизм. «Отечественные записки» этого периода — орган либерального просветительства.

Каждый из названных трех периодов представляет собой внутренне цельный этап формирования реалистического направления. Все они органически связаны друг с другом, и отклонения в отдельных вопросах могут встречаться в пределах одного или полутора лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ИДЕЙНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (1839—1841)

1

На рубеже 30—40-х годов XIX века в русской литературе началось формирование реалистического направления. Реализм как метод, утвержденный Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем в 20—30-х годах, получал в творчестве молодых талантов разнообразную индивидуальную стилевую окраску и укреплялся как направление в литературе.

Это был сложный историко-литературный процесс, в который обновленные с 1839 года «Отечественные записки» особенно энергично вмешались. Более того, две трети лучших произведений русской литературы 40-х годов появились именно в «Отечественных записках». Впервые в истории русской литературы в одном журнале концентрировалось такое богатство художественных произведений, впервые она так энергично направлялась к единым прогрессивным целям. Именно с 40-х годов стали говорить об оформившемся реалистическом направлении, и это оформление произошло в рамках «Отечественных записок».

Вспомним, что перед этим Николай I разгромил московскую журналистику («Московский телеграф», «Телескоп»), а петербургская журналистика была дискредитирована Булгариным, Гречем и Сенковским; Полевой оказался ренегатом; «Современник» в руках Плетнева измельчал. Идеология «официальной народности», преследовавшая, по словам Уварова, цель «собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные», искала своих трубадуров и агентов в обществе. Беспринципный писака, агент 3-го Отделения, Бул-

гарин своими доносами терроризировал писателей и журналистов. Передовая русская литература оказалась без своего органа. Поэтому вся организаторская, идейно-направляющая работа «Отечественных записок» с 1839 года поднимается на уровень исторического подвига.

Существеннейший поворот в развитии реализма русской литературы Белинский справедливо относил к 1835—1836 годам, когда вышли в свет сборники повестей Гоголя «Миргород», «Арабески», его повести «Нос», «Коляска» и был поставлен на сцене «Ревизор».

К этому же времени относится замысел и начало работы Гоголя над «Мертвыми душами». В творчестве Пушкина намечался новый, может быть, самый важный период: вышла в свет «Капитанская дочка», начал издаваться «Современник», который явился одним из первых органов реалистического направления. Гоголь свидетельствует о Пушкине в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», начатой им в 1836 году, что «мысль о романе, который бы поведал простую, безыскусственную повесть прямо-русской жизни, занимала его в последнее время неотступно». Не случайно именно Пушкин подарил Гоголю сюжеты двух главнейших «прямо-русских» произведений — «Ревизора» и «Мертвых душ». К этому же времени относится перелом в сторону реализма у Лермонтова — «Маскарад», «Княгиня Лиговская». Деятельности Белинского в «Телескопе» знаменовала появление в России «истинной критики». В статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) Белинский провозгласил Гоголя главой нового, «послепушкинского» периода русской литературы.

Этот поворот в развитии реализма ознаменовался обращением литературы к злободневным темам русской жизни, ее будням, сатире, демократическому герою. Особая сила гоголевского реализма заключалась в страстном «гуморе», «субъективном побуждении», т. е. в открытой оценке изображаемых явлений жизни. Гоголь-художник глубоко выявлял социально-классовую сущность характеров героев. Это способствовало углублению психологического анализа, перестраивало сюжетосложение, мотивировки поступков героев, обогащало их язык. Большое развитие получала проза, ведущими жанрами литературы становились повесть и роман. Литературный переворот неслучайно совпал с выходом на сцену русского освободительного движения разночинца Белинского, явившегося гениальным родоначальником теории реализма, критиком всех новейших явлений литературы, самой боевой фигурой нового направления.

Началом реалистического направления, или «натуральной школы», следует считать те симптоматические процессы в рус-

ской литературе, которые выявились в 1835—1836 годах. Более интенсивно они развивались с конца 30-х и в самом начале 40-х годов.

По всем этим вопросам нам придется вступить в полемику с укоренившейся точкой зрения, связывающей зарождение «натуральной школы» лишь с фактом появления самого термина «натуральная школа».

Впервые этот термин употребил Булгарин в фельетоне «Северной пчелы» 26 января 1846 года. Н. И. Мордовченко в статье «Белинский в борьбе за натуральную школу» говорит: «Хотя название «натуральная школа» и появилось лишь в начале 1846 г., зарождение новой школы следует отнести все же к предшествующему 1845 г., когда вышли в свет две части «Физиологии Петербурга» под редакцией Некрасова. Так полагал это и Белинский. В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он отметил, что литература в этом году «шла по прежнему пути, которого нельзя назвать ни новым, потому что он успел уже обозначиться, ни старым, потому что слишком недавно открылся для литературы, — именно немного раньше того времени, когда в первый раз было кем-то выговорено слово «натуральная школа»¹.

Мнение Белинского ко многому обязывает, но его нельзя рассматривать в отрыве от других неоднократных высказываний критика по тому же вопросу, т. е. о генезисе направления, в котором собственно «натуральная школа» 1845—1848 годов представляет собой лишь новый этап в развитии направления: вышли сборники с физиологическими очерками, появился термин «натуральная школа», прошли полемические бои, которые резко обозначили границы направления, школы. Но Белинский отнюдь не хотел сказать, что само направление, или школа, родились в 1845 году. Факты говорят, что направление развивалось и вширь и вглубь с середины 30-х и особенно с 1839—1840 годов. В 1845—1846 годы в направлении ярко проявился ряд моментов, позволивших ему наиболее четко, программно себя осознать. Н. И. Мордовченко неправ, относя зарождение «натуральной школы» к 1845 году. В обзоре за 1847 год Белинскому не было нужды повторять всю историю школы сначала, как он неоднократно это делал в предыдущих обзорах, а именно, что новая литература началась с Гоголя, что «Мертвые души» были вехой на пути формирования нового направления. Белинский начал отсчет самых новейших явлений в литературе с ближайшего, наиболее яркого рубежа. Если догматически истолковать слова Белинского в последнем обзоре, то и «Мертвым душам», которые вышли в 1842 году, не окажется места в истории направления, или школы.

Родившееся понятие «школа» тождественно понятию «на-

правление». «Школа» — это не сужение понятия «направления», а лишь наиболее острое, полемическое обозначение характернейших признаков направления. Еще задолго до появления слова «натуральная», Белинский употреблял название «школа», характеризуя именно гоголевское направление в целом.

Критика Белинского была всегда программой школы, поскольку являлась программой реализма как самого широкого направления всей литературы гоголевского периода.

Основные периоды истории русской литературы были намечены Белинским уже в статьях «Литературные мечтания», «О русской повести и повестях Гоголя». После «пушкинского» критик называет периоды «смирдинский» и «прозаическо-повествовательный» (или «гоголевский»). Смирдинский и гоголевский поставлены к барьеру: кто кого? Время покровительствовало «гениям» смирдинского периода — Кукольникову, Сенковскому. Задача состояла в том, чтобы разбить смирдинское направление и дать восторжествовать гоголевскому. Эту задачу решал Белинский, для которого вопрос о начале и судьбе направления был чрезвычайно важным.

Необходимо привести ряд категорических утверждений Белинского, в связи с которыми надо рассматривать и его высказывание в обзоре за 1847 год.

В обзоре за 1842 год Белинский писал: «1835—1836 годы (т. е. выход «Миргорода», постановка «Ревизора»: — В. К.) были эпохой для русской литературы» (VI, 525) *. В рецензии на «Мертвые души» (1842) Белинский говорил, что с 30-х годов появляются произведения Гоголя, «взвешивающие духом новой, прекрасной жизни», и что они «проникают в сознание общества, производят новую школу в искусстве и литературе» (V, 212). В обзоре за 1843 год читаем: «Со времени выхода в свет «Миргорода» и «Ревизора» русская литература приняла совершенно новое направление». И далее Белинский писал: «Мертвые души», заслонившие собой все написанное до них, даже самим Гоголем, «окончательно решили литературный вопрос нашей эпохи, упрочив торжество новой школы». Все молодые писатели после 1835 года «пошли по пути, указанному Гоголем, стараясь изображать действительное, а не в воображении существующее общество». В обзоре за 1845 год сказано: «Новое направление нашей литературы <...> вполне обнаружилось с 1836 года, когда публика наша прочла «Миргород» и «Ревизора». С тех пор весь ход нашей литературы, вся сущность ее развития, весь интерес ее истории заключались в успехах новой школы» (IX, 388).

* В дальнейшем цитаты из произведений Белинского приводятся по Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. АН СССР, с обозначением в скобках тома и страницы. Цитаты из других изданий оговариваются особо.

Таким образом, термин «школа» в смысле «натуральная школа» Белинский употребляет задолго до Булгарина; этот термин равнозначен у Белинского термину «реалистическое направление», началом же этого «гоголевского» направления критик считал середину 30-х годов, а период с 1845 года признавал лишь как самый зрелый, заслуживающий специального внимания. Все сказанное относится к понятию «натуральная школа» в самом широком смысле, но термин этот употреблялся с различными оттенками, что очень для нас важно.

Термин «новая литературная школа» Белинский употребляет в двух смыслах. Он обозначает им весь «гоголевский» период с середины 30-х годов, включая все 40-е годы; им он определяет также те новые процессы, которые усилились в «школе», особенно в связи с выходом в 1842 году «Мертвых душ» и «Шинели» Гоголя. В 1842 году Белинский писал, что гениальные произведения Гоголя «производят новую школу в искусстве» («производят» надо понимать как процесс, который уже начался ранее и с выходом «Мертвых душ» усилился).

В 40-е годы существовало еще третье употребление термина «новая школа» — в смысле «школа идей», «партия» «Отечественных записок». Об этой школе писалось не только в доносах Булгарина и Б. Федорова, но и в письмах современников, о ней впоследствии тепло вспоминали Салтыков-Щедрин, Тургенев, Достоевский, Анненков, Кавелин и другие.

«Отечественные записки» являлись действительно замечательной школой почти для всех писателей этого направления. Здесь наиболее важна была «студия» Белинского, решающим образом влиявшая на творчество писателей, на литературную критику. Эта школа давала о себе знать в программных установках журнала и в его практической борьбе.

Белинский не раз называл Гоголя отцом «натуральной школы» и, конечно, пример Гоголя-художника, повернувшего реализм вплотную к темам русской действительности и к сатире по преимуществу, давал творческие основы для нового направления.

Но пример одного Гоголя далеко не все решал. Известно, что Гоголь долгое время молчал после постановки «Ревизора» и как бы выбыл из литературы на целых пять-шесть лет. В 1847 году он сошел с дороги реализма и изменил знамени направления, а между тем «натуральная школа» не только не прекратила своего существования, а, наоборот, возмужала и вступила в период своего наивысшего расцвета. Кроме того, реализм Гоголя переплетался со сложными религиозными, субъективно-филантропическими, мессианистскими иллюзиями писателя, так что всем молодым талантам приходилось

искать себе дорогу, вопреки этим иллюзиям, и самостоятельно определять свои творческие пути и индивидуальности.

Здесь-то и выступает во всем своем решающем значении организаторская, воспитательная, идейно направляющая роль Белинского и «Отечественных записок».

* * *

Первые вести о возобновлении «Отечественных записок» под редакцией А. А. Краевского вызвали в передовых кругах русского общества настоящий энтузиазм. Русская литература в это время, как писал Краевский в объявлении, «жила более, чем когда-либо» и нуждалась в самостоятельном журнале. Всех подкупала выявившаяся еще ранее в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» антибулгаринская позиция их издателя Краевского.

И. Лажечников писал Краевскому из Коноплино 12 сентября 1838 года: «Даю руку мою на новое ваше предприятие; верьте, что тут же и сердце мое. В «Лит<ературных> приб<авлениях>» арена была слишком тесна для боя с рыцарями тьмы и корысти; радуюсь, что вы выбрали поле более обширное»². Краевский писал Гоголю в Рим, Межевичу, Вельтману, Венелину и другим лицам в Москву, Основьяненко и Ф. Чижову на Украину, рассылал афишки, публиковал объявления в губернских ведомостях, открывал конторы журнала в Петербурге (Я. Исаков, А. Ильин, А. Иванов), в Москве (А. Кони), в Одессе (П. Григорьев), оживлял старые связи и знакомства по «Журналу министерства народного просвещения» и «Московскому наблюдателю». Отовсюду шли ободряющие возгласы, присылались рукописи. Особенно ярким было письмо-наказ одного из петербургских читателей, К. Стрелинского, написанное 3 июля 1839 года, т. е. по выходе первых номеров «Отечественных записок»: «Сорвите каким бы ни было образом личину с Видока, вразумите торговца, что ему приличнее и выгоднее возиться с аршином, нежели с пером, сбросьте грамматические очки с безграмотной головы спекулянта-путешественника, зажмите рот балагуру-журналисту, всезнайке, пустозвону, сбросьте Кукольника, гаера с Парнаса в балаган, чтоб размазывал глазям, черни сказки о Бове и не трогал доблестных имен России — тогда мы дадим вам славу, которой и Пушкин позавидовал бы...»³. В этом письме подразумевались соответственно Булгарин, Полевой, Греч, Сенковский.

Почти при всеобщем одобрении Краевский сумел овладеть и «словесностью» и «коммерцией». Это был новый тип издателя-журналиста, который наивно мечтал о лаврах Новикова⁴, «возвышался» честностью над Булгариным, серьезностью над Сенковским, железным характером над Полевым, спекулировал

на либерализме и успешно плыл по течению, «в подозрении мыслей у 3 Отделения» (Герцен), вплоть до громовых раскатов 1848 года.

После некоторых урезок утвержденная царем программа журнала была 27 сентября 1838 года подписана к печати. Она вышла отдельным оттиском-афишкой, рассылавшейся по почте вместе с другими журналами, а также 22 октября появилась в «Литературных прибавлениях».

Владелец «Отечественных записок» П. П. Свиньин сдавал журнал в аренду Краевскому на пять лет с вознаграждением в пять тысяч рублей ежегодно. Материально журнал обеспечивался денежными взносами компаньонов Краевского, образовавших вместе с ним род коммерческого общества на паях⁵.

Основная нагрузка по журналу падала на двух его редакторов: Краевского и В. Ф. Одоевского, особенно на первого, который взялся за дело с присущим ему «железным» упорством. Третьим редактором, как это установлено недавно А. П. Могиланским, был А. П. Заблочкий-Десятовский.

Цели и тип журнала в программе определялись так: «Цель «Отечественных записок» — споспешествовать, сколько позволяют силы, русскому просвещению по всем его отраслям, передавая отечественной публике все, что только может встретиться в литературе и в жизни замечательного и приятного <...>. На этом основании «Отечественные записки» должны сделаться и сделаются *журналом энциклопедическим* в полном значении этого слова»⁶.

О направлении журнала в программе ничего не говорилось. Краевский полагал, что энциклопедизм делает направление излишним, растворяет его. Рыхлость программы отразилась и в структуре журнала. Постоянными отделами объявлялись: 1) Современная хроника России, 2) Науки, 3) Словесность, 4) Художества, 5) Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще, 6) Критика, 7) Современная библиографическая хроника и 8) Смесь.

Через год отдел художеств за недостатком материалов был слит с отделом наук. На первом месте в журнале стояла не русская литература с ее идеями, волновавшими общество, а современная хроника, пересказывавшая опубликованные царские указы. Однако годовые литературные обзоры Белинского, введенные с 1841 года, конкурировали с официозной хроникой, которой дорожил Краевский. Эти-то обзоры Белинского и были подлинной хроникой жизни и борьбы духовно поднимающейся молодой России.

О характере и духе трех важнейших отделов — словесности, критики и современной библиографической хроники — в программе Краевского не говорилось ни слова. Наоборот, всячес-

ки подчеркивалось, что «Отечественные записки»—это «журнал возможно полный, не принадлежащий ни к какой литературной партии». Так бравировал Краевский своим бескорыстием и беспристрастием перед «триумвиратом».

Белинский в письмах к Краевскому критиковал направление журнала, эклектизм и педантизм многих статей (Губера, И. Давыдова). Кольцов писал Белинскому из Воронежа в мае 1839 года: «А жирны «Отечественные записки», чересчур жирны! Вот уже чего хочешь, того просишь. Навозу, платья, отрепья, сору, дряни — вволю, и кой-где алмазы есть. Мне весьма нравится повесть «Бэла» Лермонтова»⁷.

Настороженно отнесся к направлению журнала Герцен. Он уловил в этой мешанине нотки Краевского — автора псевдопатриотической статьи «Мысли о России», опубликованной в 1837 году на страницах «Литературных прибавлений»: «В направлении есть что-то, сбивающееся на Вадимовы (Пассека. — В. К.) восклицания, — писал Герцен Н. Х. Кетчеру 7 февраля 1839 года, — у нас свои Лейбницы-Погодины, свои Гёте-Загоскины»⁸.

Критиковал журнал и Н. И. Надеждин, посвященный на первых порах во все закулисные дела «Отечественных записок». 24 февраля 1839 года после отъезда из Петербурга в Одессу он писал Краевскому: «В критике надо резче обрисовать свой взгляд и литературный кодекс и воздерживаться от неумеренных похвал некоторым, впрочем, почтенным мужам; разнообразия, как можно больше разнообразия; статьи должны быть елико можно оконченнее. Наконец, главное, не ослабевать и идти вперед мужественно! Только этим последним можно надеяться победить супостатов!». Литератор М. Макаров советовал: «Меньше вестей библиографических, каких бы то ни было, меньше чужих, хозяйственных отметок, и как можно больше повестей, сказок, стихов всяких, всяких рассказней, вестей, летучей молвы и проч. тому подобного».

Позднее известный юрист А. В. Лохвицкий советовал Краевскому придать большую самостоятельность современной хронике России — отделу, который был, по преимуществу, юридическим⁹.

Несмотря на денежные затруднения, на резкую критику программы журнала различными писателями и публицистами, вопреки бешеной травле со стороны «триумвирата», первый номер «Отечественных записок», тиражом в 1200 экземпляров, превзошедший толщиной самое «Библиотеку для чтения», вышел в начале января 1839 года. Он тотчас попал в руки подписчиков, появился в книжных лавках, в кафе, в кондитерских на Невской «перспективе», и тяжелая почта повезла его по трактам во все концы империи. «Громада двинулась и рассекает волны», —

вспоминал И. Панаев стихами Пушкина этот замечательный дебют журнала¹⁰.

В изменениях состава сотрудников «Отечественных записок» отразились пути и перепутья русского общественного движения 1840-х годов и процесс формирования «натуральной школы». В период 1839—1841 годов наблюдается сначала собиранье сил на основе платформы Краевского, а затем отбор, размежевание, поляризация сил с более тесным и боевым объединением на антикрепостнической и реалистической платформе Белинского.

* * *

Изучая формирование реалистического направления русской литературы по составу сотрудников журнала, необходимо установить, какие группировки восходили и какие отмирали в этом отборе и поглощении их «Отечественными записками», как происходил самый процесс консолидации направления.

В. Н. Орлов считает, что Краевский — «друг Пушкина», что «в тридцатые годы каждый шаг Краевского был согласован с литературной программой писателей пушкинской группы» (указанная статья о Краевском). Это заключение, впрочем, никак открыто не распространяется исследователем на историю «Отечественных записок»; но другие сделали из него категорические выводы. Так, например, статья А. П. Могилянского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок»¹¹ носит определенно сенсационный характер.

Не касаясь интересных сведений, которые А. П. Могилянский сообщает в свете найденного нового документа о проекте издания Краевским и Одоевским журнала «Северный зритель» в 1835 или 1836 годах, мы никак не можем согласиться с главными выводами исследователя об «Отечественных записках»: «важнейшими создателями «Отечественных записок», как журнала нового типа, — пишет А. П. Могилянский, — были Пушкин и Одоевский. После смерти поэта Одоевский осуществил их общий замысел и возглавил новую редакцию «Отечественных записок», ранее прекратившихся изданием уже к 1831 г. Роль официального редактора и издателя «Отечественных записок» — А. А. Краевского — в их создании была второстепенной и искусственно преувеличенной».¹²

Но, во-первых, сохранившиеся подлинники договоров и традиционное мнение, подтверждаемое перепиской и мемуарами современников, свидетельствуют о больших, решающих правах Краевского как главного редактора и издателя «Отечественных записок». Программа, утвержденная царем, была подписана именем «редактора» Краевского. Неясно, по какой причине и кем роль Краевского была «искусственно преувеличена»?

Во-вторых, заключение А. П. Могилянського строится целиком на том факте, что Пушкин и Одоевский дали согласие участвовать в «Северном зрителе», а обширная программа этого журнала будто бы предвляла программу обновленных «Отечественных записок». Но все это натяжки: о близости журналов нужно судить не по их структуре, а по направлению. Обширная программа была и у «Московского телеграфа» и, особенно, у «Библиотеки для чтения». Каким бы мог быть на деле «Северный зритель», судить трудно, ибо он не состоялся.

В третьих, что касается «общих» замыслов у Одоевского с Пушкиным и вообще понятия «пушкинская группа», то на этот счет красноречиво указывает письмо Краевского и Одоевского к Пушкину в начале августа 1836 года, опубликованное Ю. Г. Оксманом в 1952 году с обстоятельным комментарием¹³. Из письма видно, что Краевский и Одоевский хотели фактически оттеснить Пушкина от руководящего участия в «Современнике». На это намекает и письмо В. П. Андросова Краевскому 4 марта 1836 года, которое опубликовано в называвшейся уже статье В. Н. Орлова.

Известно, что, несмотря на прочувствованный некролог, который Одоевский написал о Пушкине, несмотря на его несомненную симпатию к великому поэту, при жизни Пушкина в редакции «Современника» назревали какие-то, не вполне еще выясненные, конфликты. В частности, Пушкин не был доволен Одоевским, какие-то трения возникли у Пушкина с Гоголем, который уехал за границу, не простившись с поэтом. Вероятно, здесь имели значение симпатии Одоевского и Гоголя к сотрудникам «Московского наблюдателя», которые «не жаловали» поэта. Белинский тогда громил критику и литературные мнения «наблюдателей», и в это же время Пушкин искал случая пригласить Белинского в «Современник». Продолжателем журнальных замыслов Пушкина в широком историческом смысле был не Одоевский, а Белинский.

Что характерно для состава сотрудников «Отечественных записок», набранного Краевским и Одоевским до прихода в журнал Белинского? Прежде всего — эклектизм.

С появлением «Отечественных записок» пришла в движение большая армия авторов, подвизавшихся в различных журналах, притерпевшихся к монополии «Библиотеки для чтения» и оставшихся не у дел после систематических погромов журналистики. «Отечественные записки» оказались в первое время тем Ноевым ковчегом, в котором приютились самые различные группировки сотрудников из закрытых и обанкротившихся журналов; это были разбитые legionы с потрепанными знаменами 30-х годов, нередко враждовавшие между собой. Краевский хотел примирить их на антибулгаринской плат-

форме под лозунгом борьбы за чистоту литературных нравов.

Если в удивившем современников объявлении о количестве сотрудников «Библиотеки для чтения» в 1834 году было названо 33 имени, то в объявлении об «Отечественных записках» было названо 127 имен...

Ставкой Краевского была московская группа бывших любомудров, издателей «Московского вестника» и «Московского наблюдателя». Краевский был тесно связан со своим бывшим университетским учителем Погодиным, разделял взгляды Шевырева и проповедовал вместе с ним в «журнале министра» мистические системки Беадера и Ботена, поддерживал связь с журналистами и писателями В. П. Андросовым, А. А. Титовым, Н. А. Мельгуновым, Ф. В. Чижовым, Н. Ф. Павловым и др. Краевский дебютировал в конце 20-х годов переводными статейками в «Московском вестнике». Наставником его как издателя с первых шагов был редактор «Московского наблюдателя» В. П. Андросов. Мы можем утверждать, что Краевский был агентом «Московского наблюдателя» в Петербурге.

Вся переписка Андросова с ним показывает тесную связь Краевского с «наблюдателями». В письме 16 марта 1835 года Андросов инструктировал своего агента Краевского: «Отдать от моего имени по экземпляру («Московского наблюдателя» — В. К.) Одоевскому, Гоголю, Гречу и Воейкову <...>. Что-то скажут ваши Бароны (т. е. Сенковский и, возможно, Розен. — В. К.)... Вообще прошу вас принять уполномочие на журнал и располагать им в пользу *властей*, как вы признаете для выгод этого дела полезным»¹⁴. Любопытен этот штрих насчет властей. В письме 1 ноября 1836 года Андросов, ссылаясь на «опыт», поучал Краевского выдвигать в журнале на первое место критику¹⁵. Но здесь речь могла идти только о «горьком опыте».

Белинский в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» («Телескоп», март — апрель 1836 г.) ярко показал неумение «наблюдателей» вести критический отдел, вскрыл обветшалость и беспринципность их мнений. Но все же эта московская группка не сдавалась, она хотела влиять на литературные дела и старалась передать свой «опыт» Краевскому.

Чувствуя свое бессилие, «наблюдатели» поговаривали о перенесении журнала на берега Невы, сами тянулись к органам, издававшимся Краевским. Недаром Шевырев советовал Краевскому в 1836 году: «...всем собраться, уложить самолюбие, сделать уступки в выгодах, да основать издание решительно хорошее»¹⁶. Так именно Краевский и поступил в 1837 году: привлек эту группу в «Литературные прибавления», а в 1839 году — в «Отечественные записки».

Но все это были идейные противники Белинского по «телескопскому ратованию». Приезд Белинского, разбившего их в Москве, ничего хорошего не предвещал им и в петербургском журнале. В 1839—1840 годы происходит борьба за влияние на Краевского той и другой стороны. Погодин советовал Краевскому не слушать «вздору юношей и мальчишек», т. е. Белинского и его «партии», и не «подавать» им «оружия»¹⁷. Но Краевский не внял этому совету; он решил нажиться на либерализме¹⁸. Тогда группа Погодина ушла из журнала и основала в 1841 году свой орган — «Москвитянин». Старый московский конфликт с «наблюдателями» был перенесен Белинским в «Отечественные записки», закреплён и развит.

Одним из самых значительных сотрудников «Отечественных записок», стоявшим рядом с Краевским у их колыбели, был пайщик и второй редактор журнала В. Ф. Одоевский. Переписка Одоевского с Краевским свидетельствует об их тесном и постоянном редакторском контакте. Роль Одоевского в первый период «Отечественных записок» была велика. П. Н. Сакулин в известной монографии о нем не исследовал этот вопрос, а лишь бросил поспешное заключение: «Одоевский, действительно, ратовал плечо о плечо с первым критиком эпохи — Белинским»¹⁹. На самом же деле здесь все было гораздо сложнее.

Одоевский был образованнейшим сотрудником «Отечественных записок». В молодости член общества Любоумров, родственник декабриста А. И. Одоевского, известный беллетрист, мягкий и отзывчивый человек, он был живым преданием, литературным и общественным. Необычайно широки были его знакомства и связи в России и в Европе. Хозяин знаменитого салона в Петербурге, в котором перебивала вся пишущая Россия, Одоевский, — по шутливой характеристике Ростопчиной, «алхимико-музыка-философско-фантастическое сиятельство»²⁰, — был необходимой для журнала ходячей энциклопедией. С Краевским его связывали давнее сотрудничество в «Современнике», «Литературных прибавлениях», общие замыслы издания «Северного вестника» и «Русского сборника».

Сохранилась записная книжка Одоевского под названием «Отечественные записки», в которой он намечал мероприятия по журналу, набрасывал тексты обращений к читателям, вел денежные расчеты, заметки по отделам, составлял планы по сбору материалов²¹. Книжка дает представление о том, с какой серьезностью Одоевский занимался журналом и в чем были слабые места руководства Одоевского и Краевского. Вот набросок, относящийся к 1839 году и отражающий исходное положение «Отечественных записок» в расстановке сот-

рудников перед приездом Белинского. «Современную хронику» составляли литератор А. И. Емичев, известный экономист А. И. Бутовский, А. П. Башуцкий, В. С. Межевич, П. С. (или Н. В.) Савельев; отдел «Науки» — Э. Губер, Н. И. Надеждин, профессор Московского университета математик Н. Д. Брашман, профессор Московского университета ориенталист А. В. Болдырев, знаменитый ученый физик Э. Х. Ленц; «Художества» — П. П. Каменский, медальер, гравер, гр. Ф. П. Толстой, В. В. Григорьев; «Смесь» — ориенталист П. С. Савельев; статьи политэкономические — В. С. Межевич, филолог Н. Ф. Грамматин, Н. А. Жеребцов, В. Г. Порошин; по истории — М. П. Погодин, А. П. Нелюбин. Бросается в глаза тот важный факт, что отделы критики и библиографии остались свободными. Приглашенный Краевским из Москвы специально для отдела критики Межевич не оправдал надежд. Он стал заниматься составлением хроники. Межевич сотрудничал в «Отечественных записках» с апреля 1839 года, а в сентябре он перешел к Булгарину. Следовательно, набросок Одоевского возник до приезда Белинского, он относится ко времени апрель — сентябрь 1839 года, так как Белинский приехал в Петербург в октябре месяце. Запись в книжке Одоевского отражает тяжелое положение «Отечественных записок» перед приездом их спасителя Белинского. Весьма расплывчато сформулировал Одоевский программу журнала: «Желание дать пристанище всем мнениям без различия партий...»; «начать первый номер письмом от редакции для читателя, где известить отличие «Отечественных записок» от других журналов».

В чем же эти отличия? «1) не ругаться, 2) не исправлять, 3) не учить, 4) принимать возражения». Программа целиком укладывается в моральный кодекс: борьба за чистоту литературных нравов.

Но с приездом Белинского все переменялось: 1) журнал начал «ругаться», ибо Белинский снабдил его критикой и «преизобильною полемикою», 2) журнал начал «исправлять» неверные мнения в широком смысле, хотя и не кромсал, подобно Сенковскому, рукописей сотрудников, 3) журнал начал «учить» и переучивать и 4) не все возражения противников стал принимать, давая отповедь вылазкам.

Одоевский выступал в качестве беллетриста («Княжна Зизи», «Косморама», «Саламандра», «Утро журналиста», «Живой мертвец»), но в основном он занимался современной хроникой и отделом домоводства, сельского хозяйства и промышленности, который сам придумал. Интенсивность его участия гаснет во второй период «Отечественных записок». Белинский зорко всматривался в этот тип деятеля, Любомудра, по-

павшего в водоворот 40-х годов. Статьи Одоевского о сомнамбулизме, столоверчении, адресованные в форме писем к «Ясновидящей» (Ростопчиной), резко противоречили философскому направлению «Отечественных записок». Старый шеллингианец Одоевский смотрел на мир, по меткому выражению П. Н. Сакулина, «глазами идеалиста, а не социального мыслителя»²². Одоевский часто спорил с Лермонтовым «о покорности воле божией и о любви» и всякий раз, по его признанию, когда встречался с Белинским, «с ним спорил жестоко»²³. Разносторонняя эрудиция Одоевского разменялась в 1844—1848 годы на гастрономические советы пресловутого «Доктора Пуффа». В 1844 году в специальном письме Краевскому Одоевский жаловался на показавшиеся ему резкими отзывы неизвестного критика (это был Белинский) о его повестях. И еще раз он безнадежно призывал сотрудников «Отечественных записок»: «Терпимость, господа, терпимость!»²⁴, а в письме к Краевскому он извинялся, что уже два года ничего не печатал в «Отечественных записках» (опубл. 1848 г., № 1, отд. VIII, стр. 97—98).

Развитие противоречий между Белинским и Одоевским было завершением конфликта с ушедшей из журнала московской группой Погодина и Шевырева и преддверием назревавшего конфликта с Краевским.

Таким образом, политика Краевского в подборе сотрудников «Отечественных записок» с точки зрения формирования реалистического направления оказалась бесплодной. Она давала кое-какие результаты лишь тогда, когда Краевский привлекал сотрудников из круга друзей и единомышленников Белинского. Вне влияния Белинского успешно вести журнальные дела стало невозможно.

* * *

Различными, сугубо индивидуальными путями шли молодые сотрудники в «Отечественные записки». Белинский раньше своих друзей вышел на журнальное поприще, стал профессиональным журналистом: участие в «Отечественных записках», самом популярном журнале в России, вдохновляло Белинского, наполняло его кипучей энергией. Только теперь он осознал «с болезненным» и «радостным» чувством, что он литератор, и что «литературе расейской моя жизнь и моя кровь». Белинский почувствовал свое призвание, необходимость своего дела, понял, что в России есть «только два средства действовать: кафедра и журнал — все остальное вздор». Он оглядывается вокруг — и все старые кумиры предстают перед ним по-новому и роднее. «Журналистика в

наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты» (II, 25) *, «если я еще хочу жить, так это для «Отечественных записок», в «Отечественных записках» я у себя дома», «умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок» (II, 56). Теплее и «действительнее» стала любовь критика к отечеству, к простым людям. Он теперь знает, что пишет для «публики», а не «для немногих». Со статьи о Марлинском (1840 г., № 2) он нашел тон и стиль, каким надо было писать для публики. С Белинским пришел в «Отечественные записки» новый тип деятеля, глубоко отличный от Краевского и враждебный ему. Бесстрашный гладиатор, уже проводивший ряд победоносных журнальных битв, ярый враг самодержавия и крепостничества, свободный от предрассудков сословий, последовательный в философских выводах, безошибочно пронизательный, гениальный критик, неподкупный и деятельный, Белинский оказался в «Отечественных записках» Краевского той мощной силой, которая изнутри взорвала «официальную» программу журнала, пересоздала его заново, собирая вокруг знамени демократической критики все живое и прогрессивное.

И для «неблагонадежного» Белинского, и для возвратившегося из ссылки Лермонтова, и для поднадзорных Герцена и Огарева, и для Кольцова, и для членов кружка Станкевича «Отечественные записки» были «действованием практическим», выходом из замкнутой исключительности, узкого эгоцентризма, сектантской кружковщины, «прекраснодушного» приятельства на широкий простор конкретной общественной деятельности, служения, подвига, самопожертвования. Эта деятельность требовала «действительности» во всем: в фактах, в мыслях, в чувствах, она выверялась и взвешивалась читающими массами.

Тут важны оттенки, исходные позиции и результаты. Не все авторы вышли на высоту того исторического призвания, на которую выводили их «Отечественные записки». Некоторые, не выдержав трудностей, пасовали. Нужно было суметь удержаться на быстрине того потока современности, на который их увлекали «Отечественные записки». Белинский, Герцен, Огарев, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Салтыков, Достоевский именно здесь развернули свои богатые силы. Белинский был центром, главным мучеником революционных исканий. Но он для нас не должен никого заслонять собой. Каждый «сгиб ума», каждая форма перехода от «абстрактного геро-

* Цитаты из писем Белинского приводятся по изданию Избранных писем В. Г. Белинского. Гослитиздат, тт. 1—2, М., 1955, с указанием в скобках тома и страницы.

изма» 30-х годов к «действию практическому» 40-х годов были составной частью этого процесса, подтверждением его жизненности и неодолимости.

В московской партии Белинского, при помощи которой он хотел поднять «Отечественные записки», можно различить три группы: члены кружка Станкевича (Клюшников, Красов, К. Аксаков, Боткин, Бакунин), затем сотрудники, с которыми Белинский сошелся во время своего заочного участия в «Отечественных записках» (Галахов, Катков, Кудрявцев), и, наконец, новые друзья — Герцен, Огарев и их приятели (Сатин, Кетчер, Корш, Редкин).

Белинскому в это время нравились элегии Клюшникова, Красова, ищущий ум Аксакова. Красов и Клюшников были незаурядными поэтами, чьи элегии привлекали внимание публики. Это были те даровые приношения, которые Краевский особенно любил. Московские друзья преклонялись перед Белинским, они были ему многим обязаны за свое литературное выдвижение еще в пору «Московского наблюдателя» и последовали за ним в «Отечественные записки», но испугались борьбы, когда Белинский заговорил о «маратовской» любви к человечеству, а Герцен — об «алгебре революции». Они сохраняли чувствования москвитинского кружка, пропели их на все лады в элегиях, пока поколение выбиралось из дебрей рефлексии и сомнений, и погибли как поэты и как деятели в разгоревшейся борьбе. Устоял Аксаков, но вскоре порвал с Белинским. Он сложился как «передовой боец славянофильства» и уже пророчил схватку с Белинским²⁵.

Гораздо дальше пошли за Белинским Бакунин и Боткин.

Правда, Бакунин дал только одну статью «О философии» (1840 г. № 4). Авторитет Бакунина из-за олицетворенного «дьявольского эгоизма» пал среди друзей окончательно. Отъезжавшего за границу Бакунина провожал до Кронштадта один только Герцен. Но за границей Бакунин примкнул к левым гегельянцам, выступил в журнале А. Руге со статьей «Реакция в Германии». Это был 1842 год. Белинский сочувственно отозвался о Бакунине в письмах. Статья «О философии» была обещана публике в двух частях, но появилась только первая. Была ли написана вторая, никаких сведений нет. Но, думается, об этой второй части запрашивал Краевского Катков из Берлина в письме 1 мая (19 апреля) 1841 года со слов Бакунина: «Бакунин спрашивал — что предпринимается с его статьей, он тоже хочет готовить статьи и участвовать в составлении смеси»²⁶. По тону письма нам ясно, что это первое извещение о просьбе и намерениях Бакунина. Затем в письме 26 мая 1841 года Катков сообщал: «Бакунин вам кланяется — он начал для «Отечественных записок» статью о современном

состоянии философии в Германии»²⁷. Таким образом, можно полагать, что вторая часть статьи «О философии» была написана, но, вероятно, по цензурным соображениям не увидела света. Что касается обещанной статьи о современной германской философии, то она, возможно, не была написана. Также трудно сказать что-либо конкретное об участии Бакунина в составлении смеси. Но, несомненно, активность автора статьи «Реакция в Германии» сулила много хорошего «Отечественным запискам». Обзоры Бакунина были бы намного выше тех, которые присылал Катков, начинавший поддаваться влиянию неошеллингианства.

Из всего кружка Станкевича только Белинский и Бакунин связали себя с «политикой». Но между ними, как и у Белинского с Аксаковым, возникли расхождения. Белинский, преисполненный веры в революционные возможности русского народа, пошел от абстрактного героизма к революционному демократизму, а Бакунин — к анархизму, мелкобуржуазному бунтарству, развив до предела свою «крикливую отвлеченность», все более и более вредную и опасную для революции.

Боткин был буквально втянут Белинским в сотрудничество. Их переписка предельно откровенна. По всем вопросам Боткин советуется с Белинским: «Уж самым богом устроено, что когда я что строчу для «Отечественных записок», то имею в виду тебя»²⁸. Выходя на трибуну живых современных философских споров, Белинский за собой вывел и Боткина. В 1842—1843 годы Боткин дал в «Отечественных записках» ряд превосходных обзоров германской литературы. Но на этой ступени добросовестного информатора о немецкой философской жизни и остановился в своем духовном развитии Боткин. Завзятый либерал, он постепенно скатывался к консерватизму.

Определяющее идейное главенство Белинского во второй группе сотрудников, московских рецензентов «Отечественных записок», признавал А. Д. Галахов. «Критика «Отечественных записок» в первый год их существования,— вспоминал Галахов,— не имела строгой определенности и единства направления. От редакции (т. е. от Краевского и Одоевского.— В. К.) мы не получали на этот счет никаких положительных указаний. Мы знали только, что библиографическая хроника должна была по возможности отличаться полнотою, что статьи следовало доставлять к известному сроку и что под ними не следовало выставлять имен авторов. Характер этой «безыменной» критики, как бы исходившей от предмета безличного — от редакции, формировался исподволь и установился лишь в то время, когда Белинский стал главным редактором критического отдела <...>. Притом мы имели пе-

ред собою пример Белинского. Мы хорошо знали его взгляд на литературу вообще, на поэзию в частности...»²⁹.

Галахов был распорядителем среди московских рецензентов и вел реестр заготавливаемых для «Отечественных записок» и «Литературной газеты» рецензий. Один только Галахов в среднем заготавливал в год рецензий от 15 до 20 с лишним авторских листов. Галахов — промежуточная фигура. Его переписка с Краевским показывает, что в 40-е годы он заискивал перед редактором, а в 1846—1849 годы был особенно ему верен.

Но Галахов не скрывал, что соль и закваска «Отечественных записок» — Белинский. Сам он был полемистом не острым и нередко отсылал Краевского за советами и помощью к Белинскому³⁰.

Из группы московских рецензентов Белинский сначала возлагал большие надежды на М. Н. Каткова. В начале 1839 года, т. е. до приезда Белинского, Катков был в Петербурге и установил личный контакт с Краевским. Летом 1839 года, перед тем как решиться пригласить Белинского, Краевский даже предлагал Каткову место главного критика. Договор не состоялся, видимо, из-за несогласия Каткова. Но Катков рекомендовал Краевскому Бакунина, и сам обещал написать биографию Гегеля. Он начал присылать статьи и переводы стихотворений Гейне.

Катков писал темпераментно, образно, изящно, в каждой статье чувствовалась гегельянская подкладка («Песни русского народа», «История древней русской словесности» М. Максимовича, «Сочинения Сарры Толстой» и др.). Из Берлина, куда Катков уехал в начале 1841 года слушать лекции, он следил за «Отечественными записками» и присылал обзоры германской литературы; обещал прислать статью с изложением эстетики Гегеля.

Однако Белинский все время чувствовал, что «Катков, будучи нашим, <...> не наш». Белинский пошел на разрыв с примирением, а Катков застрял на примирении, Белинский подверг критике консерватизм Гегеля, а Катков пошел назад от Гегеля к неощеллингианству. Это ясно видно по обзорам немецкой философской жизни и информации о лекциях Шеллинга, присылавшимися Катковым из Берлина. С конца 1842 года Катков выбывает из «Отечественных записок». В неопубликованном письме к В. А. Елагину 23 февраля 1843 года Катков сообщал о своих новых знакомствах и симпатиях в Москве и об отходе от «партии «Отечественных записок». Катков писал: «В прошедшее воскресенье провел я у них (у родственников Елагина. — В. К.) вечер, на котором познакомился с Хомяковым, с родственником вашим Киреевским

(Петром) — буду непременно и в следующее воскресенье. Рассказывал о наших берлинских приключениях и похождениях. Говорю вам искренно — визит к вашим был для меня приятнейшим из всех московских визитов. Во многих местах смотрели на меня как на зверя, как на апостата, на изменника, покинувшего святое знамя, на коем изображено *Kein + + Nichts = Werden* *, иные вскользь изъявили сожалительное презрение, что я не снимаю шляпы, произносятся божественные имена Бруно Бауэра и Фейербаха, другие, что не становлюсь на колени, когда грянет слово Гоголь. В Петербурге меня чуть не съели за то, что я не вижу всего спасения человечества в романах Жоржа Занда и в статьях Леру и т. п.». Тут же Катков мельком говорит о свидании с Грановским, «у коего настольной книгой лежит «*Deutsche Jahrbücher*», т. е. орган все тех же Бруно Бауэра, Фейербаха и Арнольда Руге»³¹.

Катков постепенно превращался из либерала в охранителя официальной идеологии.

Перед отъездом в Петербург Белинский оставил вместо себя в качестве рецензента П. Н. Кудрявцева, будущего известного историка, тогда еще студента. Статьи Кудрявцева нравились редакции, например отзыв о «Лирическом пантеоне» Фета [³²]. У Кудрявцева много рецензий. Часть из них мы устанавливаем впервые, и читатель найдет указание на них в приложениях к настоящей работе. Кроме того, Кудрявцев напечатал ряд повестей. Он сам признавался Краевскому, что уверенность в свои силы вдохнул в него Белинский: «Во всем виноват Виссарион Григорьевич, — так пусть он и отвечает за меня»³³. Даже в 1845 году Кудрявцев называет Белинского своим «учителем»³⁴. Заграничная поездка в 1845 — 1847 годах временно оторвала его от интенсивного сотрудничества, но он по-прежнему интересовался делами журнала и присылал изредка статьи. Кудрявцева привлекала больше ученая деятельность в Московском университете, в котором он вскоре занял место рядом с Грановским, не прекращая сотрудничества в журнале и в 1845—1848 годах.

Белинский на развернувшемся перед ним «человеческом» материале все время выверяет самого себя, ищет тип нового деятеля. Полевой и Надеждин такими деятелями не смогли стать; о Станкевиче, вскоре умершем за границей, Белинский писал, что тот «оставил критика совсем не тем, чем он стал теперь и был без него»; «шлепнулись» авторитеты Бакунина и Каткова; не удовлетворяла сибаритская созерцательность

* Философская формула: отрицание + отрицание = становление.

Боткина и расплывчатая гуманность Грановского. Вовсе не поднялись к новой жизни Ключников, Красов, стал чужим Аксаков.

В результате сложного передвижения сотрудников, борьбы, развенчиваний и возвышений Белинский обрел новых друзей — Герцена и Огарева, сблизился и подружился с ними. Именно в Петербурге, в рабочей атмосфере «Отечественных записок», сошлись эти параллельно развивавшиеся бывшие «шеллингианцы» и «сен-симонисты» 30-х годов. Ничто не могло их так объединить, преобразить, как «действие практическое» в журнале. 1839 год оказался рубежом не только для Белинского, но и для Герцена. Подводя итоги прожитому и содеянному, Герцен 15 ноября 1839 года писал Огареву из Владимира: «Кончились тюрьмой годы учения, кончились ссылкой годы искуса, пора наступить времени науки в высшем смысле и действовании практическом. Между прочим, меня навело на эти мысли письмо Белинского к Сатину <...>»³⁵.

Между Белинским и Герценом впервые произошел обмен опытом равного с равным. Белинский навел Герцена на мысль о необходимости действия практического, Герцен помог Белинскому во имя этого же самого преодолеть примирение. Кипел бой из-за гегелевской формулы о «разумной действительности», сближение было нелегким. Белинский и Герцен — люди 30-х годов, но различных формаций.

Герцен — весь по прямой линии от декабристов; Рылеев для него — идеал, Крутицы и Вятка — ступени на ту же Голгофу, на которой уже стояли пять виселиц, превратившиеся, как он говорил, в пять распятий: полное сознание опасности избранного пути, всесторонняя начитанность, открытые симпатии к французскому XVIII веку, в котором он видел прообраз будущих революционных деяний.

Белинский — весь от горечи поражения 14 декабря — называет в 1839 году «фразерским» французский XVIII век, издевается над «маленькими великими людьми» типа любого руссоиста — «аббатика» и псевдобунтаря Менцеля. Белинский толкует о «всеобщем», о «действительности», об объективных законах исторического прогресса, о невозможности жить и действовать по рассудку без глубоких корней в «субстанции». И уже тогда в этих словах практик борьбы с головы до ног Герцен слышит призыв к действию практическому. А противник «фразеров» Чацких, Белинский видит в «утомительно-блестящем», остроумном, вечно обличающем, высмеивающем, издевающимся над «расейской» действительностью Герцене «живую, деятельную и практическую натуру»³⁶.

«Отечественные записки» как бы сводили в общее русло

ручьи и реки умственного движения 30-х годов, зарождавшиеся разобщенно. Сблизились Белинский с Лермонтовым, Белинский с Герценом, до этого шедшие разными дорогами.

Сначала каждый искал себя в другом. У Герцена ближайшим для сравнения всегда был Огарев. Тут давно все ясно: «Твое бытие более созерцание, мое — более пропаганда». С этой мыслью все время примеры, образцы: Гете, Рылеев, Сен-Симон, Робеспьер. И вот новый также русский тип: «неистовый Виссарион». Сначала это что-то совсем непонятное: ни Рылеев, ни Робеспьер, даже что-то враждебное («бородинские» статьи).

Но вот Герцен в Петербурге. Питер оскорбил его так же, как и Белинского в 1839 году: но Сенатская площадь, крепость говорили о многом. Тут был уже и Петербург Белинского: шел 1840-й год... Герцен сблизился с редакцией «Отечественных записок», быстро загорелся симпатиями и антипатиями журнала, еще раньше заметив, что «наши журналы очень дурны, кроме «Отечественных записок»³⁷.

Вместе с Белинским он разбивает литературные мнения «магистра» Неверова и Струговщикова, он одинаково с Белинским подсмеивается над Москвой и Петербургом: Одоевский смешон, как «петербургский Шевырев» (Белинский) и с «камергерским ключом на зад» (Герцен). Потом вдруг новый удар власти: перлюстрация крамольного письма к отцу и приказание убраться из Петербурга. Но у Герцена есть уже друзья, они его защищают, он для них «свой». Поэтому 3 Отделение разыскивает Герцена через редакцию «Отечественных записок». В архиве Одоевского сохранилась записка, возможно присланная Б. А. Враским: «Не знаете ли вы, где живет Герцен, попросите его, чтоб он пришел в 3-е Отделение — нужно ему что-то сказать. Если вы не знаете, то Краевский знает»³⁸. Петербург покидать Герцену жаль: «здесь начал знакомиться с людьми, получать голос». «Контужия» делает его еще более живым и действующим. Обида, злоба восстановили его «во всей практической доблести», и она не разводит его с Белинским, наоборот; к величайшей радости, Герцен заметил, что «на самой этой точке мы встретились с Виссарионом», «Белинский без восхищения не может говорить о моем желании — он его схватил именно с той точки, с которой я хотел»³⁹. А желание состояло в том, чтобы через «Отечественные записки» — хотя бы снова крепость и Вятка — действовать: «Переводить, нет, развивать, в жизнь философию»⁴⁰. Ее развивали в «жизнь» в XVIII веке, 14 декабря 1825 года — надо и теперь. Но «всеобщее» Белинского, «объективные законы», переходы из царства необходимости в царство свободы не пропали даром. Они заставляли глубже взглянуть вокруг

«практика» Герцена, и он понял, что иную философию, «алгебру революции» надо переводить, развивать в жизнь.

В декабре 1840 года Герцен публикует «Из записок одного молодого человека», в августе 1841 года — второй отрывок «Еще из записок одного молодого человека», а потом — «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»: это было развитием «философии в жизнь», как и «Доктор Крупов», и «Кто виноват?». Наконец, вся его философия и жизнь, вместе художественно осмысленными, явились в «Былом и думах». Но главная, «эта самая точка» была найдена Герценом вместе с «Виссариеоном» в 1840 году, в «Отечественных записках». И вот теперь Белинский для Герцена в гражданском смысле — подлинный идеал: Герцен познал, что значит быть каждый день в борьбе, он понял, что все сказанное должно быть убеждением. В этом была сила Белинского, его «современность». Белинский сам чувствовал эту свою силу в среде сотрудников, сверстников, прошедших несколько иной, чем он, жизненный и политический закал. Он даже как бы страдал среди них от своей нестигаемости. Он знает теперь: «Я в мире боюсь»⁴¹.

Герцен стоял ближе к наиболее типичному массовому дворянскому деятелю этой эпохи, в нем еще было много привычек, навыков от баловня московских гостиных. Воспитанием ему даны языки и широта интересов. Но он видит, что берет сила Белинского, что при всей исключительности «неистового Виссариеона» в нем сплавляются старые и новые герценовские симпатии: Робеспьер и Гегель. Герцен записал в дневнике: «Письмо от Белинского. Фанатик, человек экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидеть, середины нет. Я искренно его люблю. Тип этой породы людей — Робеспьер. Человек для них ничего, убеждение — все»⁴². Но и убеждение далеко ушло вперед; оно для человека, во имя человека, вместе с человеком. В этом «фанатизме» было «всеобщее» искание путей спасения всех малых и подневольных сил и самой необъятной России, спасение в «действовании практическом».

Белинский чувствовал наибольшие симпатии к Герцену. Эти два человека не только нашли друг друга, но и выработали новый тип отношений, взаимопонимание. Было найдено поприще, содержание пропаганды, ее формы и методы, ее связь с действительностью. «Нет, я еще не встречал людей, — писал Белинский, — перед которыми мы могли бы скромно сознаться в своей незначительности»⁴³.

Итак, новое направление сформировалось в виде небольшой группы писателей, выразивших единомыслие с Белинским по принципиальным вопросам. К Белинскому открыто перешел

И. Панаев, но от Белинского отошли Красов, Ключников. Проводился жесткий принцип отбора своих и чужих по идейным мотивам. Произошло какое-то внутреннее сплочение всего лучшего в составе сотрудников, собравшихся вокруг Белинского.

2

Теперь перейдем к литературной проблематике направления.

Направление — это прежде всего творческое единство писателей. Направление на зачаточной стадии может существовать стихийно, без ясно осознанной и сформулированной программы. Как о таковом, о «гоголевском» периоде Белинский и сказал в статье 1835 года. Но вскоре приходит осознание целей, появляется ясная программа, закипает борьба, и все это поднимает направление на высшую ступень. «Отечественные записки» преобразили литературный процесс 40-х годов и сделали 40-е годы столь важной эпохой в становлении русского реализма XIX века. «Отечественные записки» сумели поставить литературное движение 40-х годов под знамя своих радикальных идей.

Элемент сознательности, наличие передовой политической и эстетической теории играют важную роль как в творчестве отдельного писателя, так и в развитии литературного направления.

В основе того направления, которое возглавили «Отечественные записки», лежал реалистический метод.

Несомненно, этот метод лежит в основе творчества таких писателей, как Панаев, Соллогуб, Кудрявцев, Герцен, Кольцов. Романтические поиски у Панаева и Герцена были уже позади. Но в то же время в «Отечественных записках» сотрудничали и романтики: с одной стороны, революционный романтик Лермонтов, который одновременно выступил и как величайший реалист, и с другой стороны — представитель консервативного, мистического романтизма В. Одоевский, который, однако, также писал и реалистические повести. Кроме того, «Отечественные записки» привлекли писателей-натуралистов, которые в живом сотрудничестве с писателями-реалистами и под влиянием идей журнала попадали в особо благоприятные условия для своего творческого роста.

Формирующееся направление было сложным. Здесь встречаются писатели-натуралисты, в нашем современном смысле слова, и оставшиеся таковыми навсегда (Даль, Бутков); но здесь были и натуралисты, которые поднялись до полноценного реализма (Некрасов, Григорович). Поэтому Белинский всегда держал натурализм в поле своего внимания. Натурализм воспроизводит жизнь в образах, имеющих познаватель-

ное значение, но без глубокой типизации, без глубокого раскрытия сущности явлений. От натурализма может быть два пути: либо путь к полноценному реализму, либо к реакционному дидактизму. Под последним мы подразумеваем «нравственно-сатирические романы» Булгарина, вроде «Счастье лучше богатырства» (1846), написанного Булгариным в соавторстве с Н. Полевым и названного Белинским «подделкой под натуральную школу».

Взятый изолированно, отдельный факт не раскрывает закономерного. Но если писатель-натуралист руководствуется своим более или менее прогрессивным мировоззрением и доискивается связи вещей, то его воспроизведения отрывочных наблюдений обнаруживают тенденции к сближению с полноценным реалистическим раскрытием общественных закономерностей в типических образах. Известно, что на отдельных фактах, вырванных из закономерных связей и подтасованных, можно «доказать» все что угодно. И вот Булгарин, не скупившийся на описания кабаков, постоянных дворов, шулеров, проходимцев еще в «Иване Выжигине», в романе «Счастье лучше богатырства» рисовал эти картины «пошлой», «грязной» действительности, жизни откупщиков, городского мещанства с целью дискредитировать «натуральную школу» и тут же противопоставить ее сатирическому изображению жизни — картины «нравственные» и назидательные...

Булгаринский натурализм был оружием официальной народности, он носил провокационный характер. Этот натурализм нарочито сопутствовал «натуральной школе» на всех этапах ее развития. Разоблачить истинное лицо дидактического натурализма Булгарина было важнейшей задачей «Отечественных записок».

Большое место в русской литературе 40-х годов занимает чрезвычайно пестрое консервативно-романтическое направление. Революционный романтизм Лермонтова сливался с реализмом, а консервативный, оформившись в целое направление, противостоял реализму.

Отличительная особенность романтического метода заключается в том, что здесь образы являются в значительнейшей степени простыми рупорами идей автора. Это особенно верно по отношению к аллегорическим образам романтической поэзии, к которым она часто прибегает.

Но романтизм — не простая публицистика. Романтизм — искусство, его произведения строятся по законам красоты, с сюжетами, композицией. Главное же у него — живые человеческие образы, какими бы выразителями идей автора они ни были. Это чаще всего образы реального мира, и они захватывают частицу объективных связей, «форм жизни», не искажен-

ных нарочитой тенденцией автора, они таят их в себе и поэтому могут иногда говорить от себя так же, как и в реалистическом искусстве.

Кроме того, не всякая прямая связь мыслей с образами — романтизм. Нужен романтизм самих мыслей автора. Это-то и определяет отличия романтического метода от реалистического. Романтизм всегда связан с мечтой, с известным отлетом фантазии от действительности, с известным расхождением между изображением жизни в произведении и действительной жизнью, а это решающим образом предопределяет специфику романтических образов.

Литература в конце 30-х и на всем протяжении 40-х годов знала множество форм таких отлетов фантазии от действительности, расхождений с жизнью. Здесь и Лермонтов с его революционным отталкиванием от николаевской действительности; и камерная лирика Фета, убегающая от злобы дня, уходящая в мир импрессионистских настроений; здесь и Кукольник с его эстетизированными подделками под исторические романы о знаменитых людях, политиках и живописцах; и поэзия славянофилов, выражавшая их социальные утопии. От характера мировоззрения писателя зависело, какой романтизм перед нами: прогрессивный или консервативный.

Лермонтовский романтизм вызван прямой враждой к действительности, желанием социального переустройства. Лермонтов смог и как реалист в «Герое нашего времени» точно объективировать ненавистную действительность. Романтизм славянофилов рожден желанием противопоставить современному беспокойному миру тот лучший мир патриархальных, примиренных «святых» отношений, которые сулила их доктрина.

От оттенков умонастроений в каждой из разновидностей романтизма зависели стилевые особенности творчества писателей-романтиков, внутренние течения в романтизме.

Романтизм Кукольника, Полевого, Загоскина легко переходил в голый консервативный дидактизм, в плоскую иллюстрацию уваровской формулы. Отталкивание от николаевской действительности являлось мнимым; задачей Кукольника, Полевого было приподнять ее, скрыть ее неприглядные будни, придать ей героический характер за счет пошлых аналогий с эпохой Петра I, опереть ее на якобы бурно и повсюду проявляющееся народное сочувствие. Этот романтизм был той «ложновеличавой школой» (Тургенев), которая верно служила политике официальной народности. Рисовкой и позерством отличаются все поддельно «величавые» произведения Кукольника. Он, как и сам николаевский режим, всю жизнь «блистал» качествами, которых у него не было.

Если реализм и натуралистические «физиологии» 40-х годов стремятся в той или иной степени к воспроизведению жизни такой, как она есть, к раскрытию ее форм, и представляют различные ступени образного познания действительности, а поэтому и имеют эстетическое значение, то литература официальной народности, базировавшаяся на голой реакционной дидактике, плодила миражи и мифы. Здесь образы не имели познавательного, художественно-эстетического значения, а были лишь фальшивой подделкой под искусство. Как болгаринский натурализм был спекуляцией на фактах и сатире, так реакционный романтизм был спекуляцией на образности искусства вообще.

У Полевого и Кукольника этих лет все присочинялось к реакционной идейке. Таковы у Полевого — «Дедушка русского флота», «Параша Сибирячка»; у Кукольника — «Лихончиха», «Иван Рябов, рыбак архангелогородский», у Солоницына — «Царь — рука божия». У них, собственно, нет творчества, нет воссоздания предмета. Полевой и Кукольник — мастера общих мест. Эти-то два ложные направления, внутренне переплетающиеся, «натянутый, на ходулях стоящий идеализм (т. е. консервативный романтизм. — В. К.), махающий мечом картонным, подобно разрумяненному актеру и потом — сатирический дидактизм», по словам Белинского, Гоголь и убил.

Но что значит «убил»? Еще и в 40-е годы приходилось бороться с обоими этими направлениями. Гоголь показал их творческую несостоятельность, но их нужно было еще развенчать эстетически, теоретически и политически. Это сделали «Отечественные записки».

Прогрессивный романтизм не вылился в самостоятельное направление. Этот романтизм на рубеже 30—40-х годов, на базе общественного подъема, переживал сложную метаморфозу. В творчестве Лермонтова он сливался с реализмом.

В широкой перспективе борьбы с «абстрактным героизмом» романтиков 30-х годов Белинский часто не справедлив по отношению к «высшему» Марлинскому, в творчестве которого он видел помеху для развития реализма Гоголя. По своим идеям Марлинский ничего общего не имел с верноподданническим «героизмом» романтизма Кукольника и Полевого. Наоборот, жизнерадостный колорит повестей Марлинского, этого блестящего, умного фразера, как его называл в конце 40-х годов тот же Белинский, заключал в себе нечто ободряющее, возбуждающее энергию, силу воли.

Если Белинский замечал у романтиков мысли, идеи, «вопросы», созвучные себе, духу времени, то он считал их уже поэтами «действительности» и не называл презрительным именем романтиков. Все это было для него поэзией содержания,

поэзией гражданского пафоса, следовательно, «действительности».

Белинский ни разу не называет романтиком Лермонтова, этого во многом несомненного для нас романтика, ни разу не называет романтическим творчество Ж. Занд, которому он поклонялся до середины 40-х годов. Содержательность, актуальность творчества этих писателей целиком заслоняли для Белинского романтические формы их произведений. Эту «форму» он видел в прозаике 30-х годов Марлинском, поскольку его повести, естественно, не заключали в себе характерного для 40-х годов социального содержания, он видел «форму» и в некоторых фантастических повестях Одоевского.

Все три метода (реализм, натурализм и романтизм) с их оттенками, а также противоборствующие главные направления (реалистическое, реакционно-дидактическое и консервативно-романтическое) создавали ту мозаичную сложность литературы 40-х годов, которая будет в значительной мере ликвидирована «Отечественными записками» в результате безраздельной победы реалистического направления.

* * *

К тому моменту, когда начали издаваться обновленные «Отечественные записки», сильный толчок, данный русской литературе Гоголем в середине 30-х годов, почти замер. Гоголь замолчал с 1836 года и уехал за границу, Пушкин погиб, Лермонтов стал известен широкой публике только благодаря «Отечественным запискам».

Из многих имен русских прозаиков, которые называет Белинский в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835), к 1839 году в передовых рядах русской литературы почти никого не осталось. В самом деле: Погодин перешел в лагерь реакции, Н. Павлов, после выхода сборника «Три повести» (1835), не оправдал возлагавшихся на него надежд, Марлинский-романтик был чужд гоголевскому направлению (умер в 1837 году), Н. Полевой стал ренегатом и перешел на сторону «ложно-величавой школы», которую возглавлял Кукольник.

В 1836—1839 годы эта школа расцвела, и ее орган — «Библиотека для чтения» — безраздельно господствовал в русской журналистике.

Сложная проблема сотрудничества в «Отечественных записках» была для пестрого наследия 30-х годов не чем иным, как процессом пробуждения в нем творческого роста наиболее ценных жизнеспособных сил. Русская литература никогда прежде не знала столь откровенного отбора и разграничения

«своих» и «чужих» по программным соображениям при организации одного из самых плодотворных ее направлений.

«Отечественные записки» помогли русскому реализму оформиться как направлению и резче отграничиться от антиреалистических направлений. Белинский уже в статье о «Герое нашего времени» констатировал факт: «Отличительный характер нашей литературы состоит в резкой противоположности ее явлений».

Быть в «Отечественных записках», писать для «Отечественных записок» становится честью в глазах многих, особенно молодых авторов.

Только в «Отечественных записках» печатают свои стихотворения Лермонтов, Кольцов, Огарев. Поэзия в других журналах, за исключением «Москвитянина» (с 1841 г.), почти не существует. Половина поэтов «Библиотеки для чтения», «Сына отечества» (Павлова, Ростопчина, Губер, Ознобишин), одновременно печатаются и в «Отечественных записках».

Разительны успехи «Отечественных записок» в собирании прозы. Особенно это заметно в сравнении с другими журналами. В «Библиотеке для чтения» в 1839—1841 годы самыми крупными именами считались Сенковский («Идеальная красавица»), Кукольник («Эвелина де Вальероль», «Авдотья Петровна Лихончиха») и Е. Ган, писавшая под псевдонимом Зенеида Р-ва («Медальон», «Суд света» и «Теофания Аббиадши»). В «Сыне отечества» из прозы достоин упоминания лишь комический рассказ Вельтмана «Путевые впечатления и между прочим горшок герани». В «Москвитянине» — тот же Вельтман («Приезжий из уезда или суматоха в столице»), Основьяненко («Маргарита Прокофьевна») и Загоскин («Брат и сестра»). А в «Отечественных записках» собрался весь цвет тогдашней прозы. Пусть она в целом была еще не сильна, и Лермонтов одиноко возвышался над остальными прозаиками, пусть объединение было еще эклектично и отражало разногласия 30-х годов. Однако целенаправленный качественный отбор, рост писателей, открытие каждый год новых крупных талантов — все это обогащало прозу «Отечественных записок» и решительно свидетельствовало о ее подъеме.

В самом деле: в 1839 году произошло открытие Лермонтова-прозаика: в «Отечественных записках» появляются главы из «Героя нашего времени» — «Бэла» и «Фаталист» (через год при помощи Краевского роман выходит целиком); печатаются «Княжна Зизи» Одоевского, «История двух калош» Соллогуба, «Дочь чиновного человека» Панаева, «Бедовик» Даля, «Пан Халявский» Основьяненко. В 1840 году: «Тамань» Лермонтова, «Белая горячка», «Прекрасный человек», «Раз-

дел имения» Панаева, «Большой свет», семь глав из «Тарантаса» Соллогуба *, «Косморама» Одоевского, «Недоумение» Кудрявцева. Открыт еще новый талант — Герцен: публикуется его отрывок «Из записок одного молодого человека». В 1841 году: «Еще из записок одного молодого человека» Герцена, «Лев» Соллогуба, «Онагр» Панаева, «Звезда», «Цветок» Кудрявцева, «Саламандра» Одоевского. В том же году повестью «Опытная женщина» дебютирует как прозаик Некрасов. Публикуются также, привлекая особое внимание цензуры, повести П. Сумарокова «Выигрыш и кража», Гребенки «Записки студента». А между тем, будущее русской прозы 40-х годов еще впереди.

* * *

Выяснив общую организующую роль «Отечественных записок» по отношению к реалистическому направлению, мы теперь должны раскрыть сложное взаимодействие писателей с «Отечественными записками». Ведь организуемое направление состояло из живых творческих индивидуальностей, и важно посмотреть, как «Отечественные записки» превращали объективно назревшую историческую «необходимость» направления во внутреннюю «свободу» писателей, избравших свое место в его рядах, вносящих в него свою лепту. Организация направления вызвала творческий рост писателей-реалистов, ставила их в новые, более требовательные условия, придавала большую целеустремленность их творчеству и раскрепощала во взаимодействии с другими творческими индивидуальностями специфические особенности их собственного стиля.

1839—1841 годы были годами расцвета русской поэзии. В «Отечественных записках» развернулось могучее поэтическое дарование Лермонтова. Здесь появились его стихотворения: «Дума», «Поэт», «Памяти А. И. Одоевского», «1-е января», «Журналист, читатель и писатель», «Родина», «Последнее новоселье», «Дары Терека», «Тамара» и др. После гибели Лермонтова «Отечественные записки» разыскивали его неопубликованные произведения⁴⁴ и печатали их: «Боярин Орша», «Измаил-Бей», «Сказка для детей», отрывки из «Демона».

Лермонтов был главной и самой ценной литературно-художественной силой «Отечественных записок» в 1839—1841 годы и в значительной степени определял их прогрессивное направление. Поэтому журнал по праву гордился Лермонтовым, а его творчество получило глубокое освещение в статьях Белинского.

* «Тарантас» вышел целиком в 1845 г. и тогда приобрел всю полемическую остроту. Мы вернемся к этому произведению Соллогуба во второй главе.

Лермонтов вошел в «Отечественные записки» как уже сложившийся писатель определенного стиля и традиций. Некоторая романтическая абстрактность общественно-политических мотивов его творчества, особенно ярко выступающая на фоне разворачивавшейся журнальной, идейно-литературной борьбы 40-х годов, преодолевалась в процессе взаимодействия поэта с «Отечественными записками».

Вопрос об участии Лермонтова в «Отечественных записках» 1839—1841 годов, о соотношении проблематики его творчества с направлением журнала в современном литературоведении по-настоящему еще не ставился и на широкой документальной основе не освещался. Круг проблем, связанный с участием Лермонтова в «Отечественных записках», весьма велик и не может быть сведен к отношениям поэта с Белинским и с Краевским, как это обычно делается.

В каких отношениях находился Лермонтов с коллективом сотрудников журнала? Каковы были отклики читателей на его произведения? Какое взаимное влияние существовало между творчеством Лермонтова и направлением «Отечественных записок» в 1839—1841 годы?

Имя Лермонтова было названо в числе предполагаемых сотрудников уже в программе «Отечественных записок», утвержденной цензурой 27 сентября 1838 года. В первом же номере за 1839 год появилось его стихотворение «Дума», после чего поэт участвовал почти в каждом номере журнала. Можно сказать, до самой смерти Лермонтов чувствовал себя в глубоких нравственных связях с «Отечественными записками».

В. А. Мануйлов в своей статье «Лермонтов и Краевский» пишет, имея в виду 1841 год: «Неизвестно, писал ли Лермонтов Краевскому с дороги и с Кавказа»⁴⁵. Можно утвердительно сказать, что писал. Вот намек в одной из заметок «Отечественных записок», возможно, принадлежащей Краевскому: «Лермонтов незадолго до своей кончины извещал нас, что по отъезде своем из Петербурга (в мае месяце) * он писал очень много... Дай-то бог, чтоб все им написанное было отыскано! Это драгоценный капитал литературы!»⁴⁶. Таким образом, редакция журнала была в курсе замыслов поэта до его последних дней, и поэт всегда чувствовал себя сотрудником журнала. Переписка Лермонтова с Краевским, к сожалению, до нас не дошла, она полнее раскрыла бы эти «нравственные связи».

Существует версия, сообщенная П. А. Висковатовым со слов Краевского, будто Лермонтов в конце жизни подумывал

* Лермонтов выехал из Петербурга на Кавказ через Москву 15 апреля 1841 г.

о создании своего журнала и был в чем-то несогласен с «Отечественными записками». «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью, — говорил Лермонтов Краевскому, — и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, <...> там на Востоке тайник богатых откровений». На вопрос Висковатова, была ли у Лермонтова разработанная программа своего журнала, Краевский ответил: «Может быть. Лермонтов часто и много об этом говорил, но чтобы он подробно и обстоятельно на бумаге составлял свои проекты — этого не думаю»⁴⁷.

У нас нет фактов, чтобы опровергнуть эту версию. Но пока что она основывается только на этих словах Краевского.

Интерес к Востоку у Лермонтова несомненно был. Но вряд ли постановка вопроса носила столь альтернативный характер: или Восток или Запад.

Висковатов, а за ним и другие исследователи связывали это заявление Краевского с фактом передачи Лермонтовым в 1841 году стихотворения «Спор» в редакцию «Москвитянина» и делали из этого далеко идущие выводы относительно сближения позиции Лермонтова с позициями нарождавшегося славянофильства.

Советское литературоведение пересмотрело эту точку зрения и на основе новых фактов отвергло гипотезу Висковатова. Но слова Краевского до сих пор остаются необъясненными. Какой же смысл мог вкладывать в них в 1870-х годах бывший редактор «Отечественных записок», претерпевший за тридцать лет сложную политическую эволюцию? Известно, что в 1848 году в страхе перед французской революцией Краевский написал верноподданническую статью, снискавшую одобрение царя и 3 Отделения.

По существу заявление Краевского в беседе с Висковатовым содержит попытку изобразить Лермонтова неким антагонистом «западнической» линии «Отечественных записок», отделить его от идейного направления, которое возглавил Белинский. Краевский сам когда-то подлаживался под это направление. Но уже в 1846 году разрыв Белинского с Краевским носил идейный, политический характер, и сам Краевский к этому времени, боясь правительственных репрессий и не разделяя «крайностей» направления Белинского, помышлял о том, как бы избавиться от беспокойных и опасных сотрудников. Естественно, что позднее Краевский, разоблачаемый не раз как эксплуататор Белинского и как человек, политически ему чуждый, был заинтересован в том, чтобы умалить

значение великого критика для «Отечественных записок» 40-х годов и всего его вклада в прогрессивную русскую журналистику. Сообщая в беседе с Висковатовым об отходе Лермонтова от «Отечественных записок», Краевский пытался задним числом изобразить поэта своим союзником в борьбе с Белинским. Вот почему, думается, Краевский тенденциозно придавал словам Лермонтова программный характер, которого они не имели. Заметим, что и Висковатов был настроен славянофильски*.

Лермонтов мог быть недоволен кое-чем в «Отечественных записках». Краевский напечатал повесть Соллогуба «Большой свет», в которой, как известно, в образе Леонина карикатурно представлен Лермонтов. По поводу «Последнего новоселья», вышедшего в свет уже по отъезде Лермонтова из Петербурга, «Отечественные записки» опубликовали прямое опровержение — стихотворение Н. Сатина «Поэту-судие», в котором Лермонтов упрекается во «французодстве». Белинский тоже был недоволен тогда в «Отечественных записках» многим, в частности непоследовательностью Краевского, засилием переводной макулатуры. Известно также, что в 1840, 1844, 1845 годы Герцен, Грановский, Кетчер неоднократно пытались создать свой журнал, несмотря на то, что и «Отечественные записки» во главе с Белинским они считали также «своим» журналом. В 1845—1847 годы литератор Ф. К. Дершау издавал специально для освещения жизни скандинавских народов журнал «Финский вестник». Но этот журнал во многих принципиальных вопросах стал поддерживать «Отечественные записки». Теперь известно, что в этом журнале сотрудничал Белинский. Таким образом, стремление Лермонтова основать свой журнал, «внести самобытное в общечеловеческое» еще не свидетельствовало о его программных расхождениях с «Отечественными записками».

Лермонтов мог говорить о нетронутых «тайниках» богатых «откровений» на Востоке, где он провел чуть ли не большую часть времени, начиная с 1837 года. Но это не носило характера противопоставления «откровений» «дряхлого» Востока Западу, реформам Петра I. Питая живой интерес к культуре азиатских народов, Лермонтов хотел лишь проникнуть в «зачатки» их «миросозерцания», столь еще «мало понятные» и «для самих азиатов и для нас», т. е. передовых людей тогдашней России.

Программа «Отечественных записок» не расходилась с этими интересами Лермонтова. «Отечественные записки» ча-

* Мысль о критическом пересмотре версии П. Висковатова нам подал И. Л. Андроников, которого благодарим за ценную консультацию.

ше, чем какой-либо другой журнал того времени, публиковали статьи, очерки, художественные произведения о быте, нравах, истории кавказских и азиатских народов. Тут печатались и «чеченские повести» (Л. Ф. Екельн «Дженнат и Бока», его же «Из записок русского, бывшего в плену у черкесов»), и переводы из «Магабхараты», и многочисленные статьи И. Я. Бичурина, Дэ-Мина (псевдоним) о Китае, и описания религиозных и похоронных обрядов индусов. Все это входило в широкую программу «энциклопедических» «Отечественных записок» и не противоречило их собственному стремлению «внести самобытное в общечеловеческое», о чем мечтал Лермонтов.

Об этой связи и о сближении Лермонтова с «Отечественными записками» свидетельствует ряд неопубликованных писем.

М. Н. Катков просил Краевского в письме 7 июля 1839 г.: «Засвидетельствуйте мое уважение Плетневу и Лермонтову. Постарайтесь познакомить с последним Бакунина: это было бы, как я уверен, приятно для обоих»⁴⁸. Из письма видно, что сам Катков уже знаком с Лермонтовым. Сведений о том, состоялась ли встреча Лермонтова с Бакуниным, у нас нет. Но советы Каткова отражают стремление группы сотрудников «Отечественных записок», возглавленной с осени 1839 года Белинским, сблизиться с Лермонтовым. И Лермонтов в свою очередь проявлял интерес к этой группе. В 1877 году М. Ф. Де-Пуле запрашивал Краевского: «Был ли Кольцов знаком с Лермонтовым? Не известно ли вам мнение о нем последнего?»⁴⁹. Краевский ответил: «С Лермонтовым он был вовсе не знаком, но я всегда слышал от Лермонтова большие похвалы непосредственному таланту Кольцова»⁵⁰.

Еще определеннее говорит об интересе к Лермонтову письмо В. И. Красова, посланное летом 1841 года из деревни. «Расскажите в коротких словах,— писал Красов Краевскому,— здоров ли мой дорогой Виссарион Григорьевич, держал ли он экзамен на учителя и что поделявает; также не пишет ли чего новенького Панаев, благоденствует ли Михайла Александрович Языков, — это про Петербург. Еще, вероятно, вы получаете пески от бесценного нашего Кольцова и можете сказать, жив ли он. Вот уже несколько месяцев я живу в самом глухом уединении, и ваши вести будут ценимы мною на вес золота. Что наш Лермонтов? В последнем № «Отечественных записок» не было его стихов»⁵¹. Печатайте их больше. Они так чудно-прекрасны. Лермонтов был когда-то короткое время моим товарищем по университету. Нынешней весной, перед моим отъездом в деревню за несколько дней, я встретился с ним в зале Благородного собрания*. Он на другой

* В Москве.

день ехал на Кавказ. Я не видел его 10 лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергическое, простое, львиное лицо. Он был грустен, и, когда уходил из собрания в своем армейском мундире и с кавказским кивером, — у меня сжалось сердце — так мне жаль его было. Не возвращен ли он?». Дальше Красов рассказывает о своем фантазмагорическом сне, в котором ему явился Лермонтов в огненном шлафроке и пр.⁵²

Слова Красова о «моем дорогом Виссарионе Григорьевиче», о «бесценном нашем Кольцове», о «нашем Лермонтове» передают ту атмосферу сердечности, какая царила вокруг Лермонтова в «Отечественных записках». Красова преследуют мрачные предчувствия при мысли о поэте, а Лермонтов в это время, быть может, приближался к роковой черте или был уже убит.

В глазах читателей, которые не знали внутренних взаимоотношений в журнале, а судили об авторах лишь по характеру их произведений, Лермонтов был выразителем программы «Отечественных записок», одним из самых главных их сотрудников. Вот два любопытных неопубликованных письма.

Первое принадлежит казеннокоштному студенту Казанского университета, в будущем известному статистику, историку и этнографу А. И. Артемьеву (1820—1873). Оно датировано 13 декабря 1840 г.⁵³ Артемьев — разночинец, сын винного пристава. Его письмо в черновом списке имеет подзаголовок на французском языке «Исповедь»⁵⁴. И, действительно, это письмо является исповедью по отношению к «Отечественным запискам», Белинскому, Лермонтову. Артемьев решительно предпочитает всем журналам «Отечественные записки». В разгоревшейся полемике по поводу «Героя нашего времени» Артемьев становится на сторону «Отечественных записок», вслед за Белинским презрительно называя реакционный «Маяк» — «Плошкой». «За что же там не хотят, — говорит Артемьев, — признать «Героя нашего времени» прекрасную, творческою книгою? За то, что Лермонтов, можно, (да кажется и должно) сказать, — единственный представитель нашей литературы, не вставил в свою книгу азбучных сентенций, не сказал, что: *порок гнусен, а добродетель похвальна!* Да неужели весь век сидеть нам с указкой? Стражи «Маяка» боятся, что мы все, прочитавши книгу Лермонтова, сделаемся такими же героями нашего времени, как и Печорин. Да чем же быть, гг. Максимы Максимовичи?». * Скорее, мне кажется, надобно идти вслед за веком, нежели отставать от него. «Ге-

* «Маяк» искусственно противопоставлял Максима Максимыча Печорину.

рой нашего времени» — по крайней мере для меня — гораздо нравственнее, хотя в нем и нет огромных молитв <...>. Я скорее буду стараться быть похожим на Печорина, нежели стану молиться где-нибудь на улице, за что меня прозовут ханжею; да и в самом деле я буду похож на евангельского фарисея... Вот что я думаю о «Герое» и вообще о каждой пьеске Лермонтова. Его стихи на нашей бедной пустынной литературе подобны приветным оазисам. Правда, и везде стихи, да все пустозвонные; а у Лермонтова и еще гр. Ростопчиной и Кольцова — каждая строка дышит чувством, вдохновением»⁵⁵.

Лермонтов воспринимался читателем-студентом в органической связи с передовым, новым «течением», которое возглавляли в русской литературе «Отечественные записки». Образ Печорина был читателю понятен и симпатичен, пробуждал в нем самостоятельный критический дух и был окружен в его глазах подлинным ореолом, являлся поучительным примером для подражания.

О таком же восприятии поэзии Лермонтова как выражении идейного направления «Отечественных записок» свидетельствует письмо некоего Аполлона Сотникова, посланное 4 марта 1844 года из Омска.

Посылая в «Отечественные записки» стихотворение декабриста А. И. Одоевского «К Янушкевичу»⁵⁶, Сотников писал Краевскому: «Принадлежа к числу искреннейших почитателей вашего журнала, голос которого, провозглашающий великие современные истины, я сравниваю с торжественным благовестом, гармонический звон которого парит над хаосом нестройных криков толпы, шарлатанов и врагов прогресса, и зная, что в вашем журнале было помещено Лермонтовым «Памяти А. И. Од-го» (т. е. Одоевского. — В. К.) и «Сен-Бернар» (стих. самого А. Одоевского. — В. К.), я почитаю долгом покорнейше просить вас <...> сообщить публике в вашем журнале эту пьесу (опубл. в № 5 за 1844 г. — В. К.), которая, по моему мнению, кроме своего внутреннего достоинства, еще может быть важна как памятник замечательной личности и как произведение одного из главнейших с Лермонтовым представителей *юной России*, умершей в их лицах, но сохранившейся и процветающей еще между глубокими их почитателями»⁵⁷.

Из приведенных документов видно, что люди 40-х годов живо ощущали связь поэзии Лермонтова с поэзией декабризма и понимали, что истинные и глубокие «почитатели» их — «Отечественные записки» являются продолжателями дела юной России. Голос этой неумирающей, верной революционным преданиям России, «провозглашающей великие современные истины», автор письма, свободно перефразируя

строки лермонтовского «Поэта», уподобляет «торжественному благовесту, гармонический звон которого парит над хаосом нестройных криков...». Лермонтов и здесь является выразителем направления «Отечественных записок».

Не менее красноречиво о том же свидетельствует противник. Помощник Сенковского по «Библиотеке для чтения» В. А. Солоницын писал 20 мая — 6 июня 1841 года Е. Ф. Коршу об основных «партиях», борющихся в петербургской журналистике. Лермонтов причислен к партии Белинского-Краевского, о которой Солоницын отзывается с сарказмом. Охарактеризовав наступившую в «атаманствах» Греча, Булгарина и Сенковского склоку, деморализацию, вызванные неслыханным и «загадочным» успехом «Отечественных записок», Солоницын перечисляет литераторов, входящих в партию этого журнала: «Старшина — Краевский, под ним — Белинский, Кольцов, Катков, Красов, какой-то-Θ-* и так далее (смотрите подписи в книжках), далее — Лермонтов и Иван Панаев <...>. Это самая забавная партия; но вы уже знаете ее дух: худо понятая немецкая философия, нахальное самохвальство, площадной тон ругательств на все неприходское. Лермонтов по стихам, и Панаев по прозе — здесь лучше всех, так как сам Краевский с Белинским смешнее всех»⁵⁸.

Помощник Сенковского особо отмечает крепкую спайку в партии «Отечественных записок» и зачисляет в нее, наряду с Белинским и другими, лучшего «по стихам» Лермонтова. Письма Красова и Солоницына, таким образом, подтверждают, что в 1841 году «нравственная связь» поэта с журналом укреплялась.

Взаимоотношения Лермонтова с сотрудниками «Отечественных записок» должны изучаться по двум линиям, в соответствии с двумя борющимися друг с другом группировками сотрудников журнала: группой Краевского — Одоевского, т. е. работодателей, редакторов и пайщиков «Отечественных записок» (к ним примыкали: Погодин, Шевырев, Мельгунов) и группой Белинского — Герцена (Огарев, Кольцов, Красов, Ключников, Боткин, Бакунин, Кетчер, Сатин).

Лермонтов был «ничей». Но по логике разрывавшейся борьбы, приведшей к известному разрыву 1846 года, он должен был по-своему склониться к одной из этих групп. Какие же в этом отношении были у него тенденции?

С Краевским Лермонтов познакомился через своего друга Святослава Раевского, который был с Краевским в приятельских отношениях еще в Московском университете. С 1837 года Лермонтов стал сотрудничать в «Литературных

* И. П. Ключников.

прибавлениях», которые редактировал Краевский. Последний много сделал для популяризации Лермонтова, для издания «Героя нашего времени» и книжки его стихотворений. По всей вероятности, Краевский познакомил Лермонтова с В. Ф. Одоевским, с этим «милым князем, исключением из людей, не только из князей»⁵⁹. В январе 1837 года это знакомство Лермонтова с Одоевским должно было усилиться: «Смерть поэта» Лермонтова и прочувствованный некролог Одоевского о «солнце русской поэзии» были самыми смелыми откликами на смерть Пушкина. Лермонтова сослали на Кавказ, а редакция «Литературных прибавлений» получила строгое внушение. Известно, что по возвращении из ссылки Лермонтов сделался постоянным посетителем салона Одоевского.

И тем не менее глубокой духовной связи с Краевским и Одоевским у Лермонтова, очевидно, не было. Панаев рассказывает, что Лермонтов иронически относился к важной ученой деловитости Краевского, в которой тот явно подражал Одоевскому. Но и мистический идеализм и романтизм Одоевского были чужды бунтующему Лермонтову. Поэт втягивался в идейную проблематику журнала, направление которой определяла группа Белинского. Влияние этой группы было настолько интенсивным, что даже Краевский стал «перестраиваться» на ходу.

Естественно, что в интересующем нас вопросе основное значение имеет встреча Белинского с Лермонтовым в Ордо-нансгаузе в апреле 1840 года. О характере этой встречи существует свидетельство исключительной достоверности. Это письмо самого Белинского к Боткину 16 апреля 1840 г.

Белинский говорит о Лермонтове: «В первый раз поразговорился с ним от души»⁶⁰. Значит, были и другие встречи и даже разговоры. Передавая разговор с поэтом о романах Ф. Купера, Белинский замечает: Лермонтов был «первым человеком, думающим так же», т. е., как и сам Белинский. Отсюда следует, что Краевский и Одоевский в чем-то не разделяли точки зрения критика на романы Купера, которая, наоборот, объединила Белинского и Лермонтова. Длительная беседа выявила сходство мнений критика и поэта также и по другим вопросам.

По свидетельству сотрудника «Отечественных записок» П. В. Анненкова, Лермонтов «втягивал» не вполне еще вышедшего из периода своего философского «примирения» с действительностью Белинского «в борьбу с собой». Белинский же, с его пафосом журнального бойца, вовлекал Лермонтова в широкое философское, программное осмысление своей веры в «достоинство жизни и людей», помогал поэту шире осознать важность изображения общественных «болез-

ней», отрешиться от того, что критиком было названо «субъективно-салонным» взглядом на жизнь. Эта беседа имела свои последствия в дальнейшей эволюции Лермонтова.

Были ли после этого новые встречи и задушевные разговоры? Прямых свидетельств нет. Но косвенные указания можно усмотреть в следующем.

После гибели Лермонтова Белинский не раз подчеркивал, что духовный рост поэта был не завершен, что в его творчестве назревал важный перелом: «Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые, — писал Белинский в рецензии на второе издание «Героя нашего времени»; — он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени <...>)»⁶¹. Слова «сам говорил нам» следует понимать буквально, т. е. Лермонтов говорил Белинскому.

Такое предположение подкрепляется еще вот каким сообщением. Белинский говорит в той же рецензии, имея в виду специально написанное Лермонтовым для второго издания «Героя нашего времени» предисловие: «Читая строки, читаешь и между строками». Это относится не к роману в целом, а именно к предисловию, появившемуся после встречи в Ордонахгаузе и после журнальной полемики по поводу первого издания романа в 1840 году. Что же Белинский вычитывал здесь между строк?

В «Предисловии к журналу Печорина», которое надо рассматривать как декларацию зачинателя русского психологического романа, сказано: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

В предисловии же к роману, которое автор написал при втором его издании, ставится новая задача: «Будет и того, что болезнь указана», т. е. выдвигается социально-политическая цель романа. В этом Лермонтов видит теперь другой и основной его смысл. Таким образом, в 1841 году Лермонтов заговорил уже о том, что суть романа заключается в общественной, «нравственной цели», что Печорин — «герой нашего времени» — составлен «из пороков всего нашего поколения», что каково время, таков и герой. В первом издании подобной декларации не было.

В этом-то и усмотрел Белинский основное общественное значение лермонтовского романа еще при первом его издании. Критик писал: «Это вопль страдания, но вопль, который облегчает страдание...». «В созданиях поэта, выражающих скор-

би и недуги общества, — писал Белинский, — общество находит облегчение от своих скорбей и недугов: тайна этого целительного действия — сознание причины болезни через представление болезни». (См. И. Андроников, «Огонек» № 10, 1952).

Эта мысль Белинского и нашла свое выражение в предисловии Лермонтова к новому изданию романа. Белинский вычитывал теперь «между строк» предисловия ответ Лермонтова на своеобразный призыв, высказанный критиком в большой статье о первом издании «Героя нашего времени». То, что Лермонтов «говорил сам» Белинскому о замысле романтической трилогии, также является продолжением их раздумий над проблемами социально-психологического романа. В свете предисловия к роману и замысла исторической трилогии теперь у Лермонтова «история души человеческой», видимо, не противопоставляется «истории целого народа», а, наоборот, «душа» должна полнее и глубже раскрываться на фоне истории народа и в связи с ней.

Возникает основной вопрос: какова была взаимосвязь мотивов, идей, воплощенных в творчестве Лермонтова, с направлением журнала?

Произведения Лермонтова «Бэла», «Тамань», «Фаталист», «Дума», «Поэт», «Журналист, читатель и писатель», «Родина», «Кинжал», «1-е января» и другие были подлинной, боевой программой «Отечественных записок». Даже первые статьи Белинского в «Отечественных записках», вроде «Очерков Бородинского сражения», не могли сравниться с поэтической программой Лермонтова, существенно выполнявшей историческую задачу формирования реалистического направления и пробуждения общества.

Краевский объявил в официальной программе «Отечественные записки» неким складочным местом всех мнений, всех партий и обещал, что журнал даст полную картину «успехов русского ума и русской силы» наряду с плодами «увядающих сил» «обремененной веками Европы». Хотя Краевский и говорил о том, что «Отечественные записки» будут иметь «свое собственное мнение, свой взгляд на предметы ученой и изящной литературы», однако на деле в первых номерах обновленного журнала не было этой определенности взглядов и обнаруживалась отсталость убеждений.

Творчество Лермонтова с первых же номеров вносило в журнал гражданские мотивы, помогало обратить его к самым животрепещущим вопросам современности. В «Думе» Лермонтов заговорил о судьбах современного поколения, о состоянии общественной жизни; в «Поэте» — о роли поэта в обществе; в стихотворении «Журналист, читатель и писатель»

он откликался на злободневные литературные темы. В главах «Героя нашего времени» поставлена проблема передового молодого человека; образ Максима Максимыча смыкался с проблемой демократического героя.

Своей «Родиной», смело в ней заявленной «странной» любовью к России, Лермонтов перечеркивал прежде напечатанное в «Отечественных записках», обращенное к России ложнопатриотическое стихотворение Хомякова: «Гордись! тебе льстецы сказали». «Родина» Лермонтова противостояла и официальным верноподданническим заявлениям Краевского и решала вопрос о подлинном патриотизме глубже, чем примирительные статьи Белинского.

Сложный вопрос о взаимодействии между мотивами поэзии Лермонтова и идеями критики Белинского можно проиллюстрировать на анализе двух стихотворений: «Дума» и «Журналист, читатель и писатель».

Известно, что «Дума» рассматривалась Белинским и его современниками как программная декларация журнала в поэтической форме. Своими медитациями и афоризмами она вошла в повседневную речь людей 40-х годов и вызвала большое количество подражаний и ответов⁶².

Значение «Думы» для обновленных «Отечественных записок» состояло в том, что она решительно отталкивалась от апологетических высказываний других русских журналов о политике официальной народности, пытавшейся представить настоящее России блестящим. Вместе с тем своим беспощадным анализом «Дума» ударила по бесплодному пессимизму, отчаянию, вызванному политической реакцией в стране, а также по ложному оптимизму умозрительных примирений с тогдашней действительностью, которыми были заражены многие деятели 30-х годов. В «Думе» отразилось начало той громадной интеллектуальной, анализирующей работы, которая войдет в историю 40-х годов XIX века как начало поисков в России «правильной революционной теории» (В. И. Ленин). Как статьи и письма Белинского и Герцена, «Дума» была пронизана страстным «домоголательством истины», беспощадным анализом общественных недугов.

В сущности, в «Думе» была поставлена задача, которую «Отечественные записки» должны были решить также и средствами публицистической и поэтической пропаганды, а именно: организовать общественный подъем, вооружить современников наукой «небесплодной», научить их бороться, «любить» и «ненавидеть» «неслучайно». В основе «Думы» лежит характерная для всей последекабристской эпохи идея: вне общества, вне народа никакая деятельность невозможна; но тут же поставлен вопрос о том, что это за «общество», с кем и куда идти?

Поэтому «Дума» — одновременно и сатира и элегия. Поэт говорит о недугах поколения от имени этого поколения: «мы», «наше», «нам». Но он — и судья. Вследствие этого у Лермонтова не пессимизм, как у Чаадаева и Ключникова, а трезвая оценка, сделанная человеком, неспособным ни на какие компромиссы. В его печальном взгляде, в беспощадном анализе есть что-то ободряющее и вдохновляющее.

Однако «Дума» не охватывала всего богатства идейной проблематики момента, она не вполне отразила содержание уже начавшихся идейных исканий, на пути которых теперь стояли все трудности роста поколения. В ней как бы слышатся глухие упреки примирению Белинского периода «Московского наблюдателя», но вопрос о науке был поставлен в «Думе» нечетко. Об этом сказал Белинский: «Излишества *познания и науки*, хотя бы и «бесплодной», мы не видим: напротив, — продолжал он, полемизируя с Лермонтовым, — недостаток познания и науки принадлежит к болезням нашего поколения»⁶³.

В «Думе» так же, как и в «Песне про купца Калашникова» и в «Бородино», образцы героики в прошлом: «Богатыри — не вы!» Но как протянуть нити преемственности от этих богатырей прошлого к потомку-«гражданину», который по праву «оскорбит презрительным стихом» нынешнее поколение — это в «Думе» еще не осознано. Решить этот вопрос надлежало в повседневной пропаганде, в воспитании борцов за гражданскую Россию. И этой героической работой были заняты «Отечественные записки».

Стихотворение «Журналист, читатель и писатель» (1840 г., № 4) — новая ступень в развитии Лермонтова и новое программное произведение «Отечественных записок». Б. М. Эйхенбаум в статье «Литературная позиция Лермонтова» отмечает, что «стихотворение «Журналист, читатель и писатель», появившееся в печати одновременно с «Героем нашего времени», никогда не подвергалось конкретному анализу и изъяснению»⁶⁴. С «Думой» Лермонтов пришел в «Отечественные записки», а стихотворение «Журналист, читатель и писатель» возникло в пору активного участия поэта в журнале. Тема стихотворения и вся широта ее понимания, когда вычерчена вся цепь связей: писатель — журналист — читатель, пришли в поэзию Лермонтова от журнальной практики «Отечественных записок». Здесь — не договор искусства с коммерцией, как у Пушкина, а договор писателя, журналиста и читателя о согласованных действиях, их совместное осознание того, что пришла пора сообща обсудить положение в литературе. Все трое — представители современного поколения. Прежде всего они высказывают друг другу свои печальные взаимные пре-

тензии. Претензии к писателям: «с кого они портреты пишут», надо писать картины с жизни. Претензия к журналисту: поменьше «грязной воды», полемики, пустых перебранок, побольше критики и «едкой желчи». Претензии к читателю: учись читать между строк, понимать «пророческую речь» поэта.

Кого считает Лермонтов подлинным героем, на чьей стороне его симпатии? Б. М. Эйхенбаум предполагает, что на стороне «читателя». Но уже Белинский указывал, что Лермонтов скрывается под маской «писателя», и это подтверждается заключительными словами поэта и сопоставлением «Журналиста, читателя и писателя» с «Поэтом» и «Не верь себе». Б. М. Эйхенбаум видит противоречие между отказом «писателя» от литературной деятельности и словами Лермонтова о горьких лекарствах и едких истинах в предисловии ко второму изданию «Героя нашего времени».

Однако, здесь никакого противоречия нет. Дело в том, что стихотворение «Журналист, читатель и писатель» — промежуточная ступень между авторской исповедью в «Предисловии к журналу Печорина» и исповедью в предисловии ко второму изданию романа. Эта промежуточность видна как в хронологии написания предисловий и стихотворения, так и в том, что «писатель», не отказываясь от литературной деятельности как таковой и готовый говорить едкие истины, выдвигает некое предварительное условие своей деятельности. В этом-то условии и заключается вся суть стихотворения.

Общая мысль «Журналиста, читателя и писателя» такова: между писателем и читателем должна быть глубокая идейная, нравственная связь, ее воспитывать, поддерживать, развивать должна журналистика. Если журналистика этого не делает, то получается, как во французском эпиграфе, предпосланном Лермонтовым всему стихотворению: «Поэты похожи на медведей, которые сосут свою лапу и тем питаются». Но, между тем, журналист-то в стихотворении — отрицательное, отталкивающее лицо. В этом отразилось недовольство Лермонтова современной журналистикой. Конечно, писатель имеет читателей и без журналов, но Лермонтов осознал во всем объеме современное значение всех трех звеньев, понял, как сложен и ответствен сам писательский труд, как важно быть понятым широким читателем, как велика теперь связующая миссия журналистики.

«Отечественные записки» и их необыкновенный успех показали воочию связь всех этих звеньев и важность их четкого взаимодействия в судьбах реалистического направления.

Почему молчит «писатель», каково же его предварительное условие?

Не в суете дело и не только в придирчивости критики. Дни вдохновенного труда — это лучшие дни в жизни писателя. Но о чем и как писать? Заниматься «воздушным, безотчетным бредом», щадить действительность? Нет! То, что пишется, когда пером водит «сердитый ум», когда писатель предаёт «позору» «приличьем скрашенный порок» — это приходится скрывать, таить при себе. Но не потому, что «писатель» боится властей или брани журналиста. Есть более веская причина. Он не решается показать себя «неприготовленному взору» читателя, не хочет слышать «брань» в ответ на свою «пророческую речь» (тема «Пророка»). Вот в этом заключена основная мысль второго программного выступления Лермонтова в «Отечественных записках»: журналистика — мощное средство «приуготовления» читателя к восприятию современных идей, воспитания в нем гражданской отзывчивости, способности и готовности идти вслед за писателем, вслед за журналом в «заговор идей». Но для этого сама журналистика должна стать иной и не бояться, если «читает нас и низший круг». «Толпу» надо поднять до «публики», «верноподданных» до «граждан»...

Здесь, как и в «Думе» — печальный взгляд на поколение, но уже через призму журналистики. Здесь речь идет о поколении читателей. Общая задача, поставленная в «Думе», здесь получила конкретный практический поворот. А еще более конкретизирует ее Лермонтов в предисловии ко второму изданию своего романа. Лермонтов жалуется там, что «читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок <...>». А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода <...>, она просто дурно воспитана». Белинский — журналист нового типа, и он начинал в это время воспитывать читателя, «приуготовливать» его читать не только строки, но и между строк.

Стихотворение Лермонтова было напечатано в 4-м номере журнала, и здесь оно попадало в своеобразный полемический контекст, начинало сложно взаимодействовать со взглядами Белинского.

Н. И. Мордовченко полагал, что Белинский, отправляясь на свидание с Лермонтовым в Ордонансгауз, захватил с собой номер «Отечественных записок» с опубликованным в нем этим стихотворением Лермонтова, затрагивающим столь важные литературные вопросы⁶⁵.

Оставляя открытым вопрос о том, брал или не брал Белинский с собой номер журнала, обратим внимание на то, что в том же 4-м номере появилась статья Белинского, в которой как раз и дана, впервые за все время участия Белинского в журнале, полемически острая оценка журнальной ситуации

начала 40-х годов и была подчеркнута роль «Отечественных записок», которые, как самый передовой журнал в России, во всем отличались от остальных журналов. Статья эта называется «Репертуар русского театра».

«Да! хороша журналистика!»—воскликает Белинский, как бы подхватив мысль Лермонтова. И тут задается «катка» «сквернавцу» Полевому, которого, по весьма вероятному предположению Н. И. Мордовченко, Лермонтов вывел в своем стихотворении под именем «журналиста». Затем Белинский, как бы подогреваемый желанием дополнить Лермонтова, ответить на его выводы о состоянии современной журналистики, договорить то, о чем поэт умолчал в своем стихотворении, с пафосом раскрывает значение «Отечественных записок».

«Вот что мы видим в нашем журнале, — сказал Белинский:— только в «Отечественных записках» еще раздаются песни старых корифеев нашей литературы; <...> только «Отечественные записки» представляют публике произведения молодых, ярких талантов, каковы Лермонтов, гр. Соллогуб, Жюльцов, Краснов, -Θ-и другие; только в «Отечественных записках» видно живое стремление к мысли, к идее, живая любовь к истине, живое участие к судьбе русской литературы и гордое отчуждение от всякого рода нелитературных интересов; в «Отечественных записках», как в последнем убежище, сомкнулось все, в чем есть жизнь, движение, талант; наконец, только «Отечественные записки» и бодры и молоды; выходя в срок с точностью хронометра <...>. Прибавим в заключение, — говорил Белинский, — если бы еще не «Отечественные записки», то современная русская литература действительно представляла бы собою апотеоз жалкой посредственности. «Отечественные записки» с каждою новою книжкою все более и более доказывают пустоту и ничтожность *единственных* представителей литературной деятельности нашей в 1838 году и показывают собою, чем должен быть журнал в наше время <...>. Впрочем, если мы будем безмолвствовать, кто же вступится за бедную русскую литературу, так безжалостно унижаемую в лице истинных, великих ее представителей?...»

Статья Белинского, помещенная в одном номере со стихотворением Лермонтова, дополняла оценку Лермонтова и явилась ярким примером сотрудничества критика с поэтом. Стихотворение датировано Лермонтовым 20 марта 1840 г., а 4-й номер вышел 14 апреля. Встреча в Ордонансгаузе произошла, по точным расчетам современных лермонтоведов, в промежутке с 13 по 15 апреля. Следовательно, пока набирался номер, Белинский, несомненно зная о стихотворении Лермонтова, успел написать в тот же номер свою статью, оказавшуюся

необходимым развитием и дополнением поднятой поэтом темы.

Таким образом, после воображаемого в стихотворении Лермонтова «разговора» писателя с журналистом, произошел другой «разговор» — Белинского с Лермонтовым на страницах 4-го номера «Отечественных записок», а уже после этого состоялся действительный разговор в Ордонансгаузе. На каждой из этих ступеней содержание «разговора» расширялось. При встрече критик увидел у Лермонтова уже не только печальный взгляд на поколение, а поэт нашел в Белинском журналиста-друга.

Но и на этом «разговор» не кончился. Обозревая литературу за 1840 год, Белинский открывает статью эпиграфом из «Думы», а на одной из заключительных страниц цитирует «Журналиста, читателя и писателя». В сфере критики Белинский снова поставил в полном объеме проблематику стихотворений Лермонтова, сделав из цитат обрамление статьи. Впервые обозревая литературу за год, Белинский выясняет, какова в этом доля «Отечественных записок». И эта доля сформулирована им чрезвычайно четко в словах, которые мы уже цитировали и теперь приведем снова: «Мы не думаем сказать о себе слишком много, сказав, что история современной журналистики и частью современной литературы русской есть история «Отечественных записок».

От решения вопроса о взаимопонимании между писателем, журналистом и читателем для Белинского зависит решение таких вопросов, как «есть ли у нас литература», «общество», общественная жизнь. От тезиса, выдвинутого им в «Литературных мечтаниях», «у нас нет литературы» Белинский отказался в 40-х годах, прежде всего благодаря практическому успеху «Отечественных записок», которые организовали мощное реалистическое направление в литературе, вооружив его передовой эстетической теорией, создали вокруг себя передовое «общество», подняли общественную жизнь на новую ступень.

В этом же обзоре за 1840 год Белинский писал: «Мы не без умысла распространились об «Отечественных записках». Статья наша должна быть обзором литературы русской за прошлый 1840 год; в литературе же журналистика играет у нас первую роль; а в области журналистики «Отечественные записки» играют роль какого-то центра, куда направляются удары всех прочих повременных изданий и откуда *новые слова* и *новые мысли* переходят, хотя и в искаженном виде, в прочие повременные издания. Кроме того, «Отечественные записки» были центром современной журналистики еще и потому, что только в них слышен был свежий голос живой современности, а не повторение старого и всем давно наскучившего;

только в них принимали деятельное участие и люди, уже давно стяжавшие себе славные имена, и люди молодых поколений, еще только выходящие на поприще литературы».

Эти слова — обобщение итогов работы, в которой значительнейшая доля принадлежит Белинскому и Лермонтову. Здесь мы находим практический ответ на тревожные вопросы обоих программных выступлений Лермонтова в «Отечественных записках», его «Думы» и «Журналист, читатель и писатель». Соответственно и Белинский два раза выступал с заявлениями, повторив в обзоре за 1840 год мотивы статьи о «Репертуаре русского театра».

Соподчиненная связь между литературой и журналистикой, между журналистикой и «Отечественными записками» в обзоре подчеркнута ярко и является не чем иным, как развитием мыслей, которые выдвинул Лермонтов в своем втором программном выступлении. «Отечественные записки» создали творческое содружество представителей различных поколений, вдохновив их на активную деятельность. Это означало, что «Отечественные записки» блестяще справлялись с задачей, которую Лермонтов поставил в своей печальной «Думе», и деятельное поколение 40-х годов уже не заслуживало ее упреков. Во всех звеньях этой работы Лермонтову, как мы видим, принадлежит великая роль.

В сотрудничестве Лермонтова и «Отечественных записок» проявилась ярко одна из характерных особенностей русского литературного процесса 40-х годов: тесное сближение, взаимодействие между художественной литературой и критикой. Сотрудничество Лермонтова с Белинским вводит нас в противоречия творческих, идейных связей между одним из ярчайших представителей последекабристского дворянского движения и первым русским революционным демократом на ранней и сложной стадии его формирования. Это сближение и взаимодействие было процессом их взаимного обогащения и творческого роста.

Творческое взаимодействие с журналом, своеобразно проявлявшееся, мы наблюдаем и на примерах Огарева и Кольцова.

Огарев, начавший печататься интенсивно в «Отечественных записках» в 1840 году, разрабатывал чрезвычайно важную в условиях эпохи тему дружбы, идейной солидарности («Старый дом», «На смерть М. Ю. Лермонтова»).

Одной из самых характерных особенностей его поэзии, ее стилевых (именно «огаревских») признаков является умение поэтически запечатлеть живой процесс перехода чувства тоски в торжественную, иногда тихо лелеемую радость жизни, деяния, на почве осознаваемой или предчувствуемой большой об-

щественной цели. Белинский намекал читателю на подтекст огаревских стихотворений: «Все эти пьесы,— писал он,— почерпнуты из столь глубокого, хотя и чистого чувства, что часто, не обнаруживая в себе прямой и определенной мысли, они погружают душу именно в невыразимое ощущение *того* чувства, которого сами они только как бы *невольные отзывы*, выброшенные *переполнившимся волнением*» (курсив мой. — В. К.)⁶⁶. Рецензируя стихотворения Огарева в 1856 году, Чернышевский прямо связывал поэта со «школой» 40-х годов (он указал годы 1840—1846), т. е., что для нас особенно важно, со «школой» «Отечественных записок», «в которой воспитался его талант»⁶⁷. Эта связь—ключ к творчеству Огарева 40-х годов, так еще не изученному до сих пор.

«Отечественные записки» вооружали могучими идеями музу другого крупного поэта—Кольцова. «<...> Мне все думается,— писал Кольцов Белинскому 15 августа 1840 года,— что ваши мнения быстро тащат меня вперед<...>. Апостол вы, а ваша речь—высокая, святая речь убеждения»⁶⁸. У Кольцова есть почти те же темы, что у Лермонтова и Огарева, но выражены они звуками «самодельной музыки». Давно уже «тащат» Кольцова мнения Белинского. «Умолкший поэт», напечатанный в «Отечественных записках» в 1840 году (написан в 1836 году), перекликался с лермонтовским «Поэтом», «Журналистом, читателем и писателем». Правда, у Кольцова нет усложненной, «образованной» рефлексии, он по-народному проще и прямее приходит к правильным выводам. Внутреннего недуга его поэт не знает, недуг—во внешней, грубой, дикой среде. Соотношение—поэт и невежество—чисто автобиографическое, свое, «кольцовское». «Это гениальный простолюдин,— писал Белинский о Кольцове,— в душе которого возникают вопросы, свойственные только людям, развитым наукою и образованием, и который высказывает эти глубокие вопросы в форме народной поэзии». Прямые попытки Кольцова выразить «субъект» и «объект» в своих «думах»—не единственная и, может быть, не самая главная связь его с идеями века. Эта связь в народности, в тяге к свету снизу, в стремлении навстречу «апостолу» Белинскому. В «Послании к Белинскому» (16 ноября 1839 года) Кольцов чутьем самородного социолога понял вред «примирения» и сам «тащил» критика вперед, «воевать за правду», «умереть на поле брани...».

* * *

Характеристику прозы 40-х годов обычно строят на фактах второй половины десятилетия, о которых у нас пойдет речь во второй и третьей главах: физиологические очерки, творчество

Герцена, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Салтыкова, Буткова, Даля и проч. Но традиционная суммарная характеристика совершенно смазывает живую поступь развития прозы в 40-х годах и своеобразие ее достижений на каждом этапе. При такой характеристике обычно совсем выпадает первый период 40-х годов, начальный этап формирования направления при помощи «Отечественных записок».

Первое, что бросается в глаза в прозе этого начального периода,— это изменение самого типа прозаика под влиянием журнального практицизма «Отечественных записок». Эта черта с годами проявлялась все ярче и ярче.

Панаев, Кудрявцев, Галахов — уже в первый период, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Салтыков — в последующие, — все они, прежде чем стали выдающимися прозаиками, прошли замечательную школу рецензентов, критиков, памфлетистов, публицистов, «студию» Белинского. Об искусствах, полученных в этой «студии», все они тепло вспоминали впоследствии. А это обстоятельство имело решающее значение для той открытой публицистичности, злободневности, которыми характеризуется проза 40-х годов. В общественно-публицистической практике, учившей видеть жизнь, мастерски сочетать идеи художественные с идеями социологическими и политическими, нуждались и автор сборника стихов «Мечты и звуки» (Некрасов), и долго себя искавший как прозаик автор «Параши» (Тургенев), и снискавший славу лицейского «Пушкина» тринадцатого набора, будущий автор «Противоречий» и «Запутанного дела» (Салтыков).

Эпистолярная и дневниковая исповедь 30-х годов вышла на публичную трибуну в произведениях последующего десятилетия. На страницах «Отечественных записок» разворачивалась крупнейшая, захватывающая духовная драма Белинского, в тайны которой была посвящена публика. Примирительные статьи и разрыв с примирением, перемена направления журнала и разъяснения этих ступеней движения вперед — все это были предметные уроки формирования убеждений и «диалектики души». В форме дневника Печорина написан «Герой нашего времени», Герцен публикует два отрывка «Из записок одного молодого человека», Гребенка — «Из записок студента», Галахов — «Из записок человека». Повесть Ф. Корфа «Прошлое» является «записками неизвестного». Отправление от исповеди души, от биографии, от «былого» и «дум» — характерная черта прозы «Отечественных записок». Проза пушкинской эпохи этого исповедального мотива не знала.

Но главным в прозе 40-х годов вообще является безусловно развитие полноценной русской художественной повести, с развернутым сюжетом, вымышленными героями, действия ко-

торых, однако, осмыслены под углом зрения той этики, морали, политики и социологии, которые настойчиво проповедовали «Отечественные записки». Это подтверждается почти всеми повестями Панаева, Галахова, Тургенева, Салтыкова.

В результате наметилось несколько сквозных, наиболее программных тем, которые проходят через все 40-е годы.

Тема развенчания «высшего света», пародирования его запечатлена в таких произведениях, как «Герой нашего времени», «Княжна Зизи», «Большой свет», «Лев». Косвенно бездушный свет разоблачен в «Истории двух калош», «Белой горячке».

Тема столкновения художника с враждебным обществом могла быть философски глубокой, богатой красками. Но она решается в «Отечественных записках» 1839—1841 годов еще традиционно романтически, в духе «Аббадонны» Полевого, «Живописца» Степанова.

В повестях Панаева «Дочь чиновного человека» и «Белая горячка» (образ Средневского), в «Истории двух калош» Соллогуба (образ Шульца) герои — не борцы, а жертвы обстоятельств, «жертвы нашего времени». Общество — только невежественная, а не социально-враждебная сила. Поэтому здесь много морали и мало обличения. Герои бедны идейным содержанием, у них только талант, и нет идей — этой духовной пищи 40-х годов. Средневский у Панаева — разночинец, но он — духовный эмбрион, он плохой теоретик своих несчастий. В этот период «Отечественным запискам» не удалось еще перевести конфликт художника с обществом в социальный план. Это удастся позднее в «Современнике» («Сорока-воровка» Герцена и роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» Некрасова).

Более глубокое философское и политическое осмысление в этот период получили социальные вопросы в теме — «герой» нашего времени. Здесь — прямые конфликты с обществом, удар по ходульному романтизму, борьба за «действительность» в фактах, в мыслях, в чувствах. Эта тема в XIX веке все время прогрессирует, по ней можно писать историю русской интеллигенции, смену этапов и сословий в русском освободительном движении.

Роман «Герой нашего времени», как произведение реалистическое, отразил много раздумий Лермонтова накануне его сотрудничества в «Отечественных записках». Главной идеей романа является развенчание скепсиса и эгоцентризма, хотя в силу еще родственной близости автора к своему герою это развенчание было неполным. Но Лермонтов поставил вопрос о «горьких лекарствах» от этих болезней: «Довольно людей кормили сластями...». В этом «довольно» — знамение 40-х

годов. Здесь прямой вызов романтикам и «ложно-величавой» школе.

Кто такой Печорин?— Один из типичных представителей того поколения, на которое печально смотрел Лермонтов и о котором в то же время писал: это «мы», «наше», «нам». В «Герое нашего времени», как и в «Думе», те же признаки болезни времени: холод тайный в душе, кровь кипящая и огонь в груди, любовь и ненависть случайные. В названии романа поэтому есть доля иронии. Геройство переживает какую-то метаморфозу в «наше» время. В способности трезво понимать свое действительное положение и значение Печорин — герой без кавычек. Напряженная работа мысли и есть главное геройство Печорина, роднящее его с самим Лермонтовым. Белинский объясняет сущность духовной работы, происходящей в Печорине так, как будто говорит о своем собственном философском развитии: «Дух его созрел для новых чувств и новых дум, сердце требует новой привязанности: *действительность*— вот сущность и характер всего этого нового» (IV, 253).

Но что же возвращает Печорина к героям «Думы»? Почему Белинский был уверен, что Лермонтов «навсегда расстался со своим Печориным»? Весь Печорин в потенциях, он многое обещает в будущем, оставаясь нераскрытым в настоящем. Печорин все время занят случайными делами: Бэла, Мери, Грушницкий. Печорин, кажется, ничего не читает... Он весь дан от характера, от натуры. Это же относится и к другим героям. Лермонтов, безусловно, любил Печорина, когда его создавал, но здесь создать — поистине означало расстаться.

Эгоцентризм Печорина в 40-х годах становился анахронизмом. Его поза потеряла значение, как и вылинявший «абстрактный героизм» 30-х годов. Печорин претендует на роль личности, история души которой любопытнее и полезнее истории целого народа. Но в 40-е годы в России закипела острая идейная, философская, литературная борьба. Печорин для нее — слишком «салонный человек...».

Именно так трактовали образ Печорина «Отечественные записки», восхищаясь в то же время тем, что Лермонтов поставил самый животрепещущий вопрос современности. Белинский писал, что автор, «решая слишком близкие сердцу своему вопросы, <...> не совсем успел освободиться от них и, так сказать, нередко в них путался». Но для более полного и удовлетворительного ответа на вопрос о подлинном герое времени, по словам Белинского, «нужен был великий перелом в жизни автора». Этому перелому помешала неожиданная смерть.

Новое слово в создании образа героя времени сказал Герцен в очерках «Из записок одного молодого человека». Это—

повествование о жизни молодой, кипящей, творческой, становящейся. Молодой человек у Герцена — нигилист и оптимист вместе. В содержании и направлении его критически работающей и развивающейся мысли мы угадываем идеи времени. «Из записок одного молодого человека» — произведение автобиографическое, по справедливому замечанию Я. Е. Эльсберга, отразившее результаты работы самого Герцена в «Отечественных записках» в 1840—1841 годах⁶⁹. Мирозрение героя Герцена не укладывается в официальные рамки.

Если в романе Лермонтова Печорин появляется сформировавшимся и уходит неразгаданным, то у Герцена вскрывается самый процесс духовного становления героя: вспоминаются Пушкин и Плутарх, рассказы о Робеспьере и «Разбойники» Шиллера, события 20-х годов, и, конечно, только из-за «датской собаки» (цензуры) не упомянут Рылеев. Потом «товарищи аудитории», университет, стихи о дружбе. Воссоздается картина воспитания, но не того денди, который воспет в «Онегине», а человека с пробудившимся общественно-отзывчивым сознанием.

Уже в отрочестве — половина кумиров героя под цензурным запретом. В «годы учения» входят и впечатления от людской, лакейской в «старом доме» отца. «Годы странствования» уготованы юноше на казенный счет: он ссыльный. Герой поставлен вне общества, после того, как он сам себя духовно поставил выше среды. Герой видит и ограниченность части «мыслящего» дворянства, и болото «малиновских» нравов, он отрицает не только плотоядную жизнь малиновцев, но и тип «скептика-неудачника» Трензинского. Осевший на землю скептик Трензинский — филистерский вариант отрезвления «действительностью». Огарев писал Герцену 11 апреля 1842 года: «Характер Трензинского мы пережили в себе. Остановиться на нем нельзя; это только момент преходящий. Мы чище и сильнее должны вынырнуть из этой горькой струи»⁷⁰. Образом Трензинского Герцен как бы хочет сказать, что бывает и такая «действительность» после бурных мечтаний; или — вот во что может выродиться борьба целого поколения за «действительность» в делах, фактах, мыслях и чувствах.

Процесс формирования молодого человека у Герцена не закончен, герой даже не на полдороге, но какие задатки, какое будущее! Суд над «угрюмой толпой» 30-х годов наступил гораздо скорее, чем думал Лермонтов. Правда, судья еще не потомок и не гражданин, но он уже плохой верноподданный, он поднадзорный, а это уже полдела... Герой Герцена жаждет «одействотворения», он «человек жизни», философ борьбы.

Так на страницах «Отечественных записок» Герцен вклю-

чился в споры о герое времени и подсказал направление, где его надо искать и в какую сторону он развивается. Герой — не в светской среде, он в университетах, он, как говорит автор, среди читателей «Московского телеграфа» и — можно было бы добавить — «Отечественных записок».

Произведение Герцена сложно взаимодействовало с «Отечественными записками». Когда Герцен писал: «Шиллер, благословляю тебя!», он спорил не только с Лермонтовым о «герое», но и с Белинским о Гете. Развенчание филистерства Гете, который оскорблял героя Герцена своим олимпийским холодом, звучало диссонансом в журнале по отношению к статье Белинского «Менцель — критик Гете».

Тема эмансипации женщины развивалась в 40-е годы не только под воздействием литературных факторов, но и философских и социально-политических учений этого времени. Она широко обсуждалась в романах Жорж Занд, в утопических системах, в статьях Белинского и в художественных произведениях. Эта тема была органически связана с предыдущей.

Смирение пушкинской Татьяны было превзойдено в 40-е годы, Вера у Лермонтова — замужняя женщина, но она страстно влюблена в Печорина и «верна» Печорину: единственная женщина, которая имела над ним некоторую власть. Но женщина у Лермонтова не высоко поставлена: «Я не люблю женщин с характером, — говорит Печорин, — их ли это дело!»

Но именно становление характеров теперь сделалось главным в женских образах. Литература отразила возрастающую силу интеллекта у женщин, их общественный пафос, их вмешательство в большую, настоящую жизнь (княжна Зизи в одноименной повести Одоевского, Софья в повести «Дочь чиновного человека» Панаева и др.). Эти образы свидетельствуют, что в 1839—1841 годы начинаются открытые эмансипаторские тенденции в русской литературе, приведшие к «тигренку» Круциферской («Кто виноват?»).

Художественные типы русской прозы создавались не только по наблюдениям над жизнью верхних слоев общества и передовых его элементов, но и низов. Литература вслед за Гоголем показывала всю тину мелочей, мерзости жизни основной невежественной массы провинциального дворянства. «Расейская действительность» обнажалась во всех своих сословных ярусах, подвергалась сатирическому осмеянию.

«Отечественные записки» восстановили тему «маленького человека», намеченную еще в «Станционном смотрителе» Пушкина. Правда, в 1839—1841 годы только лишь начинает развиваться «школа сентиментального натурализма» (В. Ви-

ноградов): «Максим Максимыч» Лермонтова, «Бедовик» Даля, «Записки студента» Гребенки.

Новое слово в эти годы состояло в том, что «маленькие люди» — бедняк-чиновник, бедняк-студент — были уже «теоретиками» своих несчастий. Конечно, это теоретизирование еще наивное и доморощенное. Но и оно уже свидетельствовало о пробуждении критического сознания в разночинной массе. Новый тип «маленького человека» громко заявляет себя и в письмах, которые «Отечественные записки» получали от читателей.

Мелкий секретарь в повести Даля, Евсей Лиров, жалуется на свои злоключения и неудачи по службе. Он выдумал слово «бедовик», в котором сосредоточилась вся его судьба. Ему кажется, что он этим словом «отомстил» своим притеснителям: пусть все знают, что я «бедовик». Студент в повести Гребенки восклицает: «Говорят, бедность не порок? Бессовестная ложь: порок, отлучающий человека от общества, кладущий печать отвержения на лицо человека, убивающий душу и тело!». Эта повесть была сильно изуродована цензурой, как об этом писал друзьям Белинский. Но в ней уже слышится мотив, который найдет отражение в «Запутанном деле» Салтыкова.

В чем был смысл начинавшегося в 1839—1841 годы поворота от обличения чиновничества, казалось бы навсегда утвержденного традицией XVIII века и «Ревизором» Гоголя, к сентиментальному сочувствию ему? Сатирическое изображение чиновничества никогда не замирало в русской литературе, а сентиментальное сочувствие было временным, специфическим явлением 40-х годов. Оно представляло собой одно из идейных течений внутри реалистического направления. На этом сочувствии дворянская литература 40-х годов училась социальному гуманизму: чиновник был ближайший «меньшой» брат. Литература разночинского периода, после 1861 года не знает этого сентиментализма по отношению к чиновникам; разночинец не мог допустить сентиментализма по отношению к самому себе. Писатели-народники снова начнут с таким же сентиментализмом «нагибаться» к народу, еще более «меньшому» и страждущему брату. Впрочем, уже и в 40-е годы в «Записках охотника» Тургенева, «Антоне Горемыке» Григоровича дворянский гуманизм возвысился над сентиментальным сочувствием и поставил крестьянскую тему как политическую и художественную проблему русской литературы. Одновременно Некрасов с новой силой напал на «крапивное семя» («Чиновник»), обогатив линию гоголевского «Ревизора» демократическим отрицанием порядков. И все же сентиментальное отображение жизни «маленьких» людей

в 40-е годы было явлением прогрессивным, обогащавшим реализм в социологическом и психологическом отношениях.

Итак, в пределах 1839—1841 годов интересы прозы смещаются от верхов дворянского общества к его основной провинциальной массе, в жизни которой эксплуататорская сущность строя выступает яснее и резче. Это смещение — результат утраты культурного престижа аристократическим дворянством и одновременно пробуждения сознания в среднем, разночинском слое, рост которого подтверждается материалами статистики, печатавшимися в «Отечественных записках» (отделы современной хроники и смеси).

Здесь проза, по сравнению с поэзией, далеко уходила вперед. Разночинец в поэзии еще не заговорил в этот период. Проза опережала поэзию и в вопросах эмансипации женщины. Поэзия 1839—1841 годов еще ограничивается субъективной лирикой. Поэма остановилась на революционно-романтическом типе: «Демон», «Мцыри». Новая поэма, поэма «действительности», с ее объективным изображением сложной современной проблематики, складывается подспудно в творчестве Тургенева и Огарева и появляется в печати в 1842—1846 годы, став фактом истории литературы.

Таким образом, в первый период школа уже сформировалась. Основные ее деятели — Даль, Панаев, Гребенка, Некрасов, Герцен — сгруппировались, характерные темы «маленького человека», эмансипации женщины поставлены и разрабатываются, реалистическая сущность творчества писателей школы определилась. Конечно, в 1839—1841 годы школе еще многого не хватает: устойчивого организованного самоопределения, полемического самоутверждения. Но практика художественного творчества никак не дает нам оснований совершенно зачеркивать 1839—1841 годы, этот самостоятельный период в становлении «натуральной школы», т. е. в широком смысле реализма, в котором такую выдающуюся роль играет и Лермонтов.

3

В какой мере критика «Отечественных записок» выражала теоретическую программу направления?

В 1839—1841 годы критика становилась самым боевым оружием «Отечественных записок». На первый план выдвигалась критика Белинского, она расширяла круг своих тем и перестраивала свои методологические основы. Создавалась развернутая программа направления критического реализма.

Однако «критический дебют «Отечественных записок» был неудачен», — вспоминал И. Панаев, указывая на помещенную в № 1 за 1839 г. (до приезда Белинского) сбивчивую ком-

пилятивную статью «Русская литература в 1838 году». В составлении этой статьи участвовал Н. И. Надеждин, как это видно из его содержательных писем Краевскому 25 ноября 1838 года и 24 февраля 1839 года.

Надеждину принадлежит самый конец статьи с характеристикой журналов. Но цензура выбросила из статьи насмешливые выпады против «двух сиамских близнецов», т. е., видимо, против Булгарина и Греча. Статья получилась бледная, с перепевами старых шеллингианских тезисов, особенно в теоретическом введении⁷¹. В программной статье не оказалось программы. Статья ревизовала многие мнения Белинского, приняты публичной, вводила свою периодизацию русской литературы: Ломоносов, Державин, Жуковский и Пушкин. Она принижала Лермонтова, фальсифицировала Пушкина, подгоняя народность поэта под уваровскую. Показательно почти полное умолчание о Гоголе в программной статье Краевского. Повести Марлинского провозглашались «ярким созвездием на горизонте русской словесности». Но с 1840 года «Отечественные записки» уже с иронией писали о «дивно узорчатых повестях Марлинского», а в специальной статье о нем (1840 г., № 2) Белинский восстановил целиком свою оценку этого писателя, утвержденную еще в «телескопский» период.

С приездом Белинского направление критики «Отечественных записок» начало заметно изменяться: Белинский восстановил прежде всего свою периодизацию: Ломоносов, Карамзин, Пушкин и Гоголь. Эти перемены в критике скрадываются более решительным и всесторонним изменением направления журнала с 1842 года; скрадывало их и примирение, но исподволь они совершались и накапливались в этот период беспрерывно.

В 1839 году в отделе критики «Отечественных записок» появилось пятнадцать статей. Значительными оказались только статьи Каткова «Песни русского народа» и Белинского «Очерки Бородинского сражения» (в последнем номере). Остальные темы статей случайные: по статистике, геогнозии, отъезды на переводы «Илиады», «Дон-Кихота» и второе издание «Фауста» (статья И. К. Гебгардта). За исключением хвалебного отъезда о «Басурмане» Лажечникова (1839 г., № 2, статья А. Галахова*), не было ни одного развернутого выступления по современной литературе. Если учесть примирительный характер единственной статьи Белинского, то можно сделать вывод об исключительной слабости критики в 1839 году.

1840 год был гораздо «популярнее и живее» (Белинский). Из четырнадцати статей в том же отделе восемь посвящены

* Авторство Галахова устанавливается впервые. См. приложение.

актуальнейшим литературным проблемам, из них шесть статей Белинского: «Горе от ума», «Полное собрание сочинений А. Марлинского», «Герой нашего времени» (две статьи), «Детские сказки бабушки Ирины», «Сочинения в стихах и прозе Д. Давыдова». Кроме того, в отделе науки — «Менцель — критик Гете». Итак — всего семь статей Белинского. Наряду с ними, заслуживают упоминания только статьи Каткова: об «Истории древней русской словесности» М. Максимо-вича и о «Сочинениях Сарры Толстой».

С 1841 года в критике безраздельно господствует Белинский. Из одиннадцати статей десять написаны им: годовой обзор за 1840 год, «Стихотворения Лермонтова», «Россия до Петра Великого» (две статьи), «Сто русских литераторов», «Римские элегии» Гёте, «Древние российские стихотворения» (четыре статьи). В № 6 должна была идти третья статья «Россия до Петра Великого», но ее запретила цензура, и поэтому номер демонстративно вышел без критической статьи. Кроме того, в отделе науки была еще напечатана статья Белинского «Разделение поэзии на роды и виды».

Важен сам факт такого преобладания критики Белинского в «Отечественных записках». Это сопровождалось изгнанием группы Погодина-Шевырева, падением авторитетов Каткова и Бакунина. В последующие периоды критика и библиография снова пополнились свежими силами, это были уже соратники, ученики, последователи, толкователи Белинского (Герцен, Боткин, Тургенев, Некрасов, Салтыков). Но теперь рост влияния Белинского был показателем выхода критики из эклектизма, это придавало ей глубокий философский характер. Год от года возникают в критике новые темы, жанры, приемы. Если 1840 год в критике был «популярнее и живее», то 1841 год был глубже и проблемнее. Появляется первый обзор литературы за год, циклы статей о допетровской Руси и о народной поэзии, теоретическая статья о разделении поэзии на роды и виды, именно по своему концептуальному значению попавшая в отдел науки. Наконец, с 1840 года, со статьи о «Герое нашего времени», начинается разрыв Белинского с примирением, перестраивается вся его методология, пересматриваются мнения, высказанные им в статьях «Очерки Бородинского сражения», «Менцель — критик Гетё», «Горе от ума».

В 1839 году критика отставала от литературы, в 1840 году она литературу догнала, но еще путалась в собственных противоречиях; с 1841 года критика идет вровень с литературой по проблематике, занята историческим и теоретическим осмыслением генеалогии современных явлений, превращается в направляющую силу, в последовательную теорию критического реализма.

«Отечественные записки» выдвинули в 1839—1841 годы множество проблем общезстетического, литературоведческого характера. В этом одна из особенностей критики «Отечественных записок» вообще и изучаемого периода в частности.

Здесь были проблемы: о сущности искусства и литературы, о соотношении прекрасного в жизни и в искусстве, о типическом, о цели поэзии, о поэте и обществе, о рефлексии и законности сатиры. С точки зрения этих проблем освещается значение поэзии Лермонтова и русской литературы вообще.

Многие теоретические положения у Белинского повторяются, переходят из статьи в статью. Эти отдельные положения легко группируются и складываются у Белинского в систему взглядов. Выводятся же они из следующих двух в сущности неравноценных формул: «искусство—мышление в образах» и «искусство — воспроизведение действительности». Именно поэтому критик все время интересуется одними и теми же вопросами и двигается от первой формулы ко второй, материалистически ее истолковывая. Поразительной чертой критики Белинского, верным признаком того, что она возведена у него на уровень теории, является его постоянное стремление выводить все категории и понятия из единого начала, объяснять с единой точки зрения.

Исходное положение эстетики Белинского — гегельянское: искусство — «непосредственное созерцание истины». Из этого тезиса вытекают обе вышеуказанные формулы. Но при этом надо учитывать следующие три обстоятельства.

Белинский считал, что искусство и литература развиваются по восходящей линии и нет предела их развитию. Между тем для Гегеля искусство — пройденная ступень развития субъективного духа, и современное искусство он не рассматривает. Гегель даже сомневается, достойно ли искусство научного рассмотрения. Таким образом, в вопросе применения своих эстетических теорий Белинский начинается там, где кончается Гегель.

С другой стороны, бросается в глаза реалистичность понимания Белинским тезиса Гегеля об искусстве как о непосредственном созерцании истины. По Гегелю, мышление есть первооснова мира. Мышление у него «непосредственно» само себя «созерцает» в искусстве. Белинский игнорирует эту особенность рассуждений Гегеля, он трактует непосредственное созерцание истины как отражение в сознании объективной реальности, истины действительности. По Гегелю, истина присутствует в самом мышлении, по Белинскому — в реальном

мире. Критик, конечно, не раз, вслед за Гегелем, говорит, что сама действительность есть воплощение абсолютного духа, но у критика главное место начинают занимать выводы, вытекающие из прямой посылки, что искусство — это воспроизведение, отражение жизни, т. е. непосредственное, без всяких идеалистических извращений. А это очень важное обстоятельство: Белинский выходит за рамки чисто имманентного объяснения причин развития искусства и смены его форм, он находит эти причины в самой литературе и в реальном историческом процессе. Абсолютная идея практически оказывается не при чем.

Наконец, последнее обстоятельство: многие положения Гегеля содержали в себе рациональное зерно, и здесь чрезвычайно важно выяснить, как они сами помогали Белинскому осмыслить опыт русской литературы (например, идеи о законосообразном развитии искусства, о единстве формы и содержания, об объективности критериев в искусстве и др.). Ведь не случайно же гегельянство оказало такое огромное воздействие на развитие реалистической критики Белинского.

Обратимся к вышеперечисленным проблемам статей Белинского.

На первом месте стоит один из самых основных вопросов эстетики: определение сущности искусства. Искусство определяется как «мышление в образах», как «непосредственное воспроизведение действительности». Реалистическое понимание Белинским второй формулировки нами выяснено. Что же представляла собой первая, чисто гегелевская формула, в чем ее реализм и в чем идеализм? Известно, что эта формула, благодаря Белинскому, широко распространилась в России и употребляется до сих пор.

Определение искусства как «мышления в образах» подчеркивает значение искусства, как идеологической формы («мышление»), наряду с наукой, философией, и тем наносит удар по теории «бессознательности» творчества, интуитивизму, субъективизму; оно указывает на специфику искусства («образность»). Раз искусство — «мышление», то на эстетику частично распространяется богатство категорий логики; эстетика делается, по Гегелю, возможной как наука. С этой точки зрения Белинский доказывает примат содержания над формой в искусстве. Но эту же гегелевскую формулу Белинский подменяет другими, так как она недостаточна. В ней совсем выпадает момент воплощения, создания произведения. Ведь не про себя у художника происходит «мышление в образах». Выпадает вся технологическая сторона искусства, что особенно бессмысленно в применении к архитектуре, скульптуре, живописи. В поэзии, где слово есть форма мысли,

этот недостаток формулы несколько скрадывается. Момент воплощения замысла, воплощения результатов «мышления» в образы, в материю искусства — не внешний момент, а глубоко творческий и познавательный. Только в процессе создания поэт — действительно поэт, он видит свой предмет, погружается в него, в идею, многое меняет и дополняет, здесь проявляется его искусство художника. Кроме того, «образным» человеческое мышление является на всех его ступенях. Образность свойственна обыкновенной речи, мышлению вообще, она вовсе не является привилегией только искусства. Искусство только там, где результат этого общего свойства человеческой мысли — быть образной во всех формах абстрагирования (образ предмета в представлении, образ предмета в понятии и образ предмета в художественном произведении) — получает свое конкретно-чувственное воплощение. Этим самым расширяется понятие образа: от образа в представлении до образа в искусстве, а в последнем — до типа и системы образов-типов. Образ в искусстве является единством образа в представлении и образа в понятии, или, как говорил Гегель, «единичным видением целого». Искусство показывает целое через часть, закономерное в форме единичного. Поэтому точнее было бы сказать: искусство есть обобщенно-образное отображение жизни, воплощенное в конкретных художественных произведениях. В искусстве мы имеем дело с произведениями, с готовыми результатами «мышления в образах», а не с намерениями и не с мышлением про себя.

Поэтому Белинский снабжает эту формулу побочными комментариями, соединяющими «мышление в образах» с конкретной практикой искусства, с законами, выводимыми непосредственно из последнего. «Поэт мыслит образами, — пишет Белинский в статье о «Горе от ума», — он не доказывает истины, а показывает ее». Этот момент показа Белинский формулирует много раз на все лады: «В искусстве что *показано*, то уже и *доказано*», «искусство есть воспроизведение действительности; следовательно, его задача не поправляться и не прикрашивать жизнь, а показывать ее так, как она есть в самом деле» («Менцель — критик Гете»). «Воспроизведение жизни так, как она есть в самом деле» — это опять реалистический отход от чисто имманентного мышления как первоосновы мира. Приведем еще примеры: «Создания поэта не суть списки или копии с действительности, но они сами суть действительность, как *возможность*, получившая свое *осуществление*» («Горе от ума»); «наука и искусство очищают золото действительности, перетопляют его в изящные формы. Следовательно, наука и искусство не выдумывают новой и не-

бывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовые материалы, готовые элементы, словом — готовое содержание; дают им приличную форму с соразмерными частями и доступным для нашего взора объемом со всех сторон» («Стихотворения М. Лермонтова»). Все определения — «берут», «очищают», «перетопляют» — связаны с реалистической конкретизацией главенствующих в эстетике Белинского 1839—1841 годов отвлеченных определений поэзии как «непосредственного созерцания истины», как «мышления в образах». Тезис об изображении жизни в «возможности» глубоко верен, он намекает на домысливание образов по логике их жизненного развития. Но этот тезис уже никак не может быть объяснен гегелевской формулой «искусство — мышление в образах», так как «домысливать» может только субъективное, активно отражательное, а не абсолютное мышление.

В чем цель искусства? Этот вопрос — ближайшее следствие из определений сущности искусства.

Цель искусства в истине, и в этом смысле, говорит Белинский, в самом искусстве. Многие из формулировок этих лет, не свободные от ошибок, иногда трактуются у нас, как выражение теории «чистого искусства». В самом деле, Белинский заявляет: «Поэзия не имеет никакой цели вне себя, но сама себе есть цель так же, как истина в знании, как благо в действии» («Стихотворения М. Лермонтова»), «поэт всего менее способен отзывать на современность» («Менцель — критик Гете»). Разберемся в том, что на самом деле хочет сказать Белинский.

Сквозной мыслью в статьях Белинского проходит отстаивание искусства как самостоятельного, суверенного способа познания истины. Белинский с ненавистью говорит о различных моралистах в искусстве, сектантах, стремящихся «бесконечное царство духа мерить маленьким масштабом своих моральных положений, которые они ошибочно принимают за нравственные» («Менцель — критик Гете»). Мы знаем, как дискредитировали литературу и критику Сенковский, Полевой, Шевырев, как извращали искусство «нравственно-сатирические» романы Булгарина, «патриотические» пьесы Кукольника. Белинский помогал становлению реализма. Очень важно было отмежевать искусство от подделок под него. Не случайно реалистическая эстетика начинает создаваться Белинским с пункта о суверенности искусства. В этом ее программное значение для реалистического направления русской литературы в 1839—1841 годы.

Конечно, у Белинского этих лет было слишком отвлеченное представление о подлинной социально-классовой при-

роде моральных и нравственных критериев. Но Белинский не выступал против связи искусства с обществом, наоборот, он ее искал, отстаивал, он боролся против «абстрактного пероизма», «крикливой отвлеченности», показной актуальности и примитивизма. Белинский утверждал служение искусства обществу, но не ценой отказа от того, что делает искусство самостоятельным и художественным способом познания жизни.

Вообще утверждения Белинского, встречающиеся и в позднейших статьях, о том, что искусство, прежде чем стать выражением какого-либо мирозерцания, должно быть искусством, о том, что, например, Пушкин призван был явить России искусство как искусство и проч., заслуживают гораздо большего внимания со стороны советского литературоведения, чем это было до сих пор.

Многие резкие и нечеткие формулировки у Белинского, дающие повод упрекать его в проповеди теории «чистого» искусства, в этот период непосредственно вытекали из характера его философского примирения.

В чем действительно заслуживал упрека Белинский, так это в отождествлении объективности искусства с объективизмом. Беда Белинского не в отрицании связи искусства с действительностью (он ее не отрицал), а в теоретически абстрактном понимании «действительности» и общественной борьбы. Современные интересы, политические партии он трактовал как эфемерные явления, порожденные субъективизмом, корыстью. В этом взгляде Белинского, конечно, отразилась неразвитость политической борьбы в России в 1839—1841 годы. И не случайно в следующий период критик начинает пересмотр всех положений эстетики с уразумения смысла общественной борьбы, ее важности, ее связи с «субстанциональными» интересами народа и истории, а также с определения своего собственного места в этой борьбе.

До этого пересмотра взглядов самым слабым местом эстетики Белинского была проблема мировоззрения художника, вопрос о роли мировоззрения в творчестве. По Белинскому, художник и не должен иметь мировоззрения в обычном смысле слова. Поэт — орган «всеобщего». Тезис Гегеля — «искусство — мышление в образах» — наносил удар по «бессознательности» творчества, но не раскрывал диалектики творчества. Ведь, по Гегелю, «мышление в образах» — это само себя мыслящее мышление. У Гегеля гений — художник прямо и непосредственно выражает истину. Идеализм бессильен решить гносеологические проблемы эстетики, хотя он может по-своему обстоятельно описать и исследовать их формы и связи. Белинский во многом вторит Гегелю: «У ге-

ния всегда есть инстинкт истины и действительности», «он не может выбирать тем для своих созданий, ибо без его ведома возникают в душе его таинственные явления, которые показывает он потом на диво миру» («Мендель — критик Гёте»).

Положения о творческой субъективности поэта, о его мировоззрении, подобно формулам о сущности искусства, обрастают у Белинского все более и более реалистическими комментариями, которые аналитически расщепляли представление о якобы всегда гармоническом, безмятежном вдохновении художника. Они показывали в поэте обыкновенного человека, даровитого смертного, подверженного всем перипетиям живой общественной борьбы.

Если в статье «Менцель — критик Гёте» поэт еще поставлен выше людей и общества, то в статье о «Стихотворениях М. Лермонтова» Белинский начинает разрушать это представление об автоматизме и гармонии поэтического вдохновения. Муза Лермонтова вносила много ясности в этот вопрос. Во-первых, признавалась могущественная связь поэта с обществом: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества». Во-вторых, объявлялись права рефлексии, т. е., что «переход из непосредственности в разумное сознание необходимо совершается через рефлексию, более или менее болезненную», что «наш век есть век сознания, философствующего духа, размышления, рефлексии»; утверждалось, что вопрос этот стал «альфой и омегой нашего времени». Здесь на примере творчества Лермонтова по существу поставлен вопрос о «мировоззрении» художника, вне которого ничего нельзя понять в его творчестве. Только рефлексия, ее конкретное содержание объясняет то, что поэзия Лермонтова — «совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества». В следующий период, на почве споров о Гоголе, Белинский пойдет еще дальше в этом вопросе, ему откроется сложная противоречивость взаимосвязей между творчеством и мировоззрением.

Таким образом, и в вопросе о сущности искусства, и о его цели и связи с обществом, и о мировоззрении художника. Белинский к 1841 году постигает подлинные связи искусства с действительностью, творчества с мировоззрением. Но все же в пункте о мировоззрении теория Белинского в меньшей степени обобщала богатую писательскую практику. Этот вопрос не имел у него еще той боевой силы, какую он приобрел позднее.

Сердцевиной эстетики Белинского является учение о ти-

пическом. Все определения искусства (как мышления в образах, непосредственного созерцания истины, воспроизведения действительности) получают свой настоящий смысл и конкретизацию в учении о типическом, без которого их легко подвести и под копирование жизни, под натурализм.

Учение об идеале, или о типическом, развивалось Гегелем, который указывал, что искусство изображает «властвующие законы природы и духа» в чувственной форме, характеры и ситуации, создает «концентрированную индивидуальность»⁷². «Идеал, — писал Белинский, — не есть собрание рассеянных по природе черт одной идеи и сосредоточенных на одном лице, потому что собрание не может не быть механическим <...>. Еще менее идеал может быть воображением того, чего и нет и быть не может, т. е. мечтою, или украшенной природою и усовершенствованными людьми — людьми, не как они суть, а какими будто бы они должны быть». Отелло, Дездемона — «лица типические, благодаря общей идее, в них выражающейся» («Горе от ума»). Искусство берет материалы у жизни, но «перетопляет» их в «изящные формы». Отсюда — проблема прекрасного в жизни и в искусстве. Белинский задолго до Чернышевского утверждал приоритет прекрасного в жизни над прекрасным в искусстве в том смысле, что первое является источником для другого. Это ясно из цитированных слов: «Наука и искусство не выдумывают новой и небывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовые материалы...» (IV, 491).

Типичными бывают не только лица, но и события, и субъективная рефлексия человека. Белинский заметил, что «живой человек носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества <...>». Такой эпохиально репрезентативной была, по Белинскому, рефлексия Лермонтова, по которой видно, что Лермонтов — совсем новое звено в истории русского общества.

По сравнению с Чернышевским Белинский обнаружил более диалектическое понимание всей проблемы в целом. «Поэзия есть выражение жизни, — писал он, — или, лучше сказать, сама жизнь. Мало того: в поэзии жизнь более является жизнью, нежели в самой действительности» («Стихотворения М. Лермонтова»). Это нужно принимать не в том, конечно, утилитарном смысле, что нарисованное яблоко лучше, вкуснее, чем яблоко реальное. Чернышевский здесь сильно упрощал вопрос. А в том, что нарисованное яблоко — продукт мышления, высшего движения материи, продукт обобщающей работы мозга, вскрывающей «властвующие законы природы и духа». Гегель писал: «Даже какая-нибудь плохонькая шальная фантазия, приходящая в голову человеку, стоит выше ка-

кого угодно произведения природы, ибо и в такой фантазии все же присутствует духовность и свобода»⁷³. В. И. Ленин согласился с тезисом Фейербаха, высказанным в «Лекциях о сущности религии», о том, что искусство не требует признания его произведений за *действительность*⁷⁴. Нарисованное яблоко противостоит яблоку действительному не в смысле утилитарности — можно или нельзя его съесть, — а в способности раскрыть сущность явления в его духовно-человеческой функции. В этом смысле нарисованное яблоко «большее» яблоко, чем то, которое висит на ветке. Все сказанное не противоречит тезисам Чернышевского: прекрасное есть жизнь, искусство есть приговор над действительностью, — оно лишь укрепляет их, подводит под них диалектическую базу, ибо здесь признается приоритет прекрасного в жизни, и удваивается его сила в искусстве, как в «человековедении».

Искусство поистине становится способом познания объективной реальности, оружием борьбы и перестройки жизни. Иное понимание было бы равнозначно той ошибке, которую допустил Белинский в период примирения, когда николаевская действительность объявлялась «разумной» (здесь она была бы «прекрасной»), взамен подлинно разумной действительности, которая отрицала ее.

Если положение о типическом было конкретизацией формулы «искусство есть мышление в образах», т. е. что искусство это обобщенно-образное отражение действительности, — то само типическое раскрывается в учении о единстве формы и содержания. В противовес общим фразам о том, что всякая форма содержательна и всякое содержание оформлено, Белинский говорит о действительно художественной форме, выражающей определенное эстетическое содержание. Критик точно выявляет исторически сложившиеся критерии для формы и содержания произведений. Проблема единства формы и содержания конкретизируется Белинским в ряде положений о художественности, поэтичности и беллетристике. Все это — различные ступени единства формы и содержания. Исходным для Белинского во всех построениях, конечно, является приоритет содержания над формой.

Белинский считает, что «всякое художественное произведение должно представлять собой особый, замкнутый в самом себе мир, то есть должно иметь единство действия, выходящее не из внешней формы, но из идеи, лежащей в его основании» («Горе от ума»). Эта идея им понималась как эстетическая идея, ставшая «пафосом» художника. Целостным произведение должно быть в силу раскрытия сущности явления. Содержанием для искусства является жизнь, но содержанием в искусстве — жизнь, эстетически понятая, обоб-

щенная и в этом смысле сюжетно замкнутая вокруг сущности предмета. Высшая ступень типизации называется у Белинского «художественностью», в свою очередь, представляющий совокупность эстетических признаков, которую он не определяет особой формулой, а лишь описывает в статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского». Но «художественность» нужна ему для оттенения двух следующих за ней ступеней типизма: «поэтичности» и «беллетристики», которые представляют собой совокупности других признаков. Признаки «художественности» такие: истина, естественность, простота («простота есть красота истины»), новизна образов, оригинальность, типичность, строгая замкнутость произведения. Истинно художественные образы многозначны, они обладают способностью бесконечно развиваться в сознании читателей из поколения в поколение, в силу значительности положенных в их основу общественных и эстетических идей. «Поэтичность» — ступенью ниже «художественности» (идеи здесь мельче, более случайные, временные, обобщение слабее). «Поэтичны», например, по Белинскому, «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» на фоне истинно «художественных» произведений «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и др. Еще ниже стоит «беллетристика».

Эта гибкая градация степеней типизма — отход Белинского от ригоризма абсолютной эстетики (Гегель таких отступлений от формулы абсолютного единства формы и содержания не допускал) в сторону законов, «выводимых прямо из творчества». Белинский узаконивал творчество молодых талантов, боевую беллетристику «натуральной школы», сближал литературу с жизнью. Белинский не считал беллетристику вульгаризацией искусства, наоборот, жаловался, что у нас мало беллетристов, призывал к разнообразию, гибкости, подготавливая беллетристике большое будущее. Все это будет развито критиком в последующие годы.

Из основной посылки: искусство — отражение действительности — выводится Белинским разделение поэзии на роды и виды. «Разделение поэзии на три рода, — писал Белинский, — лирическую, эпическую и драматическую — выходит из ее значения как *сознания истины* и, следовательно, из взаимных отношений сознающего духа — *субъекта* к предмету сознания — *объекту*» (III, 434). В акте познания всегда два компонента: субъект и объект. Лирика фиксирует внимание на тех эмоциональных процессах, которые сопровождают момент познания, эпос — на самом объекте, как он есть. В драме — воссоздание самой жизни, творимое на глазах зрителя: здесь единство субъективного и объективного. В драме пред-

ставляемое событие «рассказывается» в действии и одновременно «исповедуется» в чувстве.

Конечно, в таком чисто логическом разделении поэзии на роды нет еще истории, процесса, хотя сам Белинский показывал, чем отличается, например, современная лирика от древней, средневековой и проч. Но чем объяснить то, что до сих пор родов поэзии только три, а не два и не четыре? Исследования первобытных синкретических форм искусства в историческом плане показывают выделение из них самостоятельных форм искусства, а в поэзии трех ее родов, хотя трудно сказать, какой род выделился раньше.

Мы, разумеется, не можем согласиться с Белинским (и с Гегелем, которому он здесь следует), что драма — это «синтез» лирики и эпоса.

Логическое у Белинского не вполне увязывается с историческим в том пункте, где он провозглашает драму высшим родом поэзии, а трагедию высшим видом этого рода. Здесь история и конкретное положение вещей принесены в жертву схеме. Еще в 1835 г., в соответствии с опытом русской и мировой литературы, Белинский заявил, что такие виды эпоса, как повесть и роман, являются господствующими в современной литературе. Белинский объявил роман «эпосом нашего времени» и видел причины расцвета романа в его способности энциклопедически охватывать «сильно разбежавшуюся» современную жизнь. Разделение поэзии по гегелевской триаде не было обязательным для реального литературного процесса, но многие внутренние различия и специфические черты родов и видов поэзии Белинским были установлены и наблюдаемы правильно.

Наконец, Белинским разрабатывались проблемы трагического и комического. Исходными для них были положения об искусстве, как отражении действительности, и о «разумной» и «призрачной» действительности.

«Действительность есть положительное жизни; призрачность — ее отрицание» («Горе от ума»). Первая часть формулы вытекает из учения Белинского о «разумной» действительности, вторая связана с недооценкой критиком в этот период «идеи отрицания». Эту идею Белинский называет «призрачной». Правда, делается существенная оговорка, которая и отрицание возводит через типизм в ранг закономерного при условии, «если мы, оставив человека с его субъективной стороны, взглянем на него объективно, как на члена общества». И все же оба звена не уравнены Белинским в правах с самого начала. Критик считает, что «положение» автоматически и безошибочно действует в сознании поэта, «отрицание» же обставлено условием «если», при помощи которого всегда

можно объявить произведение «случайностью», «призрачностью, как это сделал Белинский в 1840 году в оценке «Горе от ума».

Сатира как изображение призрачного, без обобщения, отрицается Белинским. Для примера он с оговорками приводил «Недоросль» Фонвизина, «Ябеду» Капниста. Но уже в рецензии о сочинениях Дениса Давыдова и в обзоре за 1840 год его отношение к комедии Грибоедова меняется, и понятия «призрачности» и «отрицания» пересматриваются (см. письмо Белинского к Боткину от 11 декабря 1840 года).

Соответственно понятиям действительного и призрачного, Белинский разграничивает трагическое и комическое. В трагедии идея долга, т. е. закономерное, необходимое, разумное, побеждает частное, случайное, призрачное влечение сердца: общее торжествует над частным. В комедии частное не побеждает общего, этой высшей разумной действительности, но оно выставлено на показ, на сравнение с разумно необходимым и, поскольку это всегда к невыгоде частного, отсюда смех, осуждение, т. е. торжество закона, доказываемого от обратного. Учение о трагическом и комическом дано Белинским точно по Гегелю.

Белинский отмечает, что трагическое и комическое часто смешаны в произведении, как и в жизни. Среднее между трагедией и комедией — «драма». Тезис о драме родствен тезису о «беллетристике» и позднее возникшему тезису о «гениальном таланте», в отличие от «гения» и «таланта».

Интересным и ведущим прямо к Чернышевскому является замечание Белинского о необязательности кровавой развязки трагедии: «Когда герой трагедии выходит из борьбы победителем, то развязка может обойтись без крови, но <...> драма от этого не теряет своего трагического величия». В этом случае Белинский не считает, что над героем трагедии, вступающим в конфликт с обществом, непременно висит рок, судьба, фатум, неизбежная гибель. Белинский, как и Чернышевский (сказавший это более резко, в открытой полемике с идеалистической эстетикой), знает и оптимистический выход из противоречия, т. е. победу героя. В этом сказался пафос критика как борца, публициста, выходившего из трагического примирения с действительностью.

В статьях 1841 года уточняется и дорабатывается положение о сатире, которой сначала вовсе было отказано в типизме и художественности. Отрицание признавалось как факт действительности, как необходимейшее звено диалектики, священнейшее право, существующее наряду с положением, без чего мы останавливаемся только на полдороге к истине, в худшей из «крикливейших отвлеченностей». Последующее

признание сатиры приходит через то же признание прав на отрицание, через постижение типичности рефлексии. Новое утверждение впервые сделано в статье о стихотворениях Лермонтова при оценке «Думы». Фраза построена еще в условной форме, чтобы отделить сатиру от резонерства: «Если под «сатирою» <!> должно разуместь не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества,— то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род (терминологическая оговорка, надо бы — вид.— В. К.) поэзии» (IV, 522).

По вопросу о сатире у Белинского еще будут колебания, но уже найдена мерка действительности, которая сделает сатиру в его глазах самым необходимым элементом современной поэзии.

Наконец, в статьях о древних российских стихотворениях получили разработку категории: «национальность» и «народность» поэзии.

По Белинскому, национальность — это выражение разумных исторических тенденций жизни того или иного народа, взятого без различия классов и сословий. Национальным был, например, Пушкин.

Народность — это выражение специфически демократических взглядов и требований трудящегося народа, эксплуатируемого крестьянства. Такова устная народная поэзия, фольклор. В этом разграничении понятий важно выделение специфически народных интересов, наполнение понятия «народность» демократическим содержанием. Но вполне очевидна и узость этих определений.

Впоследствии, в «пушкинских» статьях, Белинский покажет глубокую взаимную связь, историческую и классовую обусловленность между понятиями «народность» и «национальность». А пока «народ» и «общество» у него идут врозь. Но в отличие от «Литературных мечтаний», Белинский отдает предпочтение национальному перед народным в том смысле, что национальное является выражением прогрессивных, вполне развитых требований всех классов народа, а народность — прогрессивных требований одного класса, в наивной форме, и зачастую требований отсталых. Ясно, что в 1841 г. Белинский еще не вполне осознал диалектическую связь между прогрессивными сторонами национальности и демократической сущностью народности. Когда критик увидит, что «образованное» общество, в работе сознания которого объективно отражаются коренные и вековые требования народа, что Пушкин, Гоголь и писатели «Отечественных записок» являются «партией» народа, то противопоставление национальности и народности у него почти исчезнет.

Всестороннюю разработку получили в это время также вопросы историко-литературной концепции. Сюда входят разграничения понятий в мировой и русской литературах: классицизм, романтизм, новейшее искусство, псевдоклассицизм, псевдоромантизм, непосредственная (народная) поэзия и художественная поэзия, словесность и литература, периодизация русской литературы и, наконец, вопрос «есть ли у нас литература?»

Основная посылка для разграничения классической и романтической поэзии у Белинского гегелевская: искусство — истина в созерцании. Классическое — это древнегреческое искусство, характеризующееся «уравновешением идеи с формой», а романтическое — средневековое, в котором «перевес идеи над формой» («Горе от ума»). Новейшее искусство примиряет обе эти крайности, соединяя в себе богатство романтического содержания и пластицизм классической формы.

Что важно в этих положениях? Важно, что этапы мирового искусства рассматриваются в их последовательности, с точки зрения соотношения формы и содержания, как поступательный процесс. Формы искусства соотнесены с историей, с неповторимым своеобразием каждого из этапов. История искусства представляет непрерывный процесс обогащения содержания и формы. Современное искусство есть искусство «действительности», полноты ее раскрытия. В тезисе о новейшем искусстве легко уловить реалистическую программу.

Однако именно в этой области Белинский впадает в наибольшую отвлеченность, которую отмечал в его критике 1839—1841 гг. Чернышевский. Руководствуясь гегелевской триадой, Белинский не признает органического характера за французским искусством XVII века, называя его псевдоклассицизмом, а искусство начала XIX века объявляет псевдоромантизмом. Серьезный разговор о них Белинский объявляет «смешной историей». Греко-римская помпа первого и средневеково-рыцарская — второго названы потугами на подражание и внешним копированием оригинальных форм. Белинский вовсе не объясняет необходимости этих помп и органичности обоих этапов поэзии, которые реально существовали и вызвали в свое время громадный резонанс во всех европейских странах.

Основная посылка критика — невозрожденность того, что уже прошло. Им верно подмечены догматизм псевдоклассицизма и псевдоромантизма, совпадение этих, по видимости противоположных, враждовавших направлений, в характерном для них обоих отвлеченном представлении о сущности

искусства. Белинский иронически называет их то классическим романтизмом, то романтическим классицизмом. Но все это чисто логический бой, игра словами, а не существенное раскрытие направлений, таких же исторически необходимых, как и собственно «чистый» классицизм и «чистый» романтизм.

С неизмеримо бóльшим историческим чутьем проведено у Белинского разграничение более широких понятий: «непосредственная», т. е. народная поэзия, и «художественная», т. е. современная поэзия. Последняя включает в себя классицизм, романтизм и новейшее искусство. Эти три этапа — суть этапы органического развития художественной поэзии. Но им предшествует еще этап непосредственной поэзии. На греческом материале он не может быть проиллюстрирован, так как догомеровские времена не поддаются изучению, однако этот период был и у греков и у других более поздних народов.

Этап непосредственной поэзии иллюстрируется Белинским на примере русской поэзии в статьях «Древние российские стихотворения», написанных в конце 1841 года. Русская поэзия, говорит Белинский, пройдя этап непосредственный, естественный, сразу попала в псевдоклассицизм и псевдоромантизм, искусственно перенесенные к нам из Западной Европы, не пережив органически этапы своего классицизма и романтизма. Отсюда — всякого рода искусственные «прививки», вроде — Жуковский открыл нам «Америку романтизма» и проч.

Исходным пунктом, как и во всех вопросах, для Белинского является тезис: искусство — непосредственное созерцание истины, или теперь еще добавляется — выражение мирозерцания народа. Фольклор — наивный, естественный, бессознательный этап выражения этого народного мирозерцания; художественная поэзия — сознательный, опосредованный (через мыслящее образованное общество) этап его выражения. Художественность требует еще одного условия, а именно, чтобы народ был всемирно-историческим народом, играющим заметную роль в судьбах человечества. Непосредственная поэзия зачастую выражает лишь узкоплеменное мирозерцание народов, не попавших на дорогу всемирного развития человечества (на нее попали, например, древние греки), и потому она имеет относительное художественное значение и не может состязаться с всемирно известными произведениями Шекспира и Байрона. Отсюда у Белинского — резавшее слух парадоксальное утверждение: «Одно небольшое стихотворение истинного художника-поэта неизмеримо выше всех произведений народной поэзии вместе взятых». Это утверждение не было понято в своем подлинном значении позднейшими учеными: Бураковским, Буслаевым, которые спорили с

Белинским, а также Лободой, Каллашем, Пыпиным, Венгеровым, которые недооценивали научное значение статей Белинского по фольклору. Этот наивный, непосредственный этап младенческой народной поэзии, по Белинскому, невозроdim, и поэтому критик восстает против всяких подделок под народную поэзию, в том числе и против сказок Пушкина и Жуковского. Но и здесь отвлеченная логика перевесила непосредственное эстетическое чутье, особенно по отношению к Пушкину.

И все же Белинский был прав в целом. Он не отрицал фольклора, но ставил его на свое место, рассматривая народную поэзию и литературу в преемственности, как звенья единого исторического развития поэзии народа, выражающей его миросозерцание. «Художественная поэзия,— писал он,— находится в тесном родстве с естественною, ибо, так сказать, вырастает на ее почве». Прогресс содержания и формы в новейшей поэзии не лишает народную поэзию известного эстетического обаяния. Белинский задолго до К. Маркса, хотя и без его последовательного научного понимания вопроса, отмечал неповторимое обаяние искусства прошлых веков.

В статьях о «Древних российских стихотворениях», продолжая разделять поэзию на роды и виды, Белинский пытается отыскать в применении к народной поэзии историческую почву, выдвигает здесь на первый план исторически-причинную связь появления и смены различных форм и жанров в фольклоре. В этом случае перед нами существенный теоретический сдвиг по сравнению со статьей «Разделение поэзии на роды и виды». Белинский действительно впервые установил иерархию жанров в народной поэзии по принципу возрастания в них реально исторического, бытового содержания: от владимирских былин к новгородским, от исторических песен к разбойничьим, удалым, «улегитимированным» общественным мнением, вопреки властям и царским указам, и к лирическим, в которых слышится громкий голос настоящего, так как народ их и сейчас пел, провожая рекрута или выдавая невесту замуж.

В трактовке народных песен Белинский выступает глубоким социологом. Социологизм у Белинского взаимосвязан со сложными философскими и эстетическими идеями. Белинский находит подлинный стык между фольклором и литературой по линии освободительных мотивов, борьбы против гнета, прославления сильных духом, смелых и отважных борцов, по линии выражения особой народной точки зрения на исторические события, далекой от позиций официальной народности. Современная литература подхватывает эти мотивы

и развивает их на более совершенном этапе борьбы, более совершенными средствами.

Но и развитие художественной поэзии, по Белинскому, проходит в несколько этапов. Понятие «литература» уточняется Белинским в своем объеме и значении. В статье «Русская литература в 1840 году» Белинский разъясняет, что такое «словесность» и «литература». Здесь Белинский проводит разграничение, которое впервые высказал Катков в статье о «Древней русской словесности» М. Максимовича (1840, № 4). Белинский ссылается на Каткова. «Словесность» — это сбор случайных произведений, существующих только потому, что есть «слово» и «язык». Таковы, по Белинскому, древняя русская литература и отчасти «ломоносовский» и «карамзинский» периоды литературы XVIII века. Все это вместе взятое — своего рода вступление к литературе, которая начинается с Пушкина. «Литература» — это выражение духа народа, его мирозерцания, «словесность» есть клад, зарытый в земле и немногими знаемый.

Что реально означало такое разграничение? Оно означало, что Белинский на всех этапах ищет живой, действующий нерв национальной поэзии, и, не довольствуясь достигнутым современной литературой, применяет всегда высшую мерку: «Мирозерцание всякого народа есть зерно, сущность (субстанция) его духа, тот инстинктивный внутренний взгляд на мир, с которым он родился, как с непосредственным открытием истины и который есть его сила, жизнь и значение...», а «мирозерцание есть источник и основа литературы». Конечно, требовалось реально объяснить само «мирозерцание народа». В этом объяснении заключался весь смысл последующего развития Белинского.

А пока на практике Белинский зачеркивал значение двух важных этапов развития русской литературы: древнего и XVIII века. Здесь мы имеем дело с такой же абстракцией, как и в вопросе о псевдоклассицизме и псевдоромантизме. Можно, конечно, в какой-то мере оправдать Белинского тем, что древняя русская литература и даже литература XVIII века в 40-х годах не были достаточно изучены и напоминали каталог, а не живой процесс развития. Но остается фактом то, что Белинский до конца жизни не замечал древней русской литературы. Целых два звена недооценивались в разработанной Белинским историко-литературной концепции.

И все-таки недостатки концепции не должны заслонять для нас большого подвига «Отечественных записок», которые впервые так широко поставили все эти вопросы. Концепция Белинского поражает своей грандиозностью, попыткой последовательно, философски и исторически, с единой точки зре-

ния (а именно — искусство это воспроизведение жизни) объяснить такое громадное количество явлений в истории мировой и особенно русской поэзии с ее древнейших времен и до последних современных произведений.

Вопрос «есть ли у нас литература?», выдвинутый с отрицательным ответом еще в «Литературных мечтаниях», сопровождался теперь Белинским многими оговорками, в которых зрел исторически объективный и конкретный положительный ответ. Симптоматическими в этом отношении являются статья «Русская литература в 1840 году» и одно примечание в статье «Стихотворения М. Лермонтова».

Главной причиной отрицания существования русской литературы было, по Белинскому, то, что литература является у нас выражением «общества», а не «народа», между тем как народ и общество в России с Петра I пошли врозь. Именно вопрос о связи общества с народом теперь и подвергается Белинским коренному пересмотру.

Белинский по мере отхода от абсолютного способа суждения и развития им идеи отрицания начинает понимать, что в мыслящей части передового общества живет «дух народа», выражается «миросозерцание народа», и даже ярче и полнее, чем в самом народе. Сказав, что поэзия Лермонтова «совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества» (а не народа), Белинский не видит здесь никакого противоречия со своими новыми убеждениями. Он только считает нужным сделать примечание для читателей: «Заметим для большей ясности и «точности», что, говоря об обществе, мы разумеем только чувствующих и мыслящих людей нового поколения». Граница теперь проходит не между «обществом» и «народом», а между обществом мыслящим и обществом немыслящим, последнее по-прежнему идет врозь с народом и против народа. Теперь существование русской литературы отрицается уже по новым мотивам, а именно в силу того, что в самом обществе есть какие-то препятствия или недостатки (слабая сознательность, солидарность, сплоченность). Белинский со всей страстью теперь подвергает критике недостатки современного общества, поколения, публики и проч. и тем содействует развитию действительно передового общества.

К пересмотру тезиса «у нас нет литературы» Белинский пришел в результате успехов журналистики и литературы («литература у нас вся в журналах»), роста публики, которая создавалась, живо начинала реагировать, проявлять «миросозерцание», жить в контакте с литературой, «выражаться» в ней и каждодневно доказывать собой, что она «есть», «существует»: «вопрос о публике решает вопрос о ли-

тературе, и наоборот». Именно практический успех «Отечественных записок» развязывал здесь все узлы. Журналистика вводила литературную жизнь в свой периодический ритм, сообщала ей ту идейную направленность, программность, которые уже сами по себе свидетельствовали об органичности литературного процесса.

Все взаимные упреки писателей к публике, публики к писателям и журналистике Белинский снова рассмотрел вслед за Лермонтовым. «С кого они портреты пишут?» — сказал поэт и сказал великую правду о писателях, — говорит Белинский в обзоре литературы за 1840 год, подразумевая под «поэтом» Лермонтова, и тут же добавляет: «хотя и не разрешил этим вопроса». «Заведите с кем угодно спор, — продолжает Белинский, — о причинах этой бесплодности, — вы всегда услышите одно и то же: производители обвиняют потребителей, а публика авторов и сочинителей». Но «причина не в авторах и не в публике, — подчеркивает Белинский, — потому что они сами — только результаты другой, более общей причины». Причина — в слабости общественной жизни России: «Недостаток внутренней жизни, недостаток жизненного содержания, отсутствие миросозерцания — вот причина...». Все, что говорит у Лермонтова писатель о публике, о ее «неприготовленном взоре», о непонятой подчас «пророческой речи», все это повторяет Белинский от себя, от «Отечественных записок», с той только разницей, что в его устах пророческая речь не замирает, а звучит. Наперекор инертной массе, отвергая все упреки, журнал воспитывал читателя, поднимал «толпу» до «публики», ставил ее стихийный бунт под знамя своих все более и более радикальных идей.

Слова Белинского об «Отечественных записках», как о «единственно» достойном своей эпохи русском журнале, органе направления были боевым вызовом реакции.

* * *

Гибким и диалектичным становится критический метод Белинского. К оценке «Горя от ума» и «Ревизора» — явлений литературного прошлого — Белинский подходил с предвзятой идеей, превозносил «Ревизора» и отрицал «Горе от ума». Он смотрел на комедии лишь как на иллюстрации положений априорной теории.

Но в «Герое нашего времени» критик уже видит живую, на глазах совершающуюся современность. Пересказ романа Лермонтова в статье Белинского имеет совсем другую цель, чем пересказ комедий в статье о «Горе от ума». Там грибоедовская комедия была заранее осуждена. Здесь задача —

найти объяснение фактам. Белинский идет добросовестнейшим путем «действительности», воспроизводя все мотивы романа, мысли, чувства героя. Печорин воссоздан с точки зрения его внутренней, исторической и психологической правды, как живой русский молодой человек своего времени. Этот пересказ у Белинского преследует цель вскрытия всех линий и узлов романа. Таким методом устанавливается и восполняется недосказанность образа Печорина и перспективы развития Лермонтова. Статья Белинского о «Герое нашего времени» показывала процесс рождения критической теории из фактов, она учила методу «критики действительной».

Первый годовой обзор литературы вводил этот метод в твердые берега жанра. Здесь «пересказывался» годовой литературный процесс, вычерчивались его основные линии.

При анализе стихотворений Лермонтова все настроения поэта трактуются Белинским как типичные для эпохи. Белинский начинает искать различия между явлениями, восхищаться творческой индивидуальностью каждого писателя, маститого и молодого, больше доказывает и раскрывает и меньше подгоняет факты под теории.

Простоту и естественность рассказа, такт действительности, гуманность направления отмечал Белинский в повестях «Аптекарьша» и «История двух калош» Соллогуба. У Панаева было нечто от зрелого тургеневского таланта: злоба дня в пластических образах; пробивалась и сатирическая нотка. Белинский подчеркивал современность, беллетристичность повестей Панаева, содержащих множество намеков на будни 40-х годов. У Кудрявцева критик подметил «грустно-зловещий колорит», «вкрадчивую манеру» завлекать читателя и умение завязать целую драму на самых обыкновенных повседневных случаях (особенно в «Последнем визите»). По поводу повести Кудрявцева «Звезда» Белинский сказал, что тут фантастическое выше гофмановского, так как «взято из действительности». Это был камень, брошенный и в сторону «мистико-фантастического» сиятельства, Одоевского. Присутствие «живых общественных интересов» отмечал критик в повестях Зенеиды Р-вой (Е. Ган). Недостатком повести Ган «Теофания Аббадджо»* было пренебрежение сюжетом, так как сюжет для нее «имеет значение оперного либретто, на которое она потом пишет музыку своих ощущений и мыслей». Белинский порицал любованию у некоторых писателей своими героями. Это относится к Н. Дуровой (псевдоним «Александров»), М. Жуковой, повести которых печатались в «Отечественных записках». Основьяненко он упрекал в на-

* Опубликовано в «Библиотеке для чтения».

турализме, развлекательности. «Пан Халявский», — писал Белинский к Краевскому, — для первого чтения потешен и забавен, но при втором чтении с него немного тошнит. Это не творчество, а штучная работа, сбор анекдотов».

Критика — не только наука открывать красоты и недостатки в произведениях, как говорил Пушкин, но и самостоятельная разведка жизни. Сила критики Белинского в том, что он знал жизнь и мог всегда выправлять художественный образ по логике жизни. Эта критика подсказывала вопросы искусству, нацеливала его на новые темы и проблемы. Она сама, по-своему, тут же зарисовывала образы, создавала типы, гротески и карикатуры, вторгаясь в область беллетристики. Это был параллельный с искусством процесс познания действительности, публицистического освоения мира, перекрещивавшийся в своих результатах с откровениями искусства.

Итак, эстетическая программа направления заключалась в рассмотренных выше общих проблемах искусства, в подготовлявшемся положении о том, что «у нас есть литература». Литература «есть» как органически развивающийся процесс, как выражение «общества», а передовое общество есть как объективное выражение народных интересов. Если есть литература — значит есть в ней живая преемственность, традиции, направление.

Те выводы, к которым начинал приходить теперь Белинский, во многом отличались от выводов «телескопского» периода.

Конечно, здесь много было и преемственных связей: периодизация осталась прежней, заслуги Гоголя еще более оценены. Но начинала меняться «философия» статей Белинского, начинали сказываться все результаты его примирения с действительностью и разрыва с этим примирением. Белинский глубже постиг связь, существующую между «обществом» и народом, между литературой и «обществом». Критика интересует общие гносеологические предпосылки реалистического искусства, он хочет с единой точки зрения, последовательно объяснить возможно больший круг явлений в современной литературе, его интересует не только сам Гоголь, но и движение в целом, судьба складывающегося направления. Творчество второстепенных писателей привлекает его внимание, и он оценивает их не только с точки зрения жанровой специфики или мастерства, но прежде всего с точки зрения актуальности тематики, их причастности к общему складывающемуся направлению. В этот период Белинский ставит сквозные для всех 40-х годов эстетические проблемы.

Мысль Белинского о том, что искусство не создает жизни небывалой, а творит на основе той, которая есть, на основе

действительности — это не что иное, как коренное положение о поэзии «натуральной», о «натуральном» направлении в литературе. Положения об истине, простоте художественных созданий относятся также к учению о поэзии действительности, о поэзии «натуральной». Положение о беллетристике, о сатире — из кодекса «натуральной школы». Война с ложной моральностью, назидательностью в литературе — это удар по реальным противникам направления, по ходульному дидактизму Булгариных и проч.

Главным критерием при анализе повестей и стихотворений Лермонтова, Герцена, Даля, Одоевского, Кудрявцева, Панаева, Соллогуба, Огарева, Кольцова в критике Белинского является «действительность». Эта единая мерка не мешает ему видеть индивидуальные различия между писателями, группирующимися вокруг «Отечественных записок». А это — критерий, которым Белинский будет оценивать писателей «натуральной школы» во второй половине 40-х годов, среди которых будут все те же: Герцен, Панаев, Даль, Кудрявцев и другие.

Наконец, защита «Отечественных записок», как единственного журнала, в котором находит приют все живое, прогрессивное, развивающееся в русской литературе, была не чем иным, как возвышением органа направления, которое сознает свою силу. Слова о том, что в этом органе сотрудничают старые и молодые литераторы, прямо указывали на объединяющую функцию «Отечественных записок», на организацию ими направления.

4

Складывающееся реалистическое направление русской литературы, боевым органом которого были «Отечественные записки», утверждалось в ожесточенной борьбе с различными противниками.

Полемика разгоралась в связи с успехами журнала и нарастала из периода в период, становясь систематической и непрекращающейся. По вопросам: Россия и Запад, есть ли у нас литература, «натуральное» направление, что такое народная поэзия, каково значение «Героя нашего времени», стихотворений Лермонтова, «Мертвых душ» Гоголя, творчества плеяды молодых писателей — высказывались все журналы. Если раньше полемика вспыхивала от случая к случаю («Руслан и Людмила», 7 глава «Евгения Онегина», «Борис Годунов», «Миргород»), то в 40-х годах она превратилась в сплошное, непрекращающееся сражение, со своими маневрами, перегруппировками, наступлениями и отступлениями. Именно 40-е годы явились эпохой бурных стычек, журналь-

ных битв, в которых были завязаны узлы всех последующих противоречий. Все это отражало небывалое, открытое идейное размежевание в литературном движении России.

Первым звеном в борьбе «Отечественных записок» всегда было столкновение с царской цензурой. Борьба «Отечественных записок» с цензурой, так отрывочно, лишь по письмам Белинского нам известная, была всегда скрытой от читателей, но от этого не менее драматической и многозначительной. По остроумному замечанию К. Маркса, «цензура — это официальная критика». Официальная критика имела в обществе своих агентов и вольных и невольных подпевал, сознающих и не сознающих свою роль. Вслед за цензурой в полемику втягивались ревнители официальной народности, славянофилы и прочие противники «Отечественных записок», иногда прибегавшие к доносам, т. е. к прямому сотрудничеству с жандармами.

Цензура была одной из главных «умственных препон» при Николае I. Она вступила в эпоху наибольшей подозрительности и действовала в подчинении у 3 Отделения. «Чугунный устав» 1826 года, заново сформулированный в 1828 году и обросший несчетным количеством циркуляров и указов, действовал на всем протяжении царствования Николая I, вплоть до «Временных правил о печати» 1865 года. Вся цензура была в руках министра народного просвещения С. С. Уварова. Цензурная система была сложной и запутанной. С литературой воевала не только официальная цензура, но и весь государственный аппарат: министерства, ведомства, департаменты, синод. Либеральный цензор А. В. Никитенко насчитал «двенадцать» цензурных инстанций. Каждая статья устава что-нибудь да запрещала.

Верховным органом считалось Главное управление цензуры в Петербурге под начальством Уварова. В его ведении находились цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Вильно, Киеве, Одессе, Тифлисе. В Риге был «отдельный цензор» (с 1840 г. Я. Неверов). Комитеты находились под начальством попечителей учебных округов. Членами комитетов были цензоры. Они закреплялись за периодическими изданиями на год. Цензорами «Отечественных записок» в разное время были: А. Никитенко, С. Куторга, П. Корсаков, А. Фрейганг, А. Мехелин, А. Крылов, А. Очкин, В. Лангер, В. Ольдекоп, Ю. Шидловский. Все затруднительные случаи цензоры выносили на рассмотрение комитета «соборне». Сюда же вызывались для «внушений» авторы и издатели. Здесь не раз Краевский «отстаивал» статьи «Отечественных записок». Прощтрафившихся цензоров царь сажал на гауптвахту вместе с пьяными прапорщиками. Деспот и лицемер Николай I объ-

явил родными братьями не только самодержавие и народность, но и профессоров с цензорами, цензоров с жандармами. Все перестраховывались. Цензоры выносили дела на комитет, комитет — в главное управление, а из канцелярии Уварова их возили к Цепному мосту на рассмотрение «хозяев» русской литературы Бенкендорфа и Дубельта.

Запрещалась полемика, запрещалось говорить о крепостном состоянии крестьян в России и об освобождении негров во французских колониях, о вольнодумцах XVIII века и о фурьеристах; категорически отвергался ряд модных иностранных романов, а прочие было не велено печатать по частям, не зная их окончаний. Запрещалось ругать офицеров и чиновников. За повесть «Прекрасный человек» («Отечественные записки»), в которой упоминается «Измайловский офицер», пропахнувший «жуковским табаком», автору ее, Панаеву, грозили гауптвахтой, ибо усмотрели в повести оскорбление чести лейб-гвардейского Измайловского полка. Нельзя было хвалить освободительную борьбу южных славян, ибо никому не дано знать предначертаний правительства. Нельзя критиковать высочайше одобренную «Историю России» Н. Устрялова, но нельзя также возбуждать в публике «необдуманные порывы патриотизма». Запрещаются «Письма темных людей», четвертый век колеблющие всякие веры и престолы, и нельзя писать: «окровавленная тюника Кесаря», «цари низложены с престола», нельзя говорить про русскую царичу: «сердце у Елизаветы было *слишком* нежно». Нельзя говорить о немецких крамольниках Гейне и Берне, но также и о «пьянстве в России», ибо водка находится в монополии царствующего дома. Цензура ломает голову: пропустить ли в «Отечественные записки» строку Лермонтова «И стали три пальмы на бога роптать»? Из «Думы» выкинули слова: «Перед опасностью позорно малодушны, и перед властью — презренные рабы». Безусловно запрещенными оказались предназначавшиеся для «Отечественных записок» и «Литературной газеты» драма Лажечникова «Горбун», в которой изображались «совершенно невозможные» в российской империи фальшивомонетки, и статья «Современная французская журналистика» (перевод с английского), в которой усмотрели «политику». Политику усмотрели и во второй статье «О Версале» («Отечественные записки») М. С. Куторги, выдающегося профессора Петербургского университета. После этого автор закаялся писать, а один студент, по словам Никитенко, начал обвинять Куторгу в «противонациональном направлении его лекций». Перед самой отправкой журнала, на почте, вырезается из «Отечественных записок» рецензия на книгу Хамар Дабанова (Е. П. Лачиновой) «Проделки на

Кавказе», запрет на которую последовал неожиданно. Цензура разрешает «Северной пчеле» статью «О поимке Пугачева» и запрещает в «Отечественных записках» «преинтересную», по словам Белинского, статью о Пугачеве — запись подлинного рассказа «полковника» пугачевской службы Дементия Верхоланцова (сохранилась в архиве Краевского) *.

Краевский просит Никитенко провести через комитет «Венецианского купца» Шекспира в переводе Н. Ф. Павлова, с нечестивыми фразами «жида и ростовщика» Шейлока, смешанными со словами из священного писания. Цензор Корсаков запрашивает комитет, можно ли пропустить в «Отечественные записки» перевод «Коринфской невесты» Гете. Комитет, по указанию синода, запрещает, ибо находит, что божественный Гете «недостаточно выражает в стихотворении торжество христианства над язычеством». Но сам комитет трусит и запрашивает главное управление, можно ли Краевскому с 1840 года переименовать «Литературные прибавления» в «Литературную газету» с прежней программой. Главное же управление, боясь доносов Булгарина, запрашивает 3 Отделение, действительно ли вездесущему Видоку Фиглярину разрешено печатать театральные статьи, не сносаясь с цензурой на общих основаниях... и т. д. и т. п.⁷⁵.

* * *

В «Отечественных записках» постоянно велась внутренняя полемика. Белинским «отменялись» приговоры, суждения журнала, высказанные до его приезда (например, в вопросе оценки Марлинского, периодизации русской литературы). В журнале прямо столкнулись два проекта: намерение Я. Неверова написать «Историю русской литературы» и Белинского написать «Теоретический и критический курс русской литературы». Некоторые материалы и положения из обоих трудов, попавшие в журнал, свидетельствовали об антагонизме многих точек зрения Белинского и Неверова.

Скрытую полемику вел Белинский с Катковым в статьях «Древние российские стихотворения» (1841). Катков выступал на ту же тему со статьями «Песни русского народа» в 1839 году. Гегельянская подкладка и у Белинского и у Каткова очевидна. Но Белинский следит за возрастанием «разумного» начала в фольклоре, у Каткова же развитие фольклора представляется обратно пропорциональным по отношению к «истинному» народному идеалу. Катков считает, что былины

* Рассказ по другим записям опубликован в «Русской беседе», 1856 г., т. IV, «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1862 г., кн. 3, и в «Пермских ведомостях», 1864 г., № 2.

выразили золотой век русской народности, а в исторических песнях «голый элемент фактичности начинает торжествовать над эпическим, вследствие этого интерес к ним понижается, колорит их холоднее, краски бледнее, народный идеал выражается в них уже не с такою полнотою и не с такою силою, как в предыдущих песнях» (т. е. былинах). Если Белинский специально остановился на разбойничьих, удалых песнях, увидев в них отражение протеста, бунтарской самостоятельности народа, то Катков опасается, «как бы они не увели нас далеко». Тенденция статей Белинского — отыскать историческую почву в народной поэзии, тенденция Каткова — все потопить в абстракциях; Белинский прослеживает нарастание протеста в исторически преемственных жанрах народной поэзии, Катков объявляет венцом всех внутренних стремлений русской истории «дивную монархию». У Белинского фольклор растет «навстречу» современной литературе, Катков отрывает фольклор от литературы⁷⁶. В «Критической истории русской литературы» (более поздний вариант названия первоначального замысла «Теоретического и критического курса русской литературы») Белинский намеревался предпослать «обзору современной литературы введение о народной поэзии».

Против Белинского готовился выступить В. Одоевский. Об этом до сих пор ничего не было известно. Сохранился его набросок статьи под названием: «Опыт о безымянной поэме, скрывающейся под русскими народными песнями»⁷⁷. Статья не была напечатана по неизвестным причинам, возможно, тут скрывалась какая-нибудь внутриредакционная борьба; однако бесспорно, что статью рассматривал Краевский, так как она сейчас находится в его архиве. Мы относим набросок статьи Одоевского к 1841 году. В ней оспаривается одна из главных мыслей Белинского (имя его не называется), а именно, мысль о том, что русский фольклор не знает «циклов», подобных гомеровским*. В попытках создать из русских песен свою «Илиаду» Белинский видел козни «Москвитянина» и славянофилов, пытавшихся вообще противопоставлять «святой» фольклор «развратной» современной поэзии. Одоевский загорелся именно идеей создать свою «Илиаду». «Я горячо верю, — писал он, — что суждено какому-нибудь поэту силою творческого духа угадать законы развития нашей народной эпопеи, досоздать неоконченную...». Зародыши русской эпопеи Одоевский видел в трех родах песен: духовных стихах, свадебных и удалых. Одоевский объясняет удалство только сопротивлением русских людей татарскому игу, а не

* П. Н. Сакулин в указ. соч. лишь упоминает о статье.

политическими мотивами их борьбы с боярством, с властью, как это считал Белинский. Духовные стихи Белинским начисто исключались из фольклора как псевдонародные, насаждавшиеся церковью. У Каткова и Одоевского было схожее с славянофилами сентиментальное отношение к фольклору, как отголоску патриархальной и милой старины. Для Белинского фольклор был голосом народа, и критик искал в нем ответ на острые современные проблемы. Это была лучшая дань уважения к народной поэзии и подлинно научный подход к ее изучению.

* * *

Открытая полемика «Отечественных записок» с другими журналами стала назреть с первых дней. По уверениям Краевского, «Отечественные записки» подверглись двадцать пять раз нападениям до выхода первого номера в 1839 году и столько же раз по его выходе. Как бы ни были преувеличены эти уверения, но «Отечественные записки» были встречены реакционной журналистикой враждебно. Однако, кроме стычек с Булгариным, до 1841 года серьезной полемики не было. Это объясняется и выдержкой редакции, и примирением Белинского, и отсутствием серьезного противника, каким явился только «Москвитянин» с 1841 года. В № 4 за 1840 год Белинский впервые выступил на страницах «Отечественных записок» с анализом современной русской журналистики и подчеркнул, что «Отечественные записки» во всем отличаются от других русских журналов. Это было вызовом реакционной журналистике.

Краевский вел полемику с Булгариным на чисто коммерческой основе. После критических выступлений Пушкина, Гоголя и Белинского «триумvirат» был окончательно дискредитирован и добит простым коммерческим успехом «Отечественных записок». Стан врагов был деморализован. Об этом хорошо свидетельствует частично опубликованное письмо помощника Сенковского по «Библиотеке для чтения» В. А. Солоницына к редактору «Московских ведомостей» Е. Ф. Коршу, близкому к группе Герцена — Огарева и к «Отечественным запискам». Это письмо, которое мы частично цитировали, говоря о Лермонтове, приведено нами в примечании почти целиком. Оно хорошо передает ненависть противников к «Отечественным запискам», их бессилие повредить журналу; оно рассказывает о взаимных склоках, деморализации разбитых, выдохшихся, поглупевших сторонников официальной народности. Это письмо, датированное 20 мая 1841 года, характеризует, с точки зрения противника «Отечественных записок», журнальную ситуацию к концу первого периода, подво-

дит итоги полемики и борьбы «Отечественных записок» против их многочисленных врагов⁷⁸.

Первое открытое принципиальное столкновение различных мнений, привлекавшее всеобщее внимание, произошло в 1840 году по поводу «Героя нашего времени». Белинский написал специальную рецензию и статью о романе. Вторую рецензию на новое издание романа он написал в следующем году. С двусмысленными похвалами по адресу романа Лермонтова выступили «Сын отечества», «Библиотека для чтения», с резкой бранью — «Маяк». Но это еще не было полемикой. Статьи о «Герое нашего времени» в журналах «Сын отечества», «Библиотека для чтения» и «Маяк» появились раньше статьи и рецензии Белинского: они были напечатаны в апрельских книжках, а рецензия Белинского — в майской, статья его — в июньской; Белинский с ними не спорил.

Пolemика сделалась открытой в 1841 году между «Отечественными записками» и «Москвитянином», когда был вскрыт и осознан этими журналами их различный подход к самой оценке «Героя нашего времени». Развернулась с той и другой стороны вся теоретическая аргументация, высказаны были «личности», и круг спорных вопросов начал все больше и больше разрастаться.

Статья Шевырева в «Москвитянине» появилась в 1841 году, во втором номере, с учетом объективного столкновения мнений и была открыто направлена против «Отечественных записок».

Перед этим, в первом номере «Москвитянина» появилась программная статья Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы», в которой были высказаны общие исходные предпосылки отрицательной оценки Печорина.

Однако уже в столкновении мнений 1840 года выявились основные приемы реакционной журналистики в дискредитации романа Лермонтова. Полевой уподоблял его бездарному роману Башуцкого «Мещанин»; Сенковский намекал на неестественность Печорина, прикритую якобы нарочитой игрой в естественность: «Он, — т. е. Лермонтов, — писал Сенковский, — надел плащ истины на преувеличения и этот наряд очень к лицу им»; Бурачек обвинил роман в «безнравственности». Все эти приемы слились в статье Шевырева.

Шевырев отмечает «верное чувство жизни» и «верное чувство изящного» у Лермонтова, а затем разворачивает настоящую «борьбу» за Лермонтова путем противопоставления одних героев романа другим, указывая поэту «истинное» направление его творчества. Такой прием использовал Шевырев в 1835 году по отношению к молодому Гоголю.

«Бэла», — говорит Шевырев, — это «естественный» тип, княжна Мери — плод «искусственного» общества, зараженного Западом. Вера — лицо еще хуже, лицо вставочное, эпизодическое...» Превозносился Максим Максимыч: «Какой цельный характер коренного русского добряка, — восклицает Шевырев, — в которого не проникла тонкая зараза западного образования <...>. Вот тип этого характера, в котором отзывается наша древняя Русь!» (стр. 523, 524).

Полному изничтожению подвергается образ Печорина. Печорин назван «материалистом», начитавшимся французских романов новой школы, эгоистом и даже «злодеем». «Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры». Печорин — это погибшая душа, жертва «тяжелой болезни века». Есть гиганты зла Фауст, Манфред, Дон-Жуан. Но дробить зло на мелочи нельзя, это значит любоваться им. «Печорин, конечно, не имеет в себе ничего титанического; он и не может иметь его, он принадлежит к числу тех пигмеев зла, которыми так обильна теперь повествовательная и драматическая литература Запада <...>. Печорин не имеет в себе ничего существенного, относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов, un mirage de l'occident... Там он герой мира действительного, у нас только герой фантазии — и в этом смысле герой нашего времени...» (стр. 536). «Печорин — это призрак, только в мире нашей фантазии имеющий существенность...». Итак, герой романа Лермонтова выносился за скобки русской жизни.

Понятно, почему Белинский занялся «пересказом» романа и отверг моральные критерии его оценки. Белинский показал, что Лермонтов «объективировал» русскую действительность такой, какова она есть. Все послылки и выводы Шевырева были прямым вызовом «Отечественным запискам», одобрявшим роман Лермонтова, оправдывавшим Печорина и тем самым будто бы проповедовавшим западную «безнравственность». При оценке стихотворений Лермонтова у всех журналов, за исключением «Маяка», был внешне благожелательный тон. Труднее становилось спорить с Лермонтовым, слава его росла. Однако Шевырев переадресовал все существенные обвинения Печорина на самого Лермонтова, отверг его бунтарские стихотворения, противопоставил им чисто лирические, назвал его мятежный пафос плодом «какой-то мрачной хандры» и разложил органическое целое лермонтовской поэзии на многочисленные влияния, начиная от Кириши Данилова и кончая Бенедиктовым.

Всплывший на поверхность во время споров о «Герое нашего времени» принцип «моральности» в поэзии оказался вскоре главным пунктом полемики между «Отечественными записками» и «Москвитянином», не прекращавшейся в 40-е годы.

Рецензируя брошюру А. Орлова «Малолеток» в «Отечественных записках» за 1841 год, А. Д. Галахов иронически отозвался о присяжном поэте «Москвитянина» Ф. Н. Глинке, как о защитнике «моральности» в поэзии, доказывавшем их тождество; Глинка слыл уже тогда «ходячим иконостасиком». В лагере «Москвитянина» рецензию приписали Белинскому, и в № 6 появилась вызывающая заметка Шевырева под заглавием: «К «Отечественным запискам», в которой он сделал личный выпад против Белинского, «какого-то журнального борзописца, не понимающего ни философии, ни эстетики, извергшего хулу на двух родных сестер» (т. е. поэзию и моральность.—В. К.). И здесь Шевырев употребил прием: разделяй и властвуй. «Мы уважали «Отечественные записки», — писал он, — за их благонамеренность, хотя и не одобряли их мнений философских и критических, и часто негодовали на образ суждений о нашей старой литературе; мы уважали деятельность издателя, уважали многих сотрудников, которые своими статьями украшали это полезное издание, — потому-то нам было крайне жаль видеть, что какой-нибудь журнальный писака, на веселе от немецкой эстетики, которой сам за незнанием немецкого языка не читал, а об которой только слышал и то в искаженном виде из третьих уст, — что такой непризванный судья, развалившись отчаянно в креслах критика и размахавшись борзым пером своим, всенародно осмеливается в этом журнале праздновать шабаш поэзии и нравственности и, забыв все приличия, извергает насмешки и клевету на писателя, огражденного от подобных оскорблений именем литературным и общественным» (стр. 510).

В статье о «Герое нашего времени» Белинский отвечал саркастически, подробно развив мысль о том, чем отличается подлинная нравственность (которую в искусстве он, как мы помним, связывал с художественностью) от чуждой искусству пошлой моральности, о которой собственно и хлопочут «москвитяне» (№ 6). Эти же мысли Белинский развил в рецензии на «нравственную» листовку Глинки «Москве благотворительной» (№ 7) и в специальной заметке — «ответе», в том же номере, под заглавием «О 6-м № «Москвитянина» и Ф. Глинке».

Шевырев еще раз отвечал в № 9 своего журнала. «Отечественные записки» задевались также и в объявлении о подписке на «Москвитянин» на 1842 год, в котором издатели обещали «усилить» критическую часть журнала. Готовилась бурная полемика 1842 года.

Но если спор загорелся с вопросом оценки романа Лермонтова, моральности и нравственности в поэзии, то подлинным центром противоречий между «Отечественными записками» и «Москвитянином» были различия в исторических концепциях. Это был спор об историческом прошлом России, о перспективах ее развития, о будущем. «Москвитянин» поставил альтернативу: Россия или Запад?

В 1841 году в «Москвитянине» появились программные статьи: Погодина «Петр Великий» и Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». В них весь «западно-европейский» период реформ Петра I рассматривался в качестве прелюдии к «истинно национальному» правлению Николая I. Утверждалось, что Петр I будто «прервал» образование исконно русское, византийское; будущему же предстоит «освятить западную пытливость Восточною верою...». Но уже теперь самодержавие соединяет «православие» с «народностью».

Более последовательным с точки зрения официальной народности был Шевырев. Он проповедовал полный разрыв с Западом, который «умирает», тогда как Россия — свежа, сохранив свою древнюю веру, преданность царю, сознание своей народности («троесловная» формула Уварова). В статье П. Веретенникова «О фабричных мастеровых и их отношениях к семействам и фабрикантам» (№ 9) доказывалось, что «язва пролетариата» не коснется России, так как «у нас почти не имеется в народе класса фабричных», который бы не имел других способов пропитания. «Нравственное состояние нашего фабричного народа не всегда может зависеть от фабриканта, потому что всякий остается на той или другой фабрике только до общего счета, когда рабочие сверят свою выработку и расходы на содержание». Здесь степень развития противоречий выдавалась за полное отличие от Запада. Но многочисленные материалы «Отечественных записок» свидетельствовали о росте городов, среднего сословия в России, о происходившем в ней промышленном перевороте.

Открытый политический характер полемика «Отечественных записок» приобретала именно с «Москвитянином», как «ученым» органом идеологии официальной народности. Это очень характерно для первого периода, 1839—1841 годов.

Славянофилы, с которыми полемика «Отечественных записок» главным образом развернется в дальнейшем, пока находились в резерве.

Славянофильство как идейное течение оформилось к 1839 году: статьи Хомякова «О старом и новом» и И. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову». Развивается оно пока скрытно, статьи пишутся для узкого круга своих, не публикуются. Нужно было окончательное оформление революционного демократиз-

ма Белинского и перемена направления «Отечественных записок», чтобы славянофильство, как следующий после официальной народности противник, вступило в бой.

В 1842 году вступают в полемику К. Аксаков по вопросам эстетики, Хомяков — по крестьянскому вопросу. Хомяков наиболее близок к официальной народности, и «Москвитянин» его славословит. Самый умный из славянофилов, И. Киреевский, остается в тени до 1845 года и только потом, став во главе «Москвитянина», начинает действовать. Это — ступени обострения конфликта. В 1840 году, вместе с группой Погодина, изгоняется из «Отечественных записок» Хомяков, в 1842 году порывает с Белинским К. Аксаков. И. Киреевский никогда не участвовал в «Отечественных записках», но до 1845 года он находился в дружбе с Грановским и Герценом. К моменту разрыва Белинского с либералом Краевским в 1846 году порываются всякие связи Герцена и Грановского с Киреевским. Против Киреевского, как теоретика славянофильства, возглавившего «Москвитянин» в 1845 году (№ 1—3), направит свои удары Белинский.

Что доказывали потенциальные противники «Отечественных записок» Хомяков и Киреевский в 1839 году? Хомяков так ставил вопрос: если старая Россия, развивавшаяся на самобытных началах, лучше, чем Россия новая, европеизировавшаяся, то надо вернуться к старой, если — хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенности русскую. Киреевский трактовал вопрос тоньше, диалектичнее: «Силлогизм, мне кажется, не совсем верный, — возразил он Хомякову. — Если старое лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь». (Недаром Киреевский слушал в 1830—1831 годах Гегеля в Берлине и был с ним лично знаком). Шевырев говорил — настоящее России хорошо, Хомяков — старое лучше, Киреевский — старое есть старое, новое должно быть лучше, потому что Запад раздрает внутренняя классовая борьба, а у нас есть возможность развиваться с учетом именно горького опыта Запада (в этом смысле «европейский» период после Петра I был необходим) в подлинно христианское, неантагонистическое общество. Но верховным принципом должна быть не светская власть, а власть единой церкви. «Христианство восточное, — писал Киреевский, — не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою». «Чистая личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное». У нас «семейные отношения каждого были определены прежде его рождения, в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширной сходке, сходка вече и т. д., покуда все частные

круги смыкались в одном центре, в одной православной церкви». Самодержавие у Киреевского объявлялось чуть ли не плодом западной «личности»: «Единовластие, — писал он, — само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших». Гибель Запада дает толчок русскому самобытному началу. Здесь же и ответ Киреевского Хомякову: «Истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь»⁷⁹.

Так славянофилы на деле оказывались еще более, чем «Москвитянин», хитрыми, «учеными» защитниками патриархальности и «особых» путей России.

Белинский выступил против навязываемой «Москвитянином» и славянофилами альтернативы: или Восток, или Запад. Он выдвинул широкое диалектическое положение о соотношении общего и частного, общечеловеческого и национального в истории. «Что такое любовь к своему без любви к общему? Что такое любовь к родному и отечественному без любви к общечеловеческому? Разве русские сами по себе, а человечество само по себе?» Петр боролся за то «общее», что было так необходимо для национального развития России.

Белинский рассматривал историю России в общемировом процессе как его неотъемлемую составную часть. Эта концепция тесно связывала Россию с Западом по линии преемственности «общечеловеческих» гуманных традиций и тенденций. Она узаконивала их сегодняшний идейный союз. Концепция Белинского, в отличие от сентиментальных деклараций «Москвитянина» и славянофилов, требовала выяснения специфики развития России по существу. «Петр действовал в духе народном, — писал Белинский, — европеизм не может изгладить эти коренные, субстанциональные свойства русского народа». «Недостатки нашей народности вышли не из духа и крови нации, но из неблагоприятного исторического развития».

Сущность истории Белинский формулирует по Гегелю, подчеркивая идею исторической необходимости и преемственность развития. «История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ. Сущность истории составляет только одно разумное необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее» (V, 95).

В статьях о России до Петра Великого, о народной поэзии и других Белинский показывает подлинные стыки между древней Русью и современной Россией, указывает на стародавнюю борьбу крестьян против господ, продолжающуюся и теперь, и указывает на пережитки «котошихинских» нравов в современной России. Соответственно с этим Белинский устанавли-

вает преемственность идеологических форм, связи между народной поэзией и современной литературой. В ряде случаев критик уже в 1841 году нащупывает социальные причины тех или иных исторических явлений. Так, например, в остром социально-политическом плане он трактует новгородские былины, связь могущества великого города с его торговлей, богатством, разбойничьи исторические песни, выражающие думы народа о свободе, его особое мнение об исторических событиях и деятелях. Здесь и «достоинства» русского народа выводятся из «неблагоприятного» исторического развития, из постоянного отпора народа своим угнетателям.

Хотя Белинский все еще продолжает говорить о верховной идее, которая развивается в форме политических обществ, но именно конкретное содержание последних все больше и больше приковывает его внимание. Белинский показывает не только диалектическую взаимосвязь исторических событий, их развитие, преемственность, становление, но и борьбу противоположностей, иногда прямо как классовую борьбу. Таким образом, историзм Белинского в 1841 году стоит на уровне его диалектики, взаимно обогащая друг друга и вооружая передовое литературное направление и его орган «Отечественные записки» глубоким сознанием исторической перспективы.

В этой перспективе сходились все прогрессивные линии литературного, критического, философского направления «Отечественных записок». Более органическое их слияние произошло в следующем периоде.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАСЦВЕТ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (1842 — 1846)

1

Во второй период «Отечественные записки» достигают своего наивысшего расцвета и оказывают решающее влияние на окончательное оформление «натуральной школы».

В конце этого периода стали выходить в свет один за другим, параллельно с «Отечественными записками», сборники «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник» и др. Сами по себе сборники не создали направления. Они только обособили несколько наиболее показательных моментов в его истории. Эти моменты — рост беллетристики, очерковых жанров, публицистики. Сборники не сказали — ни своими очерками, ни статьями — ничего принципиально нового, что бы до них и наряду с ними не было сказано «Отечественными записками». Благодаря сборникам, «натуральная школа» лишь наиболее ярко демонстрировала свои демократические устремления. Родившийся в 1847 году «побочный сын» «Отечественных записок», как выразился Герцен, некрасовско-панаевский «Современник», продолжил на более высоком уровне давнюю линию «Отечественных записок». Но всю черновую работу по подготовке, организации и идейному вооружению нового направления проделали «Отечественные записки», идейным вдохновителем которых в течение шести с лишним лет был Белинский. К сожалению, на эту предысторию шумных выступлений шко-

лы исследователи еще не обращали должного внимания. Нередко допускаются преувеличения и крайности, например в оценке значения «физиологических очерков».

Выход в свет первого тома «Мертвых душ» в мае 1842 года дал громадный толчок всему реалистическому направлению русской литературы, а разгоревшаяся полемика «Отечественных записок» из-за «поэмы» Гоголя воочию показала, какое огромное значение в судьбах нового направления имеет «журнал Белинского».

С 1842 года — это подтверждается всеми материалами настоящей главы — произошло резкое изменение идейного направления «Отечественных записок». Во многих работах обычно как-то декларативно говорится об этом изменении и в доказательство приводятся лишь заявления в письмах Белинского и свидетельства мемуаристов. Но важно знать, как эти перемены отразились в самих материалах журнала, какую перестройку в литературном процессе они вызвали.

Изменения в «Отечественных записках» назревали исподволь. В 1842 году они охватили сразу многие стороны: от структуры журнала до идейной направленности критики.

Первым, самым животрепещущим, отделом с 1842 года стала словесность, а современная хроника России с ее полуофициальным характером отодвинулась на третье место. Это — свидетельство о победе литературного дела в самом журнале, который становился в еще большей степени органом нового направления. Вместе с тем, здесь сказала победа дела Гоголя и Белинского, которое заставило Краевского, с его сугубо официозными намерениями, отодвинуться в сторону. Структура журнала отразила возросшие интересы читательских масс, которые с укреплением реалистического направления стали в гораздо большей степени жить литературной жизнью. С 1842 года сильно расширились отделы критики и библиографической хроники. Годовые обзоры Белинского отмечали ритм движения нового в русской литературе. Был введен новый критический отдел — иностранная словесность, в котором французская литература систематически получала теперь высокую оценку. Для ответов на враждебные выпады в отделе смеси была специально введена боевая рубрика: журнальные и литературные заметки (с № 7), которую заполнял Белинский. Строже стал отбор материалов в отделе науки. Здесь печатались знаменитые статьи Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы»; этот отдел стал пропагандистом материалистических взглядов.

Резкие перемены во взглядах Белинского и в направлении журнала бросались в глаза современникам.

7 ноября 1842 года Белинский писал Н. А. Бакунину: «С некоторого времени во мне произошел сильный переворот»¹. Герцен считал, что приблизительно с этого же времени в деятельности Белинского началось «меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными». В. С. Аксакова писала своей родственнице М. Г. Карташевской 24 августа <1842 г.>: «Белинский изменяет свое направление»². И. И. Панаев отмечал в воспоминаниях: «Он (т. е. Белинский. — В. К.) борется с собою до конца 1841 года, но во второй приезд Искандера в Петербург, в 1842 году, он крепко жмет ему руку <...>. С этой минуты Белинский воскресает духом, он дышит легче и свободнее, он уже не насилует своей революционной натуры» и «с свойственной ему энергиею начал действовать в новом направлении»³.

Наиболее ярко новая программа «Отечественных записок» была заявлена Белинским в рецензиях на «Мертвые души» и в трех статьях «Речь о критике», напечатанных в № 9-11 «Отечественных записок» за 1842 год. Особенно важны эти три статьи. В них-то и говорится о перемене направления «Отечественных записок».

Белинский писал: «Читатели «Отечественных записок» не могли не заметить, что критика этого журнала резко отличается от критики всех других журналов своими началами и своим характером, и даже самим языком»⁴.

И действительно, критика «Отечественных записок» теперь резко отличалась и от критики других журналов и от той критики, которая была в них самих в первый период.

С 1842 года «Отечественные записки» открыто пишут на своем знамени, что они являются органом не просто честной, неторговой литературы, а определенного направления в литературе, критике, философии.

Об этом единстве направления с тревогой за престол писал Булгарин в доносах в 3 Отделение, указывая, что «Отечественные записки», или все равно что «партия Белинского», занимаются распространением «пантеизма, коммунизма и социализма» и что «натуральная школа» заражена «материализмом» и «робеспьеризмом».

Белинский провозгласил свой отказ от прежнего принципа абстрактной эстетики, от «идеи красоты», несомненно имея в виду гегелевский тезис об «идее прекрасного» и свой тезис о «художественности» как основной критерии произведения. Вспомним, что исходя именно из «художественности», получившей столь абстрактное и предвзятое истолкование у Белинского в вопросе призрачности отрицания, комического и сатиры, им была осуждена комедия Грибоедова «Горе от ума». Имея в виду эту свою ошибку, Белинский предупреждал чита-

теля, что его исходные позиции в эстетике теперь в корне изменились.

«Мы сами были, — писал Белинский, — некогда жаркими последователями идеи красоты... Но с одною красотою искусство еще далеко не уйдет, особенно в наше время». Выражение «с одною красотою» именно подчеркивает прежнее отвлеченное истолкование этого тезиса у Белинского.

Разрыв с примирением нанес удар по отвлеченности эстетики Белинского. Теперь на первое место выдвинулись вопросы содержания, а учение о форме утратило прежний до некоторой степени абстрактно-догматический характер.

Неизмеримо богаче и историчнее стали представления Белинского о литературном процессе. Критик обещал (что отчасти и выполнил в «пушкинских статьях»), как новинку, напечатать такой курс истории русской литературы, в котором было бы показано развитие в ней общественно-политического содержания, ее связей с развитием гражданственности в России. Белинский был прав, когда указывал, что это такая «сторона истории нашей литературы, на которую еще никто не обращал внимания».

Поняв связь литературы с историей общества, критик в обзоре за 1842 год совсем снял тезис «у нас нет литературы» (открыто подчеркнув свою новую точку зрения в статье «Общее значение слова «литература», напечатанной посмертно).

В статье «Речь о критике» Белинский подчеркивал свой разрыв с примирением. Он писал о важности «идеи отрицания», важности противоречий и их борьбы как условий движения вперед. «Важно и велико только то, — писал он, — что разделяет мнения и голоса людей, что мужает и растет в борьбе, что утверждается живою победою над живым сопротивлением».

С 1842 года было поднято на принципиальную высоту значение критики, а также подчеркнут ее универсальный характер в современной идейной борьбе в России.

На переломе своей деятельности, в момент изменения направления «Отечественных записок» и поворота русской литературы к сатире, Белинский провозгласил в статье «Речь о критике»: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит *критике*, даже сама *критика*». «В критике нашего времени более, чем в чем-нибудь другом, выразился дух времени. Что такое само искусство нашего времени? — Суждение, анализ общества; следовательно, критика» (VI, 271).

Эти статьи Белинского своим пафосом перекликались с европейским критическим движением, которое с 1842 года и в Западной Европе вступило в новую, наиболее боевую фазу.

Статьи появились во время движения «критических критиков» — младогегельянцев в Германии, во время расцвета критического утопического социализма и романтизма Ж. Занд во Франции, во время одного из самых ярких взлетов чартистского движения в Англии (1842). Все эти факты движения западноевропейской критической мысли нашли конкретное отражение на страницах журнала.

Отметим две замечательные оговорки Белинского в статье «Речь о критике», показывающие всю широту перспектив, которые он видел перед критикой в России.

Во-первых, Белинский с сожалением оговаривался, что «в России пока еще существует только критика искусства и литературы». Эти «пока» и «только» сами говорят за себя. Белинский хочет придать резко критический характер всем формам идеологии, какие разрабатывались в это время на страницах «Отечественных записок». Журнал связывал их организационно, а новая революционно-демократическая платформа должна была, по мысли Белинского, связать их теперь и политически.

Но не менее важна и вторая оговорка критика. Пристально всматриваясь в опыт Запада, сопоставляя и сравнивая его с опытом критического движения в России, каким бы оно ни было «пока» сугубо литературным, Белинский, как революционный демократ, заметил мелкобуржуазный, ограниченный, половинчатый характер критики на Западе, будь то «критические критики» в Германии, которых скоро развенчают Маркс и Энгельс в «Святом семействе», или социалисты-утописты во Франции, типа Э. Сю, которого скоро подвергнет критике сам Белинский в статье о «Парижских тайнах», и вслед за ним, уничтожающе — в том же «Святом семействе» — Маркс.

Белинский заявил в статье «Речь о критике»: мы, передовые русские люди, группирующиеся вокруг «Отечественных записок» с их новым критическим направлением, «не можем удовлетворяться ни одною из европейских критик, замечая в каждой из них какую-то односторонность и исключительность».

Эти две оговорки Белинского показывают, что русский революционный демократ смотрел дальше, чем обыкновенный буржуазный либерал или мелкобуржуазный радикал того времени.

Литературный материал в «Отечественных записках» начал подбираться в свете критической программы. Отбор его стал строже, целенаправленнее. Вся поэзия перестраивалась. В середине 40-х годов выступил новый, оригинальный поэт — Некрасов, поэт-новатор, поэт-демократ, со своими темами,

идеями, жанрами, поэтикой. Изменялась и проза, выдвигавшая, особенно к 1845—1846 годам, свои программные жанры, темы и идеи. Литературный фронт настолько перестроился, что уже в обзоре за 1845 год Белинский сказал: все старые темы и идеи перепробованы, будущее принадлежит только «натуральной школе».

В корне изменилось отношение журнала к французской литературе и к передовой Франции вообще. «Отечественные записки» печатают один за другим романы и повести Жорж Занд («Орас», «Мельхиор», «Андре», «Домашний секретарь», «Жак», «Жанна»), одобрительно отзываюся об издаваемом журнале «Независимое обозрение», и Белинский провозглашает Жорж Занд «гениальной женщиной», которая занимает теперь «бесспорно первое место в литературе европейской»⁵.

«Отечественные записки» берут под свою защиту французскую литературу. Так, например, они резко отвечали на бестактные и отрицательные отзывы В. Строева и В. Сокологуба о некоторых французских писателях и о Франции вообще (1842, № 3).

Как бы во искупление своих прежних прехов «Отечественные записки» в многочисленных и чрезвычайно интересных исторических и философских статьях реставрируют память о французских энциклопедистах и просветителях XVIII века. Высокая оценка дается Мольеру, Руссо. К 1842 году относится известный спор Белинского с Грановским о Робеспьере.

Особый интерес у «Отечественных записок» вызывает французская революция 1789—1794 годов — это истинное начало всех вопросов и противоборствующих течений и партий в современной общественной идейно-политической борьбе Западной Европы. Цензура, конечно, мешала говорить обо всем полным голосом, хотя не случайно Булгарин в доносах приравнивал Белинского к Робеспьеру и Марату.

На основании всякого рода источников, несовершенство которых приходилось тут же критиковать в «Отечественных записках» воссоздавались главнейшие революционные эпохи новой истории с XVI по XIX век: «Реформация» (по Ранке), «Кромвель» (по материалам Карлейля), «Людовик XV и его век» (по Капфигу), «Консульство и империя» (по Тьеру и рецензии), статья Белинского о «Парижских тайнах» Сю. Воссоздавались эпохи социальных катаклизмов, переворотов, портреты разрушителей всего старого, отжившего: Лютера, Мюнцера, Кромвеля, Вольтера, Дидро, Гольбаха, Руссо, террористов, героев баррикадных боев революции 1830 года. Это была лучшая теоретическая прелюдия к надвигающимся грозным событиям 1848 года.

В 1842—1846 годы на почве нового направления «Отечественных записок» и упрочившегося их влияния в русской литературе и в русском обществе разрастается группа приверженцев Белинского. Она решительно одерживает верх над группой Краевского в вопросах идейного влияния на журнал.

Группа Белинского стала многосоставной и сложной.

Ее старая московская часть развернула в этот период свою плодотворную деятельность (Герцен, Боткин). По-прежнему писали свои рецензии и повести Кудрявцев, Галахов.

Но поворот в направлении «Отечественных записок» имел решающее значение для всех сотрудников.

Знарок немецкой философии, человек больших знаний, Боткин великолепно понял смысл борьбы гегельянцев с Шеллингом. Он поместил в «Отечественных записках» известную статью о «Германской литературе» (1843 г. № 1) с переводом нескольких абзацев из брошюры Энгельса «Шеллинг и откровение». «Посылаю Вам сказание о германской литературе», — писал он Краевскому. — Посмотрите. Не слишком ли резко выразился я о сходстве современного критического движения в Германии с духом французской литературы XVIII века? Оно верно. Если так, то замажьте»⁶.

«Сказание» Боткина явно не укладывалось в цензурные рамки. В других статьях Боткин «славно отделал» Гуцкова и «сосиску» Рётшера, показав их филистерство. Боткин заявил, что прехом младогегельянского движения является недостаток практической деятельности. Он анализировал в письмах 1842—1843 годов каждый номер «Отечественных записок», подсказывал, советовал. Он перехватил у «Москвитянина» через Гр. Головачева пачку неопубликованных стихотворений Лермонтова, подговорил Герцена написать статьи о «Дилетантизме в науке», сообщил об эффекте в Москве памфлета Белинского «Педант», предлагал написать «тип» на литературного противника Н. Ф. Павлова, информировал Белинского о готовящемся в «Москвитянине» полемическом ответе К. Аксакова «Объяснение по поводу «Мертвых душ».

Под влиянием Белинского Боткин сближается с Герценом: «С Герценом вижусь часто, — писал он Белинскому 17 сентября 1842 года, — и все больше и больше учусь любить этого человека. Мое прежнее понятие о нем лежало лишь в моей ограниченности, в гнилом остатке бессознательной романтики»⁷.

Но сам Боткин не смог до конца расстаться с гнилым остатком старой романтики и, схватив только «внешнее движение гегелевских категорий», остался «отрицателем» и кри-

тиком с чисто головным пафосом. Боткин не поднялся выше роли умного информатора о германской философской борьбе, проявив завзятый либерализм, «аскетическую», «сидячую» инертность, когда Белинский пошел на разрыв с Краевским. Уже к концу второго периода Боткин все больше и больше расходился с Белинским в оценке произведений «натуральной школы», преисполненных действительно критического пафоса («Деревня», «Антон Горемыка» Григоровича и др.). В 1843 году, после отъезда Боткина за границу, обзоры иностранной литературы стал писать Г. Ф. Головачев*.

Огарев из-за своих разъездов в 1841—1846 годы редко бывал в России, но он духовно — с журналом. Едучи в Россию в мае 1841 года, Огарев, как это видно из его писем, жаждал встречи с Белинским.

В июне 1842 года, проездом за границу, Огарев был у Белинского в Петербурге. В недавно опубликованном письме Огарев сообщал 17 июня 1842 года Е. В. Сухово-Кобылиной: «Я здесь веду жизнь тихо и мудро. Живу я у Белинского. Вот мы вечер проболтали очень разумно. А теперь 3-й час. Он спит. А мне не спится. Куда ни обернусь, об чем ни подумаю, от всего так тяжело становится, что глаз не затворишь»⁸. Белинский и Огарев тянулись друг к другу. 14 марта 1842 года Белинский писал Боткину, что, будучи зимой в Москве, он не встретился с Огаревым: «Мне очень жаль, что я не увиделся, разъехавшись с этим милым Огаревым»⁹. В июне 1842 года Огарев гостил у Белинского около недели¹⁰, приехав из Новгорода от Герцена, у которого перед этим гостил одиннадцать дней. Легко догадаться, о чем велись беседы в Новгороде и в Петербурге.

Эта цепочка преемственных встреч должна быть подчеркнута. Герцен вспоминал в «Былом и думах», что в Новгород Огарев привез «Сущность христианства» Фейербаха, которая «воскресила» Герцена. Из письма к Сухово-Кобылиной можно сделать вывод, что содержание бесед с Белинским касалось самых животрепещущих политических и, конечно, философских вопросов, от которых «горела голова» у Огарева. В феврале 1842 года был утвержден царем договор Огарева с крестьянами села Белоомута на предмет увольнения их в свободные хлебопашцы. Крестьянский вопрос и Фейербах, спор о

* См. приложение. А. Н. Дубовиков в статье «Новое о статье Белинского «Парижские тайны» пишет: «С конца 1842 г. (№ 11 и 12) и в 1843—1844 гг. обзоры иностранных литератур печатаются анонимно, и кто был автором их, до сих пор точно неизвестно» («Лит. наследство», т. 56, стр. 481). Автором был главным образом Г. Ф. Головачев (1818—1880), написавший известные воспоминания о Белинском.

Робеспьер с Грановским и Боткиным в это время и дела «Отечественных записок» — таков приблизительно круг вопросов в разговорах Огарева с Белинским.

Представление об Огареве этих лет не должно исчерпываться стихами, которые продолжали появляться в «Отечественных записках». Главная его духовная работа шла скрыто. Она видна из писем. Огарев сам следил за ее этапами, и хотя не «проявлялся» открыто в делах, как Белинский и Герцен, но фиксировал ее совпадение в принципе с их работой.

«В наших различиях,— писал он Герцену 29/17 декабря 1844 года,— мы всегда можем указать наши границы, наше сходство составляет в нас истинную сторону духа. Вот почему мы и развиваемся параллельно...»¹¹. К моменту разрыва с Краевским Огарев «догнал» приятелей в философском, политическом отношениях и встал с ними рядом.

Для Герцена главное было найдено «вместе с Виссарионом» еще в первый период: поприще — «Отечественные записки», цель — «живое развитие науки в жизнь». Но это была «алгебра». Теперь все подлежало выверке жизнью, все обернулось конкретными темами, заданиями, лицами, обстоятельствами. Тут замешивались симпатии, цензурный гнет, тонкости софистики противников. Прямая реализация развития науки в жизнь оказалась очень сложной.

Во второй период Герцен шире понял свою роль и свой «предмет» в «Отечественных записках». Наряду с «Дилетантизмом в науке» и «Письмами об изучении природы», он участвует также в полемике с «тлей»: «Москвитянин» о Копернике», «Путевые записки Вёдрина», «Ум хорошо, а два лучше», «Капризы и раздумье» («По поводу одной драмы»).

Но у Герцена проявляется иногда непоследовательность. В борьбе он делает промахи, колеблется, вторит Грановскому, дает Хомякову «надуть» себя софистикой, сам впадает в абстракции, в формализм сравнений.

Вот примеры из дневника. Герцен раскладывает деятелей по типам: «Иван Киреевский, конечно, замечательный человек; он фанатик своего убеждения так, как (!) Белинский своего»; М. А. Дмитриев (реакционный сотрудник «Москвитянина») «как родной брат похож на Краевского, умеренно либерал, умеренно остер, романтик à la Casimir Delavigne, говорун и обер-прокурор. Толкует о Европе, о жандармах и полиции и печатает доносы в стихах»* (т. 2, стр. 244, 245).

Два упрека Герцен бросает Белинскому, когда дело коснулось «симпатичного» К. Аксакова и «фанатической» веры

* В дальнейшем все неоговоренные цитаты из произведений Герцена приводятся по изданию Собр. соч. А. И. Герцена АН СССР с указанием в скобках тома и страницы.

Киреевского в славянский мир; вслед за Грановским Герцен сетует на отсутствие у Виссариона «веротерпимости» (как можно из-за разности «мнений» порывать дружбу, ведь в основе дружбы — уважение к «личности»!), Виссарион «не умеет чаять жизни будущего века».

Но Белинский жаждал будущего, только не через «панславянство», а через социализм, добываемый мечом «слова» и «дела». Белинский критикует «модерацию» Герцена, севшего за один стол с «филистимлянами» (Шевыревым и славянофилами) и поместившего отзыв о лекциях Грановского в «Москвитянине». Но Герцен знает, что его «модерация» неустойчива: перед славянофилами он человек Запада, перед Белинским — человек Востока. Перетягивает, однако, Белинский. Герцен в 1846 году порывает не только с консерваторами-славянофилами, но и с либералом Краевским, с либеральным просветителем Грановским и уезжает из России «демократом, революционером, социалистом» (В. И. Ленин).

С 1842 года в «Отечественных записках» обозначился новый поворот в вопросе подбора сотрудников. Белинский начал делать ставку на петербургскую молодежь, т. е. на всех тех, кого привлекал Петербург на попрание славы и деятельности. Они-то и составляли основные кадры «натуральной школы» на решающем этапе ее формирования.

Организовался так называемый петербургский кружок Белинского, как бы вторая редакция «Отечественных записок». Эта редакция обычно собиралась сначала в доме Жербина на Михайловской площади (Н. Н. Тютчев, А. Я. Кульчицкий — псевдоним «Говорилин», К. Д. Кавелин, А. И. Кронеберг), затем — в доме Лопатина у Аничкова моста, на квартире у И. И. Панаева, реже у Белинского, жившего в том же доме (те же и М. А. Языков, И. И. Маслов, А. А. Комаров, В. А. Панаев, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков и др.). Эти знаменитые панаевские «субботы» начались с конца 1841 года.

Краевский третировал эту группу, называя молодежь «борзописцами», на вечерах никогда не бывал (хотя жил в том же доме) и поддерживал связи только с «солидными людьми» Петербурга¹².

Но именно трудами этих «борзописцев» — статьями Белинского, рецензиями, стихами, поэмами, рассказами, повестями Панаева, Некрасова, Тургенева, позднее Достоевского, Салтыкова, переводами с иностранных языков всякой всячины (по десять рублей серебром за лист) Тютчева, Кульчицкого, Кронеберга, информацией из-за границы Анненкова — в значительной степени держались и побеждали «Отечественные записки».

Это была самая многочисленная группа сотрудников новой жизненной закалки: здесь, наряду с профессиональными литераторами, сформировавшимися в школе «Отечественных записок», теперь были также люди «действительности» — чиновники, увлекавшиеся литературой: Тютчев, Маслов, Комаров, Кульчицкий. Это свидетельствовало о демократизации кадров «Отечественных записок», о расширении разночинского фронта в идейно-литературном движении 40-х годов.

В круту своих Белинский был откровенен без стеснений.

Здесь произносились им самые смелые речи, здесь откровенно обсуждались самые острые современные политические вопросы. Об этом хорошо рассказывают в своих воспоминаниях Кавелин, Ив. Панаев. На этих вечерах решающим образом предопределялось направление очередных номеров «Отечественных записок».

Из молодых сотрудников наиболее показательным был рост Некрасова. Некрасов прошел все ступени резкой педагогики Белинского — от разруганного автора сборника стихов «Мечты и звуки» до одного из самых боевых его соратников по «Отечественным запискам» и «Современнику». Имя Некрасова в первый период совсем не звучит в «Отечественных записках». А в 1843 году, когда Белинский уехал на лето в Москву, Некрасов (с «прочей толодной братией») замещал его в «Отечественных записках» по отделу библиографии. Белинский так и писал Краевскому, что в Москве он работает за московских сотрудников, а Некрасов и М. Сорокин в Петербурге работают за него¹³.

Близость рецензий Некрасова к статьям и рецензиям Белинского уже не раз отмечалась исследователями¹⁴. Сам Некрасов писал в автобиографии: «Рецензий моих много в «Литературной газете» и «Отечественных записках» до 1846 года... До меня доходили слухи, что Белинский обращает внимание на некоторые мои статейки. Случалось так: обругаю Загоскина в «Еженедельной газете», потом читаю в «Ежемесячном журнале» о том же. Позднее мне Белинский сказал: «Вы верно смотрите, но зачем вы похвалили «Ольгу»? (Веревкина. — В. К.). Нельзя ругать все сплошь <...>. Надо ругать все, что нехорошо. Некрасов, нужна одна правда»¹⁵. Степень участия Некрасова в «Отечественных записках» еще до сих пор не вполне выяснена. В известном объяснении «По поводу «нелитературного объяснения» (см. III главу) Белинский, Панаев и Некрасов указывали, что Некрасов с 1843 года принимал в «Отечественных записках» участие по отделу библиографического хроника и что вообще «статей Некрасова, не подписанных его именем, в «Отечественных записках» несравненно более, чем подписанных. Не более, как в майской книжке нынешне-

то года (1846 г. — В. К.) «Отечественных записок» большая часть библиографической хроники написана Некрасовым».

Белинский был учителем Некрасова. Особенно близки по стилю к Белинскому такие рецензии Некрасова, появившиеся в «Отечественных записках», как: «Русские сказки» И. Сахарова, «Сто русских литераторов», «Кузьма Петрович Мирошев» Загоскина, «Стихотворения Ивана Молчанова», «Воскресные посиделки». Близость Некрасова к Белинскому станет еще более разительной в оценках «Физиологии Петербурга».

Белинский подчеркивал, что Некрасов обладает самостоятельным оригинальным критическим талантом. Белинский писал Кавелину 7 декабря 1847 года: «Некрасов, — это талант, да еще какой! Я помню, кажется в 42 или 43 году, он написал в «Отечественных записках» разбор какого-то болгаринского изделия с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством, — что читать наслаждение и удивление...»¹⁶. (Речь шла о рецензии Некрасова на IV—VI выпуски «Очерков русских нравов» Булгарина, напечатанной в майском номере «Отечественных записок» за 1843 год, т. е. накануне отъезда Белинского в Москву). Текстологи до сих пор спорят, кому принадлежат, Белинскому или Некрасову, рецензии на «Воспоминания Фаддея Булгарина» в 5 (майском) номере «Отечественных записок» за 1846 год и на «Московский ученый сборник» в № 6 «Современника» за 1847 год — настолько Некрасов писал по стилю близко к Белинскому¹⁷. Не забудем также, что летом 1843 года Белинский в связи с предложением князя Косиковского поехать с ним вместе за границу чуть было окончательно не порвал с Краевским. В связи с этим Краевский, видимо, и начал приближать Некрасова к «Отечественным запискам», как подходящую кандидатуру в преемники Белинскому.

«Отечественные записки» круто изменили жизненный путь И. С. Тургенева. Незадолго до своей смерти он говорил М. Семевскому, что по возвращении из-за границы в 1841 году он собирался сделаться педагогом, профессором, учёным, но, познакомившись с Белинским (в конце 1842 года), «начал писать стихи, а затем прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдался русской литературе»¹⁸. «Кандидат философии» Тургенев начал было в 1842 году служить в канцелярии министерства внутренних дел в качестве чиновника особых поручений. В конце 1842 года Тургенев подал, по требованию начальства, экзаменационное рассуждение «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Но душа его рвалась к другому. Встреча с Белинским помогла ему найти самого себя как писателя. Тургенев говорил впоследствии, что

Белинский «повлиял на него своими беседами». Еще 13 июня 1840 года П. Ф. Заикин писал Белинскому из Берлина о желании слушавшего там лекции Тургенева познакомиться с критиком, влияние которого он однажды уже пережил в связи со статьей о Бенедиктове. Тогда же Тургенев порывался участвовать в «Отечественных записках». Катков писал Краевскому 19 апреля 1841 года из Берлина, что «Тургенев занят предназначенным <...> для «Отечественных записок» переводом речи Шеллинга об изящных искусствах»¹⁹. О судьбе этой статьи ничего не известно.

С 1842 года в «Отечественных записках» стали появляться одно за другим стихотворения и поэмы за подписью «Т. Л.» (Тургенев-Лутвинов). Стихотворение «Толпа» было посвящено Белинскому, но Краевский снял посвящение.

Белинский в 1843 году дал очень лестный отзыв о «Параше». Имя Тургенева вошло в литературу. Особенно тесное сближение с Белинским произошло летом 1844 года на даче в Лесном институте. Эти общения поддерживались до отъезда Тургенева за границу в 1845 году, потом продолжались за границей в 1847 году.

Тургенев был незаурядным критиком-рецензентом, напечатавшим в «Отечественных записках» ряд статей, которые привлекли внимание публики. Это были разборы «Вильгельма Телля» Шиллера в переводе Ф. Миллера, «Фауста» Гете в переводе Вронченко и о том же переводе большая статья в № 4, рецензия на альманах «Новоселье» ч. 3, на драму «Смерть Ляпунова», соч. С. А. Геденова и уже после ухода Белинского — рецензия на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского». В статьях чувствуются программные эстетические установки Белинского и солидная философская подготовка автора.

Много можно привести примеров таких крутых поворотов в жизни и творчестве отдельных писателей, происшедших под непосредственным воздействием «Отечественных записок».

Сотрудники подбираются из молодежи; эта молодежь пестра по своему социальному происхождению и положению, вся она проходит так или иначе, заочно или очно, определенную «студию» Белинского, воздействие его идей и отчасти реализует эти идеи (критику существующей действительности) в своем творчестве. Для их творчества характерно сочетание литературно-критического дарования с художественным. Именно здесь заложен источник качественно нового, по сравнению с Гоголем, своеобразия складывающейся «натуральной школы»: более «сознательное» владение методом реализма.

Все сказанное позволяет утверждать, что привлекает, на-

бирает и воспитывает сотрудников Белинский, хотя по-прежнему работодателем остается Краевский.

2

Какие же процессы в самой литературе мы наблюдаем в это время, каков облик развивающегося направления?

В 1842—1846 годах в русской литературе происходили новые, важные изменения, которые определенным образом зависели от двух факторов: от выхода в свет первого тома «Мертвых душ» и от перемены направления «Отечественных записок».

В литературе как-то сразу обозначились старая и новая манеры и выборетем, и в их идейной трактовке, и в разработке новых жанров. Белинский в своих статьях говорит об этом прямо и открыто. Наступил новый этап в развитии реалистического направления, которое возглавляли «Отечественные записки». Необходимо проследить сдвиги внутри этого направления, подчеркнув, что оба эти фактора (и Гоголь, и «Отечественные записки») не были такими чуждыми друг другу, как их нередко изображают. Суть вопроса нельзя сводить только к личным взаимоотношениям Гоголя и Белинского. Правда, Гоголь предпочел в 40-х годах сближение с «Москвитянином» и славянофилами, пагубно влиявшими на великого реалиста. Но гораздо важнее объективные связи, которые установились в 40-е годы между реализмом и умозрением, между «Мертвыми душами» и «Отечественными записками».

В первой главе на примере Лермонтова мы показывали живое взаимодействие между литературой и журналом, теперь это взаимодействие наиболее ярко видно на примере Гоголя.

Необходимо прежде всего подчеркнуть недооцениваемую до сих пор борьбу, которую «Отечественные записки» развернули в 1842 г. за Гоголя, желая привлечь его в число своих сотрудников. Можно указать на разительные совпадения лирических и публицистических мотивов «Мертвых душ» с мотивами критики «Отечественных записок». Эти совпадения устанавливают объективную творческую связь Гоголя с Белинским и Лермонтовым, со всей той накаленной идейной атмосферой, которую создали в русской литературе «Отечественные записки». И в самом деле, лирические места в первом томе «Мертвых душ» меньше отразили влияние на Гоголя кружка славянофилов и «Москвитянина» и гораздо больше — влияние «Отечественных записок» и тех традиций, которые были общими у Гоголя с журналом Белинского, независимо от личных взаимоотношений писателя и критика.

Гоголь не напечатал «Мертвые души» в «Отечественных записках», хотя Белинский давно боролся за писателя, а Краевский и Одоевский, используя свои связи, сумели провести произведение через петербургскую цензуру, после того как московская цензура его не пропустила. Но Гоголь не собирался напечатать «Мертвые души» и в «Москвитянине», который издавали его «друзья» Погодин и Шевырев. «Мертвые души» вышли отдельным изданием.

Это показывает, что если Гоголь в 1842 году «не дошел» до «Отечественных записок», то еще и не «пришел» в «Москвитянин».

Гоголь был единственным писателем 40-х годов, и при том самым крупным и ведущим, который стоял в стороне от журнальных партий. Он не напечатал ни одной строки в «Отечественных записках», но не хотел печататься и в «Москвитянине».

«Мертвые души» ставили Гоголя в центр идейной и журнальной борьбы 40-х годов. Сам автор «Мертвых душ» с чрезвычайно высокой, с подлинно народной точки зрения смотрел на свое писательское призвание. Русь действительно обратила на него «полные ожидания ючи». Тема дороги, «птицы-тройки» проходит лейтмотивом через все произведение, великолепно передавая живое ощущение Гоголем темпа времени, переходный характер переживаемого Россией исторического момента, как в смысле ломки всех патриархальных устоев под влиянием развивающегося промышленного переворота, так и в смысле разгоравшейся идейной борьбы 40-х годов. Сатира Гоголя, потрясая всю Россию, ничего общего не имела с верноподданнической философией застоя, которую проповедовали «москвитяне», а его народность ничего общего не имела с их официальной народностью.

Гоголь должен был самоопределиться в развернувшейся борьбе партий, но он колебался, был заражен предрассудками, путался в противоречиях своего мировоззрения. Самый подходящий момент для решительной борьбы за Гоголя Белинский выбрал весной 1842 года. 20 апреля этого года критик послал автору «Мертвых душ» замечательно искреннее письмо.

Логика вещей сближала Гоголя с партией «Отечественных записок».

Гоголь прошел школу журналиста, наряду с Краевским и Одоевским, еще в пушкинском «Современнике». Реорганизуя «Отечественные записки», Краевский осенью 1838 года обратился с предложением сотрудничать прежде всего к Гоголю, жившему тогда за границей. В 1839—1840 годах Гоголь

бывал в салоне Одоевского, где с ним встречался Белинский. В мае 1840 года Гоголь присутствовал в Москве у Погодина на чтении Лермонтовым неоконченной тогда поэмы «Мцыри», которую похвалил. Под диктовку Гоголя переписывал «Мертвые души» в Риме сотрудник «Отечественных записок» П. В. Анненков. По поручению Гоголя «Мертвые души», чтобы получить разрешение цензуры, привез в Петербург Белинский.

Значение письма Белинского к Гоголю от 20 апреля 1842 года, перекликающегося с последующими рецензиями Белинского на «Мертвые души» и содержащего в себе зерно знаменитого зальцбруннского письма 1847 года, до сих пор недооценивалось.

Белинский четко поставил перед Гоголем задачу выбрать окончательно: с нами или против нас? В самом деле: «Отечественные записки» извещают публику о скором выходе произведения, помогают Гоголю напечатать «Мертвые души», давно указывают на его заслуги и называют его главой всей русской передовой литературы, а Гоголь игнорирует журнал. В 1842 году не только перед Гоголем встала задача самоопределения, но и «Отечественные записки» уже не могли больше играть в компромиссы. Теперь отказаться от выяснения позиции Гоголя означало бы для «Отечественных записок» проявить ненавистную либеральную «модерацию». Письмо Белинского к Гоголю датировано тем же 20 апреля 1842 года, что и его известное письмо к Боткину о роли революционного насилия, об обоюдоостром мече «слова» и «дела» Робеспьера и Сен-Жюста, положившее начало горячему спору Белинского с Грановским по вопросу об оценке «монтаньяров» и «жирондистов» во французской революции XVIII века, а на деле выявившее демократов и либералов в русском идейном движении 40-х годов XIX века. Письмо к Гоголю вылилось из одного настроения с письмом к Боткину, написано одним пером. Мы видим здесь отмежевание Белинского от половинчатости, неопределенности. Белинский приложил Боткину черновик своего письма к Гоголю, чтобы тот видел, как он, Белинский, «повернул круто» с Гоголем, «оно и лучше», «к черту ложные отношения — знай наших — и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь — не знай совсем»²⁰.

Посетовав на «странную роль судьбы», которая лишает русскую литературу Пушкина, Лермонтова и оставляет в добром здравии Булгарина и Греча, лишая «Отечественные записки» произведений Гоголя и украшая ими «Москвитянин», Белинский говорит Гоголю: «Вы у нас теперь *один* — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбою; не будь вас — и прощай для меня

настоящее и будущее в художественной жизни нашего общества...». Одновременно он подчеркнул, что «Отечественные записки» теперь «единственный журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и — смею думать — умное мнение и что «Отечественные записки» ни в каком случае не могут быть смешиваемы с холопами знаменитого села *Поречья**. «Вы у нас теперь один», — подчеркивает свою тревогу Белинский после гибели Пушкина и Лермонтова. О «друзьях» Гоголя тоже было сказано в грубо-определенной форме — «холопы». Сначала Белинский вытесняет Погодина и Шевырева из «Отечественных записок», затем он хочет освободить из-под их влияния Гоголя. Белинский говорит о своей любви к Гоголю-реалисту. Это сознание неразрывной связи критики с сатирой наступило у Белинского в 1842 году, в переломный момент истории «Отечественных записок». Белинский не случайно в письме пересматривает свои прежние оценки «Ревизора», «Арабесок» и обещает статью о «Мертвых душах». Эта исповедь и тонкий намек на необходимость Гоголю сохранять «душевную ясность» — два основных мотива будущего знаменитого письма 1847 года.

Белинский не обошел вопроса о «душевной ясности» у Гоголя, почувствовав уже в «Риме» возможность ее потери²¹. Он предупреждает Гоголя, откуда ему грозит главная опасность. «Мертвые души» еще не вышли в свет, Белинский в рукописи их не читал и не знал еще их некоторых «величаво-лирических» отступлений, но уже бил тревогу.

Правда, в первой рецензии на «Мертвые души» Белинский вовсе обошел этот мотив. Фиксация внимания на этом мотиве началась лишь в процессе полемики с К. Аксаковым, когда обнаружилось два обстоятельства: Гоголь ничего не ответил Белинскому на его предложение сблизиться с «Отечественными записками», уклончиво сообщив через Прокоповича, что обо всем надо бы поговорить при встрече; и Аксаков стал смаковать и развивать, не встречая возражений со стороны Гоголя, слабые стороны его лирических отступлений.

Первая рецензия Белинского на «Мертвые души» была без полемики, и она, развивая мотивы письма, приглашала Гоголя публично, хотя и в завуалированной форме, в журнал. Белинскому хотелось обратить внимание читателей на идейную связь «первого» русского писателя с «первым» русским

* Холопами знаменитого села Поречья Белинский называет Погодина и Шевырева, запискивавших перед С. С. Уваровым и клеветавших на «Отечественные записки». В подмосковном имении Уварова, селе Поречье, в 1840 г. гостили Погодин и И. Давыдов, о чем в «Москвитянине» появился написанный И. Давыдовым подробный «отчет», пропитанный раболепием и казенным оптимизмом (1841, № 3).

журналом и тем самым правильно ориентировать их в предстоящих спорах.

Белинский напоминает, что именно он в 1835 году открыл и разъяснил широкой публике талант Гоголя, так что со временем даже порицатели Гоголя сделались его жаркими поклонниками. В своей рецензии Белинский развивает оба мотива письма 20 апреля 1842 года: первый, — что «Отечественные записки» — лучший из всех «ныне существующих журналов» в России и только на долю «Отечественных записок» выпала роль «прямой» (в отличие от «уклончивой», беспринципной. — В. К.) критики; и второй мотив, — «Гоголь — великий талант, гениальный поэт и *первый* писатель современной России...». В этой рецензии есть формулы, открыто синтезирующие оба мотива: «Из существующих теперь журналов, — писал Белинский, — «Отечественные записки» *первые* и *одни* сказали, и постоянно, со дня своего появления, до сей минуты, говорят, что такое Гоголь в русской литературе...», что «Гоголь *первый* взглянул смело и прямо на русскую действительность...» (VI, 213, 214).

Ярко быющая «субъективность» таланта Гоголя, умение проводить рисуемый им мир через «душу живую», объективно совпадала с новыми программными установками «Отечественных записок», развитыми Белинским в статье «Речь о критике». Белинский сначала целиком принимал пафос лирических отступлений в «Мертвых душах», который «освежительными волнами охватывает душу читателя». Он их видит особенно там, где Гоголь говорит с грустной иронией «о завидной доле писателя», занимающегося только «возвеличенными образами, не касаясь земли», и о печальной судьбе «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь...».

Гоголь поставил друг против друга «старую» и «новую» манеры изображения жизни. Он провел разделение поэзии, которое напоминало известное разделение ее Белинским еще в статье «О русской повести и повестях Гоголя» — на «идеальную» и «реальную». Белинский видит в этих рассуждениях Гоголя многие программные положения «натуральной школы». В произведении Гоголя много лирической публицистики. Автор то и дело беседует с читателем в ироническом или патетическом духе: о «недобродетельном» характере своего героя Чичикова, «подлеце», приобретателе («пора дать отдых добродетельному герою»); извиняется за низкое происхождение Петрушки и Селифана, на которых непривычно долго задерживает внимание читателей; высмеивает «светских» писа-

телей, которые рисуют все время только Линских, Звонских, Гремных и других благородных героев (и Гоголь тут же приводит несколько образчиков высокого стиля светских повестей); смеется над великомудрой ученостью отечественных схоластов и дилетантов от науки, в которых нельзя не узнать, помимо, конечно, намерения Гоголя, его «друзей» Погодина и Шевырева (этот мотив хорошо перекликается с «Педантом» Белинского, появившемся почти одновременно с «Мертвыми душами»). Гоголь издевается над так называемыми «патриотами», которые, надо предполагать, выступают с обвинениями и инсинуациями против смелого сатирика; — и тут под Кифой Мокиевичем опять нельзя не узнать «холопов села Поречья» Погодина и Шевырева. Белинский сожалеет о том, что, видимо, не до всех дойдет высокий лирический пафос Гоголя, с каким писатель говорит о «птице-тройке», о Руси, несущейся вперед.

Во всем этом Белинский видит свое передовое, а не специфически «гоголевское» ощущение пафоса времени, «дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания, достойные великого русского поэта...».

Все это было попыткой Белинского раскрыть объективное содержание и значение «Мертвых душ», указать место Гоголя в современной литературно-журнальной ситуации, перехватить Гоголя у его лжедрузей, ввести его новое произведение, «дышащее страстью, нервистою, кровною любовью к плодотворному зерну русской жизни», субъективное и живое, в русло передовой общественно-гражданской проблематики, разрабатывавшейся и пропагандировавшейся «Отечественными записками».

Чернышевский позднее указывал, что Гоголь в «Мертвых душах» «обнимал» животрепещущие современные идеи «только с одной стороны, не сознавая вполне их сцепления, их причин и следствий»²². Это-то многостороннее раскрытие сцеплений, взаимосвязей, причин и следствий поднятых Гоголем вопросов давали энциклопедические и демократические «Отечественные записки».

Журнал не только организовывал гоголевское направление, но и стремился вовлечь самого Гоголя в это направление.

Мы помним, что Белинский в свое время поправлял и комментировал Лермонтова, в результате чего поэт все больше и больше сближался с журналом; теперь он поправлял и комментировал Гоголя, раскрывая сцепление затронутых им вопросов. Гоголь, однако, оставался вне журнала и постепенно отходил от него все дальше и дальше. Лермонтов погиб накануне великого перелома в своей жизни. Гоголь свернул

с правильной дороги и погиб духовно как художник за несколько лет до своей физической смерти.

Взгляд Гоголя был лишен исторической перспективы. Об этом говорит финал «Мертвых душ»: «Русь, куда же несешься ты, дай ответ? Не дает ответа!». Но ответы давали Белинский и «Отечественные записки». Когда-то и Лермонтов считал, что достаточно указать болезнь, а лекарства искать — не его дело. Но Лермонтов все же начинал искать правильные ответы, Гоголь отвернулся от них, хотя Гоголю в гораздо большей степени нужен был этот великий перелом.

В 1847 году пути Белинского и Гоголя окончательно разошлись. В знаменитом письме 1847 года Белинскому ничего не оставалось делать, как предложить Гоголю искупить тяжкий грех издания реакционной книги «Выбранные места из переписки с друзьями» созданием новых творений, которые бы напомнили «Ревизор» и «Мертвые души».

* * *

Что же нового внесли «Мертвые души» в русскую литературу как специфически гоголевское? Что было подхвачено реалистическим направлением, которое с 1842 года открыто стало под знамем критики и сатиры?

Величайшая заслуга Гоголя состояла в том, что он положил в основу интриги «Мертвых душ» один из главных принципов крепостничества: люди-вещи, их можно продавать и покупать. Гоголь затронул самый больной нерв русской действительности. В образе Чичикова автор оттеняет будничное, вопиющее преступление всего крепостнического строя — продажу живых людей на «законном» основании.

Это умение Гоголя вскрыть корень зла, художественно претворить одну из характернейших черт крепостнической действительности повело к существенному углублению реализма в творчестве писателей, организовавшихся в «натуральное» направление.

Гоголь как бы реализовал многочисленные призывы Белинского всемерно расширить область критики. В «Мертвых душах» Гоголь художественно воспроизвел связь крепостничества со многими его порождениями. Именно следствием основного принципа власти над крепостными «душами» являются тунеядствующие, тупые и ограниченные Маниловы, Коробочки, Ноздревы, Собакевичи. Порождением существующих социальных отношений являются и все эти губернаторы, прокуроры, председатели палат, полицмейстеры и Иваны Антоновичи-«кувшинное рыло», и земская полиция, олицетворенная в образе Дробяжкина.

Гоголь неизмеримо расширил художественное разоблачение российской действительности, создал панораму современных порядков, художественно показал их взаимосвязь, и хотя сам отчетливо политически и философски ее не осознал и, можно сказать, боялся такого осознания, реализм писателя выиграл от этой широты. «Мертвые души» содержали в себе десятки животрепещущих тем, которые уже начали разрабатываться другими писателями нового направления.

Гоголь по-своему переосмыслил проблему «героя времени». Герой у него — не мыслящий «эгоист поневоле» Печорин, а делец Чичиков. Это подчеркивал и Белинский, разумеется, не снижая значение линии, намеченной Пушкиным и Лермонтовым. Белинский лишь указывал на новый смысл всей проблемы «героя времени», который она приобретала у Гоголя. Гоголь вскрыл цинизм вещей, превращающий тему о герое времени в злую иронию.

Гоголь показал не героя ума и характера, а героя стихийно складывающихся материально-экономических процессов, рыцаря копейки, «приобретателя». Чичикова нельзя назвать подлецом, несмотря на всю подлость совершаемых им поступков: он не подлее помещиков (в заговоре с ним оказываются Манилов, Собакевич, Коробочка), и не только «от себя» он подл — подлым является закон. В Чичикове показана как бы оборотная сторона тех высоких помыслов, которыми были преисполнены лучшие умы 40-х годов, вдохновенные, благородные просветители, верившие во всеобщее благоденствие, если будет отменено крепостное право, не сознававшие объективного, прозаически-буржуазного характера своей программы. Печорин — герой мыслящей верхушки дворянства, Чичиков — герой будней, денежной морали. Печорина готовила вся передовая русская дворянская культура, он и впрямь герой; Чичиковым может быть всякий, его готовят стихийная жизнь, новые духовно нищие буржуазные отношения, складывающиеся в недрах крепостничества.

Возникнув на почве крепостнического и бюрократического режима эпохи Николая I, Чичиков еще не имеет своего лица, он весь — вечно приспособляющийся хамелеон. Авантюрист Чичиков извлекает утилитарную пользу из безалаберщины и бесхозяйственности, несовершенств, предрассудков, тупости и темноты прогнившего крепостнического режима.

Была и другая сильная струя, которую внес «Мертвыми душами» Гоголь. Это показ народа как «плодовитого зерна» русской жизни, в противовес дворянству, состоящему поистине из «мертвых душ». В «Мертвых душах» резкими штрихами намечена тема народа, бунтующего, недовольного, постоянно вызывающего опаску у своих господ. Все это у Гоголя нари-

совано с убийственным комизмом, и помещики опасаются даже бунта чичиковских «крестьян» при «перевode» их в Херсонскую губернию; господствующему классу дурно спится среди своих рабов. Все существование сытого класса носит какой-то эфемерный, обреченный характер. Образ беглого крестьянина Абакума Фырова символичен. Он перекликается с мотивами статей Белинского о народной поэзии (1841), в которых критик говорил о побегах крестьян на Волгу, Дон, Кубань от помещиков, от кабалы и голодной смерти, о расцвете удали и молодечества среди вольных русских людей, преследуемых властью, но одобренных народным и общественным мнением. Образ Фырова — предшественник героя поэмы И. С. Никитина «Тарас», а также крестьян — ходоков-правдолюбов у Некрасова.

«Мертвыми душами» Гоголь завершил начатый им полный переворот в области сюжетосложения, завязывания и развязывания интриги, разрешения коллизий. Старые каноны романтической поэтики были разрушены окончательно. Анализируя в обзоре за 1843 год сдвиги, которые произошли в области литературной формы, Белинский, ссылаясь на авторитет и опыт Гоголя, писал: «Теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить во что бы то ни стало другого, отомстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли имеет теперь электричества денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь» (VIII, 69—70). В этих словах Белинского — прямая цитата из Гоголя. Таким образом, и в вопросах формы у Гоголя наблюдается отражение сути вещей, материальной, социально-классовой, политической обусловленности человеческих поступков и психологии.

Все это было великим углублением и укреплением метода критического реализма и стимулом к еще большей консолидации гоголевского направления.

Неповторимый гоголевский смех сквозь слезы был связан не только с глубиной гоголевского реализма, недоступной для его учеников, но и с своеобразным переплетением чисто гоголевских идейных иллюзий, которые не разделял ни один из его учеников. Но ученики оказались чуткими к гоголевским реалистическим приемам, характерным ситуациям, островам, «словечкам». Этот гоголевский пласт в повестях 40-х годов очень заметен. Он дает наглядное представление о том, как реалистическое направление принимало именно «гоголевский» характер.

Подражания Гоголю начались еще в 30-е годы: настолько заразителен был пример великого художника слова.

Уже одно начало в «Пане Халыавском» Основьяненко вы-

давало автора с головой: «Тьфу ты пропасть, как свет изменяется! Не наудивляешься, право...» (1839, № 6). Слово «свинтус» в «Тле» Панаева — чисто гоголевское (1843, № 2); у Гребенки в историческом романе «Чайковский» описание Сечи сделано под явным влиянием «Тараса Бульбы» (1843, № 4); в его же повести «Доктор» преследование Севрюгиным девушки Юлии на улице написано под влиянием «Невского проспекта» (1844, № 4). Все это стало особенно заметным после выхода «Мертвых душ».

Гоголь — авторитет, на Гоголя ссылаются, Гоголем аргументируют.

Любовь «не вытанцовалась» у дряблого героя-рассказчика в «Андрее Колосове» Тургенева (1844, № 11), и тут припоминается Гоголь: это его слово. Панаев повествует: «В наружности Николая Савельича было что-то, как говорит Гоголь, «внушающее» («Маменькин сынок», 1845, № 1). У Кульчицкого повесть начинается так: «В одном небывалом провинциальном городе... Я говорю *небывалом*, потому что в противность мнению Гоголя <...> сказать «в одном провинциальном городе» будет действительно *личность*» («Необыкновенный поединок», 1845, № 3). С. Победоносцев свою повесть «Походная барышня» начинает словами: «Есть город... что нужды читателю до его имени? Есть много городов на Руси, подобных тому городу, в который введу я сейчас читателя». Гоголевская манера чувствуется и в описании дороги: солнце, пыль, «шмели и оводы докучливо жужжали над ухом, как неотвязчивые просители, как кредиторы».

Особенно по-гоголевски дано описание гостиницы: «Я уже наперед видал себя в скверной, прокопченной табачным дымом, размалеванной яркими колерами, комнате трактира, среди суздальских лубочных воспоминаний двенадцатого года, за столом, покрытом скатертью — такою скатертью, о которой одно воспоминание могло уничтожить и танталовский аппетит, — за цыкутой, поданной под привлекательным для дорожного названием чая. Дорожная баба, хозяйка трактира, встретила меня у порога с низкими поклонами; трактирный прислужник, выскочивший как будто из земли, провожал меня по темной, полусгнившей лестнице, исчисляя приготовленные третьего дня кушанья, в числе которых бифстек, заливная рыба и холодный поросенок играли главную, а щи и солянка второстепенную и весьма сомнительную роль, и пересыпая свои исчисления свежими новостями, касавшимися благосостояния города и примерной администрации исправника и городничего...».

Здесь же упомянуто о почтмейстере города, который имел «невинную привычку распечатывать все письма, которых кон-

верты носили на себе следы почерка женской ручки». Уличные арабески этого города совершенно напоминают Гоголя: «Портной, военный и партикулярный изображен был на вывеске сидящим по-турецки с мундиром в руках, а над головою его, как меч Дамоклеса, висели ножницы. Цирюльник и бравейшей представлен был пускающим кровь (эта кровь была из руки фонтаном) супруге исправника, — в чем не было никакого сомнения, потому что дама была изображена в голубом салопе и с страшно нарумяненными щеками, а во всем городе полубой салоп был у юной исправницы и во всем городе никто так страшно не румянился, как она. На вывеске мелочного лавочника изображен был рог изобилия, из которого сыпались, как бирюльки, чай, сахар, изюм, чернослив, валдайские баранки и пряники» (1846, № 11).

С особенной страстью была подхвачена гоголевская ирония над светскими повестями, над ходульным романтизмом. В той же повести Победоносцева есть такой иронический выпад: пьяные бабы и девки, ехавшие со свадьбы, «пели песню, в которой самый отъявленный славянофил не нашел бы, если б искал совестливо, ни складу, ни ладу <...>». И дальше: «поровнявшись с телегой, он (кучер. — В. К.) степнул кнутом девку, которая показалась ему покрасивее, отчего та приятно улыбулась, процевив сквозь зубы что-то вроде приветствия, — такого приветствия, от которого покраснела бы не одна русская барышня, если б услышала его при чужих, и которое, впрочем было ей знакомо, как дважды два четыре, от частых визитов в кухню, девичьи и передние. Умилительная сцена с бабами вырвала у меня невольную улыбку, тем более, что тут же пришли мне на мысль многочисленные романы и повести пресловутых наших писателей, которые, подражая старым грехам Карамзина и Жуковского, представляли, в услужение легковверных своих читателей и читательниц, русских крестьян и крестьянок, ни дать ни взять, пастухами и пастушками вечно счастливой Аркадии».

Постоянное отталкивание от романтической традиции и высмеивание ее особенно коснулось наследия Марлинского. Сороковые годы идут целиком под знаком борьбы с его «преlestной ложью». Прямая полемика с Марлинским есть у Панаева в «Актеоне» (1842, № 1, стр. 29). Пародийный «друг Марлинского» изображен в «Любоньке» Зенеиды Р-вой (1842, № 11). В «Последнем визите» Кудрявцева (1844, № 10) также выведен комический образ несчастного вздыхателя Аполлона Марлина, фамилия которого прозрачно намекала на Марлинского. «Необыкновенный поединок» Кульчицкого (1845, № 3), как подчеркивает само заглавие, — пародия на «обыкновенный» (романтический) поединок, например, в по-

вести Марлинского «Испытание». Продолжая борьбу Гоголя против ходульного романтизма и дидактизма, повесть Кульчицкого метила сразу в оба эти адреса. Недаром Кульчицкий сделал эпиграфами к ней своеобразную подборку цитат из произведений Марлинского, Кукольника и Полевого, а Белинский в своем обзоре литературы за 1845 год сказал о повести Кульчицкого, что она «заслуживает внимания и способна навести читателя на некоторые весьма любопытные соображения насчет некоторых знаменитых имен нашей литературы» (IX, 397).

Образы «Мертвых душ» вошли в арсенал реализма, приобрели типологическое значение. Сколки с них встречаются во многих произведениях того времени. Тургенев в поэме «Андрей» (1846, № 1) называет своего героя смесью «Манилова с Фоблазом», в повести С. Победоносцева «Милочка» (1845, № 6) герои Андрей Иванович и Настасья Ивановна напоминают старосветских помещиков Гоголя. В «Сценах уездной жизни» Кудрявцева образ Михаила Михайловича — помещика Собакевича с Ноздревым (1844, № 7)*. Вот, например, как напоминает Ноздрева герой повести Галахова «Старое зеркало» Барбосов. Этот Барбосов заехал к Ивану Анисимовичу (герою повести. — В. К.) мимоездом, пробираясь в уездный город на ярмарку, где предстояла ему богатая жатва. «В костюме его отличалась ухарская венгерка, полосатые панталоны и шапка с белым околышем, которая дьявольски лежала на правом ухе. Усами он дорожил столько же, сколько своим пуделем Нептуном, вечным его товарищем в домашней и разъездной жизни. Прибавьте к этому басистый голос, грубую развязность движений, что называют молодечеством, несколько выученных стихов, которые переиначивал он по-своему, уничтожая в них меру, а иногда и смысл, десятка три доморощенных острот, да длинный хлыст, чтобы наказывать упрямого пуделя...». Свои остроты Барбосов щедро и бесцеремонно рассыпает в гостиных и на ярмарках: «Воды, воды, но я напрасно страдалцу водку подавал...». Перлом его красноречия была острота: «Первые пять чашек пью с ромом, остальные с чем угодно вам. Ха, ха, ха» (1845, № 9).

В той же повести у проезжего барина происходит такой разговор с крестьянином на дороге, представляющий собой явное подражание разговору Селифана с мужиком о Заманиловке и с «черноногой» девчонкой, не знавшей где правая и где левая сторона. Эта сценка — попытка передать характер «непонятливости» русского мужичка.

* Авторство Кудрявцева устанавливается впервые. См. приложение к настоящей работе.

Барин спрашивает:

- Знаешь ли ты ту церковь... Вон, что подле леса?
- Знаю, знаю... как не знать... которая церковь?
- Вон, рядом с лесом, направо, красная крыша, видишь?
- Вижу, вижу... как не видать: у леса, на левой руке?
- Нет, на правой.
- Да, на правой, так. Ну, так что ж тебе?
- Как прозывается это село и чье оно?
- Село, где церковь-та?
- Да.
- А бог его знает... Ну, серко, трогайся!

Все эти примеры — не простые заимствования у Гоголя, не похищения ради красного словца. Гоголь был ярчайшим мастером, он изменил, так сказать, самый подход к вещам, манеру лепить образ, манеру выражаться. Авторы нередко сами сознаются, что, желая сказать сатирическую правду, они тут и там часто попадают в специфически гоголевскую ситуацию, говорят о соотношениях предметов, лиц и обстоятельств, уже однажды открытых и сведенных Гоголем в художественный сюжет, известный публике. Различные подражания Гоголю были попытками литературной молодежи ступить по следам гения. Особо распространялась гоголевская ирония, которая имела огромную раскрепощающую силу: она была освобождением от аскетической серьезности романтиков, противоядием ложной величавости реакционного направления и натуралистического дидактизма, она была примером трезвого исследования и обобщения гримас николаевской действительности.

Проза Гоголя усложнила «нагую» простоту пушкинской прозы, обогатила ее всеми побочными ассоциациями и ракурсами видения мира, которые были свойственны критически мыслящему передовому человеку 40-х годов. Эта жизнерадостная многокрасочность, живописность, эмоциональность видна и в прозе и в публицистике Герцена, мысль которого всегда развивалась в плане широчайших культурно-исторических ассоциаций.

Но подражания Гоголю в каждом отдельном случае означали разное: или рост, или бесплодие собственной фантазии. Например, тот же Галахов в обзоре литературы за 1847 год осудил явные подражания гоголевской манере в рассказе и в разговорах действующих лиц, которые он нашел в повестях Буткова «Горюн», «Кредиторы, любовь и заглавия». Но Белинский, наоборот, обрадовался плодотворному, действительно талантливому подражанию гоголевскому комизму в веселой драматической сценке П. Меншикова «Богатая невеста»*.

* Авторство устанавливается впервые. См. приложение.

Здесь и ситуация, и персонажи, и самый язык — гоголевские. Борьба соперников из-за богатой невесты комически изображена в духе новой манеры Гоголя: интрига завязана не на любви, а на вожделениях к вещественному и невещественному капиталу.

Явным подражанием гоголевской манере является сцена со «значительным лицом» в повести Кульчицкого «Необыкновенный поединок». Но как талантливо это подражание, как напоминает оно приемы щедринской сатиры! Эта сценка искупает все недостатки повести.

Вот ее содержание. Через город проехало «одно значительное лицо». Городничий решил оповестить о столь важном событии в газете, хотя проехавшего и след простыл (а может быть, это был вовсе не помпадур, а Хлестаков или Чичиков...). Заготовлен был текст: «Такое-то значительное лицо, сего числа в семь часов пополудни изволило проехать через наш город». Но, снедаемые ревностью к службе, чиновники стали предлагать варианты, начался сумбур редактирования сообщения, пустились в споры о «штилях». Сначала добавили: «погода была дождливая». Но это показалось бестактным. Переменяли: «погода разгулялась». Но прилично ли это? Переменяли: «небо прочистилось» и добавили: «солнце, склоняясь на Запад, *пышным* лучезарным блеском приветствовало». Но вдруг пропал страх: это же не сочинение для забавы, здесь надобно быть «чрезвычайно осторожным». Усердие, однако, превозмозгло. Написали: «вечер был очаровательный, а дамы прекрасны». Как тут приплеклись дамы, никто не заметил и к чему они тут?.. Задумались: может быть, лучше сказать наоборот: «вечер был прекрасный и дамы очаровательны...» Так и напечатали. Успех был невероятный. Стали все толковать вкось и кривь о проехавшем значительном лице и городских дамах. Поговаривали, что «там даже есть кой-какие намеки», город взволновался. Так был взволнован и город № у Гоголя, когда разнеслись слухи о том, что Чичиков скупает мертвые души и хочет увезти губернаторскую дочку...

* * *

Если Белинский всячески подчеркивал, что «все литературные интересы, все журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголе» и что «Мертвые души» «оживили погруженную в апатию современную русскую литературу» (обзор за 1843 год), то современники отмечали воздействие на литературу и другого фактора — самого Белинского и «Отечествен-

ных записок». Так, например, П. В. Анненков отмечал: «К этому же времени (т. е. к 1842 г. — В. К.) относится и появление в русской изящной литературе так называемой «натуральной школы», которая созрела под влиянием Гоголя, объясняемого тем способом, каким объяснял его Белинский. Можно сказать, что настоящим отцом ее был — последний»²³.

И, действительно, именно Белинский всесторонне показал связь реалистических достижений Гоголя со всей политической и идейной борьбой в России, именно Белинский превращал пример Гоголя в школу, в теорию, в руководство к действию для других талантов.

Тот же Анненков рассказывает, каким образом Белинский «объяснял» Гоголя. «Роман этот («Мертвые души». — В. К.) открывал критике единственную арену, на которой она могла заниматься анализом общественных и бытовых явлений, и Белинский держался за Гоголя и роман его цепко, как за неожиданную помощь <...>. Все силы своего критического ума напрягал он для того, чтоб отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме тех суровых, строго обличающих, какие прямо из него вытекают»²⁴.

Сильные новаторские приемы, которые вносил Гоголь своими «Мертвыми душами» в русскую литературу, усваивались и развивались молодыми писателями со всеми «объяснениями» Белинского и приобретали сознательный, ярко выраженный программный характер. На этих-то воздействиях Гоголя и объяснениях Белинского и произошла консолидация реалистического направления. В письме к Кавелину 7 декабря 1847 года Белинский со всей силой подчеркнул, что писатели «натуральной школы» «сознательнее», чем Гоголь, пользуются методом критического реализма.

Какова была общая картина развития прозы 40-х годов, по-прежнему являвшейся в лучшей своей части прозой «Отечественных записок»? В какой мере она в 1842—1846 годы оформилась как направление по сравнению с предыдущим периодом?

В «Отечественных записках» были опубликованы повести Панаева «Актеон», «Барышня», «Маменькин сынок» и нашумевший очерк на литературные темы «Тля»; Тургенев поместил рассказ «Андрей Колосов» и несколько поэм; Некрасов — очерк «Необыкновенный завтрак»; Гребенка — повести «Сеня», «Доктор» и историческую повесть «Чайковский»; Кульчицкий — повесть «Необыкновенный поединок»; Меньшиков — пьеску «Богатая невеста»; Даль — рассказ «Колбасники и бородачи»; Зенеида Р-ва (Е. Ган) — повести «Напрасный дар», «Любонька»; Кудрявцев — «Сцены уездной жизни» и

повесть «Живая картина»; Галахов — повесть «Старое зеркало»; Победоносцев — повести «Из записок неизвестного», «Милочка», «Няня» и др. Значительным вкладом в прозу этих лет была психологическая повесть Кудрявцева «Последний визит». Но самым крупным произведением была, конечно, первая часть романа Герцена «Кто виноват?» (1845, № 12).

Большинство перечисленных произведений, появившихся в «Отечественных записках», ныне уже забыто. Но как много они значили для современников! «Ну как это не грешно Панаяву было поместить «Актеона» и как вы приняли его?! — восклицал в шутиливой форме Герцен в письме к Краевскому 3 февраля 1842 года. — Да, кого же охота заберет после посылать повести? «Актеон» просто *chef d'œuvre* <...>. Ведь просто превосходно: от помещика, который от грыжи носил сережку, до «актеона», который даже не имел способности выпускать грыжу... а потом мать и Антон, няня и М-те. Пожалуйста, Андрей Александрович, скажите ему сверх дружеского привета, что я с душевным восхищением читал эту мастерскую повесть... А дочь-то бедных, но благородных родителей...»²⁵.

Белинский назвал «Андрея Колосова» «рассказом чрезвычайно замечательным по прекрасной мысли». Критик писал, что автор обнаружил в нем много таланта, а вместе с тем и показал, что он не хотел сделать и половины того, что мог бы сделать; «оттого и вышел хорошенький рассказ там, где следовало выйти прекрасной повестью» (обзор за 1844 г.).

Итак, в чем же сила этой литературы, где здесь направление, что в нем развивалось как специфически гоголевское, глубокое, проблемное, и в чем это проблемное перекрещивалось с объяснениями Белинского, его сознательно-направляющим и мобилизующим воздействием?

В первой главе мы отмечали пестроту тематики в литературе, собранной «Отечественными записками» и получившей новое направление. Теперь можно констатировать гораздо большую целеустремленность критического реализма. Зрелость направления выражалась в этом строгом отборе и в усилении идейности проблематики. Изменилось соотношение поэзии и прозы. В первый период они, пожалуй, на одинаковом уровне; во второй — явное преобладание прозы, хотя поэзия вслед за ней начинает существенно перестраиваться.

В конце этого периода появляется Некрасов — новатор.

В прозаическом наследии «Отечественных записок» часть прежних тем отсеялась, отмерла, другая получила развитие. Например, усложняются темы героя времени, эмансипации

женщины, бедного чиновника. Развилась тема крепостной деревни.

В творчестве прозаиков «Отечественных записок» во второй период получили наиболее яркое воплощение самые главные художественные принципы Гоголя — прямое сатирическое изображение крепостничества и всех его порождений, а также призывы Белинского превратить русскую критику в сознательную боевую силу.

«Мертвые души» повернули прозу к провинции, к деревне. Вспомним, что после «Дубровского» и «Истории села Горюхина» Пушкина в прозе почти не изображалась деревня. Лермонтов, Одоевский, Полевой, Марлинский, Соллогуб прошли мимо этой темы. Не было интереса к ней и в повестях «Отечественных записок» первого периода, если не считать некоторых сцен в «Советнице» Емичева, в «Онагре» Панаева.

Историками литературы 40-х годов эта тема в ее развитии еще не прослеживалась. Обычно говорят о произведениях «Кто виноват?» Герцена, «Обыкновенной истории» Гончарова особенно о «Деревне» и «Антоне Горемыке» Григоровича, о «Записках охотника» Тургенева. Но от светских и экзотических тем проза переходила к теме деревни постепенно, на всем протяжении 1842—1846 годов. Этот процесс шел параллельно с всесторонним осознанием, что подлинная причина всех зол — экономические порядки в деревне.

Проза 1842—1846 годов в основном занимается деревней, главные сюжеты разворачиваются на ее фоне. Между тем у нас традиционно считают, что «натуральная школа» — это физиологический очерк сплошь урбанистический по мотивам. Но этому противоречат факты: в самом деле, местом действия в повестях «Актеон», «Маменькин сынок», «Барышня», «Последний визит», «Няня», «Старое зеркало», позднее «Деревня» Григоровича является деревня со всеми ее ужасами.

Правда, в этих повестях нет гоголевского сарказма, мастерского построения интриги, лепки типов — всей той художественности, которая делает произведения Гоголя первоклассными. Но этого мастерства нет и в физиологических очерках. В повестях же поражает какая-то добросовестно-точная дагерротипическая суровость картин крепостной деревни, хотя бы речь шла в основном о жизни господ.

Так, например, в «Старом зеркале» Галахова (Сто-один) художественно сильно и ярко дана картина летней жатвы в русской деревне. Эта картина поражает ужасом непосильного рабского труда и забитости: «Короткий отдых пахарей представлял мало живописного, — говорит автор, — тот, свернувшись в комок, спал близ сохи, другой, раскинув руки и разинув рот, облепленный мухами, лежал подле жувшина с водой

и краюхи хлеба, который обнюхивала собачонка <...>. Бабы жали рожь <...>. На жниве, лицом к солнцу, лежал завернутый в тряпки грудной ребенок, крича во все горло. Но мать, кажется, не слыхала этого крика: она продолжала усердно работать и только однажды, выпрямившись и показав загорелое, облитое потом лицо свое, прикрикнула на ребенка: «Да перестанешь ли ты реветь, окаянный? ты видишь, мне некогда. Вот постой, я скажу барину <...>, вот он-те даст!».

Деревня остается в повестях не просто общим фоном, а органически сливается с мыслями и чувствами героев; их жизнь и интересы вплетены в реальные события крепостной деревни, в сложившиеся там материальные, моральные и религиозные отношения. Таким образом, тема деревни твердо и прочно укоренялась в прозе 40-х годов.

Галахов в той же повести показывает, насколько невежественным является барство. Оно само становится рабом порядков. Вот съехались к помещику гости. Трехлетний сыночек некоего Брусничкина поражал всех ранним развитием умственных способностей. «Миша, поди сюда, — сказал ему отец. — Представь, как мужики идут на свою работу». Миша взял в руки тросточку и скорым шагом пошел по комнате. Все захотали. «Ну, теперь покажи, как крестьяне идут на барщину». Миша сгорбился, наморщился и пошел медленным шагом, охая и прихрамывая. Все еще больше захотали. Нянюшка трехлетнего ребенка, с умилением смотря на будущего помещика, подошла к нему: «Покажи еще гостям, родной мой, как папенька наказывает Игнашку». Гости пришли в восторг.

Но другой, старший сын Брусничкина учится в университете. Отец не любит о нем вспоминать. Тут показано духовное разъединение отца с сыном. Повесть намекает на ростки нового, пробивающиеся повсюду, даже в самом дремучем пошехонье*.

Царившие в деревне раболепие и духовная нищета владельцев крепостных душ колоритно изображены Панаевым в повести «Актеон». Панаев очень смел и дерзок особенно в экспозиции повести, в которой описывается ожидание собравшейся деревней приезда из Петербурга барина с молодой женой. Каждая фраза у Панаева остра: «Необычайное стечение народа было у моста, — говорит он. — Там стоял управитель села Назар Яковлевич, чиновник 12 класса, выключенный за взятки из коронной службы...».

«Слышите же вы!.. сора из избы не выносить!» — воскликнул он торжественно и поднял над головой сжатый кулак: «до барина никаких дразгов не доводить, не смей беспокоить».

* Слово «пошехонье» встречается в повести.

его ни жалобами, ни просьбами, а не то я по-свойски разделяюсь с вами...». «У самого крыльца стояло человек до десяти исполинов, еще десять Антонов, которые, однако, назывались не Антонами, а Фильками, Фомками, Васьками, Федьками, Яшками и Дормидосками».

Подъехавший барин ломает из себя петербургского аристократа и разглядывает дворню в лорнетку. Даже кормилица его не вытерпела: «Господи, какие рожи из себя строит?».

Вслед за Гоголем в повестях 40-х годов показаны порождения крепостничества. Здесь и никчемная жизнь провинциального дворянства, и распад личности крепостника-помещика. Всей их сытой жизни противопоставляются образы крестьян.

В «Сценах уездной жизни» Кудрявцева изображена ситуация, отчасти предвещающая мотивы пьес «Завтрак у предводителя» Тургенева и «Плоды просвещения» Толстого. В спорах мужиков с барями из-за земли раскрывается нравственная сила мужиков и бестолковость сопредельщиков-помещиков, которые никак не могут полюбовно разделить землю. Здесь особенно важна роль крестьян, чьи интересы кровно задеты. Они выступают за свои права. Это обстоятельство было причиной цензурных урезок в «Сценах». Петербургский цензурный комитет рассмотрел это произведение и исключил место, «в котором один из крестьян рассказывает, как чиновник по части межевания отбил у него невесту и довел их обоих до отчаяния»²⁶.

Пожалуй, наиболее ярко порождения крепостничества показаны Панаевым в повестях, подчеркивающих эволюцию и метаморфозу характеров под сильным воздействием барства. «Актеон» является продолжением «Онагра». Если онагр еще тщится казаться мелкотравчатым аристократом на бульварах и паркетe Петербурга, то в «Актеоне» изображено, как барин, первоначально рассматривающий народ в лорнетку, опускается и становится абсолютным ничтожеством. Такую же эволюцию Панаев показывает в повестях «Маменькин сынок», «Барышня» и «Барыня» (напечатанной в «Русской беседе»). В повести «Маменькин сынок» Панаев подсказывает читателю такой вывод о герое: «Он с детства привык лгать и хвастать, без сознания, что это дурно, потому что дышал в атмосфере лжи и хвастовства». Отправляя сына в столицу, мать наставляла: «угождай начальникам». И сын вырос ничтожным и бездушным. Есть в нем что-то от Иудушки Головлева. Его отец был под башмаком у матери, играл весьма жалкую роль в семье и предавался «спасительному зелью». Дворня за ним подсматривала по наущению барыни: «Прилипали жадным ухом к дверям, а часто и любопытный сынок вслед за

нянюшкой подсматривал в замочную скважину, что делает папенька, чтоб передать это маменьке». В девять лет сын уже хвастался тем, что «у него будет полторы тысячи душ крестьян». «Я буду богатым, — говорил он. — Маменька оставит мне, кроме всего, много денег, много, она сама обещала мне». Такой сын рано внял урокам своей маменьки и промотал ее имение.

Показом ничтожества дворян, их алчности, сребролюбия, приобретательства Панаев продолжал разработку темы «героя времени» в ее иронической, гоголевской трактовке. Этой же теме посвящена повесть Гребенки «Сеня».

Творчество писателей, сгруппировавшихся вокруг «Отечественных записок», в совокупности было тематически шире, чем творчество Гоголя. В 1842—1846 годы под сильнейшим воздействием идей Белинского получают дальнейшее развитие две важнейших темы: тема героя времени в ее лермонтовской трактовке и тема эмансипации женщины, намеченная Пушкиным и разрабатывавшаяся прозаиками в первый период. Это лишний раз показывает огромную направляющую роль «Отечественных записок». Гоголь не мог оказать свое влияние на все богатство тематики и проблематики реалистического направления. В разработке названных двух тем сказалось большое влияние Белинского, который активно воздействовал на развитие реалистического направления. Гоголь был чужд обоим этим темам. А они были лучшей стороной медали, т. е. русской действительности, на обороте которой красовались Чичиковы, «актеоны», «барышни» и «барыни» и все «мертвые души». Эту широту взаимосвязей различных тем видел Белинский.

Правда, от гордого эгоцентризма лермонтовского Печорина уже ничего не оставалось. Общественный подъем, начавшийся с 1842 года (начало сороковых годов), растворил этот эгоцентризм. Тот великий перелом, который не успел пережить Лермонтов, переживался новым молодым поколением. Положительный герой — теперь откровенно оппозиционная фигура, несущая в себе идеи гуманизма, коллективизма. На первый план выдвинулось в нем идейное начало. У героя иное отношение к женщине, к науке, он любит и ненавидит глубоко и искренно, сам он — выходец не обязательно из дворянского сословия, часто и из разночинцев.

Герой повести Кудрявцева «Последний визит», Роман Петрович, на фоне провинциального дворянства — «странный», «очень необыкновенный» человек, но в сущности это волевой и решительный характер. В самой любви его к замужней несчастной женщине столько стоицизма и полноты чувств, что он идет из-за нее на смерть. Он не может победить своей

страсти и обнаруживает какую-то удивительную независимость характера, бесстрашие слова и дела. Но главное то, что он — типично идейный герой 40-х годов. Роман Петрович отказался от военной службы; был противником всякого двоедушия. «Деятельность его увеличилась, — говорит Кудрявцев, — он начал неумоимо наблюдать, сравнивать, предавался изучению теорий, которые раскрывали с той или другой стороны одно и то же гуманистическое начало, и все, что прежде сказывалось в нем, как предчувствие, как инстинкт, и давало себя чувствовать другим, как минутный порыв, то теперь осветилось одною идеею, получило определенный характер и правильную форму — словом, образовалось в одну стройную и последовательную систему». Здесь, конечно, только цензура не давала возможности точнее назвать все ступени духовного развития героя и изучаемые им системы. Но у Кудрявцева кое-что проясняется дальше.

После заграничной поездки герой возвратился в Россию. «Печальная судьба ожидала его на родине, — продолжает Кудрявцев, — судьба всякого энтузиазма, который вырастет не на родной почве и придет искать себе сочувствия у себя дома. Черная клевета тотчас устремила свое жало против неосторожного смельчака; его прославили не только утопистом—сектантом, мартинистом, симонистом и бог знает чем. Один изобретатель новостей разнес по городу слух, что у Романа Петровича по средам собирается тайное общество, а другой был столько наивен, что приходил сам проситься в члены небывалого общества <...>. А между тем видно, что это был очень незаурядный человек, и мог бы оставить по себе большой след» (1844, № 10).

Кудрявцев очень обстоятельно характеризует круг духовных интересов героя, показывая определенную политическую подкладку тех странностей, которые видели в нем пошлые люди.

По цензурным соображениям Кудрявцев приписывает вольнодумство героя клевете, нарочито ставя на одну доску «симонизм» с запоздалым «мартинизмом». Однако несомненно, убеждения Романа Петровича не укладывались ни в рамки общепринятой морали, ни в рамки цензурного устава. До тайного общества, может быть, было еще далеко, но герой уже осознал необходимость эмиграции, и можно утверждать, что это была бы политическая эмиграция.

Сдвиги в решении темы героя времени после Лермонтова происходили не только в раскрытии идеологических интересов героя, оказывавшихся на уровне духовных запросов передовых людей 40-х годов, но и в показе роста разночинца, что было новостью в литературе, симптоматическим явлением 40-х годов.

Здесь нам важен каждый молодой росток, каждый, пусть художественно еще незрелый, побег.

Как бы ни расширялся круг познаний, духовных интересов разночинского интеллигента, каким бы важным это расширение ни казалось в 40-е годы, все же он был уже, чем удворянского молодого человека. У дворян были почти неограниченные возможности получить вовремя и в достаточном объеме необходимое образование. Но преимущества разночинского героя в другом — в том, что он ближе к народу, он более волевой человек, он уже сердечнее воспринимает идеи гуманизма, оригинальнее умеет преломлять их на практике. Протестом против существующего порядка является уже само право разночинского героя иметь свое суждение.

Рост разночинца, хотя и не выдержавшего борьбы, показал Гребенка в повести «Доктор». Обращает на себя внимание сама свободная профессия разночинца, доктора, бывающего в разных домах и имеющего возможность сравнивать свои наблюдения и делать выводы. Образцом для писателя мог бы служить, конечно, герценовский «доктор» Крупов, с его аналитическим умом и независимым образом мыслей. Но Гребенка сам не обладал острым критическим умом, чтобы вполне развернуть столь богатую идею, хотя та ступень, на которой он остановился, была критической.

В повести «Доктор» выведен положительный образ доктора Севрюгина, всеобщего любимца бедных обитателей Лиговки, которого, как говорится, на руках носили. Перед нами проходит процесс выработки разночинцем мировоззрения на опыте. Севрюгин, как и герои позднейших повестей Салтыкова, то и дело сталкивается с «противоречиями» и «запутанными делами», которые он пытается распутать сам. В его дневнике отражены эти раздумия; и перед нами — опять своего рода «записки молодого человека», только уже из разночинской среды. Пытливый и вдумчивый Севрюгин пишет в своем дневнике: «Просителей куча каждый день. Станный взгляд на вещи у нашего секретаря. Он часто говорит просителю: «ваша правда, совершенно так, но и по-моему будет правда». Как же это? и так правда, и иначе правда?» Или: «Сегодня баба всучила мне в руку двугривенный: я бросил его на пол и чуть не заплакал. Мои товарищи смеялись; сторож поднял двугривенный; баба ушла; кто-то сказал: «напрасно бросаете деньги». На Севрюгина косо поглядывали знатные клиенты; одной больной аристократке на ее французскую болтовню он бесцеремонно ответил: «Это пустое...». Она жаловалась своей знакомой: «Нет, он больше не увидит моего дома! Представь, я ему говорю серьезно, а он отвечает мне: *пустое!* так просто по-русски *пустое!* точно кучер!» (1844, № 4).

В итоге — герой повести Гребенки, после неудачной женьбы, спивается и гибнет.

Однако в общественной жизни этот тип разночинца развивался и торжествовал. И литература отразила поступательный процесс развития этого «мыслящего пролетария» в живом полемическом сопоставлении с типом все более и более мельчавшего молодого человека из дворян.

Особенно характерен в этом отношении рассказ Тургенева «Андрей Колосов». Лежащая в его основе идея, по отзыву Белинского, могла бы стать предметом целой повести. Белинский не ошибся, так как именно эта идея — «герой времени» или «лишний человек» — легла в основу последующих повестей и романов Тургенева.

Белинский в своей статье «Речь о критике» и многих письмах провозглашал как лозунг времени — «действительность» во всем: в мыслях, в чувствах, в поступках. Вот этим именно и отличается «необыкновенный человек» Андрей Колосов от противоположного ему героя, дряблого в мыслях, чувствах и поступках, от лица которого ведется рассказ. «Андрей Колосов» написан как бы по мотивам статей Белинского. Сопоставление романтика-рассказчика, становящегося всегда и во всем на ходули, с Андреем Колосовым, всегда верным себе, естественным, последовательным, уравновешенно-мудрым и стремительно-деятельным — действительно идея, которой хватило не только на повесть или роман, но и на множество повестей и романов русской литературы XIX века.

В сюжете рассказа много замечательных моментов. Рассказ начинается с характерного для 40-х годов — и в жизни и в литературе — спора небольшого кружка друзей, собравшихся у одного из приятелей на квартире (вспомним, например, спор в «Сороке-воровке»). Спор шел о том, что такое «люди необыкновенные» и о том, чем они отличаются от обыкновенных людей». Романтическая формула об обыкновенном и необыкновенном вывернута наизнанку. Считавшееся до сих пор необыкновенным оказывается натянутым и пошлым (таков герой-рассказчик), а считавшееся обыкновенным, будничным и чуть ли не серым, оказывается как раз ярким, величественным в своей естественности и простоте (таков Андрей Колосов). О приезде Колосова с кондиций студент-приятель прибегает сообщить «запахавшись». О Колосове говорят с уважением еще до появления его в рассказе. Но простота и естественность его обращения, внутренняя сила, сквозящая во всех его поступках, обезоруживает любого пламенного романтика, успевшего уже создать в своем воображении образ «необыкновенного» человека.

Самой, пожалуй, замечательной стороной этого произведе-

ния является то, что автор заставляет рассказывать о Колосове его «конкурента» романтика и труса, разыгрывающего благодетеля по отношению к оставленной Колосовым девушке. Рассказ построен на внутренней исповеди этого незадачливого героя-соперника, который по-своему преклоняется перед силой Колосова и в то же время себя дискредитирует в глазах читателя тем, что выдает все свои гаденькие помышления, которые возбудили в нем моральное и умственное превосходство Колосова. Автор тонко намекнул и на социальную основу различия характеров: Колосов — сирота, сам себе добывающий хлеб, а рассказчик — барчонок, которому отец регулярно присылает пачки синеньких ассигнаций.

Контраст в социальном положении героев подчеркнут достаточно четко, хотя и не развернут широко, как это могло бы быть в повести. Автор ограничивается столкновением героев, влюбленных в одну сравнительно недалекую, «кисейную» барышню. Но в задатках характера Колосова уже чувствуются все возможности обнаружить свое превосходство и на поприще знаний, и на поприще борьбы. В Колосове еще не проснулся его классовый инстинкт, как подобный акт покажет позднее Помяловский в повести «Мещанское счастье». В Колосове еще нет и идейной вооруженности Базарова, но в нем уже есть та сила, которая теперь смяла самолюбие выхоленного барчонка, щеголявшего благородством своих чувств и все же признавшего свое полное ничтожество.

В 1842—1846 годы многие изменения происходят в решении темы эмансипации женщины. Эта тема подкреплялась теперь всем критическим смыслом статей Белинского, который открыто выступил за раскрепощение женщины, возмущался в «пушкинских» статьях смиренномудрием Татьяны и приветствовал свободолюбивые романы Жорж Занд, героини которых пользовались чрезвычайной популярностью в 40-е годы.

Тема эмансипации женщины в русской литературе продолжала развиваться по двум старым, четко наметившимся линиям — признание общественных прав женщины («Княжна Зизи») и права на любовь и мезальянс («Дочь чиновного человека»). Теперь наметилась третья линия, получившая свое особенно большое развитие в последующие годы: пробуждение к духовной и гражданской жизни женщины из низов, даже крепостной крестьянки. Разумеется, творческое воплощение этих тем было самым различным в зависимости от талантности авторов, но важно общее нарастание демократизма в решении этой злободневной темы.

Вторая линия — любовь и мезальянс — заметно ослабла, зато первая линия в «Отечественных записках» была представлена особенно ярко. Это прежде всего повести Панаева

«Актеон» (образ Ольги Михайловны), Кудрявцева «Последний визит» (образ Анны Михайловны), Зенеиды Р-вой «Напрасный дар», «Любонька». В этих повестях продолжается на новом этапе традиция, намеченная еще Пушкиным в образе Татьяны. Но коллизия разрешается в духе 40-х годов.

Особенно мастерски построена повесть «Последний визит». Возлюбленные в романе должны встретиться в последний раз, но последняя встреча все откладывается, им трудно расстаться. Это создает напряженность во всей повести, интрига завязана простым приемом, здесь все внимание сосредоточивается на психологическом анализе. Белинский писал о Кудрявцеве: «Он смело вошел в глубину простой, ежедневной действительности и умел в ее пошлости и прозе найти страсть».

Талант Зенеиды Р-вой был гораздо слабее таланта Панаева и Кудрявцева. В ее повестях особенно чувствовалось влияние Ж. Занд. Несмотря на сильный налет сентиментальности, писательница как-то простодушно обнаженно ставила тему эмансипации, сознательно прослеживая ее различные социальные аспекты.

Если «Мертвые души» являются в значительной степени исходным произведением для того этапа развития реалистического направления, который охватывает 1842—1846 годы, то первая часть романа «Кто виноват?» Герцена является в этом же смысле итоговым произведением периода, в котором синтезировались лучшие мотивы произведений Гоголя и реалистического направления в целом, а сам реалистический метод приобрел новые важные черты. Синтез мотивов был неслучайным, он получал открытую политическую остроту не на почве гоголевского «интуитивного» мировоззрения, а на почве герценовской революционной сознательности, которая сама определяла в значительной мере направление «Отечественных записок». Реализм стал еще ближе к умозрению, и тут родилась та особенная, в отличие от гоголевского реализма, черта «натуральной школы», о которой, как мы уже говорили, Белинский сказал в известном письме к Кавелину 7 декабря 1847 года: «натуральная школа» пользуется методом критического реализма сознательнее, и в этом смысле тверже стоит на его позициях и у нее меньше опасностей сбиться с дороги.

Все это, разумеется, не предрешает вопроса о большей художественности «Кто виноват?» по сравнению с «Мертвыми душами», о большей талантливости Герцена по сравнению с Гоголем. Речь идет о тенденциях реализма, о его типах, о возраставшем умении писателей-реалистов сознательно вскрывать то «сцепление причин и следствий» между

«животрепещущими современными идеями», недостаток которого Чернышевский отмечал в реализме Гоголя.

Философская постановка вопроса о том, «кто виноват?», параллельно нарисованные биографии героев, одновременная постановка разнообразных политических, социальных, этических вопросов — все это приводило к тому, что на первый план выдвигалась не личность героя, не сюжетная интрига, а общая мысль о причине причин, о корне всех зол — крепостничестве. Подстрекаемый вопросом-затравкой, читатель начинал сам добираться до универсальной связи с крепостничеством всех его порождений.

Мы говорили об элементах нового, которые внес Гоголь «Мертвыми душами» в литературный поток, и проследили те мотивы, которые развивались «самим направлением» в промежутках с 1842 по 1846 год.

В романе «Кто виноват?» произошло своеобразное слияние всех этих элементов гоголевской сатиры на крепостничество с элементами гуманного, «осердеченно»-чуткого изображения мыслящего «героя времени» и эмансипирующейся «героини времени», которых изображала новая школа.

Роман Герцена обычно относят к истории «Современника». Делается это на том основании, что он целиком был напечатан в «Современнике» в 1847 году в виде приложения к первому номеру. Однако нельзя не считаться с тем, что первая часть романа под названием «Бельтов» была напечатана в «Отечественных записках» еще в конце 1845 года (№ 12) и там же получила предварительную оценку Белинского (обзор за 1845 г.). Поэтому было бы более справедливым отнести истоки романа (да, пожалуй, по проблематике и весь роман) к истории «Отечественных записок» 1842—1846 годов. Роман был начат Герценом в 1841 году в Новгороде, первая часть его в основном была закончена, видимо, уже в 1842 году. Московским друзьям Герцена роман почему-то не понравился, и писатель прекратил дальнейшую работу над ним. В 1845 году он снова вернулся к роману, и инициатором напечатания его первой части в «Отечественных записках» был Белинский. Об этом рассказывал сам Герцен в предисловии к лондонскому изданию «Кто виноват?» в 1859 году. Герцен подчеркивал, что несколько лет спустя, после 1842 года, мнение друзей о романе изменилось. Герцен намекал и на ту внутреннюю эволюцию, которую пережили сами его друзья в промежуток с 1842 по 1845 год, и на внешние им самим большие исправления в роман.

Почему нам так важно отнести «Кто виноват?» к истории «Отечественных записок»? Потому, что предыстория романа корнями уходит в прозу «Отечественных записок» 1842 —

1845 годов. Было бы неверным недооценивать то, что роман в своей решающей проблемной части стал фактором литературного процесса уже с 1845 года и что он не противостоял направлению «Отечественных записок» второго периода, а напротив, ярко выражал его.

И действительно, в романе «Кто виноват?» есть и по-гоголевски сатирическое разоблачение крепостничества: купли-продажи людей, ничтожества «существователей-помещиков, не «расстраивающих пищеварения умственными напряжениями», но наряду с этим художественно ярко показана духовная красота поработленного народа и раскрыта материальная основа психологии социальных классов и групп. Эти сильные тенденции, идущие от Гоголя, варьировались и в повестях изучаемого периода, приближаясь к той мужественной, сознательной трактовке, которую они получили, наконец, у Герцена в романе с названием, отражавшим собой пафос «ищущих» 40-х годов.

В романе «Кто виноват?» крепостнические порядки отразились в судьбе матери Любоньки Круциферской — крепостной наложницы самодура генерала Негрова, в судьбе матери Бельтова, Софи, крепостной, затем вольноотпущенной гувернантки, в многочисленных сценах жизни двора, которую «секут, женят, не спрашивая согласия» отдают в рекруты. Антикрепостнические намеки рассеяны по всему роману: «Приказчик и староста были, с своей стороны, довольны баринном, о крестьянах не знаю, они молчали». «Любоньку, которую сначала отучили отца звать отцом, начали отучать звать мать — матерью» и проч.

В произведении Герцена воплотились и темы героев времени (Бельтов и Круциферская), разрабатывавшиеся новым направлением независимо от Гоголя. Здесь была поставлена тема разночинского интеллигента, с его аналитическим, независимым образом мыслей — доктор Крупов. Правда, эта тема несколько снижена в образе Круциферского, который выглядит рядом с Любонькой духовно и художественно обедненным.

Герцен нарочито связал судьбы Любоньки и Бельтова с их полукрепостным происхождением, желая этим увеличить путь их исканий, показать величие их победы над тьмой предрассудков и произволом социального неравенства. Главные герои романа как бы облагорожены этой прививкой плебейской крови, которая делает их неустанными в духовных и нравственных исканиях. Все это соответствовало одной из характерных черт прозы изучаемого периода.

Образ Бельтова, несомненно, продолжает ранее намеченный образ «молодого человека» со всем его ярко выраженным

лиризмом. Герцен любит Бельтова, считает его представителем своего дворянского поколения. Правда, Бельтов воспитан не на Робеспьере и Рылееве, не на ссылке и пропаганде, он — «лишний человек» по праву умнейшего в окружающей среде — он ищет применения своим силам, как подлинный «герой времени». Герцен глубоко заглянул в сущность этого типа, рассмотрел его слабые стороны — разрыв между словом и делом — как следствия влияния барства, праздности, обеспеченности. Эти следствия были видны не только Герцену с высоты его революционного практицизма, но и всему передовому обществу благодаря кропотливой, обличительной работе прозаиков, подточивших престиж барства, «маменькиных сынков», «онагров», «актеонов» и всей материально привилегированной касты. На барство как на источник слабостей характера Бельтова Герцен указывает несколько раз (один раз устами Крупова). Но автор в эпилоге явно пожалел и идеализировал Бельтова, и Белинский, как известно, поставил это Герцену в упрек.

Идеализация Бельтова, выразившаяся в сведении всех его духовных богатств к сентиментальной гуманности в конце романа, связана с элементами либерализма в мировоззрении Герцена. Это сказалось и в недооценке Круциферского как разночинского интеллигента в то время, когда новое направление в литературе уже начинало показывать духовное становление этого общественного типа. Либеральные оговорки отразились в ряде общих, двойственных рассуждений автора о той трагедии, которую испытывал пробудившийся к сознательной жизни крепостной человек. Герцен, например, рассуждает о судьбе Любоньки: если бы она воспиталась в людской, а не в гостиной — «душа ее спала бы непробудным сном», а теперь «как бы глупо ее ни воспитали, она получила возможность образоваться...». Аналогично говорит автор и о судьбе Софи, когда она жила в Петербурге, «оскорбляемая, унижаемая всем и всеми»: «Не будь она так развита, может быть, она следила бы, как-нибудь нашлась бы и тут; но воспитание раскрыло в ней столько нежного, деликатного, что на нее все окружающее действовало в десять раз сильнее».

Белинский резче ставил вопрос, он подчеркивал, что и мужик — человек и даже больше человек, чем какой-нибудь аристократ, что и у мужика есть ум, сердце, чувства, душа, которые не спят непробудным сном. Нужно снять лишь социальные оковы.

Значительность романа «Кто виноват?» в том, что это был первый роман нового направления, первая его крупная жанровая победа, и написан он был одним из ведущих сотрудни-

ков, идеологов «Отечественных записок». Художником Герцен сделался в «Отечественных записках». Герцен шел к многообразию мотивов романа от любимой его темы «молодого человека», и не случайно первая часть романа была им так «лично» озаглавлена: «Бельтов». Но большая эрудиция автора и та разведка жизни, какую вели прозаики реалистического направления, многообразие поднимавшихся ими тем крепостнической действительности, вывели личную тему Герцена-писателя на широкий простор социального романа.

Роман «Кто виноват?» не понравился товарищам писателя в 1842 году, видно, потому, что в нем тщательно был нарисован только Бельтов, без широкого показа следствий и порождений крепостничества. Такое изображение Бельтова ставило его в невольное сопоставление с героем «Из записок одного молодого человека». Но Бельтов по характеру ниже «молодого человека» и поэтому на фоне последнего проигрывал. Тем более он не мог понравиться в год выхода «Мертвых душ», с их сатирой и энциклопедической широтой показа действительности.

Произведение Гоголя вышло, как известно, в мае 1842 года, а грустная запись в дневнике Герцена о «Кто виноват?» с признанием, что «повесть не мой удел», сделана 2 августа. Бельтов по масштабу так и остался ниже «молодого человека», но зато позднее он был дан более развернуто, на широком фоне порождений крепостничества, и этот-то выдвинувшийся сатирический («малиновский») фон заставил друзей Герцена полюбить роман.

Таким образом, развитие нового направления заставило Герцена сделаться художником и, по словам Белинского, чудно довести свой ум до поэзии, до художества, расширить сферу своего творчества, реалистически показать взаимосвязи явлений, порождающих Бельтовых и других героев романа. На примере Герцена можно демонстрировать то, что так характерно для критического реализма 40-х годов вообще: обогащение художественного творчества передовой мыслью.

В конце изучаемого периода, приблизительно с 1845 года, большое развитие получил «физиологический очерк»; некоторые исследователи объявляют его самым программным жанром школы. Выход обеих частей «Физиологии Петербурга» знаменовал собой как бы окончательное оформление школы. Но еще в 1841 году Панаевым был написан физиологический очерк «Русский фельетонист» (№ 3), в 1842 году, Белинским — «Педант», затем «Петербург и Москва», «Александринский театр», в 1843 году Панаевым — «Тля»; во всех этих очерках есть уже элементы «физиологии». Еще в 1843 году «Отечественные записки» перепечатали из «Листка для

светских людей» несколько политипажей Тимма с объяснительным текстом: франт, купчик, больной, три пьяных мужика, муж бьет жену и встреча двух толстых — купца и помещика. Это — характерные для «физиологий» жанровые картинки городской жизни.

Таким образом, физиологический очерк не был неожиданностью и новостью для «Отечественных записок».

Что такое физиологический очерк, почему Белинский придавал ему такое большое значение? Каково должно быть к нему наше отношение?

Физиологический очерк — плод настоящей необходимости создания русской беллетристики и публицистики, не раз подчеркивавшейся Белинским. Все это — «искусство толпы», как говорил он, которое быстро реагирует на злобу дня.

Эта попытка, во многом удавшаяся, — показатель глубокой демократизации литературы, чрезвычайно яркий пример роли «Отечественных записок» как действенного фактора развития реалистического направления литературы.

Правда, эти беллетристика и публицистика испытали сильное влияние традиций французской социалистической публицистики, а также некоторых сцен из романов Сю и Диккенса. По типу французских «физиологий» в России в 1841—1842 годах начало выходить отдельными выпусками издание «Наша, списанные с натуры» Башуцкого (всего вышло 14 выпусков).

В чем была программность этого жанра и особенно сборников «Физиология Петербурга», изданных Некрасовым? Она состояла в исследовании методом наблюдения и дагерротипически-точного описания уличного, окраинного быта, жизни городской бедноты. В самой этой самоотверженной попытке заглянуть в петербургские углы было что-то вызывающее. На Западе это было данью социалистическим утопиям, филантропии. Там это вызывалось сострадательным отношением мелкой буржуазии к «меньшому брату» — пролетариату. В России физиологический очерк развивался в плане противопоставления «толпы» «героям», натуралистической правдивости — реакционно-романтическому приукрашательству. У нас физиологический очерк был как бы реализацией призыва Гоголя заняться «тиной мелочей». Урбанизм русского физиологического очерка не развивался дальше нравоописания, потому что сама городская беднота в России не имела революционного пафоса. Уже в «Записках охотника» Тургенева физиологический очерк сошел на традиционную для русской литературы тему деревни.

Все предшествующее исследование убеждает нас в том, что основными жанрами нового направления в 1842—1846 годах оставались повести и романы. Какие бы элементы «фи-

зиологий» ни встречались, например, в «Актеоне» Панаева, какое бы серьезное значение ни имели сборники «Физиология Петербурга», все же решающим образом определяли характер школы и ее жанровую специфику на всех этапах ее развития не они, а романо-повествовательные жанры.

Нельзя согласиться с А. Г. Цейтлиным, который пишет: «Можно, не боясь преувеличений, утверждать, что «натуральная школа» обязана была «физиологическому очерку» своим рождением в большей мере, нежели повести или роману»²⁷.

Конечно, физиологический очерк был эффектным жанром, полемичным по отношению к ложно величавой школе и ходульному романтизму, но разве не по этим же эфемерным направлениям уже наносил свои удары Гоголь, не их ли критиковали реалистические повести и романы 1839—1846 годов?

Насквозь полемичными были повести Панаева, Кудрявцева, Кульчицкого и проч. Какой же удар оказался сильнее? Физиологический очерк был жанром натуралистическим, легко впадающим в идеализацию факта. В «Финском вестнике», который как раз наряду со сборниками, выходившими в 1845—1848 годах, начал специально популяризировать этот очерк, он скоро превратился в назидательную отвлеченность. В отличие, например, от «Петербургских углов» Некрасова, в которых есть действительно социальная острота, в журнале «Финский вестник» стали появляться никчемные «Физиологии влюбленного человека», «Физиологии женатого человека», — в большинстве переводная польдекоковщина.

Таким образом, не физиологические очерки, а именно повести и романы давали художественное обобщение, раскрывали сущность социальных явлений, создавали нарицательных героев. Хотя в лучших физиологических очерках подкупала громко заявленная страстная публицистичность, но их превосходили повести и романы, сочетавшие эту публицистичность с высокой художественностью (например, повести Панаева и особенно «Мертвые души» и «Кто виноват?»).

Физиологический очерк оказался временным явлением в литературе 40-х годов, между тем как главные победы в разработке ведущих проблем русской литературы одерживали повести и романы, значение которых было подчеркнуто Белинским еще в статье 1835 года. Эти жанры — показатель степени зрелости реализма вообще.

Преувеличенная оценка значения физиологических очерков «натуральной школы» приводит к неверному представлению о главном направлении в тематике этой школы. Почему-то принято считать, что главной темой литературы 40-х годов сделалась жизнь городской бедноты, урбанистические и даже «промышленные» темы. Но все это неверно. Изученные нами

повести и романы нового направления прямо свидетельствуют о том, что главными темами были деревня, крепостничество и его порождения.

Нельзя, например, согласиться со следующим утверждением в седьмом томе «Истории русской литературы» изд. АН СССР: «на первом этапе развития гоголевской школы (имеются в виду 1842—1845 гг. — В. К.) писатели особенное внимание уделяли изображению «изнанки» городского быта, а не жизни крепостной деревни. В борьбе со славянофилами Белинский и близкие к нему писатели ощущали необходимость прежде всего доказать, что промышленное развитие России и расшатывание патриархальных крепостнических порядков не «несчастное уклонение» от «основ» русской жизни, а закономерное, исторически обусловленное и прогрессивное явление. Вместе с тем, передовые писатели-реалисты 40-х годов не были склонны идеализировать буржуазные порядки, и в этом отношении реалистическая литература 40-х годов резко противостояла теориям либералов-западников. Тема разоблачения буржуазного хищничества и капиталистических отношений являлась одной из основных тем гоголевской школы»²⁸.

Но кто же эти писатели, где эти произведения «первого этапа» развития гоголевской школы, которые в 40-х годах «разоблачали» буржуазное хищничество и капиталистические отношения в России, «промышленное» развитие России? Уж не «Петербургские углы» ли Некрасова, и не «Петербургскую сторону» ли Гребенки и «Тарантас» Соллогуба имеет в виду автор цитированных строк, о которых сам упоминает на предыдущей странице? Гончаров, занявшийся изображением типа действительно русского «промышленника» 40-х годов в «Обыкновенной истории» (1847), стоял на либерально-западнических позициях. Где же автор нашел на данном этапе развития школы эту борющуюся на два фронта литературу по вопросу о буржуазно-промышленном развитии России?

Из анализа романов и повестей видно, что тема деревни была в них главной и что новые отношения показывались литературой преимущественно на материале деревни, в которой они проявлялись с предельной остротой («Хорь и Калиныч», «Бурмистр»). В городе же «натуральная школа» нашла лишь мещанство и чиновничество и показ их был далек от обличений капиталистического произвола. Все это являлось изображением ужасов николаевского Петербурга, монархической, крепостнической империи.

* * *

Белинский предвидел появление поэзии совершенно нового направления, по сравнению с поэзией лермонтовской. Он оспа-

ривал мнение, что якобы вместе с Лермонтовым умерла и русская поэзия. «Что касается до нас, мы не разделяем этого мнения и думаем, что русская поэзия не умерла, а только уснула, по обыкновению, и что по временам она будет просыпаться и рассказывать нам свои прекрасные сны — до тех пор пока не явится на Руси новый поэт...»²⁹. В обзоре за 1945 год Белинский опять вернулся к этой мысли: «Стихов теперь вообще мало печатается в журналах. Жалеть или радоваться?» — Радоваться: все «перепето на разные голоса, что, наконец, надоело всем смертельно». «Нужно что-нибудь новое, но новое открывает гений, а в настоящую минуту у нас, увы! не имеется в наличии ни одного гениального поэта».

Посмертные публикации произведений Лермонтова несколько оживляли картину: в 1842 году — 9 стихотворений и 3 поэмы, в 1843 — 16 стихотворений и 1 поэма. Но в 1844 году — только 2 стихотворения, и затем публикации прекращаются. В 1842 году напечатано 2 стихотворения Кольцова, в 1843 году посмертно появилось еще 5, а с 1844 года публикации прекращаются. Огарев напечатал в 1842 году 17 стихотворений, в 1843 году — только 4, а в следующем 1844 году — 6. В 1845 году в «Отечественных записках» появилось ничтожно мало стихотворений.

Мы говорили о крупнейших поэтах, но в «Отечественных записках» появляются стихотворения А. Майкова, Красова, Фета, Полонского, однако с «усталыми заглавиями»: «Мечтой и сердцем охладелый», «Свой век я грустно доживаю», «Последняя элегия» (Красова), «В златом сиянии лампы полу-сонной», «Под тенью сладостной полуденного сада», «Весна» (Фета) и др. Представители консервативного романтизма Фет, Полонский и Майков стремились отразить в своих стихотворениях мимолетные настроения, которым они придавали исключительно большое значение. Этот романтизм выражался в антологической тематике Майкова, в импрессионистских миниатюрах Фета, Полонского. Их психологизм был неглубок. Жизнерадостность стихотворений Фета «Мы с тобой не просим чуда», «Я пришел к тебе с приветом» и т. п. не противостоит меланхолии других поэтов, в ней была выхолощена социально-содержательная основа подлинного оптимизма. Аналогичные импрессионистские мотивы есть и у Огарева. Белинский в письме Боткину 6 февраля 1843 года отмечал: «И когда случится пробежать стихи Фета или Огарева, я говорю: «оно хорошо, но как же не стыдно тратить времени и чернил на такие вздоры» (II, 210).

Благодаря посмертным публикациям, Лермонтов все величественнее вставал перед читателями на страницах «Отечест-

венных записок» как гениальный поэт. Наряду со стихотворениями, среди которых Белинский выделял такие шедевры, как «Пророк», «Выхожу один я на дорогу», «Соседка», «Не светские цепи...», «Утес», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Морская царевна», «Тамара», были напечатаны отрывки из поэмы «Демон», незавершенная «Сказка для детей» и целиком ранние поэмы «Измаил-Бей» и «Боярин Орша».

После романтических поэм «Мцыри» и «Демон», «Сказка для детей» намечала новые пути в развитии русской поэмы, на что обращали внимание Белинский, Герцен и Огарев. Белинский писал Боткину 6 февраля 1843 года, что он упивается Лермонтовым, «все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии». Тираноборческие мотивы, патетика борьбы и сопротивления, свойственные поэзии Лермонтова, соответствовали духу той программы, которую наметили для себя «Отечественные записки» с 1842 года. Пафос поэзии Лермонтова, несмотря на некоторую абстрактность мотивов, как никогда в эти годы соответствовал направлению журнала. Теперь стало ясно, что Лермонтов — живой мост от декабристов к Белинскому, Герцену, Некрасову.

И гоголевский смех сквозь слезы, вносявший много новых мотивов, призывавший к внимательному изучению мелочей быта, к сатирическому осмеянию пошлости, к дискредитации мишурного величия николаевской империи, и прямое нападение Лермонтова на зло, его открытая ненависть к строю были полны гражданской доблести, неумирающего оптимизма, вечного ощущения больших масштабов борьбы и задач, которые стояли перед юной Россией.

Анализируя современную французскую поэзию, воздавая должное памяти Барбье и особо выделяя новейших поэтов-социалистов Савиньена Лапуанга, Виктора Лапрада и др., «Отечественные записки» подчеркивали: «Нам кажется, что поэты — застрельщики великой армии человеческой, которая стремится к завоеванию идеала (т. е. социализма. — В. К.). Они всегда впереди всех <...>. Только в такую эпоху, как наша, можно считать поэтов единственно выразителями скорбей и радостей настоящего»³⁰. Приведенные слова о «скорбях» и «радостях» — перифраза лермонтовского стиха из «Кинжала» «во дни торжеств и бед народных», который кстати сказать, тут же со ссылкой на русского поэта и приводится целиком. Таким образом, мощные аккорды поэзии Лермонтова, продолжавшие звучать в «Отечественных записках» после его смерти, поддерживали героический пафос в русской литературе; вот почему Белинский упивался «Демоном», несмотря на абстрактный характер выраженного в поэме героизма, вот

почему он считал «Пророка» лучшим созданием Лермонтова и писал о нем: «Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго не дожждаться России...». Белинский высоко ценил это стихотворение Лермонтова, несмотря на то, что пророк оказывался побитым, непонятым толпой и отражал настроения Лермонтова, еще не испытавшего «великого перелома» в своей жизни. Хотя идея осмеянного пророка не соответствовала новой оптимистической программе «Отечественных записок», поэзия Лермонтова эмоционально была созвучна духу юной России, сгруппировавшейся вокруг «Отечественных записок» и Белинского. Недаром Герцен в книге «О развитии революционных идей в России» называл Лермонтова «нашим» по духу и настроениям. Но Лермонтов умер, а юная Россия поднималась, перед ней вставали новые задачи.

Под влиянием произведений Гоголя усиленно развивалась проза. Она оказывала большое воздействие на поэзию, что вело к изменению характера содержания и формы последней. Именно в благотворном влиянии «дельной» прозы на поэзию Белинский видел залог ее возрождения и активного вторжения в жизнь.

Подлинными представителями «действующей», как любил выражаться Белинский, поэзии были Огарев, Тургенев и Некрасов. Анализ их творчества (особенно Тургенева) в 1842—1846 годы дает возможность увидеть переход от Лермонтова к Некрасову, а также процесс влияния прозы на поэзию и заслуги в этом «Отечественных записок».

Формируясь как писатель-реалист, как поэт, Тургенев испытывал на себе влияние прозы поголевского направления, откликался на проблематику «Отечественных записок» второго периода. Его поэзия отражает все трудности перехода к тому осознанию своего «действия практического», которого многие старшие сотрудники «Отечественных записок» достигли уже в первый период.

Программным для Тургенева и для «Отечественных записок» является его стихотворение «Толпа» (1844, № 1). Оно написано после отзыва Белинского о «Параше» и до углубленных философских разговоров Тургенева с Белинским на даче летом 1844 года. Стихотворение посвящено Белинскому, но Краевский снял посвящение; он писал Белинскому в Москву 16 июля 1843 года: «Что касается до его «Толпы» — то там бог носится *тревожно* над толпою (этого нельзя), да потом толпа растет как море в день *грозы*, лишь для нее ярко блещет небо и т. д. — все это не вяжется с посвящением и может бросить, для журнальных «друзей» наших, тень на имя, которому посвящается пьеса»³¹.

Что же беспокоило Краевского? Стихотворение было связано с именем Белинского органически, особенно стих: «Но ты растешь как море в час грозы». Краевский боялся холопов 3 Отделения: Белинский выступал в стихотворении как лицо, связанное с растущей «грозой».

Советский исследователь А. Островский определяет смысл стихотворения Тургенева как преодоление писателем увлечения мишурой «ложно-величавой» школы (Библ. поэта, малая серия. Советский писатель, 1950). Автор пишет о стихотворении: «Оно представляет собой критическую переоценку романтического индивидуализма. Судьей над индивидуумом признается общество, «толпа». Для нее гордые скитания поэта «без цели, без желанья» — не что иное, как болезнь. И герой, от имени которого написано стихотворение, еще типично романтический герой, уже вынужден признать правоту «толпы», хотя и не в силах еще ей подчиниться». Но ведь судьей над поэтом здесь является и он сам: «Мне самому смешней мои страдания». Скитается поэт не только в толпе, но и среди людей, ему близких..., их забавы ему «смешны». Толпа понимает страдания «задумчивой» души, но не признает их и считает их болезнью своенравной: «И ты права, толпа!» — восклицает поэт. Итак, толпа — «бог», толпа «права», толпа «велика», толпа «сильна», сам бог над ней носится «тревожно». Поэт действительно готов уже «преклониться» перед ней. Он смеется над узкой себялюбивой кружковщиной. Он не совсем «романтик». Он молчит, но не смирен. Напротив, с усмешкой «торопливой» он тянет «холодной злости молчаливой, хоть горькое, но пьяное вино». С этой неопределенностью он знает «жить не суждено».

Белинский не отвергал «толпы», не отгораживался от нее и не падал перед ней ниц, а стремился поднять ее до «публики», «служил ей», давал ей свои «слезы», и она росла «в час грозы» не без его участия (у Тургенева, наоборот, «без моего ненужного участия»). Холодную злость приходилось испытать и Белинскому: ею полны его письма. Но у него «толпа» не равнозначна тургеневской. Белинский «толпе» не приписывал тех высоких качеств, какие приписывает Тургенев, хотя даже и такую «толпу» он не отвергал. Кроме того, у Тургенева в «толпу» входят и «близкие», т. е. то, что по Белинскому — «публика», «общество», а их он тем более не отвергал. Итак, у Белинского и Тургенева разное понимание «толпы». Но тургеневское понимание не совпадает и с лермонтовским призывом поднять толпу до гражданского уровня. Тургенев лишь высказал общее положение: толпа выросла в силу, с которой надо считаться, но даже и в таком толковании стихотворение имеет программное значение для «Отечественных записок».

В 1843 году Тургенев с иронией говорил о романтической мистике чувства, объединив тему толпы и тему любви в стихотворении «Человек, каких много». Белинский с удовлетворением процитировал это стихотворение в своем обзоре литературы за 1845 год, в котором, как известно, критик воевал с многочисленными разновидностями романтизма.

В стихотворениях Тургенева развивалась и тема русской деревни. Этой теме посвящены стихотворения «Долгие белые тучи плывут», «Федя», «Осень», «Весенний вечер», «В дороге». Позднее, уже создавая «Записки охотника», Тургенев написал цикл стихотворений «Деревня». Многие темы лирики и поэмы Тургенева объединятся и по-новаторски будут претворены в цикле прозаических новелл — «Записки охотника».

Поэмы Тургенева можно рассматривать как обобщения лирических разведок писателя. Поэмы Тургенева — значительное звено в развитии этого важнейшего жанра. Они не оказались под спудом, как поэмы Огарева, а стали тогда же, в 40-е годы, литературным фактом, высоко оцененным Белинским. Поэмы Тургенева занимали промежуточное положение между «старой» поэмой Лермонтова и «новой» Некрасова. Тургенев первый перенес проблематику прозы в поэму: гоголевскую тему пошлости и лермонтовскую тему «героя времени». В поэмах много литературщины, обыгрываний старых традиций. Тургенев не может оторваться от старого, хотя и приглашает читателя быть свидетелем того, как делается новое. Он ввел непринужденность, приглушил патетику, опрозаивал, если можно так выразиться, поэму, лишив ее сюжета.

Исследователи уже давно отмечали разнотильность поэмы Тургенева, которые как бы являлись отталкиванием от пушкинских и лермонтовских мотивов. Но мы видим, что таково вообще свойство русской поэзии этой переходной эпохи. Однако главного, специфического в творчестве Тургенева исследователи не заметили. М. О. Гершензон вовсе отказывается в оригинальности Тургеневу, особенно там, где поэт пытался проводить современную идею или тенденцию, и рассматривает Тургенева как «чистого художника». К. К. Истомин разложил все мотивы Тургенева по полочкам с ярлыками влияний. Советские исследователи вовсе обходят вопрос о стиле ранних поэмы Тургенева.

В «Параше» изображен один из героев «Думы» Лермонтова, и даже эпиграф к этой поэме взят оттуда: «И ненави́дим мы, и любим мы случайно». Поэма имеет подзаголовок: «Рассказ в стихах». В литературе тех лет вообще происходит смещение жанров: «Мертвые души» — «поэма», «Сказка для детей» — «повесть в стихах» и пр. Тургенев вслед за гоголевской сатирой первый стал изображать в поэмах пошлость

жизни («Параша», «Андрей»). Этот «юмор» проявляется у него в выборе конкретного примера этой пошлости и в особой позе стороннего ее оценщика и разоблачителя.

«Параша» — самая лирическая поэма у Тургенева. Начинается она с обращения к читателю. Читатель сразу приглашен как бы в судьи, в соавторы. Всерьез Тургенев не мог брать этот сюжет, он прибег к ироническому повествованию, сближающему автора с читателем и делающему понятным и лиризм авторского отношения к Параше-девушке, и юмор по отношению к замужней Параше, и развенчание героя.

Другая поэма — «Разговор» — написана Тургеневым летом 1844 года в Парголове, во время особенно тесного сближения с Белинским. Белинский читал поэму в корректуре и, хотя сразу же отметил влияние Лермонтова, т. е. не вполне оригинальный характер поэмы, приветствовал ее.

Характерно само название — «Разговор». Тургенев развернул в диалогической форме «Думу» Лермонтова, внеся в поэму реминисценции из «Поэта», «Пророка». Поэма подводит итог мотивам поэзии самого Тургенева. Слабость Тургенева заключалась в том, что он не смог развить философскую тему на живом современном материале, поэтому вынужден был прибегать к аллегориям.

Своеобразной стороной изображения пошлости у Тургенева является то, что он нигде открыто против нее не выступает, не обличает ее, а как бы дискредитирует изнутри. С передовых позиций 40-х годов Тургенев как бы специально занялся провинциальным фоном «Евгения Онегина», заинтересовался судьбой Петушковых, Пыхтиных и позднее — Гамлетов Щигровского уезда, показав задолго до Щедрина «талантливые натуры» провинции (Параша, Дуняша, Андрей).

Высшим достижением всех сложных идейно-проблемных исканий поэзии 1842—1846 годов было появление поэта-новатора Некрасова. На основе своего демократического мировоззрения, формировавшегося в школе Белинского, Некрасов решительно обновил содержание и поэтику русских стихов. Но редакция «Отечественных записок», не дожидаясь появления действительно нового поэта, еще в 1843 году оповестила в своем журнале о «Новом поэте», который выступил в смеси (№ 1, стр. 53) со стихами, представлявшими пародию на традиционную тему «к чудной деве». Под псевдонимом «Новый поэт» скрывался И. Панаев, уже перепробовавший новые темы в своей прозе и теперь начавший выполнять задание Белинского в поэзии по высмеиванию романтиков. Творчество «Нового поэта» продолжалось и в «Современнике» с 1847 года. Иногда под этим же псевдонимом, совместно с Панаевым, выступал и Некрасов. Таким образом, «Отечественные записки» начали

разговор о «новом поэте», а кончили обретением действительно нового поэта — Некрасова. Однако творчество Некрасова-новатора было подготовлено не только пародийной линией русской поэзии, но и всем развитием поэзии после смерти Лермонтова, всем развитием «натуральной школы», включая и критику Белинского. Отдельные мотивы будущей некрасовской поэзии мы замечаем в стихотворениях и других поэтов того времени: Огарева «Кабак», «Сидела мать у колыбели», «Изба», «Дорога»; Кольцова «Доля бедняка», «Сельская песня»; они слышатся в стихотворении Красова «Разлука» («Рано высохла грудь твоя страстная»); Тургенева «Федя»; А. Пальма «Няня» («Здравствуй, родимый, узнал ты старуху») и др.

Но некрасовская поэзия была качественно новой. Она решительно выступила из закоснелых традиций, из круга перепетых тем и образов, сознательно стала под знамя демократических идей Белинского и явилась перед читателями, как полноценное искусство стиха, со своей поэтикой, сюжетами, системой образов, трактовок, стилевых и стилистических приемов. Она открывала новые горизонты перед всеми талантливыми поэтами, тая в себе возможность появления особой «некрасовской школы».

Как в прозе роман Герцена «Кто виноват?» явился синтезом мотивов, тем и проблем реалистического направления, так и в поэзии стихотворения Некрасова несли в себе критическую силу направления, усвоили его мотивы, повернулись к демократическому герою.

Герцен и Некрасов — два активнейших сотрудника «Отечественных записок» — в прозе и в поэзии были прямыми представителями школы Белинского. В их творчестве в 1845—1846 годах наиболее ярко проявилась сила сознательного критического реализма, на основе которого разворачивалось творчество молодых писателей «натуральной школы».

Теоретически и политически Герцен, конечно, был сильнее Некрасова и стоял в это время ближе к Белинскому. Герцен — конгениальный соратник Белинского, развивавшийся параллельно с ним, Некрасов был на девять-десять лет моложе. Некрасов — ученик Белинского, он прошел путь рецензента-критика, водевилиста и сатирика-куплетиста. Но Некрасов стал так же новатором, пришел к тем же результатам, как и Герцен. Оба они приблизили свое творчество к проблематике критики Белинского, подняли его на уровень современных задач, превратили «интуитивный» гоголевский реализм в сознательный метод направления, теоретически обоснованный Белинским. Это новаторство в прозе и поэзии готовилось всем развитием литературы 1842—1846 годов. Но Герцен и Некра-

сов сумели сделать так, что проза и поэзия, не превращаясь в простую беллетризацию идей Белинского, глубоко прониклись демократическими идеями и, по сравнению с Гоголем и Лермонтовым, совершили новый шаг в своем развитии. Эти итоги показывали, что руководителями направления были Белинский и «Отечественные записки».

В 1844—1846 годах Некрасов опубликовал в «Отечественных записках», в «Физиологии Петербурга», в «Петербургском сборнике» и др. несколько стихотворений («Чиновник», «Современная ода», «Нравственный человек», «Старушка», «В дороге», «Колыбельная», «Огородник», «Когда из мрака заблужденья» и др.). Все они были новаторскими, и читатель их тотчас заметил.

Некрасов вышел за рамки элегической поэзии эпигонов и подражателей Лермонтова. Он становится сатириком. Резко сместились в его поэзии социальные интересы: содержанием ее стала не жизнь дворянских верхов, не судьбы рефлектированного сознания, а жизнь народа. Некрасов решительно ушел от старой поэзии, вращавшейся после смерти Лермонтова в заколдованном кругу избитых тем и образов; более того, Некрасов пародийно отталкивался от этих традиций («Колыбельная»).

Принципом этих открытых и скрытых пародий является реалистическое переосмысление старых мотивов в условиях 40-х годов и под углом зрения нового, демократического сознания. Это было сплошное «остранение» явлений, пародирование, остроумие которого заключалось в снижении романтики, наивной патетики и в показе метаморфоз социальных явлений.

Известно, что этой расчисткой литературных путей занимались и Белинский, громивший романтиков всех оттенков, и Герцен, разоблачавший разновидности дилетантизма и талмудизма в науке, и другие прозаики, подражавшие гоголевским приемам. Поэтическая сатира Некрасова была детищем этой деятельности.

«Современная ода» Некрасова является отталкиванием не только от торжественно-величавой оды XVIII века, но прежде всего от гражданской оды Пушкина и декабристов. Перед нами «необыкновенная», т. е. «современная» ода, гражданская патетика которой ушла в сатиру.

«Нравственный человек» обличает самую что ни на есть безнравственность (аналогичную задачу решает и Панаев в повести «Порядочный человек»). Пафос обличения у Некрасова как бы целиком рожден мыслью Гоголя: «Теперь у нас подлецов не бывает: есть люди благонамеренные, да и те уже говорят теперь о добродетели» («Мертвые души»). У Лермон-

това поэзия явилась выражением «мысли», у Некрасова она стала «умной», все знающей и всему человеческому сострадающей, гневной, «печальной» и «мстительной» поэзией.

Некрасов оказался чуждым тому сентиментальному отношению к чиновничеству, которое было характерным для одного из течений внутри «натуральной школы». «Чиновник» у Некрасова показывает не только «пошлость пошлого человека», но и ее реакционно-воинственный характер как оплота николаевского режима. Некрасов смотрит на чиновничество «снизу», со стороны народных масс, а не «сверху», со стороны филантропически настроенного помещика. Поэтому у него тема «нравственного человека» из чисто моральной сферы перекладывается в социально-политическую. Ханжество «нравственности» осталось, но к нему прибавилось еще интеллектуальное убожество и официальный патриотизм. Любитель «скромных» куплетов, называющий «святую добродетель первейшим украшением души», чиновник, когда встречает на сцене подобные себе лица, не пощаженные ни в чине, ни в звании, грозит всем писакам Сибирью. Чиновник у Некрасова — это гоголевский городничий, перебравшийся в Петербург, чувствующий себя «столпом» отечества. Некрасов хорошо изобразил инстинктивный страх помпадура, учуявшего в «щелкоперах» и «бумагомараках» угрозу своему сытому благополучию и всему политическому строю. Вместе с тем, «Чиновник» убийственно обличает политический смысл низкопробных сюжетов «Александринки» и заинтересованность правящих верхов в растлении нравов, в создании своей «ложновеличавой» и верноподданнической литературы.

Эти глубинные процессы в прозе и в поэзии 1842—1846 годов, приведшие к новой манере изображения действительности, новым сюжетным и стилевым приемам, наконец, сама пародийность и ирония по отношению к старым литературным приемам — все это свидетельствовало об окончательном оформлении новой школы в русской литературе, именно «натуральной школы». Изучаемый нами второй период истории «Отечественных записок» характеризуется как раз этой внутренней перестройкой реализма, выработкой сатирического ракурса изображения русской действительности, демократизацией тематики и героев литературы.

Несомненно, можно приписать идейному воздействию «Отечественных записок» и рост молодых талантов и сближение поэзии с прозой. Это тесное сближение — показатель наличия школы «Отечественных записок», так как именно журнал объединял все эти силы литературы на основе общих социально-политических задач.

Сложнейшие процессы в художественной практике литературного направления этих лет были широко теоретически осмыслены в критике «Отечественных записок».

Неизмеримо выше был поднят самый престиж критики в журнале, которая, оставаясь в целом литературной, уже смогла связать с художественным познанием действительности задачи всестороннего обличения крепостничества, почти прямо заявив об этом в программных статьях «Речь о критике».

Большое значение имела глубокая методологическая перестройка критики.

Ведущей фигурой по-прежнему оставался Белинский. Сохраняется его постоянная норма литературного вклада в журнал — одиннадцать-двенадцать статей и несколько сотен рецензий в год. На протяжении всего второго периода первые номера журнала открывались его годовыми обзорами русской литературы, по которым можно судить о решающих установках критики этих лет.

Из плеяды Белинского с критическими статьями начинают выступать Некрасов, Тургенев, Кавелин и другие. В полную силу развернулось публицистическое дарование Герцена («По поводу одной драмы», «Москвитянин» о Копернике», «Путевые записки Вёдрина», «Истинная и последняя эмансипация рода человеческого от злейших врагов его», «Письмо первое о «Москвитянине» 1845 года», «Москвитянин» и вселенная»).

«Отечественные записки» печатают и провинциальных критиков, солидаризирующихся с позицией журнала в самых боевых вопросах; например, журнал напечатал статью под названием «Голос из провинции о поэме Гоголя «Похождения Чичикова или Мертвые души» (1843, № 4). Как устанавливается по архиву Краевского, автором статьи был Н. Мизко, впоследствии известный педагог, автор книги «Столетие русской словесности» (Одесса, 1849), в которой он подчеркивал особую роль «Отечественных записок» в истории русской литературы.

«Натуральная школа» росла и как школа писателей-художников и как школа критиков, публицистов. При этом нередко оба качества совмещались в одном и том же лице. Умение одних и тех же писателей — Герцена, Некрасова, Панаева, Тургенева, Достоевского, Салтыкова — работать в двух планах и пропагандировать программу школы является одной из характернейших особенностей литературного развития 40-х годов.

Все огромное критическое богатство «Отечественных записок» этого периода легко классифицируется по четырем группам.

Прежде всего: статьи и рецензии теоретические, программные, «лобовые». Это «Речь о критике» (три статьи), годовые обзоры, «Опыт истории русской литературы» и др. Много ценных теоретических положений было высказано также в «пушкинских» статьях (о пафосе поэзии, романтизме, принципе класса в мировоззрении Пушкина), в статье о «Парижских тайнах», в рецензиях на книги по истории Лоренца, Смарагова, Маркевича, о «Славянском сборнике» Савельева-Ростиславича и др.

Затем статьи и рецензии, также программного характера, о новейших, самых злободневных произведениях и явлениях русской литературы. В особенности к ним относятся обзор литературы за 1845 год, рецензии и многочисленные полемические заметки по поводу «Мертвых душ», «Физиологии Петербурга», «Петербургского сборника», статьи о «Параше», «Тарантасе», «Сочинениях Зенеиды Р-вой» и др.

Важна группа статей о литературных явлениях прошлого, с широким обзором традиций, подведением итогов в развитии «поэзии действительности», сатиры, гражданских мотивов. Тени прошлого были призваны освятить новейшие явления в литературе, творческие успехи «натуральной школы», которая в данном случае выглядела закономерным итогом всей истории русской литературы. К этой группе принадлежат статьи о Державине (две), Крылове, Пушкине, многочисленные высказывания об этих писателях в других рецензиях и статьях.

И, наконец, группа статей, касающаяся всей той поэзии и прозы, которые, по мнению Белинского, либо сошли с дороги «действительности», либо еще не вышли на нее. К изжившей себя поэзии он относит стихотворения Баратынского, Полежаева³², Губера; а к изжившей себя прозе—повести Марлинского, В. Одоевского, Н. Дуровой (Александровой) и др. К литературе, не выбравшейся на ровную и широкую дорогу «действительности» Белинский относил поэзию А. Майкова, А. Григорьева, прозу Основьяненко, Вельтмана³³.

Все эти статьи помогали выяснению программных установок новой школы и содержали в себе ряд ценнейших теоретических положений и оценок новых явлений. В этих статьях велась борьба за привлечение Майкова, Одоевского в ряды «натуральной школы».

Эта классификация показывает рост предмета критики в «Отечественных записках». Она сохраняет прежнюю теоретическую общезстетическую проблемность, но приобретает большую историчность и, что особенно важно, энциклопедич-

ность, стремление к оценке разнообразнейших сторон идейной жизни эпохи. Все это координировано в ней с оценками новейших литературных явлений, которые всегда были в центре внимания критики.

Все литературные явления охватываются критикой в историческом плане. Однако «Отечественные записки» в этот период глубоко противоречивы и их целостность нельзя преувеличивать (статьи Галахова, Кудрявцева, Боткина).

* * *

Самой характерной чертой критики «Отечественных записок» во второй период является то, что она с 1842 года поистине «пробудилась» в России как великая общественная сила. Собственно, «сороковые годы» и начинаются с 1842 года.

Критика сделалась руководительницей литературы, она стала не только ученым разговором об эстетике, отправляющимся от системы, от философской доктрины, а живым, полемическим утверждением эстетических принципов, вызванных потребностями литературы и общественными событиями. В критике открыто сочетались идеи эстетические с философскими и политическими.

Белинский видел «универсальную связь», существовавшую между «духом времени» и критикой, между современной литературой и критикой, между журналистикой и критикой. Он вытягивал цепочкой все эти связи и много раз их подчеркивал: «Итак, этот успех *журналистики*, — писал он, — душа которой — *критика*, служит самым ясным и неопровержимым доказательством, что *литература*, наконец, укоренилась на почве русской национальности, вошла в *жизнь общества...*» (обзор за 1842 год, VI, 514, курсив мой. — В. К.).

Белинский считал вопрос о критике самым современным и наиболее близким к жизни.

Всесторонняя постановка вопроса о значении критики, стремление во всем опираться не на заранее составленное «умозрение», а на факты действительности, — все это явилось практическим следствием философских выводов Белинского в области диалектики и конкретного понимания им «разумной» и «неразумной» действительности.

Как на развитие литературы, так и на развитие критики огромное влияние оказали Гоголь и его «Мертвые души». «Мертвые души» подняли моральный кодекс критики, заставив отмежеваться от критиканства. Неслучайно первая рецензия Белинского на «Мертвые души» начинается с утверждения: «Есть два способа выговаривать новые истины. Один — уклончивый, как будто не противоречащий общему мнению,

больше намекающий, чем утверждающий <...>. Другой способ выговаривать истину — прямой и резкий; в нем человек является провозвестником истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкие оговорки и двусмысленные намеки <...>» (VI, 209). Все основные элементы современного критицизма Белинский находил в «Мертвых душах», давших в области изящного такие критерии, после которых трудно было от чего-либо «разахаться».

Белинский пересмотрел вопрос о том, что значит критиковать. Раньше это означало судить о произведении априорно по «вечным» законам изящного, которые устанавливались «философией искусства». Теперь критиковать — значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума, по которым и через которые оно могло явиться и определять степень живого, органического соотношения частного явления с его идеалом. Этот идеал надо было искать также в «конечном», а общие законы «разума» это не что иное, как объективная, разумная необходимость явлений.

Искомые в объективной реальности «законы разума» полностью раскрываются в историческом процессе. Поэтому Белинский провозглашал непереносимое соединение критического способа суждения с историческим. Он понял историческую конкретность и историческую относительность эстетических критериев и оценок.

Критиковать теперь — это соединять злободневную, прямую оценку явлений с раскрытием их исторического места в общем процессе развития литературы.

Белинский производит деление критики на роды и виды. Вот известная цитата из его статьи «Опыт истории русской литературы»:

«Есть три способа, — писал Белинский, — знакомиться с литературою и изучать ее. Первый — чисто критический, который состоит в критическом разборе каждого замечательного писателя; второй — чисто исторический, который состоит в обозрении хода и развития всей литературы: здесь обращается больше внимания на эпохи и на школы литературы, чем на отдельные действующие лица. Третий способ состоит в соединении, по возможности, обоих первых. Этот способ самый лучший» (IX, 144—145).

В статье «Речь о критике» содержится не только апология критики, но и дан развернутый эстетический кодекс «поэзии действительности», ее программа.

Первым тезисом этого кодекса, столь органически согласующимся с критическим кодексом, является требование «действительности» в литературе. «Действительность — вот лозунг и последнее слово современного мира». У Белинского это

своеобразный категорический императив. «Действительность» — отныне универсальная мерка. С этим критерием Белинский подходит ко всем произведениям современности и прошлого. Пушкин — исторически первый настоящий поэт действительности; Гоголь — новый, крупнейший шаг в сторону действительности, поэт современного мира, т. е. сороковых годов; предшественники Пушкина и Гоголя — Кантемир, Фон-визин, Державин — ступени движения литературы к действительности, т. е. к реализму; действительности не хватает Баратынскому, Одоевскому, Майкову; жертвой действительности был Полежаев; шел к действительности и дошел до нее Лермонтов; застряли на романтизме и не достигли подлинной действительности славянофилы, которые выдумали свою ложную «действительность»; писатели «натуральной школы» изучают и знают действительность; ценная особенность, общая всей современной русской литературе, состоит в решительном повороте к действительности (обзор за 1845 год).

Но что значит «действительность»? Каково реальное наполнение этого понятия у Белинского?

В 1842—1848 годы общественный подъем открыл новые возможности говорить о жизни, и прежние понятия, представления оказались преодоленными, официальные нормы и догмы были отброшены.

Правильно решив для себя философский вопрос о свободе и необходимости, научившись уважать факты и добираться до сущности явлений, Белинский под термином «действительность» понимал коренные социально-общественные отношения в России, прежде всего отношения крепостничества. Он обладал удивительной диалектичностью мышления в этих вопросах и умел проследивать связь коренного зла со всеми его порождениями. Это понимание связи вещей получило в 1842—1848 годы благоприятные возможности быть высказанным, хотя и в завуалированной форме, в дебатах о значении литературной критики. В этой страстной проповеди достоверности обобщений, основывающихся на действительности, выразился новый тип революционности Белинского, его твердо усвоенное правило опираться в своих действиях и оценках на объективную логику вещей.

Требование действительности во всем — в произведениях, в мыслях, в чувствах — означало коренную переоценку русским революционным демократом-разночинцем тех ценностей — политических, эстетических, этических, — которые были созданы дворянским освободительным, идейно-литературным движением. Все, что не свидетельствовало о правильном, с точки зрения Белинского, понимании того или иного вопроса, что говорило об отвлеченности суждений, — все это

объявлялось им «романтизмом». Слово «романтизм» никогда ни до, ни после 40-х годов, не употреблялось в столь широком и презрительном смысле.

Вторым тезисом, развивающим первый, было требование современности. Произведение должно быть, по мысли Белинского, выражением «современного сознания, современной думы о значении и цели жизни». В этом смысле Пушкин — первый поэт действительности, но действительности, ставшей для нас уже историей, прошлым. Лермонтов и затем особенно Гоголь являются полным выражением современного нам мира, его содержания, его дум, целей и стремлений. Перепевать старое — значит ударяться в романтизм. Нужно горячее сочувствие современности. «Из сказанного следует,— говорил Белинский,— что искусство подчинено, как и все живое и абсолютное, процессу исторического развития».

Третьим важным тезисом являлось утверждение, что современному искусству должна быть свойственна субъективность. Само искусство теперь — «суждение, анализ общества, следовательно, критика». Мыслительный элемент слился с художественным. И для нас, говорил Белинский, произведение мертво, если оно изображает жизнь только чтобы изображать, без могучего «субъективного побуждения», «имеющего свое начало в преобладающей думе эпохи». Это было совершенно новым положением в эстетике Белинского, ибо раньше приписывать моральную цель к искусству значило святотатствовать. Белинский вначале строго различал нравственность и моральность, но затем у него эта грань стирается. Он прямо заявляет, что источником субъективного побуждения, назидательного (нравственного и морального) пафоса произведения является: «преобладающая дума эпохи», т. е. по-старому это нечто внешнее для поэта. Теперь для Белинского искусство — это дифирамб или вопль страдания.

И, наконец, четвертое: как примирить свободу творчества с служением духу времени? В начале первого периода Белинский был далек от самой постановки этого вопроса, а затем на оценке поэзии Лермонтова начал осознать роль мировоззрения в творчестве. Раньше критик говорил: поэт—автоматический орган всеобщего. Теперь же, когда это «всеобщее» стало обществом, действительностью, подчиненной «процессу исторического развития», и, наконец, злободневной «современностью», думой времени, а искусство стало дифирамбом или воплем этого живого страдания, Белинский должен был основательно пересмотреть и тезис о мировоззрении художника, о связи мировоззрения с творчеством. Критик великолепно развивал на живом материале хорошо усвоенный им еще в первый период тезис о свободе и необходимости. От-

бросив тяжелую гегелевскую терминологию, Белинский теперь следующим образом формулирует этот тезис: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни» (VI, 286).

Все эти новые положения в эстетике Белинского вовсе не означали забвения старых проблем. Общеэстетические и историко-литературные установки первого периода остались в критике Белинского почти в прежнем своем значении. Они только получили новый социально-общественный поворот. Совсем иначе стала строиться у Белинского сама «философия» искусства.

Неверно было бы думать, что Белинский в этих вопросах перестал быть философом, отказался от решения общеэстетических проблем и занялся только «злобой дня» (так думали А. Григорьев, отчасти Иванов-Разумник). Перед Белинским по-прежнему остались на первом плане проблемы: что такое искусство, отношение искусства к действительности, общественное значение искусства, мировоззрение писателя, разделение поэзии на роды и виды, историко-литературные проблемы. Но произошло глубокое внутреннее изменение методологии.

Проникнувшись идеей «социальности», т. е. начав отыскивать общественную, социальную, в конечном счете классовую, основу всех эстетических и литературных явлений, Белинский переставал быть философом-априористом и становился подлинным философом действительности, переставал предписывать искусству правила и стал раскрывать присущие ему правила и законы. Весьма четко Белинский сформулировал свои новые установки в статье о «Сочинениях Державина» (1843): «Задача истинной эстетики,— говорил он,— состоит не в том, чтоб решить, *чем должно быть искусство*, а в том, *что такое искусство*. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве, как о чем-то предполагаемом, как о каком-то идеале, который может осуществиться только по ее теории: нет, она должна рассматривать искусство как предмет, который существовал давно прежде ее и существованию которого она сама обязана своим существованием» (VI, 585).

Итак, теперь критик борется за выведение законов «из самой сущности творчества», о котором он писал еще в статье о «Горе от ума», как о возможной перспективе развития современной эстетики.

Снятие схоластических, идеалистических преград в решении эстетических вопросов не означало снятия самих вопросов. Белинский в 1842 году пересмотрел тезис «у нас нет литературы», преодолел теоретические тупики, которые мешали правильному решению этого вопроса. Только с этого момента и начинается у Белинского настоящее решение вопроса: что такое наша литература? «Никто не станет сомневаться, — писал Белинский в обзоре за 1843 год, — в существовании русской литературы; но всякий имеет право требовать настоящего взгляда на ее объем и степень ее важности...» (VIII, 71).

Удовлетворением этой потребности знать «по-настоящему» объем и степень важности современной литературы Белинский теперь и занят, особенно в годовых обзорах.

Укажем на новое отношение Белинского к некоторым старым формулам. Формула «мышление в образах» теперь почти не употребляется Белинским. Мы знаем, что такое определение сущности искусства было заслугой гегелевской школы: искусство оказалось ступенью развития мышления. Но именно только ступенью, причем пройденной. Белинский поставил искусство в параллельный и равноправный ряд с наукой, как самостоятельный способ познания действительности. Искусство не предшествует науке, а существует рядом с ней. Отсюда у Белинского глубокое исследование диалектики взаимосвязей между двумя способами познания. «Поэзия, — писал он, — есть творческое воспроизведение действительности, как возможности. Поэтому, чего не может быть в действительности, то ложно и в поэзии; другими словами, чего не может быть в действительности, то не может быть и поэтическим. Такое определение поэзии вводит фантазию в живое органическое соотношение с другими способностями души и преимущественно с разумом. Чтоб уметь изображать действительность, мало даже дара творчества: нужен еще разум, чтобы понимать действительность...»³⁴.

В 1845 году Белинский написал статью об «Опыте истории русской литературы» А. В. Никитенко. Точка зрения Никитенко — это отчасти бывшая точка зрения самого Белинского, от которой он затем отказался. Эволюция Белинского прослеживается на изменениях заглавий и планов задуманного им «Теоретического и критического курса русской литературы».

Метод самого Белинского смещался таким образом: в 1841 году Белинский обещал выпустить свой «Теоретический и критический курс русской литературы». Курс строился, как говорил сам Белинский, по такому плану: общее введение, эстетика (развитие идеи искусства вообще и теории поэзии в частности), теория русского стихосложения, теория словеснос-

ти вообще, взгляд на народную поэзию вообще, критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии, историческое обозрение памятников русской письменности от ее начала до времен Петра Великого, история книжной русской литературы от Кантемира и Ломоносова до Карамзина, от Карамзина до Пушкина и от Пушкина до 1841 года включительно, и общий взгляд на русскую литературу, надежды в будущем, заключение (см. примечание к статье «Разделение поэзии на роды и виды» (V, 8). Здесь же Белинский обещал рассмотреть беллетристические произведения и журналистику. Этот первоначальный план отражал дедуктивный метод Белинского в философии и в эстетике. На первом месте — рассуждения «вообще», т. е. теоретические посылки, выводимые «из идеи» предмета, а потом «приложение» выводов к материалу, обозрение памятников. Почти каждый раздел имел свое теоретическое дедуктивное введение и заключение.

В 1843 году Белинский называет свой замысел уже «Критической историей русской литературы». Это повторено и в 1845 году в статье об «Опыте истории русской литературы» Никитенко.

В первом заглавии упор сделан целиком на метод, а история ступшевывалась; речь шла о «курсе». Здесь же — упор на оба слова: и «критическая» и «история». Однако в 1846 году Белинский уже отказался и от этого. В письме к Герцену 2 января 1846 года он говорит: «К Пасхе же я кончу 1-ю часть моей «Истории русской литературы»³⁵. История теперь для него сама по себе полноценна и красноречива. Она поглотила для него все — и «религию, и философию». Новое, более богатое представление о самой истории искупает теперь все.

Перемена названий показывает не отказ Белинского от умозрения, а только иное понимание его исторически относительного характера.

Тот план, по которому строил свой «Опыт...» Никитенко, был уже пройденным этапом для Белинского. Никитенко повторял зады: сначала он собирался умозрительно толковать: а) об идее и значении истории литературы; затем б) о методе изучения истории литературы; в) об источниках истории литературы; г) об идее и значении истории русской литературы и д) о разделении истории русской литературы на периоды. Мы видим здесь явный перевес априорного теоретизирования над историзмом. Конечно, все это было выше Греча, Плаксина, Шевырева, но это было ниже Белинского.

В статье об «Опыте...» Белинский подверг критике главную идею Никитенко: противопоставление искусства науке. Белинский боролся против вульгарной защиты прерогатив искусства. В то же время он раскрывал сущность искусства как само-

стоятельной формы сознания, сложно связанной с наукой, но не противостоящей ей.

Никитенко противоречив: он отождествляет и затем нейтрализует порознь и искусство и науку. Белинский указывает, что их объединяет и что разъединяет. Никитенко дал идеалистическое и туманное определение сущности литературы: «Мысль человеческая, возникающая у народа вместе с ним из его духа, жизни, исторических и местных обстоятельств, и посредством слова выражающая свое народочеловеческое развитие под совокупным влиянием верховных и всеобщих идей истинного и изящного» (IX, 157).

Белинский указал, что такое определение равно приложимо и к науке и к литературе. Под это определение литературы, указывал Белинский, искусство никак не подойдет, «потому что в этом определении нет ни слова о творчестве» (вспомним наши замечания о формуле «мышление в образах»: в ней также нет «творчества»).

У Никитенко литература — это «мысль». Белинский указывает, что у науки и литературы общее орудие выражения — слово. Но речь идет о поэзии, о литературе как искусстве. Здесь выступают, по мнению Белинского, истинные специфические особенности литературы по сравнению с наукой: «Главный деятель науки — ум, и всего менее фантазия. Искусство, следовательно, и поэзия есть, напротив, *непосредственное* развитие истины, в которой мысль высказывается через образ, и в котором главный деятель — есть фантазия. Наука разлагающею деятельностью рассудка отвлекает общие идеи от живых явлений. Искусство, творящею деятельностью фантазии, общие идеи являет живыми образами. Наука мертва для непосвященного в ее таинства, искусство оказывает свое влияние иногда над самыми грубыми и невежественными людьми. Наука требует всей жизни человека, всего человека; искусство более или менее дается почти всякому. Наука действует мыслью прямо на ум; искусство действует непосредственно на чувство человека».

Однако последнее замечание касается только доступности искусства. Само же творчество и полное понимание искусства требуют прирожденного «эстетического чувства», которое должно возвысить на степень «эстетического вкуса», приобретаемого изучением и развитием. «Искусство должно иметь не одних только дилетантов, но и жрецов, героев и мучеников<...> для истинного постижения искусства, для истинного наслаждения им нужно много и много, всегда и всегда учиться, и при том учиться многому такому, что, по-видимому, находится совершенно вне сферы искусства» (IX, 159).

Прежние положения эстетики Белинского о типизме как

характернейшей, существеннейшей особенности образного выражения действительности, о единстве содержания и формы, художественности, поэтичности и беллетристике как ступенях воплощения типического — все это продолжает развиваться и теперь.

Значение типического высоко, но «теперь под «идеалом», — писал Белинский в обзоре за 1842 год, — разумеют не преувеличение, не ложь, не ребяческую фантазию, а факт действительности, такой, как она есть; но факт, не списанный с действительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего (а не исключительного, частного и случайного) значения, *возведенный в перл создания*, и потому более похожий на самого себя, более верный самому себе, нежели самая рабская копия с действительности верна своему оригиналу» (VI, 526).

Нельзя категорически утверждать, что все это Белинским теперь решается исключительно по-новаторски и с общественно-социальной точки зрения. Такова только тенденция, но оговорок и рецидивов прежней априорной эстетики у Белинского еще много.

Мы часто встречаем у Белинского некоторую двойственность, когда он решает все эти вопросы. В 1842 году, например, историзм и эстетика раскрываются им не одно через другое, а следуют один после другого. В статье «Речь о критике» Белинский пишет: «Невозможно упускать из виду и собственно эстетических требований искусства. Скажем более: определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики. Когда произведение не выдержит эстетического разбора, оно уж не стоит исторической критики» (VI, 284). Но что значит эстетическая критика, которая должна быть «первым делом» вне относительно-сти критериев и исторического опыта?

Полемика с К. Аксаковым в 1842 году по поводу «Мертвых душ» и против его несостоятельных отвлеченных эстетических критериев, вроде того, что по «акту творчества» Гоголь равен Гомеру и Шекспиру, сделала Белинского ярким ненавистником априорных критериев. В статье, написанной через год — «Сочинения Державина», — Белинский начинает решительнее обращаться к историзму, к конкретному пониманию эстетических категорий, художественности, поэтичности, т. е. толкует о них не с точки зрения того, чем они должны быть, а чем они являются на самом деле в произведениях различных писателей.

«Отвлеченный идеализм во всем ведет к произвольности в воззрениях и построениях, — писал Белинский, — потому что факты отвергаемой им действительности не мешают ему при-

нимать свои карточные домики за настоящие рыцарские замки. Кто смотрит на искусство исключительно с эстетической точки, не принимая в соображение ни его истории, ни истории развития человечества,—тому весьма легко открыть тождество между «Илиадою» Гомера и «Мертвыми душами» Гоголя» (VI, 588).

Здесь имеется в виду все тот же К. Аксаков. Но можно добавить, — тому легко не заметить «тождества» между «Горем от ума» и «Ревизором», как это произошло с самим Белинским в 1840 году в оценке этих сатирических шедевров русской драматургии с отвлеченно понятой маркой «художественности».

В 1845 году в статье о «Тарантасе» Белинский формулирует более последовательно историческое понимание литературоведческих категорий и, в частности, «художественности». Белинский видит в прежней своей отвлеченной постановке этих двух вопросов «пристрастное» оправдание теории «чистого искусства». Он писал: «Чисто художественная критика, не допускающая исторического взгляда, теперь никуда не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений; но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас. Поэтому теперь посредственно художественное произведение, но которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы искусства. Вообще, наш век — век рефлексии, мысли, тревожных вопросов, а не искусства. Скажем более: наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нём. Как во все критические эпохи, эпохи разложения жизни, отрицания старого при одном предчувствии нового,—теперь искусство — не господин, а раб: оно служит посторонним для него целям» (IX, 77—78).

Но даже и здесь любопытны оговорки — «не господин, а раб», служит «посторонним» для него целям. До вполне научного, конкретно-исторического понимания эстетических категорий, до понимания того, что других-то целей, кроме раскрытия современных и иных вопросов, искусство не имело и иметь не может, Белинский не поднялся. Это мы замечаем в его обзоре литературы за 1847 год.

Зато в «беллетристических» произведениях, по мысли Белинского, искусство вполне служило своим целям. Мы помним, что «беллетристика», по Белинскому, как и «поэтичность» и «художественность», выражают определенную степень качества произведений, присущего им единства содержания и

формы. В этой иерархии степеней качества беллетристике принадлежит последнее место. После нее начинается уже «публицистика», хотя такого термина 40-е годы еще не знают.

Насколько «снижалось» понятие художественности, т. е. конкретизировалось, становилось предметом не абсолютной, а исторической критики, настолько получило всестороннее обоснование и «возвышение» в 40-е годы понятие беллетристики. Вопрос о беллетристике был поставлен еще в первый период истории «Отечественных записок», но развитие он получил во второй и третий периоды, в связи с ростом «натуральной школы», разрабатывавшей демократические жанры и стили.

У Белинского понятие беллетристики относится не к разделению поэзии на роды и виды, а к степени качества, художественной выразительности произведения. Именно через учение о беллетристике происходила наибольшая демократизация эстетики Белинского и пересмотр ее наиболее отвлеченных положений. Здесь Белинский наиболее полно раскрывал вопрос о связи искусства с народом, о его общественных функциях. Белинский называет беллетристику «искусством толпы»; произведения, которые могут претендовать только на «долговечность», «но никогда не достигнут бессмертия», которые «рождаются тысячами,—тысячами умирают». Без беллетристики «толпа была бы лишена благоденствий искусства». Правда, Белинский еще думает, что беллетристика призвана только приблизить подлинное искусство к толпе, которая не понимает «высоких произведений искусства», потому что «искусство требует изучения, требует особенного посвящения в его таинства». Беллетристика должна, по мысли Белинского, только подготовить читателя к восприятию высоких произведений. Но эта служебная, кратковременная роль беллетристики постепенно осмысливается Белинским, как существенная и «постоянная» роль искусства вообще, как роль и «поэтического» и «художественного» произведения. В той же статье, которая является последним словом Белинского в «Отечественных записках» по этому вопросу (об «Опыте истории русской литературы» Никитенко), Белинский говорит и так: «Где же, в чем же та резкая черта, которая отделяет искусство от беллетристики? Резкой черты нет и быть не может, так же как в психологическом мире нет резкой черты между гениальностью и бездарностью, умом и глупостью, красотой и безобразием, потому что между всеми этими крайностями есть посредствующие звенья, переходы и оттенки незаметные и невидимые. Резкой черты нет, но черта есть» (IX, 160—161).

Эту черту Белинский видит в полной зависимости беллетристики от текущей злобы дня, в ее стремлении ответить

на запросы момента, когда вся перспектива явления и его значение еще не выявились и трудно поддаются обобщению. Беллетристика в этом смысле неизбежно эмпирична, натуралистична. Белинский писал: «... в беллетристике выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня, которых иногда не предчувствовала ни наука, ни искусство, ни сам автор подобного беллетристического произведения. Следовательно, подобные произведения так же, как и наука и искусство, бывают живыми откровениями действительности, живую почву истины и зерно будущего» (там же). Но это живое откровение в беллетристике, говорит Белинский, слабее обобщено, чем в чисто художественном или поэтическом произведении; отсюда у Белинского грубоватое выражение: «Беллетристика — это искусство толпы». Тем не менее замечательная связь беллетристики с жизнью, непосредственность связи служит, по мысли Белинского, средством против отрыва искусства от жизни. Здесь-то и выступает все принципиальное значение учения Белинского о беллетристике. Белинский писал, что «беллетристика имеет свои минуты откровения, указывая на живые потребности общества, на непредвиденные вопросы дня, и не дает искусству изолироваться от жизни, от общества и принять характер педантический и аскетический» (там же, 163, курсив мой.— В. К.).

Нетрудно понять, какое огромное практическое значение имели эти положения Белинского как для эстетики в целом, так и для программного оформления гоголевского направления с его сатирой, физиологическими очерками и злободневными рассказами, повестями и романами. Беллетристика образовывала своеобразный стык между художественным осмыслением жизни и тем осмыслением, которое было свойственно критике и публицистике.

Такая постановка вопроса оттесняла на задний план прежнее разделение поэзии на роды и виды по принципу «взаимных отношений сознающего духа» субъекта к предмету сознания—объекту. Белинского заинтересовала не только философская, гносеологическая, но и общественно-политическая, социальная сторона этого вопроса. Критик не пересматривал прежней концепции, но просто оставил ее в стороне. В статье о «Тарантасе» Белинский даже бросил такую фразу: «Не будем пускаться в исследования — к какому роду и виду поэтических произведений принадлежит «Тарантас». В наше время, слава богу, признается в мире изящного только один род — *хороший*, запечатленный талантом и умом, а обо всех других родах и видах теперь никто не заботится» (IX, 77).

Белинский считал, что на данном этапе развития русской литературы, когда смело создаются новаторские, переходные,

смешанные жанры, и это явно помогает глубокому, всестороннему отображению действительности, настаивать на прежнем регористическом делении поэзии на роды и виды означало бы сковывать инициативу литературы, заниматься схоластикой вместо необходимого обобщения живых фактов.

Примером такого обобщения и прокладывания пути беллетристике, ее жанрам было «Вступление» Белинского к первой части «Физиологии Петербурга». По мнению Белинского, беллетристика, богато представленная в «Физиологии Петербурга», помогает решить сразу несколько задач: преодолеть равнодушие к отечественным предметам, обнаружить пустоту нынешних так называемых «исторических» (Кукольник и др.) и нравоописательных (Булгарин) романов, выявить главную причину всех их неудач, заключающуюся в «отсутствии верного взгляда на общество», установить более тесное влияние критики и передовых идей на литературу, приучить литературу живее и непосредственнее откликаться на злободневные вопросы, помочь скорее созреть самой «несозревшей» русской общественности, наконец, создать массового читателя. Беллетристика, по Белинскому, если она будет должным образом развита, переделывает начисто само лицо литературы, меняет пульс литературной жизни.

Во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» Белинский писал: «Литература, в обширном значении этого слова, представляет собой целый живой мир, исполненный разнообразия и оттенков, подобно природе, произведения которой делятся на роды и виды, классы и отделы и от громадных размеров слона доходят до миниатюрных размеров колибри. Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы и чем больше их, тем лучше для литературы. Но их-то — повторяем — у нас всего меньше, и оттого-то публике и нечего читать»³⁶.

Созданием массовой талантливой беллетристики Белинский думал оградить литературу от случайностей, идейных шатаний, подобных тем, которые выявились у Гоголя уже в «Риме» и в его отношении к полемике вокруг «Мертвых душ». Беллетристика давала возможность сознательно пользоваться методом реализма, теснее связать «натуральную школу» с идейным воздействием «Отечественных записок», выработать новый тип писателя-общественника. Весь тот комплекс идей, установок, который Белинский связывал с судьбой беллетристики, имел жизненное значение для всей русской литературы, для формирования самих ее гениальных представителей, для создания ее первоклассных произведений. Учение о бел-

летристике было лишь тем каналом, через который прежде всего прорывались основные демократические устремления эстетики Белинского. Все, что он говорил в отношении беллетристики, имело жизненное значение для русского реализма в целом.

Воюя с нормативной эстетикой, с априорным и педантским регламентированием в области жанров, Белинский подвергал критике сюжеты современных ему произведений, многие из которых были трафаретны и избиты. Белинский резко отрицательно высказывался о шаблонности многих сюжетов. Но критик недостаточно развил свою точку зрения по этому вопросу. Большинство его высказываний о сюжете было отрицательным. Может показаться, что он вообще против сюжетов. Вот несколько его высказываний: «Некоторые не видят в «Мертвых душах» «содержания», но те «содержание» смешивают с «сюжетом», идеал же романа видят в бабьих сплетнях и рассказах о разной небывальщине, составляющей «сюжет» какой-нибудь «Черной женщины» (произведение Погодина. — В. К.). Или — о «Мертвых душах»: «Поэмою Гоголя могут вполне насладиться только те, кому доступна мысль и художественное выполнение создания, кому важно содержание, а не «сюжет»; для восхищения всех прочих остаются только места и частности».

На самом деле в «Мертвых душах» был сюжет, но совершенно новаторски построенный, органически связанный с глубоким идейным содержанием. Это была система сцен, объединенная последовательностью авантурных походов Чичикова. На фоне трафаретного и романтического сюжетосложения, большей частью основанного на мелких любовных интригах, сюжет в «Мертвых душах», казалось, вовсе исчез.

Рассуждения Белинского о сюжете могут быть понятны только в свете таких его разъяснений: «Кто не пишет в наше время романов?», «эти господа думают, что событие (т. е. завязка или развязка какого-нибудь приключения или происшествия. — В. К.) уже само по себе так интересно, что может занять читателя и доставить ему удовольствие. Они не понимают, что сущность и достоинство романа (исторического и не исторического) не в сюжете», «сюжет дело готовое: бери только».

Конечно, на самом деле это было не так просто: «бери только»; но Белинский хотел вернуть сюжетосложению его содержательную функцию, ибо в основе сюжета всегда лежит конфликт, а элементы сюжета суть ступени развития этого конфликта. Сюжет «сочиняется», так как является преднамеренной расстановкой событий, но он сочиняется по логике конфликта; конфликт же познается в реальной действитель-

ности. В противном случае получается так, как об этом с иронией говорил Белинский: «Если верить нашим драмам, то можно подумать, что у нас на святой Руси все только и делают, что влюбляются и замуж выходят за тех, кого любят, а пока не женятся, все ручки целуют у своих возлюбленных... И это зеркало жизни, действительности общества»³⁷. По поводу таких шаблонов уже иронизировал Гоголь, производя полный переворот в сюжетосложении.

Глубокое обоснование в этот период получает сатира как законный род поэзии.

Белинский, отрицавший сатиру в период гегельянства как «ложный» род, при оценке лермонтовской «Думы» смягчил свои приговоры. Он условно признал сатиру. Основание для признания было в понимании исторических прав рефлексии Лермонтова, которая была выражением «моментального» состояния целого поколения, фактом общественной жизни, исторической действительности.

Это обоснование, идущее от признания прав творческой субъективности крупного художника, сохранилось и теперь, только оно получило более всестороннее толкование.

В статье «Сочинения В. Ф. Одоевского», обобщая опыт современной ему литературы, Белинский выдвинул тезис о «дидактизме» в поэзии и о законных правах его: «Дидактической поэзии нет, — писал Белинский, — но есть *дидактизм*, который, как преобладающий элемент, может входить во все три рода поэзии, преимущественно же в лирическую». «Дидактическая поэзия в том смысле, как мы ее понимаем, есть то гремящее анафемою поучение, то страстная речь защитника добра; это род * поэзии наиболее социальный и гражданский» (VIII, 308).

Этим утверждением Белинский окончательно оправдывает и узаконивает в эстетике проблему сатиры.

Но Белинский не вывел всех следствий из этого утверждения. Если в беллетристике он видел единство субъективного и объективного, а тенденциозность беллетристики, по его мнению, не мешала ее глубоким откровениям, то сатира, к сожалению, у него лишена такой всесторонней достоверности и «действительности». Белинский упорно повторял читателям, что «нельзя ошибочнее смотреть на «Мертвые души» и грубее понимать их, как видя в них сатиру, что «субъективность» Гоголя не «ограничена и односторонняя» и что у Гоголя она «не искажает объективную действительность», тогда как сатира вообще всегда искажает ее в угоду «субъек-

* По смыслу всего рассуждения здесь лучше бы сказать «элемент» поэзии.

тивности». Белинский совершенно прошел мимо гротескности реализма Гоголя, мимо его образов-масок. Критик был связан выпавшим на его долю историческим заданием отстоять в полемике представление о реализме Гоголя как о всестороннем, полноценном отображении действительности, которому доступны все стороны жизни, не только пошлый человек с его односторонними отрицательными качествами, а весь человек.

Поэтому Белинский все еще считал, что полноценный реализм несовместим с сатирой, как с чем-то ущербным, односторонним, грубо тенденциозным. Более того, в этот период Белинский считает вообще сатиру в национальных литературах плодом «осенним», а не «весенним». Так, например, в 1842 году он писал: «Мы теперь знаем, что сатира не есть осмеяние пороков для исправления нравов, но что это есть высший суд над падшим обществом, его предсмертный, раздирающий душу вопль, и что Персии и Ювеналы явились в римской литературе не случайно, а необходимо, и при том в самую пору, так что ранее не могли явиться...»³⁸.

Важное место занял теперь в критике Белинского вопрос о роли мировоззрения в творчестве. В этот период критик не только отрешился от старого тезиса о бессознательности творчества и от автоматизма отражения (выражения) гением своей эпохи, но и пошел значительно дальше своих выводов о сознательном характере этого отражения, к которым он пришел еще в 1841 году.

Известные положения Белинского, высказанные особенно ярко в «пушкинских» статьях о «пафосе» поэзии, были принципиально важны, так как при анализе художественных произведений они ставили творческую субъективность художника на один из первых планов. Термин «пафос» Белинский употребляет в нескольких смыслах: «пафос» — как творческое возбуждение автора, как горение, порыв; «пафос» — как преобладающее настроение, мотив, идея всего творчества писателя; наконец, «пафос» — как идея отдельного произведения. Изучение пафоса в целом и пафоса отдельного произведения — неперемнное условие для того, чтобы правильно понять писателя и все частности его произведения. В двух последних случаях речь идет о сущности искусства, как она проявляется в основной идее творчества писателя и в отдельных произведениях.

Это еще не вполне расчлененное в 40-х годах положение Белинского о пафосе методологически важно для критики. Оно ориентирует на изучение эстетической сущности искусства, его содержания, на синтетическое изучение творчества писателя, стимулирует выяснение его закономерностей

субъективно-творческого характера. Учение о пафосе позволяло различать индивидуальности художников одного направления, на почве одинаковой тематики и даже проблематики.

Белинский пошел и дальше, к прямому познавательному выяснению общего пафоса творчества писателя как его идейности. В «пушкинских» статьях он поднялся до глубокой социологической трактовки «музы» Пушкина — «девушки-аристократки», со свойственной ей «лелеющей душу гуманностью».

Раскрыв гуманизм, энциклопедизм, непреходящее историческое и эстетическое значение «Евгения Онегина», Белинский в 1845 году так резюмировал свое исследование социального пафоса этого любимейшего творения Пушкина и пафоса поэта в целом: «Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности: но принцип класса для него — вечная истина... И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любовование...».

Это положение говорит о многом: Белинский видел живую диалектическую связь между временным и непреходящим в искусстве, социальным и эстетическим, помещичьими принципами Пушкина и его народностью. Белинский продемонстрировал также и свою собственную противоречивую связь с пушкинской поэзией: «Евгений Онегин» — «акт сознания русского общества» 20—30-х годов, но он и акт исторического самосознания Белинского; роман — критерий художественности и пример поэзии действительной, но он в то же время и пройденная ступень отражения действительности, роман — суд Пушкина над действительностью, но в то же время и материал для суда над Пушкиным с высоты революционно-демократических идеалов, для которых «принцип» помещичьего класса совсем не «вечная истина».

Принцип помещичьего класса Белинский вскрывал с различной оценкой и в творчестве Державина, и Языкова, и Хомякова, и Соллогуба. Белинский указывал на этот принцип как на основу характера Бельтова. В поэзии Державина и Пушкина Белинский «прощал» этот принцип как исторически неизбежный, но во всех других случаях критик считал его анахронизмом и источником всех аномальностей поэзии.

* * *

Глубокому пересмотру во второй период подвергаются в критике Белинского и историко-литературные проблемы.

Мы помним, как в 1839—1841 годах механически просто решался вопрос о классицизме и псевдоклассицизме, о романтизме и псевдоромантизме.

Искусство недавнего прошлого, возникшее непосредственно после французской революции, объявлялось «псевдоромантическим» на том основании, что оно будто бы было простой попыткой возродить поэзию средневекового рыцарства. Но закономерный характер, хотя бы именно такого возрождения рыцарства в поэзии XIX века, не объяснялся Белинским.

Теперь вопрос о романтизме решался противоречиво, двояко. На место старых схем ставились новые, но в них было больше исторического чутья и обнаруживались попытки разобраться в «содержании» новейшего романтизма. Так, в «пушкинских» статьях в связи с характеристикой поэзии Жуковского доказывалось, что она именно как «немецко-рыцарская» оказывалась исторически необходимой: в судьбах «подражательной» русской литературы, развивавшейся по пути к «поэзии действительности».

В «пушкинских» статьях — два аспекта романтизма. Первый отразил новейшие «фейербахианские» увлечения Белинского и несомненно покоится на своеобразном применении «антропологического принципа»: романтизм — «в сердце человека», «где человек, там и романтизм». Белинский, например, находит «романтизм» и у Гомера и везде, где только изображается «таинственная внутренность груди, мистическая сущность былого кровавого сердца». Белинский ошибался, определяя в духе Фейербаха абстрактную сущность человека: «Законы сердца, как и законы разума, всегда одни и те же, и потому человек по натуре своей всегда был, есть и будет один и тот же» (VII, 145).

Второй аспект этих же статей в сущности противоречит первому, он состоит в следующем: «Но как разум, так и сердце живут, а жить — значит развиваться, двигаться вперед: поэтому человек не может одинаково чувствовать и мыслить всю жизнь свою; но его образ чувствования и мышления изменяется сообразно возрастам его жизни...» (VII, 145). Вторая цитата является у Белинского продолжением первой, но конец явно противоречит началу.

Кроме того, встает вопрос: что же такое «образ» чувствования и мышления, как не законы чувствования и мышления. Ведь социолог и эстетик имеют дело не со способностью людей чувствовать и мыслить вообще, а с определенным характером, «образом» их чувств и мыслей. Несомненно, исторический взгляд Белинского в этом вопросе противоречил первому аспекту, метафизически рассматривающему вечную сущность человека. Правда, этот историзм ограничен про-

стым рассмотрением роста и изменений чувств и мыслей «по возрасту» человека. Но Белинский в тех же «пушкинских» статьях обнаруживает и замечательный историко-социологический подход к трактовке возрастов человечества и изменяющегося «образа» его чувствований и мышления.

Сущность человека изменялась в ходе истории, поэтому Белинский говорит о конкретных формах романтизма, тесно связанных с развитием «понятий» о чести, любви, браке у различных народов и в различные эпохи (античность, средние века, новейшее время). Зарождение новейшего романтизма (т. е. «псевдоромантизма») Белинский связывает совершенно основательно со «страшными потрясениями и ударами в конце XVIII века», т. е. с Французской революцией и тем переворотом в европейской жизни, который она вызвала.

«Всякое сильное историческое движение, — писал Белинский, — необходимо порождает реакцию своей крайности: вот причина внезапного появления романтизма средних веков в литературе XIX века» (VII, 164). Более того, Белинский считает, что «романтизм нашего времени есть органическое единство всех моментов романтизма, развивавшегося в истории человечества» (VII, 161).

Правда, в последнем случае чувствуется, что здесь больше даны логики Гегеля с ее триадой, чем подлинного социологического раскрытия существа этой реакции и существа синтеза. Но что может возразить современный историк литературы, вооруженный научной методологией и всеми фактами, против последних двух замечаний Белинского по существу? Ничего. Они верны философски и исторически.

При всех бросающихся в глаза недостатках (прежде всего поверхностный социологизм, влияние абстрактного «антропологизма») концепция Белинского впервые выдвинула проблему содержания романтизма, разнообразия его национальных и исторических форм, романтизма как явления исторически закономерного и представляющего собой целый комплекс проблем, связанных между собой глубоким внутренним единством.

Однако Белинский считал, что заслуги романтизма — открытая им жизнь сердца, впервые введенные им понятия историзма и национальной специфики — уже далеко оказались превзойденными достижениями поэзии действительности, давшей образцы художественного воплощения жизни сердца, национальной специфики и пр. Поэтому, например, в обзоре литературы за 1845 год и в многочисленных других статьях и рецензиях, Белинский с издевкой говорит о романтизме славянофилов, о романтиках жизни вообще, главный признак которых «донкихотствование», перепевы старых мотивов, не-

понимание живой современной действительности и перспектив ее развития.

В тесном взаимодействии с концепцией романтизма Белинского находилась концепция Герцена, развитая им во второй статье цикла «Дилетантизм в науке» под названием «Дилетанты-романтики». Но, вместе с тем, точка зрения Герцена во многом и отлична от взглядов Белинского и во многом им предшествует.

Герцен прослеживает корни и исторические условия возникновения романтизма и новейшего неоромантизма.

Предпосылки неоромантизма появились во Франции, но свое развитие романтизм получил в Германии. Причины появления его во Франции таковы: «эклетицизм первых годов Реставрации», «скука и пустота, раскаяние и отчаяние, обманутые надежды и разочарование, жажда веры и скептицизм» (III, 25). Это несколько туманное определение верно схватывает связь романтизма с эпохой Реставрации, с реакцией на прошедшее.

По Герцену — это «готическое, феодальное воззрение», возникшее в противовес Вольтеру и Энциклопедии. «Романтизм и классицизм, — говорит Герцен, — должны были найти пробы свой в новом мире, и не один проб — в нем они должны были найти свое бессмертие. Умирает только одностороннее, ложное, временное, но в них была и истина — вечная, всечеловеческая...» (III, 37).

Неоромантизм — явление не случайное; причин для его появления было немало. Во Франции — послереволюционная «апатия», в Германии — национальное «воодушевление». «Но так как чувства, вызвавшие неоромантизм, были чисто временные, — писал Герцен, — то судьбу его можно было легко предвидеть, — стоило взглянуть в характер XIX века, чтоб понять невозможность продолжительного очарования романтизмом» (III, 38). Это — век практический, индустриальный.

Несомненно, все эти рассуждения Герцена не прошли бесследно для Белинского, и мы указываем на них как на один из возможных источников того второго аспекта о романтизме, который был наиболее плодотворным в концепции Белинского. Герцен объясняет и то, почему «Отечественные записки» объявили беспощадную войну всем разновидностям «романтизма» и «дилетантизма». Это была расчистка сознания, необходимая для поисков правильной революционной теории.

Периодизация истории русской литературы сохранилась у Белинского прежняя. Она особенно основательно была рассмотрена в «пушкинских» статьях, в которых на исключительно богатом материале показаны основные этапы формирования в России «поэзии действительной». В целом «пушкинские»

статьи — рассказ о прошлом, подведение итогов, попытка исторически обосновать все то новое, что возникало в современной литературе, в гоголевском направлении. Побуждая литературу к новаторству, обобщая новейший опыт, Белинский подвел грандиозный итог только что закончившегося «пушкинского» периода русской литературы.

Так и Чернышевский, в середине 50-х годов, возглавив современную литературу, подвел в «Очерках гоголевского периода русской литературы» итоги «гоголевского» периода, т. е. периода Белинского и «Отечественных записок» 40-х годов.

Это подведение итогов и выработку перспектив, а также прежде всего живое руководство реалистическим направлением Белинский сам систематически осуществлял в своих годовых обзорах русской литературы.

Годовые обзоры были широким обобщением литературных процессов, их топографической картой.

Обзор за 1842 год был как бы узаконением всех перемен в литературе и в направлении «Отечественных записок», вполне выявившихся в литературно-художественных и критических произведениях за год. В статье снят тезис «у нас нет литературы»; это произошло в силу двух обстоятельств: успеха «Отечественных записок» и выхода «Мертвых душ», являющихся одним из тех капитальных произведений, которые составляют эпоху в литературе.

Решив вопрос о существовании литературы, Белинский в следующем обзоре ставит вопрос о ее качестве, перспективах, о задачах ее новой фазы. Но этот обзор весь состоит из элегических мотивов о «благородной нищете» русской литературы: «Беден был хорошими повестями 1842 год, но прошлый 1843 оказался еще беднее». Однако все это Белинский считает признаком внутренней зрелости литературы, строгой взыскательности ее к самой себе. И в этом источник оптимизма Белинского. В обзоре за 1843 год мы видим практическое преломление новых критериев «Отечественных записок», которые вдруг резко отчеркнули новое от старого. Белинский как бы с некоторой усталостью пишет об исчерпанности старых форм во всех родах поэзии, о том, что «все источники изобретения истощены, все роды перепробованы, все дороги избиты» (VIII, 67), и чтоб проложить в искусстве новую дорогу, нужен гений или, по крайней мере, великий талант, а гений и великие таланты не рождаются десятками и дюжинами.

В этом взыскательном снижении продуктивности, в исчерпанности мотивов Белинский видел поступательное развитие, признак дальнейшей консолидации гоголевского направления. Белинский рассуждал: «И вот, мы перебрали все роды поэзии, чтоб показать, что теперь ни в одном нет возможности с

успехом действовать не только бездарности, посредственности, но и людям не без таланта. Бедность современной литературы происходит оттого, что все перепробовано и новизною уже нельзя блеснуть как талантом. Это бедность честная, благородная, которая в тысячу раз лучше мнимого богатства. Это успех, а не падение, огромный шаг вперед, а не назад» (VIII, 70). Или: «Потеряв в численном богатстве, наша литература выиграла в духе и направлении».

Белинский предвидит, что литература находится как раз накануне появления в ней десятка гениев и первоклассных талантов, и знает, что его строгий взыскательный анализ стимулирует их появление. Факторами роста литературы были критическая взыскательность Белинского и художественная высота «Мертвых душ». И Белинский подчеркивал последнее: «Если кто больше всего и больше всех виноват в ней (бедности литературы. — В. К.), так это, без сомнения, Гоголь. Без него у нас много было бы великих писателей, и они писали бы и теперь с прежним успехом <...>. Гоголь убил два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разбуряемому актеру, и потом — сатирический дидактизм» (VIII, 80—81).

Гоголь с 1835 года подрывал влияние этих направлений, но окончательно их добил «Мертвыми душами». Современная литература и анализируется Белинским по этим трем направлениям: как отмирает «романтический идеализм» (Одоевский, Полевой, Кукольник, Баратынский), «сатирический дидактизм» (Булгарин, Сенковский, Каменский) и как складывается подлинно реалистическое, гоголевское направление.

Обзор за 1844 год является повторением тезиса об исчерпанности форм поэзии, что иллюстрируется творчеством Полевого и особенно Языкова и Хомякова. Но этот анализ — не простое повторение прежних общих положений. Здесь новое и принципиально важное — показ открытой связи поэзии исчерпанных форм с политическим консерватизмом. Поэзию Языкова и Хомякова Белинский анализирует и высмеивает как специфически «не-нашу», славянофильскую поэзию. Здесь суть в силе, в широте понимания Белинским связей поэзии с политическим развитием направления.

И только в обзоре за 1845 год Белинский, отбросив рассуждения о старой поэзии, целиком повернулся к новой поэзии, к «натуральной школе».

1845 год отмечается как год, который был богаче предыдущих замечательными произведениями. Отмечаются сборник «Физиология Петербурга», повесть «Тарантас», поэмы Тургенева «Разговор» и особенно «Андрей», роман Герцена «Кто ви-

новат?» (ч. 1, «Бельтов»), повести Панаева, Даля, Кульчицкого и др.

Это строго очерченное ядро нового в литературе поставлено в широкую историческую перспективу.

К этому же году обозначились все результаты нового направления. Белинский подчеркивает: «Главная заслуга 1845 года состоит в том, что в нем заметно определеннее выказалась действительность *дельного* направления литературы». О направлении новой школы Белинский особенно много говорил именно в этом обзоре. Четко характеризуется эстетическая программа. Ранее Белинский оперировал двумя аргументами, доказывая, что у нас, наконец, есть своя национальная литература: живой преемственностью явлений, что и показано в статьях о Державине и Пушкине, и успехом журналистики и критики «Отечественных записок».

Теперь программным аргументом становится общий вывод о самой литературной продукции за год, свидетельствующей о том, что у нас есть своя литература. «Если бы нас спросили, — писал Белинский в обзоре за 1845 год, — в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, — мы отвечали бы: в том именно, за что нападает на нее близорукая посредственность или низкая зависть, — в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом» (IX, 388). То, что Белинский находил раньше только в критике, он нашел теперь в самой литературе.

Интересно, что некоторые задачи, которые прежде Белинский решал сам, как критик и памфлетист, теперь он перелагает на возмужавшую литературу. Главная задача состоит в борьбе с отжившим в литературе романтизмом.

Критик всесторонне рассуждает о «романтиках жизни», «романтиках науки», «романтиках политики» и «романтиках поэтах». В том же обзоре за 1845 год, указав на разновидности романтиков «простых» и «высшего разряда», Белинский говорит, что перед нами их целые «типы». Для всего ложного и смешного один бич, меткий и страшный — «юмор», и Белинский тут же указывает: «Нельзя не подивиться, что юмор современной русской литературы до сих пор не воспользовался этими интересными типами, которых так много теперь в действительности, что ему было бы где разгуляться!» (IX, 380).

Известно, что Белинский в статье о «Тарантасе» Соллогуба пародировал образ героя повести Ивана Васильевича. Белинский увидел в этом образе возможность показать одного из комических «героев нашего времени», т. е. славянофила. Можно утверждать, что и образ Адуева-младшего в «Обыкновенной истории» Гончарова также подсказан статьями Белинского. Он советовал Гончарову превратить своего Адуева в славянофила, что придало бы образу, по мнению Белинского, более злободневный и проблемный характер. Здесь был бы показан рост Адуева от «романтика жизни» к романтику по убеждению, т. е. «высшего разряда». В такой метаморфозе было бы много смысла, так как, по Белинскому, романтики «не столько переводятся, сколько изменяются, принимая новые формы».

Указанная Белинским задача быстро нашла свой отклик в литературе. Славянофильство, романтизм со всеми его оттенками отразились в творчестве Тургенева, Ап. Григорьева, в образе Крестовского у Герцена, в памфлете «Славянофил» Некрасова, в пародиях «Нового поэта» Панаева и проч.

Вследствие всего сказанного можно сделать вывод: критика во второй период истории «Отечественных записок» представляет собой нечто законченное, целое. В основе ее методологии — история и «социальность»; главный ее тезис — поэзия «действительности».

Происходило всемерное расширение предмета критики, охватывающее теоретические, исторические и злободневные проблемы русской литературы. Это было всесторонним обоснованием реалистического направления. По-новому ставятся вопросы о связях искусства с жизнью, о мировоззрении художника, о жанрах. Каждый пункт в критическом арсенале Белинского наполнен боевым пафосом современности и каждый из них представляет ту или иную сторону эстетической программы реалистического направления.

4

«Отечественные записки» прокладывали себе путь к читателю в ожесточенной идейной борьбе с реакционной цензурой и журналистикой.

Цензурное свирепствование имело свои приливы и отливы. Герцен считал, что «1843 до 1848 была самая либеральная эпоха николаевского царствования»³⁹. Это надо понимать так: «Отечественным запискам» удалось, запутав цензуру в сложных идеологических вопросах, проповедовать на своих страницах «социализм, коммунизм и пантеизм». Расцвет жур-

налистики, появление новых и смелых идей в России, нарастающие полемике, предреволюционные веяния с Запада — все это несколько расшатало царскую цензуру и ослабило ее бдительность. Она действительно не замечала очень многого в журналах и потом приходила в ужас, когда «меншиковский комитет» в 1848 году уличал ее в промахах. Но в это же время развивалась и другая тенденция, охранительно «официальная» — доносы Булгарина, Федорова и выпады «Москвитянина». По мере того как Булгарин и Шевырев под ударами «Отечественных записок» теряли всякий престиж идеологов, они тем охотнее хватались за доносы, прибегали к крайним «нелитературным» средствам борьбы. Булгарин настолько переусердствовал в своих доносах, что причислял к «партии» «Отечественных записок» и цензора Никитенко, и Г. П. Волконского, и даже самого Уварова.

После известных работ А. М. Скабичевского и М. К. Лемке история царской цензуры у нас совсем не изучалась ни литературоведами, ни историками. Между тем, накопленные факты требуют обобщения. В архивах погребено еще много любопытных сведений, которые полнее раскрывают приемы «официальной критики» — цензуры. Мы приведем, как и в предыдущей главе, несколько таких неопубликованных документов, непосредственно связанных с историей «Отечественных записок» второго периода.

В конце 1843 года царь приказал Уварову представить соображения об изменениях в цензурном уставе 1828 года. Изменения и дополнения должны были учесть опыт цензуры за последние пятнадцать лет. Поручение было вызвано запутанностью цензурного законодательства, противоречиями между уставом и циркулярами, накопившимися за многие годы. Правительство хотело проявить гибкость в новой сложной обстановке.

Но Уваров слишком хорошо знал царя. По команде министра петербургский и московский комитеты, а также комитет цензуры иностранной предложили свои «дополнения»: они единодушно высказались за сохранение старого устава. Новые проекты и соображения подавались в течение 1843—1848 годов, но, разумеется, никакого практического действия не возымели.

Однако самый факт обсуждения устава и циркуляров колебал слепую веру в святость их предписаний и практически в отдельных случаях влек за собой смягчение их формальной строгости.

Жизнь ставила и перед цензурой все более и более сложные задачи. Нужны были не только верноподданные, но и умные, с точки зрения властей, цензоры. В теоретизированиях

комитетов встречаются признания: «Заведывая областью духа, — говорится в «Проекте» петербургского комитета, — цензура беспрестанно должна встречаться с явлениями столь изменчивыми, разнообразными и непредвиденными, с явлениями столь неуловимыми в их направлении и следствиях, что никакое человеческое усилие не в состоянии всего этого подвести под предварительные соображения и правила <...>. Таким образом, исполнители цензурных постановлений всегда будут в необходимости искать руководства для себя не только в правилах цензурного устава, но в его разуме и основных идеях, в своей совести, в глубоком знании современного направления умов, общественного мнения, даже личного характера и убеждений самого писателя...»⁴⁰.

В цитирувавшемся «Проекте» анализировались особенности сложившейся к середине 40-х годов литературно-журнальной ситуации в России: 1) *наклонность в обществе и литературе к легким беллетристическим произведениям* и 2) *образование и борьба двух школ в литературе*. Таково было своеобразное бюрократическое преломление проблематики общественной жизни и реалистического направления, открыто обсуждавшейся в журналах.

«Проект» предлагал цензуре заново перевооружиться и ввести еще более строгие требования. Например, французскую беллетристику предписывалось *самовольно урезать*, чтобы, кроме канвы происшествий и поэтического интереса, да громкого имени автора, в ней ничего не оставалось похожего на оригинал, т. е. «у змей, если они вползают к нам, вырывать жало» и оставлять только «пеструю красивую кожу»; предлагалось также всячески пресекать полемику.

Обращалось внимание цензуры на существование в России «двух партий относительно народности русской». Это было признанием того, что в обществе сложились такие взгляды, которые уже не совпадают с доктриной официальной народности. Одна «партия», говорилось в «Проекте», *воюет в пользу России допетровской*, а другая — России *последпетровской*, т. е. здесь речь шла о славянофилах и западниках, о партии «Москвитянина» и партии «Отечественных записок».

При этом подчеркивалось, что корень обеих партий не в какой-нибудь скоропреходящей литературной мечте, а в истории, и что «здесь чрезвычайно трудно отличить дозволенное от неподозволенного». Цензура, говорится далее в «Проекте», «должна стараться о прекращении тех крайностей, к каким иногда приводит нашу литературу дух партий и враждебное направление их начал. Но обстоятельство сие не может быть предметом определенного закона. Оно принадлежит к

роду тех, которые умная цензура направляет своим тактом» (там же).

Доморощенное умничаие цензуры превращало прежние окостенелые уставные заповеди в дискуссионный предмет. У нас иногда упрощенно представляют себе николаевскую цензуру как сплошное: «нельзя, непозволительно, запрещается...». Конечно, именно николаевская цензура, с ее солдафонскими и жандармскими замашками, исторически попавшая в полосу начавшихся великих идейных исканий в России, прослыла особенно курьезной и глупой. Но большое идейное возбуждение, если и не заставило цензоров поумнеть, то во всяком случае притупляло их бдительность.

В цензурных делах той эпохи нет строгой последовательности. Например, признается, что «Мертвые души» — это «не что иное, как юмористическая и сатирическая картина некоторых темных сторон в быту чиновников какого-то губернского города и наших провинциальных помещиков», но тем не менее «роман» разрешается печатать вместе со многими «сомнительными» местами, кроме «Повести о капитане Копейкине». Неожиданность такого решения состоит в том, что неоднократно запрещалось юмористически, а тем более сатирически изображать чиновников, находящихся где бы то ни было на государственной службе, военных и помещичье сословие. Такого же рода разрешения были даны по поводу «Шинели» Гоголя, «Тарантаса» Соллогуба, «Уездных сцен» Кудрявцева и других произведений.

Некоторые решения принимались цензурой по аналогии с ранее принятыми решениями. Например, в повести В. Даля «Вакх Сидоров Чайкин» было много сомнительных, с точки зрения цензуры, мест. Но после того как были разрешены «Мертвые души», произведение Даля прошло легко. В цензурном деле даже есть особая ссылка на пример с «Мертвыми душами» и сказано, что «Чайкин» написан «совершенно в том же духе», т. е. является «сатирой на современные нравы общества», а из таких «сочинений состоит большая часть произведений русской литературы». Политически острая предназначавшаяся для «Отечественных записок» статья «Оливер Кромвель» была разрешена со многими подчеркнутыми цензором местами, например: «Лицо Кромвеля, похитителя престола, изображается проникнутым духом христианства, действующим как божеское орудие», между тем, казалось бы, на Кромвеля не должно было быть отпущено столько христианского благочестия. Однако комитет разрешил статью целиком, «находя в этом изображении историческую картину пуританина, каким Кромвель действительно был»⁴¹. Между тем, именно из этой статьи о Кромвеле попало большое ко-

личество мест в известный донос Б. Федорова на «Отечественные записки», поданный в 3 Отделение в 1846 году.

Но главным образом цензура заботилась о том, чтобы «запрещать», «не допускать», «вычеркивать». При Николае I она была особенно жестока по отношению к «Отечественным запискам», о чем частично мы уже говорили в первой главе.

Уваров и весь цензурный синаедрион особо бдительно стали следить за «Отечественными записками», за статьями Белинского. Цензурные придирки теперь дополнялись доносами. Во главе Петербургского цензурного комитета, после отставки несколько либерального Г. П. Волконского, стоял П. А. Плетнев (издатель «Современника»), ненавидевший «Отечественные записки», а с февраля 1845 года стал управлять цензурой грубый и ограниченный М. Н. Мусин-Пушкин. На протяжении всего второго периода ходили упорные слухи о готовящемся закрытии «Отечественных записок», об ожидающихся репрессиях.

В «Отечественные записки» то и дело присылались анонимные письма с угрозами донести властям о замечаемых в них крамолах.

Например, некто, подписавшийся буквой Р., послал Краевскому 5 февраля 1846 года предупреждение: в февральском номере «Отечественных записок» он заметил в рецензии на «Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцов» антипоповский дух. Журнал и так уже был на «некотором подозрении», писал анонимный автор и добавлял: «Я почти уверен, что помянутая статья не останется незамеченной и не обойдется вам без хлопот, более или менее неприятных: но, если бы почему-нибудь она ускользнула от внимания, — я сам, ваш усердный доброжелатель, постараюсь войти в сношение с присяжными блюстителями литературного благочиния по духовной части, не для того, чтобы быть доносчиком на вас (иначе я и не писал бы к вам), а чтобы проверить убеждения (письменные) вашего рецензента и тем успокоить свою совесть»⁴². Фамилию этого анонимного «доброжелателя» установить не удалось, но его письмо сильно взволновало Краевского. Об этих угрозах неизвестного лица Краевский сообщал в одном из писем к Одоевскому, говоря, что надо им всем, вместе с Заблочкиным, собраться и обсудить контрмеры (см. указ. статью А. П. Могилянского). Автор письма приписывал рецензию Белинскому, хотя прямо об этом не говорил. Краевский уверял, что она написана не Белинским, а получена им из Москвы. И на самом деле указанная рецензия принадлежала Галахову (см. приложение к настоящей работе).

Успокаивал свою верноподданническую совесть и некогда

воспетый Рылеевым граф Н. С. Мордвинов, пославший Уварову 28 августа 1841 года письмо с обвинениями «Отечественных записок» в ереси, в связи с их критическим отзывом о покойном адмирале А. С. Шишкове. Этот отзыв принадлежал Белинскому⁴³.

Некто А. Иваницкий прислал Булгарину из Вологды письмо 16 июня 1846 года: «Голос из провинции об «Отечественных записках» с просьбой напечатать его в «Северной пчеле». Это письмо Булгарин переслал вместе со своим доносом «отцу и командиру» Л. В. Дубельту. «У нас иногда спрашивают, — писал Иваницкий, — кто пишет в «Отечественных записках» критики и библиографическую хронику? Неужели мосье Краевский, имя которого ежемесячно выставляется на задней странице желтой обертки? Ежели он, то откуда в нем берется смелость перед лицом целой России произносить бездоказанные приговоры над такими творениями и писателями, которых все знают, любят, ценят по огромным заслугам?»⁴⁴.

Реакционный лагерь объединялся, чувствуя в «Отечественных записках» возраставшую угрозу самодержавию и православию.

Но если мы в первой, «либеральной» цензурной тенденции видим победу «Отечественных записок», то эту «победу» можно усмотреть и во второй, охранительной тенденции.

Давно принято говорить с пренебрежением и в то же время с научно-исследовательской недооценкой о доносах Булгарина и Федорова. Эти люди были, конечно, мастерами чернить противников. Но булгаринские и федоровские доносы — замечательные в своем роде документы, показывающие, какие удары «Отечественных записок» были особенно чувствительны для реакции.

Конечно, Булгарин и Федоров многое преувеличивали (например, роль Краевского), но их обвинения документированы ссылками на страницы «Отечественных записок». Как бы ни выхватывались доносчиками отдельные фразы из контекста, но все же анализ журнала, сделанный его противниками, дает новые доказательства того, что Белинский и Герцен действительно проповедовали разрушительные идеи. «Журнал «Отечественные записки», — восклицал Булгарин в доносе, — издаваемый явно, без всякого укрывательства, в духе коммунизма, социализма и пантеизма, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало <...>. Разорившееся и развратное дворянство, безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч.,

почитают «Отечественные записки» своим евангелием, а Краевского и первого его министра — Белинского (выгнанного московского студента) — апостолами». (Вспомним слова Кольцова в письме к Белинскому: «Апостол вы, а ваша речь высокая, святая речь убеждения». — В. К.). Дальше Булгарин писал: «Как действует Краевский в своих журналах, особенно в «Отечественных записках» <...>. Действует умнее Марата и Робеспьера... <...> Цель Краевского не та, чтоб теперь возжечь бунт, но чтоб приготовить целое поколение к революции — подарок Наследнику»⁴⁵.

Б. Федоров вел выписки из «Отечественных записок» по рубрикам: «Противу-народность», «Безнравственность», «Вольнодумство», «Противу-религиозность». Учиняя суд над «Отечественными записками» по уваровской триаде, Федоров ссылается на номера и страницы журнала за 1840—1846 годы и показывает, как «Отечественные записки» «хвалят красноречие и истину Марата, защищают Кромвеля и Робеспьера, толкуют о выгодах революции, выводящей людей из ничего и от времени внушают мятежные мысли и правила»⁴⁶.

Мы знаем, что Белинский и Герцен и на самом деле сочувствовали Марату и Робеспьеру, что «Отечественные записки» действительно ставили перед собой цель поднять целое поколение на общественную борьбу.

В 3-м Отделении была составлена дополнительно небольшая таблица: «К соображению об «Отечественных записках» (по либеральному направлению)», в которой расписана по графам статья Белинского о Кольцове, являющаяся предисловием к изданному им в 1846 году сборнику стихотворений поэта. Видимо, в связи с доносами Булгарина и Федорова, в 3-м Отделении возникла мания составлять «таблицы». Такие таблицы будут составлены и в 1848 году, специально по статьям Герцена, появившимся в «Отечественных записках» и «Современнике»⁴⁷.

В подавляющей своей массе ссылки Булгарина и Федорова падали на такие статьи Белинского: «Древние российские стихотворения», «Герой нашего времени», «Тарантас», «Пушкинские» статьи, обзоры литературы за 1841, 1845 годы и др.; на статьи Герцена: «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»; Каткова: «Песни русского народа»; Старчевского, Галахова, Майкова; на статьи «Реформация», «Людовик XV и его век», «Оливер Кромвель», «Беранже»; на рецензии о книге Дюмениля «Общественные испытания Франции со времени Людовика XIV до нашего времени», Филарета Шаля «Английская революция» и проч.

Наше внимание привлекают указания Федорова на отзывы «Отечественных записок» о книге Леонара Галлуа «История

журналов и журналистов со времени французской революции» (1846, № 1) и на известную уже нам страстную апологию «Отечественных записок», с которой выступил Белинский в статье о «Репертуаре русского театра» (1840, № 4). Это подчеркивание возрастающего значения журналистики не только во Франции, но и в России вызывало у защитников престола тревогу.

Но были еще и не прямые доношечки. Герцен записал в «Дневнике» 1842 года, что мыслящим людям «приходится бороться не с одними людьми силы и власти, а еще с долей литераторов». «Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляют, потому что от Булгарина нечего ждать другого, но доносы «Москвитянина» повергают в тоску <...>. Правительство-то может быть не догадывается и по невежеству и промолчало бы, патриоты укажут, растолкуют, перетолкуют! Ужасное, безвыходное состояние!» (II, 240).

По настоянию Погодина и Шевырева министр Уваров в 1844 году добился у царя отказа Грановскому в его просьбе издавать журнал «Московское обозрение», который по своему направлению обещал быть близким к «Отечественным запискам». Никитенко записал в дневнике: «Он (т. е. Уваров. — В. К.) ужасно вооружен против «Отечественных записок», говорит, что у них дурное направление — социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, это навеяно *москвичами-патриотами*, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени»⁴⁸.

Обвинения «Отечественных записок» Уваровым (со слов москвичей-патриотов) буквально совпадают с булгаринскими обвинениями в доносе, поданном в 3 Отделение в марте 1846 года, под названием «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-летие».

Когда видишь, какие силлы и харибды все время угрожали «Отечественным запискам», то деятельность журнала и особенно Белинского и Герцена в это время выглядит беспримерным, героическим подвигом.

* * *

Успех «Отечественных записок» внес существенные изменения в журнальную ситуацию 1842—1846 годов. Резче обозначились друзья и враги. Оба лагеря значительно расширились и укрепились, отточив свое полемическое оружие.

Некоторые советские литературоведы представляют себе эту расстановку сил несколько упрощенно. Вряд ли, например, можно согласиться с выводом исследователя о том, что у «Отечественных записок» союзников «не было, а врагов было

более чем достаточно»⁴⁹. Второй период истории «Отечественных записок» характеризуется как раз выходом этого журнала из изоляции, в которую он сначала попал. У «Отечественных записок» стали появляться союзники; вокруг журнала создавались издания, так или иначе поддерживающие его программу. Из этой тенденции родился и обновленный Некрасовско-панаевский «Современник».

К лагерю «Отечественных записок» принадлежала их «легкая кавалерия» — «Литературная газета», издателем которой был Краевский (редактором в 1841—1843 гг. — Ф. Кони). Здесь иногда выступал Белинский. Эта газета явилась школой критического мастерства для молодого Некрасова. Редактировавшийся Краевским «Русский инвалид» был, по словам Белинского, «лучшей русской политической газетой», сколько позволяли «средства» и «условия» (намек на цензуру)⁵⁰. И здесь выступал Белинский.

С 1845 по 1847 год издавался журнал «Финский вестник», который, благодаря участию в нем В. Майкова и петрашевцев, поддерживал «натуральную школу» и одобрительно отзывался о статьях Белинского. Имя великого критика было упомянуто в объявлении о выходе в свет нового журнала в числе предполагавшихся сотрудников и, как в последнее время доказано, Белинский принял практическое участие в «Финском вестнике»⁵¹.

Отголоском «Отечественных записок» были «Московские ведомости» под редакцией Е. Корша, приятеля Белинского, Герцена, Огарева. «Московские ведомости» Корша заслуживают особого исследования*. В «Московских ведомостях» Герцен печатает отчет о «Публичных чтениях Грановского»; позднее здесь выступает Огарев с полемикой по крестьянскому вопросу; здесь появилась нашумевшая статья С. Маслова «Жар и жатва хлеба», направленная против зверств крепостничества и поддержанная Белинским в «Современнике»; здесь публикуются известные критические «Письма к Гоголю» Н. Ф. Павлова (в связи с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями»), перепечатанные тогда же в «Современнике».

Когда Герцен и Грановский в 1844 году ходатайствовали о разрешении издавать журнал «Московское обозрение», в редакторы они прочили Корша. Боткин в 1844 году, отказываясь от должности обозревателя иностранной литературы

* Заслуживает внимания также газета «Харьковские губернские ведомости», редактировавшаяся до 1842 г. приятелем Белинского А. Я. Кульчицким. В Харькове жил сотрудник «Отечественных записок» А. Кронеберг. К сожалению, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина комплекта этой газеты нет.

в «Отечественных записках», рекомендовал на свое место Корша. Возможно, Коршу и принадлежит несколько таких обзоров в «Отечественных записках», но определенно это утверждать мы не решаемся. «Московские ведомости» поддерживали и «натуральную школу», и авторитет Белинского, хотя, конечно, сильно ослабляли его программу.

В 1844—1846 годы выходят альманахи «натуральной школы», издававшиеся Некрасовым — «Физиология Петербурга» (две части), «Первое апреля», «Петербургский сборник», «Иллюстрированный альманах». Готовился журнал «Зубоскал». Это были прямые попытки «партии Белинского» создать свои более последовательные органы «натуральной школы». Эти попытки, как известно, увенчались изданием с 1847 года обновленного «Современника» под редакцией Некрасова и Панаева (офиц. ред. А. В. Никитенко).

Лагерь «Отечественных записок» в 1842—1846 годах все увеличивался. Под влиянием «Отечественных записок» развивались лучшие русские журналы и газеты. Шла перестройка и в консервативном, реакционном лагере. Старый политический капитал «триумvirатом» был прожит дочи́ста, о чем ярко свидетельствует цитировавшееся письмо Солоницына к Коршу.

Но это не означало, что у «Отечественных записок» больше не было врагов. Наоборот, реакция перестраивала свои ряды, чтобы сильнее нападать на журнал. Успех «Отечественных записок» заставил очнуться и готовиться к полемике даже Плетнева, издателя «Современника».

До открытого боя не дошло, но «Современник», который многие тогда считали (Солоницын) мифическим журналом, готовился выступить против «Отечественных записок». Между тем исследователи иногда слишком идиллически изображают взаимоотношения «Отечественных записок» и плетневского «Современника».

В 1844 году Плетнев неоднократно сообщал Я. Гроту, что намерен реорганизовать «Современник» и перейти к активному наступлению на «Отечественные записки» и «лжесвидетеля» Белинского («Пенинского»). «Я взбешен,— писал он.— Нет общей литературы <...>. Мне и тебе надобно серьезно приняться вместе за «Современник» <...>. Надобно чаще и резче вносить статьи, противоположные духу гнусного учения «Отечественных записок»⁵². Но более хладнокровный Грот, несмотря на свою стычку в печати с Белинским по поводу оценки романа Ф. Бремер «Семейство», спровоцированную Плетневым, оспаривал новую программу Плетнева и его установку на «христианские», «евангельские» начала, на узкий круг избранных, «мыслящих» читателей. «Журнал, имеющий много читателей,— писал Грот,— составляет силу в обществе», при

этом Грот сослался на пример «Отечественных записок». Грот прямо спросил Плетнева: «Но такие ли мы люди, каких нужно для издания журнала?». Разумеется, желчный, кабинетный зоил Плетнев не мог сравняться с гладиаторской натурой Белинского. Плетнев не выступил. Но стремление Плетнева, бывшего соредактора Краевского по пушкинскому «Современнику», восстать против «Отечественных записок» показывает его враждебное лицо.

У консерваторов была своя преимственность и иерархия. Борьба с «Отечественными записками» требовала такта, изворотливости и ума. Нужно было поспевать за журналом, который быстро переносил спор с одного вопроса на другой — с литературы на критику, с критики на философию, с философии на социализм, с социализма на крестьянский вопрос. Менялся не только размах борьбы, но и ее формы и методы. Поэтому все время появлялись новые противники «Отечественных записок» из лагеря реакции и «официальной народности». Сенковский умнее Булгарина, Полевой умнее Сенковского, Шевырев умнее Полевого, И. Киреевский умнее Шевырева... Как только старые приемы оказывались битыми и скомпрометированными в глазах общественности, реакция выдвигала новых людей, придумывала новые приемы.

Но все это лишь показывало, что консервативная печать все больше и больше теряла свой престиж.

«Сын отечества» с 1842 по июль 1844 года возглавлял К. Масальский, который в противовес Белинскому начал щеголять своими «Патриотическими взглядами на русскую словесность», цинично проповедуя свое кредо: «пристрастие, неосновательность, недобросовестность», борьбу против «гегелистов и тоголистов».

«Библиотека для чтения» старалась большими гонорарами привлечь на свою сторону сотрудников и тем самым расколоть лагерь «Отечественных записок»: у Сенковского печатаются, кроме всегда «своего» Вельтмана, еще Даль, Гребенка, А. Майков. В результате здесь появился ряд произведений, сыгравших известную роль в формировании «натуральной школы»: «Вакх Сидоров Чайкин», «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура» Даля, «Игрок», «Были ли были, сказки ни сказки» Гребенки. Здесь начинают впервые печататься А. Пальм, С. Дуров, Ал. Григорьев.

Однако направление «Библиотеки для чтения» было прежним: она глумилась над Лермонтовым, Жорж Занд, народной поэзией, философией вообще и Гегелем в особенности. Для «Библиотеки для чтения» и «Сына отечества» провал Шеллинга был лишним «доказательством», что философия вообще не нужна.

Заметно оживился «Москвитянин». В подписной афише на 1842 год он обещал «усилить» критику. В № 1, 3 этого года появилась напумевшая статья Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы (сторона черная и сторона светлая)». «Черной» стороной объявлялась вся литература, поддерживавшаяся «Отечественными записками». Затем последовал его же «Критический перечень произведений русской словесности за 1843 год». На помощь Шевыреву выдвинулся А. Е. Студитский, взявший на себя значительную долю выпадов против «Отечественных записок» и Белинского.

Эта частичная подмена не случайна: имена Погодина и Шевырева после выхода памфлетов «Педант» и «Путевые записки Вёдрина» были скомпрометированы.

С 1845 года ряды «Москвитянина» перестраиваются. На первый план попытались выйти славянофилы. Они уже с 1842 года были втянуты в полемику, но не становились открыто под знамя «Москвитянина». Теперь они попытались превратить «Москвитянин» в свой орган, стать действующей партией в журналистике. Редактором первых трех номеров за 1845 год был Ив. Киреевский.

Все оттенки различий, которые предполагались между Киреевским и Хомяковым, с одной стороны, и Погодиным и Шевыревым — с другой, оказывались в «Москвитянине» сглаженными и нейтрализованными. Еще недавно Киреевский подчеркивал в письмах к друзьям, что он славянофил в духе Хомякова лишь наполовину, а второй половиной — вместе с «самыми эксцентрическими мнениями Грановского»⁵³. Сплотился единый блок против «Отечественных записок».

В письме к Жуковскому 28 января 1845 года Киреевский разъяснил причины, заставившие его взяться за журнал: «Многие из моих московских друзей объявили мне, что моя редакция «Москвитянина» будет для них причиною деятельности. Но над всем этим носилась та мысль или, может быть, та мечта, что теперь именно пришло то время, когда выражение моих задушевных убеждений будет и не бесполезно и возможно <...>, что именно теперь пришел час, когда наше православное начало духовной и умственной жизни может найти сочувствие в нашей так называемой образованной публике, жившей до сих пор на веру в западные системы»⁵⁴.

Ясно, что взяться за «Москвитянина» Киреевского заставил успех «Отечественных записок», т. е. успех тех «западных систем», которым он решил теперь своевременно противопоставить свои «православные» начала. Но статья Белинского «Тарантас» вскоре нанесла сокрушительный удар и по «Ивану

Васильевичу» Киреевскому, приобщив его к списку высмеянных «педантов» и «вёдриных».

Итак, если в первый период «Отечественные записки» торглись в обжитой смирдинский мир и перехватили у «триумвирата» читательские массы, то во второй период развернулась борьба за эти же массы с более изощренными противниками — «москвитянами» и славянофилами. К 1846 году и этот лагерь противников был сильно деморализован. Киреевский в 1845 году выпустил под своей редакцией только первые три номера «Москвитянина». Главной причиной прекращения деятельности журнала были не денежные распри с Погодиным, а сокрушительные выступления Белинского.

В прошлом Шевырев, Погодин, Плетнев были друзьями Краевского; Аксаков, Киреевский — друзьями Белинского и Герцена. К концу второго периода произошла резкая поляризация сил. Образовалось два лагеря и в каждом объединились самые разнообразные элементы. Чем яснее обозначалось революционно-демократическое направление «Отечественных записок», тем резче расходились эти враждебные лагеря и тем многочисленнее становился их состав за счет поглощения промежуточных нейтральных группировок. Увеличивалось число и друзей и врагов «Отечественных записок». Равнодушных к борьбе уже не оставалось.

Наращение полемических сражений в 1842—1846 годы видно из того, что теперь уже не было года, чтобы у «Отечественных записок» не произошло с враждебной им журналистикой по какому-нибудь вопросу серьезного полемического столкновения, а иногда и двух-трех в год. В 1842 году возникла полемика вокруг «Мертвых душ», и по поводу статьи Хомякова «О сельских условиях», в этот же момент появился «Педант» Белинского. В 1843 году — по поводу «Хрестоматии» Галахова и одновременно появились «Путевые записки Вёдрины» Герцена. В 1844 году — по поводу стихотворений Хомякова и Языкова (особенно по поводу «К не-нашим»). В 1845 году — по поводу программных статей Киреевского в «Москвитянине» и одновременно пародия Белинского «Тарантас». В результате полемики оказались побежденными все основные силы «Москвитянина», его теоретические и поэтические лидеры: сначала Шевырев и Погодин («Педант» и «Вёдрин»), затем Аксаков, потом Хомяков и Языков и, наконец, Киреевский.

Главным предметом полемики стали не проделки Булгарина и журнальных спекулянтов («Утро журналиста» Одоевского, «Тля» Панаева) и не вопросы о «нравственности» в поэзии (полемика 1841 года), а принципиальные проблемы мировоззрения и политики: оценка гоголевской сатиры, за-

дач нового направления в литературе, доктрин славянофилов, взаимоотношений Востока и Запада и, наконец, крестьянского вопроса. Различие точек зрения выявилось с предельной широтой и яркостью.

Зачинщиком полемики в этот период был Шевырев, который в № 1 «Москвитянина» за 1842 год выступил со статьей «Взгляд на современное направление русской литературы», напечатанной как бы вместо предисловия ко второму году издания «Москвитянина».

В статье Шевырева «москвитянинский» «взгляд» противопоставлялся взглядам Белинского. Серьезным противником «Отечественных записок» теперь становится только «Москвитянин».

Полемическая направленность статьи Шевырева подчеркивалась разделением ее на две части с вызывающими подзаголовками, прямо ставящими к барьеру «две стороны», т. е. две партии в русской литературе. Первая часть статьи называлась «сторона черная» и здесь разбирались те явления, которые были порождены «Отечественными записками»; вторая часть — «сторона светлая», к которой «Москвитянин» относил Карамзина («наставника в слоге»), Пушкина, тенденциозно истолковываемого, и вообще «неторговую» литературу, блюстительницу благочестия. Шевырев усматривал упадок русской литературы в том, что за «периодом лиц известного характера и направления мог последовать у нас период журнальных компаний»⁵⁵. Он пытался объяснить упадок литературы усилением критики и особенно господством мнений некоего «безымянного критика», т. е. Белинского. Шевырев рассчитывал на прямую дискредитацию Белинского, пытаясь отождествить его с «веселым» критиканом Сенковским. В грубой форме он заявлял о «безымянном критике», у которого «цельная, из одного куска литая броня наглости прикрывает в нем самое невинное невежество <...>». Этот критик держит «огромный щит и на щите вместо девиза, кривыми и *громадными* (любимое его слово) буквами написано: *убеждение* <...>. Размашистым мечом он рубит направо и налево, и нет такого имени, которое бы остановило его мах немилосердный»⁵⁶. Все в литературе резко разделялось Шевыревым на школы и партии.

Разделение литературы на «черную» и «светлую» проводилось последовательно и отразилось в приемах «москвитянской» критики.

Так, фольклор противопоставлялся современной литературе, ее мнимосветлая сторона — стороне черной, «светлый» «москвитянинский» взгляд — якобы неправому «черному» взгляду «Отечественных записок» (обзорам Белинского), рус-

ское православное благочестие — порочному католическому миру, Восток — Западу.

В рецензии на «Мертвые души» Шевырев выделяет в произведении Гоголя опять две стороны: черную (сатирическую) и светлую (патетическую); героев он расставляет по той же табели: Собакевич — «чудовищно-животная натура», а Селифан — представитель «свежей», непочатой русской природы. Шевырев все время озабочен тем, чтобы в творчестве Гоголя преобладали «светлые» лирические нотки. Поэтому он в «Мертвых душах» их всячески выделяет. Шевырев призывал Гоголя после изображения праздной жизни господ заняться «внутренней Россией», т. е. воспеванием немеркнущих красот могучей русской природы, ее исконных добродетелей, обратиться от «зла» к «добру», от первого тома ко второму тому «Мертвых душ».

Отзывы К. Аксакова по поводу «Мертвых душ» построены на этих же контрастах. Аксаков объявил Гоголя современным Гомером, пытаясь, во-первых, в корне исказить облик великого русского сатирика и, во-вторых, противопоставить Гомера и Гоголя, — этих «светлых», спокойных эпиков, — современной «грязной», необузданной и обличительной литературе.

В брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова или мертвые души» К. Аксаков пытался провести историческую преемственность указанных выше обеих сторон в поэме Гоголя при доминирующем значении якобы «светлой», гомеровской стороны. Для этого Аксаков прибегал к софистике и силлогизмам, выдвигая сомнительные, абстрактные тезисы о равенстве Гоголя с Гомером и Шекспиром по «акту творчества», искажая картину развития мирового эпоса от Гомера до Гоголя.

Надуманность этих критериев бросалась в глаза современникам. Друг Белинского П. Ф. Заикин в 1842 году писал Каткову из Берлина: «... меня удивляет брошюрка Аксакова, который, я думаю, самым смешным образом потягивается доказывать появление нового Гомера. Нигде так важно не употребляют слово *акт творчества* как в России, у нас теперь без него не могут обходиться <...>. Так наши старички несколько лет назад в Озеровых и Державиных видели Софоклов и Эврипидов. А теперь Гоголя сравнивают с Гомером. Странно и непонятно!»⁵⁷. Недоумение по поводу появившейся позднее статьи Гоголя об «Одиссее», переведенной Жуковским, высказал известный знаток античности, автор статей об Аристофане Б. И. Ордынский в неопубликованном письме Краевскому 9 августа 1846 года. Гоголь был склонен сам

противопоставлять эпос Гомера беспокойной современной литературе.

Белинский разоблачил как философскую, так и историко-литературную несостоятельность всех этих утверждений Аксакова.

В тезисе Аксакова о том, что перенесенный из Греции на Запад древний эпос постепенно мельчал, наконец, совсем низошел до романов и, до крайней степени своего унижения, — французской повести и что Гоголь «спас древний эпос», — а мир имеет теперь новую «Илиаду», т. е. «Мертвые души», — Белинский увидел одно из главнейших заблуждений славянофилов, суть которого заключалась во взгляде на исторический процесс, как на обратно пропорциональный прогрессу.

В полемике с Аксаковым Белинский назвал эту концепцию «ультраумозрительным московским воззрением». «Ультраумозрительность» Белинский находил и в схоластических рассуждениях Аксакова об «акте творчества». Критик иронизировал: «Мы, прозаические петербургцы», все-таки остаемся при своих исторических убеждениях о Гоголе.

Схоластическим московским воззрениям Белинский противопоставлял свои, исторические убеждения. Он остроумно высмеивал также славянофильское утверждение насчет «субстанциальной стихии» русской жизни, которую Аксаков увидел в любви русского народа к скорой почтовой езде. Критик издевался и над утверждениями славянофилов, будто «религиозность», «смирение» и «покорность» — отличительные черты русского народа.

Белинский великолепно понял политический смысл извращения творчества Гоголя в брошюре Аксакова, он видел; за что именно в поэме Гоголя пытаются уцепиться славянофилы. Критик показал, что в «Мертвых душах» николаевская действительность «разлагается и отрицается», что сам Гоголь обзорекает «громадно несущуюся жизнь» «сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы». В подтверждение того, что Гоголь — «поэт социальный», Белинский с исключительной резкостью награждает героев «Мертвых душ» такими эпитетами, что приходится удивляться, как цензура могла разрешить печатно «обругать» Коробочку «дурой», Собакевича — «буйволом», Манилова — «глупой и сентиментальной размазней», «идиотски» мечтавшей о том о сем. Но самое поразительное то, что Белинский сравнивает дилетанта Аксакова с Маниловым, показывая родственность между ними. В «Педанте» Шевырев возводился в литературный тип, по нарицательности и гротескности своей

напоминавший образы Гоголя. Таким образом, Белинский был псевдодрузей Гоголя самим Гоголем.

Полемика по поводу книги Галахова («Полная русская хрестоматия или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей», 1843 г.) открывала новую грань расхождений между «Отечественными записками» и «Москвитянином». В полемике был поставлен вопрос об общественном признании литературных мнений «Отечественных записок».

Галахов, при всем его эклектизме*, включил в хрестоматию таких «спорных», с точки зрения ревнителей литературного благочестия, писателей, как Лермонтов и Кольцов. Это было отражением и закреплением взглядов и характеристик Белинского.

Шевырев быстро почувствовал, что если такое учебное пособие узаконят, то с ним будет трудно бороться, ибо оно перехватит у консервативного лагеря читателей и поклонников с детского, гимназического возраста**. Он считал своим неперменным долгом указать на это властям и выступил в «Москвитянине» с огромной специальной критикой против «Хрестоматии» (1843, № 5, 6).

Шевырев заявил, что «одно слово из оды Державина или Ломоносова стоит дороже, чем целая пустозвонная поэма даром прославленного современника». Здесь имелся в виду, конечно, Лермонтов. «Я спрашиваю, — восклицал Шевырев, — какое новое начало и что творческого внесено было Лермонтовым в мир русской поэзии?» (№ 6, стр. 502). Шевырева возмущало то, что Галахов поместил якобы без должного критического отбора стихотворения Кольцова, совсем напрасно — Огарева, Красова, Панаева и не поместил Хомякова и Языкова. Общими выводами Шевырев метил в «Отечественные записки» и в «безымянного» критика Белинского, адептом которых Галахов объявлялся без оговорок. Главный недостаток «Хрестоматии» Шевырев усматривал в том, что она пронизана «духом пристрастия ко всякой современной посредственности, основанным на мнении журнальной критики». Шевырев заявлял: «Отечественные записки» хотят поспорить нас с нашим прошлым». Далее он ополчился на журналистику вообще. «Кому не известно вредное направление журнализма не только у нас, но во всей Западной Европе?» — писал он, переходя в тон доноса и совпадая здесь с Федоро-

* Галахов «для полноты» поместил в «Хрестоматию» отрывки из произведений Сенковского, Греча, Булгарина, а второе издание посвятил С. С. Уварову с целью обезопасить себя от наскоков недоброжелателей.

** «Хрестоматия» А. Д. Галахова переиздавалась 39 раз, вплоть до 1917 года.

вым. Шевырев был уверен, что «Москвитянин» существует преимущественно как необходимое противодействие такой вредной журналистике.

Выпад Шевырева не остался без ответа. Ему отвечали Галахов («Отеч. записки», 1843 г., № 7 и 9) и Белинский в заметке «Несколько слов «Москвитянину» (1843, № 8).

Белинский взял под защиту не столько Галахова, сколько само положение: Лермонтов и Кольцов — выдающиеся явления русской литературы, ее драгоценный капитал, за который «Отечественные записки» всегда будут бороться. И, наоборот, значение поэзии Хомякова и Языкова, по мнению Белинского, искусственно раздувается «Москвитянином» по тому же самому журнальному пристрастию, которое Шевырев осуждает в «Отечественных записках». Этот спор был продолжен Белинским в обзоре русской литературы за 1844 год.

Полемика вокруг «Хрестоматии» Галахова приковала внимание общества к вопросу о проникновении «учения» «Отечественных записок» и идей Белинского в полуофициальные и официальные программы и пособия, которые со временем оказали сильное влияние на преподавание русской литературы в учебных заведениях.

Уже в 40-е годы мы встречаем ряд трудов, написанных под влиянием Белинского с использованием его концепции⁵⁸. Таковы, например, две книги: «Очерки истории русской поэзии» А. П. Милюкова (1847) и «Столетие русской словесности» Николая Мизко (Одесса, 1849). Последняя книга ныне незаслуженно забыта исследователями Белинского. Конечно, у этих двух интерпретаторов Белинского концепция великого критика взята неполностью, ими отброшена ее боевая, воинствующая направленность, ее глубокое философское содержание. Милюков, например, начисто зачеркивает фольклор и литературу допетровской Руси, а новейшую литературу рассматривает под углом зрения безраздельного и решающего влияния на нее западной литературы. Он также совершенно абстрагируется от политической и общественной жизни России. Другой интерпретатор Белинского, участник полемики по поводу «Мертвых душ» Н. Мизко также делает много отступлений от учения критика, хвалит Бенедиктова, драмы Кукольника, Полевого.

Но тем не менее огромная зависимость концепции Милюкова от Белинского была явной и бросалась в глаза современникам. Шевырев даже отмечал: «Очерк» г. Милюкова есть плод «Отечественных записок» — родня «Современнику», который строился от того же улья, хотя и не пчелиного».

Н. Мизко подхватил мысль Белинского о том, что русская

литература началась в 1739 году, т. е. с оды Ломоносова «На взятие Хотина». Отсюда у Мизко и заглавие книги — «Столетие русской словесности», — охватывающей события в литературе до 1839 года. Весь период от Ломоносова до Пушкина включительно автор считает «юношеским», а с 1839 года — «зрелым».

Не вдаваясь в подробный анализ оценок Мизко и отметив, что в высокой оценке Кольцова, Лермонтова, Гоголя он повторяет Белинского, обратим внимание на важную для нас особенность его концепции: Мизко особо подчеркивает роль «Отечественных записок» в русском историко-литературном процессе и берет под защиту ту «журнальную партию», которая выдвинула Кольцова, Лермонтова и Гоголя и на которую обрушились, как на главное «зло», удары «Москвитянина» и reactionеров.

Датой 1839 года Мизко отмечает не просто «столетие» русской литературы, но и начало ее «зрелого возраста», которое связывается с началом издания обновленных «Отечественных записок». Мизко констатирует, что с 1839 года началось «усиление литературного движения и изменение литературных идей». Широко обозревая развитие русской критики, особенно с «Московского телеграфа», Мизко заключает: «В этой борьбе литературные идеи мало-по-малу устанавливались, достигли теперешнего направления, решительно обнаружившегося в нашей журналистике с 1839 года». Примечательно, что к этому положению Мизко сделал сноску, в которой указал: «В 1839 году в Петербурге началось обновленное издание «Отечественных записок» под редакцией А. А. Краевского». Значение книги Мизко, которая, хотя и не называла имени Белинского, однако поддерживала его идеи, особенно важно потому, что она издана в 1849 году (дата ценз. разр. 8 ноября 1849 г.), после разгрома кружка Петрашевского, когда нельзя было даже упоминать имени Белинского, когда «Отечественные записки» и «Современник» были взяты под особое подозрение, а старые номера журналов со статьями Белинского и Герцена изымались полицией из магазинов и библиотек.

Спор о поэзии Хомякова и Языкова в 1844 году был в сущности спором не только о поэзии, но и о направлениях «Москвитянина» и «Отечественных записок», о мнимой и подлинной народности, о мнимом и подлинном патриотизме. Вообще полемика второго периода была всегда проблемной, и каждая из проблем обрастала множеством вопросов концептуального, принципиального, политического характера. Любой вопрос возводился к общим «началам».

«Отечественные записки» высмеивали программные пре-

тензии поэзии Хомякова, пытавшегося пророчествовать о возрождении народов через «византийский дух», хотя «пифии,— иронизировали по этому поводу «Отечественные записки»,— редко говорят ясно и всегда почти говорят загадочно».

В обзоре литературы за 1844 год Белинский подверг разбору и уничтожающей критике поэзию этих двух славянофильских поэтов. Критик вскрыл глубочайшее лицемерие проповедуемой ими «народности». «Являясь в печати, — писал Белинский о Языкове, — он старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтоб ни в чем не отстать от народа, так и щеголяет в своих стихах и грубостию чувств и выражений. По его мнению, это значит быть *народным!* Хороша народность!»

И «Москвитянин» и «Отечественные записки» во всем отыскивают «наших» и «чужих», «светлую» и «черную» стороны, по-разному их понимая. В полемике осознавались партии и партийные программы. Разграничения проводились все резче и резче. Сначала почвой раздоров были то Лермонтов, то Гоголь, теперь же под ударами оказались сами журнальные деятели «Москвитянина» и «Отечественных записок». Белинский и Герцен пишут памфлеты на Шевырева, Погодина, Киреевского, а Шевырев и подвизавшийся в «Москвитянине» М. Дмитриев нападают на «безымянного критика» Белинского. Дмитриев напечатал стихи, обращенные к молодому поколению, будто бы совращенному «Отечественными записками», и готовил выпады против Герцена. Дмитриев писал:

Жалко племя молодое,
Где добра и славы тать
Все святое, все родное
Наукает попирать!..

Дмитриев посылал подстрекательные письма к Погодину, провоцируя его на новые стычки с «Отечественными записками».

14 января 1842 года Дмитриев писал: «У меня готовится для вас многое, если не огорчитесь за правду, то доставлю. А теперь еду подписываться на «Отечественные записки»: говорят, будто меня там побранили: это интересно прочитать. А вы вот моих эпиграмм на них — не печатаете, а я думаю, где автор подписывает имя, там он сам за себя отвечает. Мне бы хотелось прислать в «Москвитянин» две, три эпиграммы и старые, и новые. Уж ежели вы напечатали эпиграмму на Дмитрия Ростовского, то на Белинского можно». В письме 31 марта 1842 года он восклицал: «Ах, шельмы! Читал я их «Педанта!» Вот я им приготовил стишки для 5-й книжки, коли цензура пропустит» (заготовленная эпиграмма не появилась).

В 1843 году Дмитриев писал: «Читали ли вы в «Отечественных записках» что-то о путешествии *Вёдрины*? Понимаете? — После этого можно упоминать и о Пылинских»⁵⁹. Но и эта эпиграмма не появилась. Видимо, кроме цензурных препятствий, у Погодина было и то соображение, что с «Отечественными записками» в такую перепалку вступать невыгодно.

Осенью 1844 года в Москве появился цикл стихов Языкова, направленный против «школы богомерзкой», т. е. «Отечественных записок» и лично против Белинского, Герцена, Грановского, Чаадаева, «западников». Одно стихотворение называлось «К не-нашим». В сущности это был донос. Откровенно полицейская выходка славянофилов взорвала Герцена, подерживавшего до сих пор некоторые отношения с ними. Грановский, Редкин, Корш объявили о своем желании с 1845 года сотрудничать в «Отечественных записках». У Грановского дело чуть не дошло до дуэли с Киреевским. Герцен в фельетоне «Москвитянин» и вселенная, напечатанном в «Отечественных записках», дал отповедь Языкову, ядовито намекая на жандармские функции его стихотворения: «Успокоившаяся от сует муза г. Языкова. — писал Герцен, — решительно посвящает некогда забубенное перо свое поэзии исправительной и обличительной <...>. Мы имели случай читать еще поэтические произведения того же исправительного направления, ждем их в печати; — это — гром и молния; озлобленный поэт не остается в абстракциях; он указывает негодующим перстом *лица*; при полном издании можно приложить адреса!»⁶⁰.

Исключительная беспардонность выпадов Языкова объясняется целой цепью обстоятельств, относящихся к осени 1844 года.

Известно, что Погодину и Шевыреву удалось добиться через Уварова запрета на ходатайство Грановского и Герцена издавать журнал «Московское обозрение». Галахов 14 октября 1844 года предупреждал Краевского об интригах «холопов села Поречья», о том, что «журнала Грановского не будет и что министр щадит «Москвитянин». Краевский знал также от Никитенко о гневе Уварова на «Отечественные записки», о том, что он «ужасно вооружен» на них. Тревога за судьбу «Отечественных записок», явно подлая роль издателей «Москвитянина», прибегших к прямым наветам, сотрудничество с ними славянофильствующего поэта Языкова, накалили атмосферу. Резко обозначились «наши» и «не-наши».

Следует обратить внимание на любопытнейшую подробность: в критике и в библиографической хронике № 7—9 «Отечественных записок» за 1844 год мало статей и рецензий Белинского. Пробел имеется в его двух полных собраниях сочинений, отмечен он и в «Летописи жизни Белинского» (1924 г.).

Такой же пропуск и в письмах критика за целое полугодие. В подборке «Белинский в неизданной переписке современников» («Литературное наследство», т. 56) есть разрыв с июля по октябрь 1844 года.

Краевский, ожидая гонений на журнал, видимо, «спрятал» Белинского: критик, боясь перлюстраций, три месяца не писал друзьям. Он не писал таких статей и рецензий, которые по тону явно свидетельствовали бы о его участии в журнале. Мы не думаем, что Белинский ничего не делал для журнала в это время, ещё предстоит поискать анонимные рецензии Белинского в «Отечественных записках» с № 7 по № 9 за 1844 год. Но какая-то маскировка тут была.

После разоблачения связи «москвитян» и славянофилов с фискальством выступил их последний и самый умный резерв — И. В. Киреевский. Не случайно в течение всего 1845 года «Отечественные записки» развенчивают взгляды Киреевского, этого наиболее философски образованного идеолога славянофильства. Не мешает вспомнить, что Киреевский когда-то слушал в Берлине лекции самого Гегеля. Он до последнего времени был близок с Грановским, по некоторым вопросам доктрины полемизировал в письмах с Хомяковым. Киреевский был столпом славянофильства.

В 1845 году Киреевский выступил со статьей «Обозрение современного состояния словесности» (№ 1, 2).

После статей Шевырева, уже разоблаченных в их реакционной сущности, Киреевский выступил с более тонкими и сложными доказательствами самобытности путей России и характера отношения к современному Западу.

В исследовательской литературе нередко полностью отождествляют Киреевского с Шевыревым, не находят ничего нового во взглядах и доказательствах первого. В работах о Белинском и в седьмом томе «Истории русской литературы» изд. АН СССР этот вопрос обходится. Между тем, в лице Киреевского вступил в бой более умный и ловкий противник «Отечественных записок»; это поднимало всю полемику изучаемого периода на новую ступень.

Киреевский, вслед за Шевыревым, констатировал факт, что «в наше время изящную словесность заменила словесность журнальная», но здесь же добавлял, что журнализм охватил всю словесность, а не только периодические издания. «В самом деле,— писал Киреевский,— куда ни оглянемся, везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, чувство приложено к интересам партии, форма приноровлена к требованиям минуты». Далее Киреевский как бы вступает в спор с Шевыревым и считает дух партий в литературе результатом не корысти и выгоды, а пробуждения подлинно общественных стремле-

ний. Киреевский причисляет самих славянофилов к числу «пробудившихся».

Киреевского интересуют те пути, которыми должны идти Россия и все человечество. Любопытно, что Киреевский, который в начале 50-х годов склонится к «философии веры» Шеллинга, в 1845 году писал с иронией о Шеллинге, пытавшемся выступить в роли пророка: к Шеллингу охладели потому, что «его способ примирения веры с философией не убедил до сих пор ни верующих, ни философствующих». Между тем, «Москвитянин» уже в 1843 году стоял на позициях нешеллингианства.

Какие же пути и способы предлагает Киреевский? Убедил ли он кого своими аргументами?

Киреевский выступил против примитивного стремления отгородить Россию от Запада (Шевырев), против провинциального понятия о своей народности, попыток выдавать невежество за добродетель (официальная народность) и попыток «примирять» науку с религией на почве последней (Шеллинг).

Киреевский пытается занять промежуточное положение между западниками и официальной народностью: «Оба противоположные взгляда на отношения коренной образованности нашей к просвещению европейскому,— писал он,— оба эти крайние мнения являются равно неосновательными» (№ 2, стр 71).

Как бы открыто отмежевываясь от прежней позиции «Москвитянина», Киреевский заявил: «От того мы думаем, что все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей, и тому подобные рассуждения, принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать праздное мышление человека» (там же, 78).

Киреевский пытается подняться над этими крайностями и выдвигает тезис о третьем, самобытном пути, который подсказывает церковь. «Поэтому любовь к образованности европейской,— заключал Киреевский,— равно как любовь к нашей, обе совпадают в последней точке своего развития, в одну любовь, в одно стремление к живому, полному всечеловеческому и истинно христианскому просвещению. Напротив того, в недоразвитом состоянии своем являются они обе ложными: ибо одна не умеет принять чужого, не изменив своему, другая в тесных объятиях своих задушает то, что хочет сберечь» (там же).

Белинский также понимал всю искусственность шевыревской постановки вопроса: или Россия или Запад; во многих статьях, особенно в обзоре за 1846 год, Белинский дал свое

принципиально отличное от Киреевского решение вопроса о путях России. Он говорил, что в европейском мы должны любить только общечеловеческое «и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого».

Напрасно некоторые исследователи (Пышин, Венгеров, Иванов-Разумник) говорят, что в этом обзоре Белинский начал сближаться с славянофилами. Белинский берет за основу синтеза не «христианское просвещение», как у Киреевского, а принципы гуманизма. «Человеческое», по его понятиям, не только не совпадает с «христианским просвещением», но и прямо ему враждебно.

У Белинского стало общим с Киреевским только нежелание решать вопрос «или—или», они оба ставили вопрос о той общей программной платформе, на которой сходились бы результаты западной и русской цивилизации и на основе которой можно желать обоснования будущего России и всего человечества.

Но гуманизм Белинского, с одной стороны, был результатом развития той самой истории Запада, которая включает и Лютера, и Кромвеля, и французскую революцию; и, с другой — результатом развития России после Петра I. «Христианское» же «просвещение» Киреевского — чисто логический субстрат, в конечном счете совпадающий с вероучением отцов церкви.

В полемической заметке о статье Киреевского «Отечественные записки» писали: «Мы надеялись узнать, наконец, в чем состоит та доктрина славянофильства, которая до сих пор все только обещала высказать». Но то, что высказал Киреевский о «живом, полном всечеловеческом и истинном христианском просвещении», было очень темно и риторично.

Зато в статье Киреевского было много старомодных выпадов против «западничества» «Отечественных записок», которые будто «только и делают, что гоняются за мнениями Запада».

Поэтому в полемике «Отечественных записок» с Киреевским в 1845 году выдвинулись два вопроса: философский мистицизм Киреевского и ответы на выпады, напоминающие во многом выпады Шевырева.

Ответы на выпады были самые различные, и «Отечественные записки» доказывали, что они как русский передовой журнал находятся в «том же самом отношении к Западу, в каком находится к нему все русское общество», что здесь их «личной» ответственности нет.

К интересной мистификации прибег Белинский в маленькой заметке «Размышление по поводу некоторых явлений в иностранной журналистике» (1845, № 6, отд. VIII), не разгадан-

ной комментаторами до сих пор в ее полемической направленности против Киреевского *. В заметке речь шла вовсе не об иностранных журналах, а о первых трех номерах «Москвитянина» за 1845 год, выпущенных Киреевским. Белинский как бы возвращал «Москвитянину» его давние упреки «Отечественным запискам» в пристрастии ко всему иностранному. Он доказал, что теории Киреевского сами являются плодом «лукавого» Запада, как и попытка основать «Москвитянин» на своем резко высказанном мнении; так как «известно, там (на Западе. — В. К.) журнал может существовать и держаться только мнением». Даже само желание «Ивана Васильевича» из «Тарантаса» (памфлет помещен тут же в № 6) «во что бы то ни стало быть основателем доктрины» — желание чисто западническое, гордое, личностное и крамольное в условиях России.

Самым блестящим ответом «Отечественных записок» на выступление Киреевского был памфлет Белинского «Тарантас» (1845, № 6).

Здесь и мистификация Киреевского в образе Ивана Васильевича, героя повести Соллогуба с его перерождением из «европейца» в завязатого славянофила-«патриота», и приноравливание новых славянофильских доктрин героя к старым аристократическим замашкам Соллогуба, мечтавшего о возврате к временам сытого, безмятежного, любовно живущего с народом боярства (сон Ивана Васильевича); здесь и разоблачение «донкихотства» Киреевского как типа, романтика жизни.

Белинский видит в Иване Васильевиче одного из отрицательных «героев нашего времени», с которыми приходится теперь постоянно бороться «Отечественным запискам»: «Для этих героев характерны отсутствие такта действительности, перевес фантазии над рассудком, деятельность из пустяков, опьянение от выдуманной идеи. «Иваны Васильевичи» теперь

* Комментатор IX тома Полного собрания сочинений Белинского, изд. АН СССР, М.—Л., 1955, отнес без достаточных оснований эти мистификации в адрес Кукольника, страдавшего манией величия. Но намеки в заметке на то, что «гений реформатор» журнала был таковым наречен в «приятельском кружке», явно имеют в виду реформаторство Киреевского и его приятельский кружок московских славянофилов. Давно высмеянное и приевшееся «гениальничанье» Кукольника не имело ни остроты, ни смысла в ситуации 1845 г. Кроме того, в заметке есть еще более прозрачные намеки на Киреевского. Здесь говорится, что издаваемый «гением реформатором» журнал падает, что его нельзя выкупить «с третьей книжки», что журнал с «четвертой книжки» начинает толковать совсем о другом и переходит в другие руки: все это точно соответствует истории с «реформаторством» Киреевского в «Москвитянине». Киреевский в 1845 г. успел выпустить только три книжки, а с четвертой вынужден был передать «Москвитянин» снова в руки Погодина.

пустились изучать Запад и Россию, чтоб разгадать будущность отечества и узнать, чем они могут быть ему полезны».

Белинский прежде всего хочет сказать, что «Иваны Васильевичи», по типу своему, люди, непригодные для общественно-полезной деятельности: они — Дон-Кихоты. Здесь все схвачено удивительно метко по отношению к славянофильству вообще, и Киреевскому в частности.

Но обычно не замечают некоторого расхождения между характеристикой взглядов «Ивана Васильевича», которую им дает Белинский, и тем, что Киреевский сам писал в «Москвитяине». У Белинского «Иван Васильевич» сильно похож на Шевырева. Отчасти это вызвано сходством идей Киреевского и Шевырева. Это можно объяснить и повторением в статье Киреевского, как и у Шевырева, многих нападок на «Отечественные записки». Главным же образом это объясняется тем, что Белинский еще не успел войти во вкус специфически славянофильской доктрины со всеми ее оттенками.

От Киреевского так много ждали свежего, нового, не шевыревского, а он во многом повторил Шевырева. Бросилось в глаза прежде всего сходство, а не различие.

Цитируя Киреевского, мы отмечали его отличие от Шевырева: его более тонкое и диалектическое понимание отношений Запада и Востока. Но вот как характеризует Белинский доктрину «Ивана Васильевича»: 1) «Иван Васильевич решительно объявил безграмотному Василию Ивановичу (его попутчику.— В. К.), что литература теперь везде — торговля и спекуляция, и что в Европе чистые чувства задушены пороками и расчетом»; но эта шевыревская мысль у Киреевского изложена соговорками. 2) «Всего больше досталось от него и русской литературе. Он разделил ее на две литературы: на благородную и подлую»; но именно у Шевырева проводилось разделение литературы на «черную» и «светлую». 3) «Иваны Васильевичи издавна (!) уже твердят и повторяют время от времени будто нашим даровитым писателям то негде печататься, то вовсе нельзя писать по причине торгового и недобросовестного направления литературы»; но и эта мысль — шевыревская, действительно уже издавна им повторяемая; Киреевский же с ней никогда не выступал и с 1832 по 1845 год в печати не появлялся. 4) «Мы понимаем, впрочем, что разумеют Иваны Васильевичи под критикою благородною и благопристойною: критику без убеждений, без принципов, без энергии, без жара, без души, без оригинальности, без таланта, холодную, мелочную» и проч., т. е. все это взято из высказываний Шевырева о критике в первом номере «Москвитянина» за 1842 год. Киреевский таких идей не развивал. О славяно-

фильской критике вообще не скажешь, что она без убеждений. Сам же Белинский хвалил ее за определенность взгляда (например, рецензию Ю. Самарина на «Тарантас» Соллогуба в «Московском сборнике» за 1846 год). Мысль о том, что Запад гниет — чисто шевыревская, и Белинский произвольно приписывал ее Киреевскому. Тот сказал бы: Запад свои пути прошел, но прошел не зря и его материальный расцвет надо перенести в Россию... Также не было желанием Киреевского вернуться к временам давно прошедшим, противопоставить допетровскую Русь России современной. Эта мысль тоже шевыревская. Киреевский же еще в 1839 году оспаривал аналогичные мысли Хомякова. Киреевский был не за возврат к тому, что уже прошло, а за возрождение России на «непорочных» принципах христианской морали. Он смотрел не назад, как Шевырев, а вперед, хотя это «вперед» понималось им крайне отвлеченно. Другое дело, что в конечном счете это был тот самый «философский мистицизм», который Белинский имел все основания покарать беспощадно в образе «Ивана Васильевича».

Конечно, претензии Киреевского были не менее смешны, наивны и романтичны, чем претензии Хомякова повернуть Россию вспять, или шевыревские убеждения, что Запад гниет, а николаевская Россия процветает. Но все же мы должны считаться с теми оттенками, которые отличали Киреевского от Шевырева.

Итак, образ «Ивана Васильевича» у Белинского собран из черт Киреевского и Шевырева.

«Философский мистицизм», в котором были обвинены славянофилы — понятие широкое. Известно, что и «западники» (Чаадаев) склонялись к «мистицизму». Белинский узнавал его повсюду: и в эстетических промахах К. Аксакова, и в программе Киреевского, и в статье «О сельских условиях» Хомякова, и в исторических трудах славянофилов.

«Отечественные записки» в середине 40-х годов нанесли серьезный удар славянофильству, показав историческую неизбежность разложения родовых общин в России. Сами славянофилы еще не успели как следует опереться на этот впоследствии краеугольный камень своей доктрины. Далеко было еще до «русского социализма» народников, а «Отечественные записки» на основе добросовестного изучения фактов, еще не испытав духовной драмы и отчаяния 1848 года, высказали свое отрицательное мнение об общине. Это показывает, с каким упреждением событий, какими сложными путями шли теоретические искания в 40-е годы.

«Отечественные записки» разоблачают «исторический романтизм» славянофилов, усматривая в их исторических трудах

нарочитое жонглирование фактами, попытки ценой фальсификации истории «придать благовидный предлог своему существованию».

К. Д. Кавелин одобрительно отозвался в «Отечественных записках» о диссертации С. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям», в которой Соловьев говорит, что «все древнейшие города России, подобно Новгороду, имели вечевое управление. В них господствовало народовластие, развивавшееся из первоначального, родового быта русских славян». Труд Соловьева хорош тем, говорит Кавелин, что автор его «безусловно верит в историческое развитие». Концепция Соловьева не подкрепляла доктрины славянофилов, а подтачивала ее, так как показывала разложение именно родовых и общинных отношений. Но в этом пункте «Отечественные записки» критикуют самого автора диссертации за колебания и непоследовательность, за то, что он «не всегда доходит до последней основной причины исторических явлений». Кавелин ставит вопрос: «Отчего старые города и их быт исчезают и на место их появляются в России новые города и новый быт, противоположный старому?». Но главной причины, т. е. разложения общинного быта, Соловьев не подчеркнул.

На факт разложения общины и указывали сами «Отечественные записки»: «Именно этой-то органической причины разрушения, скрывающейся в быте древнейших общин,— писал Кавелин,— автор диссертации не показал, а намекает он на нее часто». Между тем, заключает Кавелин, «всякая родовая община сама в себе носит зародыш своего разрушения» (1845, № 12).

Полемика 1842—1846 годов развернулась во весь фронт идейных противоречий между «Отечественными записками» и представителями официальной народности и славянофильства. Она богаче по содержанию и приемам, чем в предыдущий период.

Впоследствии в ней все более и более на первый план будут выдвигаться вопросы общины, быта крестьян, будущих судеб России, которые здесь только наметились.

Но главным полемистом будут уже не «Отечественные записки», а Некрасовский «Современник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» ПОСЛЕ УХОДА БЕЛИНСКОГО (1846—1849)

1

После ухода Белинского из «Отечественных записок» идейный уровень журнала заметно снизился. Но это произошло не сразу и не во всех отделах одинаково. Разумеется, наиболее пострадали критика и библиография. Статья Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» (1848, № 7), явившаяся откликом на французскую революцию, свидетельствовала о повороте редактора на путь сервилизма. Но и после этого в отделе словесности продолжали появляться первоклассные русские и иностранные произведения (Салтыкова, Достоевского, Диккенса).

Поэтому об истории «Отечественных записок» этого периода нельзя судить односторонне и только отрицательно, как это нередко делается.

Обычно историю «Отечественных записок» последнего периода рассматривают в негативном плане, ссылаясь на неудачную полемику Краевского с редакторами обновленного «Современника». Соответственно этому тенденциозно подбираются и высказывания Белинского в его письмах. Но при этом опускаются другие его многочисленные высказывания, в которых критик, несмотря на свой разрыв с Краевским и личные обиды, дает высокую оценку «Отечественным запискам», как второму после «Современника» русскому журналу, органу «натуральной школы». Белинский даже говорит, что «Отечественные записки» являются журналом «одинакового» с «Современником» направления, что они — серьезный конкурент «Современника». Конечно, в направлении этих журналов были существеннейшие различия, но в общей журнальной

ситуации 40-х годов «Отечественные записки» и «Современник» были органами одного прогрессивного лагеря. Собственно, это Белинский и имел в виду, говоря об «одинаковости» направления. В нашей исследовательской литературе вообще сильно преувеличены противоречия между демократизмом и либерализмом в 1840-е годы; не принимается во внимание то обстоятельство, что демократ Белинский воевал с Краевским из-за тех же либералов Грановского, Кавелина, Боткина, стараясь перетянуть их в свой журнал. Нам в конце концов важно, что представляли собой «Отечественные записки» третьего периода по содержанию и по характеру напечатанных в них материалов?

В соответствии с идейной эволюцией журнала мы разделим весь изучаемый период на три этапа.

Первый — с апреля 1846 по июль 1847 года. В эти пятнадцать месяцев ведущим критиком журнала был В. Н. Майков, который сменил Белинского в отделах критики и библиографии. Майков начал свою карьеру блестяще, но 15 июля 1847 года он погиб. Приблизительно в это же время прекратил деятельность в журнале В. А. Милютин, выдающийся русский политэконом, придавший своими статьями особый вес журналу. Майков и Милютин, как и Салтыков, были связаны с петрашевцами (на первом этапе формирования этого общества). Другие сотрудники, Достоевский и Штрэндман, являлись членами общества. Новой в эти годы для «Отечественных записок» стала намечавшаяся связь легальной пропаганды с той полулегальной работой, которая начинала складываться в обществе Петрашевского. Но ни эта связь с подпольем, ни само подполье, как известно, еще не успели созреть в достаточной мере. Деятельность петрашевцев не переросла в политический заговор и даже в делах самой следственной комиссии она именуется «заговором идей».

Второй — с лета 1847 до лета (июль) 1848 года, т. е. период после Майкова и Милютина до упомянутой выше верноподданнической статьи Краевского, посвященной революционным событиям в Европе. Этот этап характеризуется в «Отечественных записках» еще большим понижением уровня критики и философии. Главными критиками становятся А. Д. Галахов, С. С. Дудышкин (последний с 1860 года стал «вторым» редактором «Отечественных записок»).

И, наконец, третий этап начинается со статьи Краевского и продолжается до конца 1849 года. Это были первые полтора года заключительного «страшного семилетия» николаевской реакции, разгрома 3 Отделения, «меншиковского» комитета по цензурным делам и пересмотру направлений всей периодической печати в России. В силу этих объективных обстоятельств

«Отечественные записки» мельчают, критика в них совершенно свертывается, становится голой статистикой фактов, вопросы художественного творчества не обсуждаются, и первое место занимают рецензии на переводы с греческого и латинского языков, на сборники древних исторических, этнографических документов, народных поверий и проч. Эти же объективные обстоятельства в 1848—1849 годы привели к оскудению «Современника». Но в судьбе «Отечественных записок» имели значение и субъективные причины: статья Краевского, его покаяния, испуг перед революцией на Западе и «заговором» в России. Ослабляется в этот период в «Отечественных записках» и отдел художественной литературы.

Явному изменению позиций Краевского предшествовал факт, который заслуживает внимания. Как известно, с 1843 года Краевский был одним из редакторов «лучшей газеты» — «Русский инвалид». Но 9 мая 1848 года он отказался от этой газеты, о чем специально известил читателей «Отечественных записок». Чем же это вызвано? Помимо личного наития и общих цензурных гонений, была и еще одна причина.

Как свидетельствуют два неопубликованных письма бывшего сотрудника «Русского инвалида» Н. Бобылева к Краевскому (от 14 апреля и 8 мая 1848 г.), газета вызвала неудовольствие высшего начальства, и прежде всего военного министерства, органом которого она была¹. Начиная с февраля месяца, «Русский инвалид» давал сравнительно подробную информацию о ходе событий в революционной Франции. Но внутренняя обстановка в России мешала говорить полным голосом и легко было каждую минуту нарваться на выговор. Так и получилось в связи со статьей-информацией, которую Бобылев перевел для газеты из иностранных источников. Просмотр «Русского инвалида» с 14 апреля по 8 мая 1848 года убеждает, что речь могла идти об информации в № от 16 апреля и 4 мая, в которых говорилось о событиях на Западе, о провозглашении во Франции республики, о том, что в Париже «энтузиазму не было конца». Это вызвало преследование и толкнуло Краевского на опубликование верноподданнической статьи.

* * *

В изучаемый период в «Отечественных записках» произошла коренная перестановка сотрудников. Это соответственно отражало некоторые внутренние противоречия в самом реалистическом направлении литературы.

Здесь можно выделить три круга вопросов: а) полемика

Краевского с ушедшей из журнала группой Белинского; б) взаимоотношения Краевского с московскими либералами и борьба из-за них между «Отечественными записками» и «Современником»; и в) взаимоотношения Краевского с новыми сотрудниками из группы В. Н. Майкова и петрашевцев.

Из трех вопросов наиболее изученными являются первые два.

Не останавливаясь на всех фактах, хорошо известных по письмам Белинского, Некрасова, Герцена, по работам В. Е. Евгеньева-Максимова и А. Г. Дементьева, отметим лишь штрихи, которые вносят нечто новое в поставленные вопросы.

Часто говорят о прижимистости «эксплуататора» Краевского. С этим качеством издателя приходилось сталкиваться не только Белинскому, а также и Губеру, Неверову, Каткову, Майкову, Порецкому, Кронебергу, Буткову. Об этой стороне Краевского лучше всего бы рассказали гонорарные ведомости, но они, к сожалению, до нас не дошли.

Не желая связываться с «крикуном мальчишкой» Белинским, Краевский хотел весной 1839 года пригласить на постоянную библиографию Э. Губера. Но после того как Краевский обманул Губера на шрифтах, тот наотрез отказался от своих обязанностей. Также весьма красноречивы письма Я. Неверова к Грановскому. Неверов препроводил в «Отечественные записки» статью Л. Буля, но «берлинскому литератору» долгое время не было заплачено, о чем тот сам трижды запрашивал. Краевский самолично, без предупреждения, вычеркивал подписи Неверова под его статьями, и, когда попытался пригласить Неверова на постоянную работу в отдел критики, тот отказался. Это было летом 1839 года, в самый острый момент для «Отечественных записок»². Краевскому угрожал поистине крах без Белинского. Тут и последовало приглашение великого критика.

Со стороны Краевского это была первая попытка спекулировать на либерализме и желание обезопасить себя таким образом от грозного критика, уже не раз с иронией поговаривавшего в «Московском наблюдателе» о газете Краевского, называя ее «Инвалидными прибавлениями к русской литературе». Даже перед самым приглашением Белинского в «Отечественных записках», в бездарной статье Ястребова «Что такое роман» (1839, № 9), готовился какой-то выпад против «Московского наблюдателя». Но Краевский срочно снял его³. Годовое содержание Белинскому первоначально было положено в 1200 рублей ассигнациями. Это, конечно, нищенская плата, но об эксплуатации в первый период, вопреки общепринятому мнению, не могло быть и речи. Положение журнала было критическим. Краевский оказался в дол-

гах, ходили слухи о прекращении журнала. Начавшаяся с приходом Белинского решительная перемена направления журнала спасла Краевского от банкротства.

Краевский писал Одоевскому 3 мая <1839 г.>: «Мне теперь приходит мат; надо чем-нибудь жить, а «Отечественные» записки» не могут мне дать ни гроша». 18 июля 1839 года он писал: «Я в самом скверном положении. Денег требуют со всех сторон, ропшут, ругают меня, ссорятся, перестают работать... Я от рода не был в таких неприятностях... Но все еще держусь и креплюсь духом <...>. А этих занятий бездна бездонная — и я почти один! Но — други, потягнем, как говаривал Святослав своим воинам...». 19 июля 1841 года он опять сообщал Одоевскому: «Вот что пишет ко мне Белинский, в ответ на вашу записку (она не сохранилась. — В. К.). Извольте читать и решать. (Белинский, доведенный нищетой до крайности, предъявил ультиматум. — В. К.). Хлопочу о деньгах ежеминутно. Трое обещали наверное, и — двое обманули: авось бог даст у третьего занять! Меня измучили деньги Враского и Свиныной»⁴. Белинский стоически переносит эти неурядицы. Краевский даже «жалёет» его в письмах к знакомым.

«Белинский работает по-прежнему, — сообщал он в Берлин 11 марта 1841 года Каткову, которому также был должен за статьи порядочную сумму, — плохо ему, бедному, приходится от моего безденежья: глаза у меня на него не смотрят»⁵. Белинский видел, как «худы до нельзя» были денежные дела «Отечественных записок». Но Краевский проявил железное упорство и сам много работал. Свалить конкурентов, особенно «Библиотеку для чтения», было не так-то легко.

Но с января 1842 года число подписчиков резко увеличивается. В 1844 году уже понадобилось переиздание многих старых номеров тиража. В 1845—1846 годы тираж журнала был 4500—5000. Материальное положение Краевского сильно улучшилось. Но увы! Оно не улучшилось для Белинского. С 1842 года можно определенно говорить об эксплуатации Белинского Краевским*.

* О богатстве Краевского ходили самые различные слухи. Подписная цена на «Отеч. зап.» за год была 50 р. Когда число подписчиков достигло 3 тыс. (1843 г.), Краевский получал 150 тыс. р. Издержки на годовое издание по его подсчетам составляли 90 тыс. Следовательно, себе он брал около 60 тыс. р. Сюда не входили дополнительные доходы от переизданий отдельных номеров. Не забудем, что со смертью Свинына Краевский прекратил выплату его вдове арендной платы в сумме 5 тыс. р. отделившись подачками. Сотрудникам он часто выплачивал экземплярами журнала. (О денежных делах «Отеч. зап.» в начале их издания Краевский сообщал в письме Г. Ф. Квитко-Основьяненко 17 марта 1840 г., опубли. в «Русской старине», 1900, т. 102).

К 1842 году Краевский отделался от своих компаньонов и стал полновластным хозяином журнала. Теперь уже никто не мог учесть его доходов. Кроме того, в это же время он получал доходы с «Литературной газеты», «Русского инвалида», т. е. в общей сложности не менее 80 тыс. рублей в год.

А. В. Станкевич в письме к брату 21 февраля 1845 года сообщает, что Краевский «теперь получает чистого барыша в год сто тысяч, а Белинский только шесть»⁶. Со временем содержание Белинскому было увеличено сначала до 3 тыс.; когда в 1843 году он женился, еще прибавлено 500 рублей, а потом доведено до 5—6 тысяч в год. Но это содержание выросло не в соответствии с ростом доходов Краевского и было совершенно недостаточным для семейного, тяжело больного критика. Вспомним, что у Некрасова в «Современнике» Белинский получил за 1847 год 12 тысяч, а в 1848 году, за полгода Белинский вперед получил 8 тысяч рублей. Нужно учесть также совсем иную моральную обстановку, которой был окружен Белинский в некрасовском «Современнике».

Краевский загружал Белинского рецензированием мелких, ничтожных книжонок толкучего рынка, сонников и рецептов об уничтожении клопов, книг медицинских, статистических, иностранных словарей. Все это не только изнуряло и притупляло ум Белинского, но, как он вскоре сам говорил, низводило его на роль журнального чернорабочего. Несмотря на все это, Белинский выработал емкие журнально-критические жанры, писал по собственной инициативе годовые обзоры литературы, циклы статей о народной поэзии, о произведениях Пушкина, памфлеты, пародии. В течение ряда лет он лелеял мысль написать циклы статей о Лермонтове и Гоголе, закончить свой курс русской литературы. Но «поденщина» не дала ему возможности осуществить эти замыслы. Белинский сравнивал «Отечественные записки» со скалой, к которой он прикован, себя — с Прометеем, а Краевского — с коршуном, терзающим его грудь.

Пользуясь тем, что статьи Белинского шли без подписи, Краевский спекулировал на их популярности, приписывая их себе. Читатели присылали в «Отечественные записки» искренние письма, полные восхищения статьями Белинского и других выдающихся сотрудников. Но, поскольку на обложке журнала и в конце оглавления стояла крупным шрифтом только фамилия редактора Краевского, читатели по наивности приписывали все наиболее удачные статьи ему. Краевский не старался разуверять их, а наоборот, в ответных письмах поддерживал в них эту уверенность. Так, например, Кюхельбекер, внимательно читая «Отечественные записки» в Сибири, всю славу статей Белинского приписывал в своем дневнике

Краевскому⁷. Недавно опубликованное письмо П. И. Мельникова (Печерского) к Краевскому 2 ноября 1841 года прямо свидетельствует о том, что Краевский уверял его в недошедшем до нас письме, будто в критике и библиографической хронике «Отечественных записок» «выражается его (Краевского. — В. К.) личность». Упреки Мельникова в том, что критика «Отечественных записок» «слишком широко шагает», относятся в таком случае к Белинскому, а не к Краевскому⁸.

Бывший университетский приятель Краевского В. Запольский, навязываясь к нему снова в друзья, писал ему из Нижнего в 1842 году: «Любопытство мое еще более подстрекаемо было прекрасными, дельными статьями в отделе критики и лит <ературной> летописи вашего журнала, и, признаюсь, к этому примешивалось какое-то самолюбивое чувство дознаться, не принадлежат ли эти статьи бывшему моему товарищу...»⁹. Запольский сообщает, что «здесь живущий» Мельников убедил его на этот счет. Из Кременчуга читатель Л. Екельн писал Краевскому в 1843 году: «Я хотел доказать вам каким-нибудь случаем, как много привязали вы к себе совершенно незнакомого вам человека. Привязали не платой и одолжениями, а вашими чудесными взглядами на искусство, благородными убеждениями». А дальше выражалась просьба: «Если вы увидите Тургенева (Т. Л., скажите ему, что он прекрасен (сам я не знаю его); если увидите Гоголя, скажите ему, что есть человек, который читает его стоя, я. Да попросите их, чтоб не смеялись»¹⁰. Все здесь относится к Белинскому, его «чудесным взглядам» на искусство, его полемике из-за «Мертвых душ», его отзыву о «Параше».

Главная причина разрыва Белинского с Краевским была в том, что его личность и взгляды действительно отражались в «Отечественных записках». С этими взглядами по всем вопросам вели постоянную борьбу Белинский, Герцен и их приверженцы. Только что был изгнан из журнала Шевырев, а Краевский по его рекомендации помещает бездарные вирши какого-нибудь барона Мальтица или урапатриотические прокламации Ростопчина «Ох! французы» и проч. Печатается «Дума» Лермонтова, но здесь же и многочисленные на нее «опровержения» в стихах. Печатается статья Белинского о Баратынском и вслед за ней статья Галахова о том же поэте, смягчающая и пересматривающая оценки Белинского. Наряду с обличительными повестями тут же помещается «глупоподлая драма его сиятельства графа Соллогуба» «Ямщик», в духе официальной народности, о чем Белинский считает нужным специально предупредить своих друзей. Краевский сознательно держался «энциклопедической» библиографии, сопротивляясь требованиям Белинского придать ей целеустремленный

характер. К 1846 году стало понятно, что пока редакторствует Краевский, «Отечественные записки» нельзя будет превратить в последовательный орган демократии, как ее теперь начинал понимать Белинский, что нужен и неизбежен разрыв.

Первая трещина наметилась в апреле 1841 года. «Освирепев» от нужды и от цензурного гнета, Белинский послал ультиматум Краевскому с отказом от критики. Он надеялся найти дополнительный литературный и педагогический заработок *. Этот первый конфликт Краевскому удалось уладить.

Вторая трещина — в 1843 году, когда Белинский уехал в Москву. Журнальная работа ему опостылела до болезненности, и он со страхом и ужасом начинал сознавать, что его ненадолго хватит. Денег на поездку в Москву прислали Герцен и Боткин. Но и в Москве Белинскому пришлось работать на Краевского. Некто В. А. Косиковский, богач, отправлявшийся за границу, предложил Белинскому на выгодных условиях сопровождать его. Белинский заколебался; узнав об этом, Краевский забеспокоился. Завязалась переписка. Краевский прислал «доброе» письмо. Белинский остался. В письме «директору» Краевскому 22 июля 1843 года Белинский говорит о тех глубоких «нравственных отношениях», которые связывают его с «Отечественными записками»: «Видно, нас сам черт связал верёвочкой» (II, 233).

В конце марта 1846 года последовал окончательный разрыв. Но этому предшествовали попытки группы Герцена организовать свой журнал и пригласить в него Белинского. Такова была попытка Грановского получить разрешение на издание с 1845 года «Московского обозрения». К этому замыслу причастны были Герцен, Огарев. Программа, которую подал Грановский в Московский цензурный комитет, отличалась как раз отказом от пресловутой «энциклопедичности» и отвечала всем требованиям Белинского.

В программе говорилось, что в журнале будет четыре отдела: 1) науки и искусства; 2) критика; 3) произведения изящной словесности и 4) смесь.

Таким именно журналом с 1847 года сделался некрасовский «Современник», с той лишь разницей, что в нем отдел словесности был на первом месте. «Этот журнал, — говорилось в программе Грановского, — будет представлять полный по возможности обзор (всех живых и следственно общеинтересных) вопросов, возникающих в области наук и искусств. Очевидно, что при таком направлении журнала одною из главных его стихий должна быть критика замечательнейших явле-

* См. в письме В. И. Красова запрос об экзамене Белинского «на учителя», стр. 43 настоящей книги.

ний отечественной и иностранной литературы...»¹¹. Когда был получен отрицательный ответ от Уварова (16 декабря 1844 г.), Герцен послал Краевскому письмо (24 декабря) с предложением отдать в «Отечественные записки» все накопленные им материалы на определенных условиях.

Вскоре в «Отечественных записках» появился анонс об участии новых сотрудников — Грановского, Редкина, Корша и уже известного публике по участию в «Отечественных записках» Искандера. Таким образом, важно подчеркнуть, что в компанию по разрыву с Краевским были вовлечены все друзья Белинского. Войдя в контакт с «Андрюшкой», москвичи, однако, искали средства создать свой журнал. В середине февраля 1845 года возник план организации нового журнала в Петербурге с Белинским во главе. Кетчер писал Герцену: «Вы хлопотали о журнале в Москве — хлопоты не удались; но они могут удасться в Петербурге. Можно купить который-нибудь из здешних журналов, а купить и иметь журнал необходимо. Надобно сшибить Краевского, необходима и война беспощадная с юродивыми честно-подлыми славянами. Редактором должен быть Виссарион; ему нужно прямое получение тех же шести тысяч в год, которые он получал у Краевского, все прочие могут работать в чаянии будущих благ... Сверх того, я пишу к Николаю (т. е. Огареву. — В. К.)»¹². Наконец этот план приобретения петербургского журнала в октябре 1846 года удается. Некрасов и Панаев арендуют у Плетнева «Современник». Но Белинский, Герцен, Огарев, Некрасов и Панаев порывают с Краевским еще весной 1846 года, не дождавшись осуществления своего проекта, что еще сильнее подчеркивает нежелание этих людей сотрудничать с Краевским. Известны резкие высказывания Белинского об эксплуататоре Краевском в письмах к Герцену и другим своим друзьям, которых он держал в курсе их общих дел. Важно подчеркнуть, что разрыв, готовившийся на всем протяжении второго периода «Отечественных записок», был актом целого коллектива.

Что же произошло после ухода группы Белинского?

Произошло крупное объяснение по «не-литературному делу» между «Отечественными записками» и «Современником».

Краевский сначала не оповещал, что из его журнала ушла во главе с Белинским самая деятельная группа сотрудников. Чтобы создать впечатление, будто Белинский по-прежнему является сотрудником «Отечественных записок», хотя слухи о его уходе уже проникли в провинцию, одиннадцатую статью пушкинского цикла Краевский напечатал не сразу вслед за десятой, появившейся в апрельском номере «Отечественных записок» за 1846 год, а только в октябрьском номере,

т. е. в разгар самой подписки на журнал. Маневр Краевского тем более показателен, что цензурное разрешение на эту статью Белинского он получил еще в конце марта 1846 года¹³.

Булгарин, всегда оживлявший свою деятельность ко времени подписки, выступил 5 октября 1846 года на страницах «Северной пчелы» с таким заявлением: «В восемь лет существования «Отечественных записок» мы не видали подписи самого издателя ни под одною статьею. А все статьи, как всем известно, писали для «Отечественных записок» гг. Белинский (главный сотрудник журнала до половины 1846 года), Некрасов, И. И. Панаев и другие молодые литераторы. Теперь все эти бывшие постоянные сотрудники «Отечественных записок» решительно оставили журнал, главным сотрудником «Отечественных записок» остается г. Фурман, сочинитель нескольких детских книжек и бывший сотрудник «Иллюстрации».

Краевский понял, что за все годы это самый серьезный удар Булгарина, имеющий под собой веские основания. И тогда Краевский разослал при экземплярах других периодических изданий особую статью под названием «Объяснение по не-литературному делу» (ценз, разр. 25 окт.). Об этой статье он оповестил читателей «Отечественных записок» в специальной вклейке в № 11, в которой пересказал содержание статьи. Краевский внес уточнения в фельетон Булгарина, а именно: Белинский ушел не в середине 1846, а с 1 апреля, «Некрасов и Панаев никогда не были постоянными сотрудниками «Отечественных записок», а иногда, или лучше сказать, весьма редко печатали статьи свои в этом журнале (преимущественно в отделе словесности), всегда подписывая под ними имена свои, а это большая разница!»; при этом говорилось, что П. Фурман — не главный сотрудник, а переводчик. Роль Некрасова и Панаева здесь явно принижена. На самом же деле, Панаев был пайщиком журнала, деятельным беллетристом, а Некрасов летом 1843 года замещал Белинского. Но особенно несправедлив был Краевский по отношению к Белинскому, заявив, что, несмотря на уход этого, по словам Булгарина, «главного сотрудника», «Отечественные записки» не стали хуже.

Не все гладко произошло и с другими сотрудниками. Краевский слишком решительно сказал, что, например, П. Фурман, как переводчик, никогда главным сотрудником не был и вроде никогда быть не может. Фурман обиделся на это и в неопубликованном письме Краевскому 6 ноября 1846 года заявил: «Вы уверяете, что не имели намерения оскорбить меня словами <...>. Прошу вас написать мне, что по случаю оскорбительного для меня истолкования слов, касающихся до меня в вашем объявлении, вы находитесь вынужденными объявить,

что не имели намерения оскорбить меня, вашего *постоянного*, хотя и не главного *сотрудника*, с начала 1846 года по сию пору»¹⁴. Мы видим, что в трудную для Краевского минуту его постоянные, хотя и не главные сотрудники не очень-то церемонились с ним. И Краевский такое письмо послал Фурману.

Белинский, Некрасов и Панаев не замедлили с ответом Краевскому и также при подписных афишках разослали свое опровержение «По поводу «не-литературного объяснения» (дата ценз. разр. 12 ноября 1846 г.)»¹⁵.

Сотрудникам «Современника» была важна не распря Краевского с Булгариным; их возмутила попытка первого принизить значение бывших главных сотрудников «Отечественных записок» и особенно Белинского.

В опровержении редакции «Современника» было впервые высказано публичное признание заслуг Белинского.

Краевский лгал, изворачивался и постоянно проговаривался. Булгарин перепечатал ответ Белинского, Некрасова и Панаева в «Северной пчеле» (1846, № 266). Тогда Краевский в своем последнем слове, напечатанном в «Отечественных записках» (1846, № 12), попытался бросить тень на своих противников, которые-де, мол, унизились до участия в органе Булгарина. Но Краевский хорошо знал, что Белинский и Некрасов никогда не протянут руки Булгарину, что тот без всякого с их стороны согласия перепечатал их брошюру, ходившую по Петербургу. Попытка же Краевского доказать, что одиннадцатая статья о Пушкине потому не была своевременно напечатана, что на очереди имелись «более интересные» статьи — была очевидной натяжкой. Этими «более интересными» статьями Краевский объявлял рецензии на сочинения Канкринна по финансовой части, о сборнике исторических и статистических сведений Валуева, об актах археологической комиссии.

Уже из этой стычки с редакцией обновленного «Современника» Краевский понял, что и впредь его бои с ней всегда будут неравными и поэтому на протяжении всех последующих лет он упорно уклонялся от полемики с этим журналом. Могло казаться, что и поводов к полемике не было, так как ведь оба журнала держались позиций «натуральной школы». Однако показательно то, что даже давая специальные журнальные обзоры, «Отечественные записки» всегда умалчивали о «Современнике», как будто его и не существовало. Даже в то время, когда у «Современника» кипела борьба со славянофилами, «Отечественные записки» держались нейтралитета.

* * *

В этот острый момент двойственную позицию заняли московские сотрудники: Галахов, Боткин, Кавелин. Они участ-

вовали и в «Современнике» и в «Отечественных записках», руководствуясь своими соображениями. Желание Боткина участвовать в «Отечественных записках» раздражало Белинского, и он много с ним спорил в письмах. В «Современнике» Боткин активно не участвовал, напечатав лишь свои известные «Письма об Испании». Кавелин был заведующим отделом науки в «Современнике», но и в «Отечественных записках» поместил ряд ценных исторических статей, подчеркивая тем самым, что не видит разницы в направлениях журналов. Обычно сторонившийся журналов Грановский напечатал в «Отечественных записках» заметку по поводу споров о валуевском сборнике (1847, № 4). Более серьезные намерения были у Галахова, который, несмотря на свое участие в «Современнике», пытался сделаться в это время главным критиком «Отечественных записок».

Краевский предлагал Галахову переехать в Петербург, но Галахов отказался; здесь сыграла некоторую роль расчетливость Краевского, на которую Галахов намекал в письме к нему 30 мая 1847 года. По этой же причине отказался и Кудрявцев, которого рекомендовал на свое место Галахов. Но как бы то ни было, тон писем Галахова принял несколько независимый оттенок. Галахов откровенно планировал свои будущие занятия в «Отечественных записках». Так, например, как бы взамен прежних функций Белинского, он в письмах 24 февраля, 26 июля и 21 декабря 1846 года говорил о своих намерениях «поработать <...> в критику» на 1846 и 1847 годы, прислать обозрение русской литературы за 1846 год (этот обзор пришлось написать впоследствии В. Майкову.— В. К.), сделать разбор книги Буслаева «О преподавании отечественного языка» (в № 6 за 1846 г.— В. К.); «если я напишу статьи две о Лермонтове, о Майкове, о Гоголе: ведь это будет не дурно, как вы думаете? Примите-ка это к соображению»¹⁶. Это были как раз неосуществленные замыслы Белинского. Чувствуя после ухода Белинского свое положение упрочившимся, Галахов, до этого безропотно писавший рецензии, высказывает Краевскому критические замечания о том, что «одному писать библиографические статьи как физически невозможно, по недостатку времени, так и внутренне дурно со стороны достоинства статей. Можно ли писать о разных предметах одинаково хорошо?». Это было повторением жалоб Белинского. И затем давался критический анализ состава московских сотрудников, с которыми приходилось ему работать: какой-то Смирнов, затем Г. Ф. Головачев¹⁷, Кавелин, Рулье, И. П. Галахов, Буслаев.

Однако Галахову не удалось заменить Белинского. Более удачным претендентом на эту роль оказался В. Н. Майков.

В третий период Краевский делал ставку на группу петербургских сотрудников во главе с Валерианом Майковым. Это были совершенно новые люди в журнале. Однако Белинский, несмотря на полемику с Майковым по поводу оценки поэзии Кольцова, народности и роли народа в истории, высоко ценил его критический талант и пытался привлечь его к участию в «Современнике». Белинский прямо писал Боткину 4—8 ноября 1847 года, что «от Краевского все переходит к нам. Покойник Майков перед смертью решительно перешел бы к нам» (II, 348).

Майков доказал уже однажды свою принципиальность, порвав с издателем «Финского вестника» Дершау. В биографическом очерке Майкова (при первом издании его сочинений в 1891 г.), написанном, по-видимому, его братом Л. Н. Майковым, есть намеки на то, что главной причиной его ухода была невозможность придать «Финскому вестнику» «аналитическое» направление. Официальная же программа «Финского вестника» не разрешала вводить большой политический, философский и литературно-критический материал.

До сих пор внимание исследователей не привлекало ультимативное письмо Майкова Краевскому, посланное весной 1847 года, т. е. ровно через год после разрыва Белинского с Краевским. Заметим, что приглашение участвовать в «Современнике» последовало Майкову в самом начале 1847 года; письмо же датировано «апрель 1847 года»: следовательно, Майков заколебался очень скоро. Краевский получил письмо и, видимо, принял какие-то меры к удержанию Майкова. Приведем это письмо целиком: «По некоторым обстоятельствам,— писал Майков,— поездка моя за границу отложена, но я не переменяю намерения посвятить несколько месяцев на поправление здоровья и первым шагом к тому полагаю устранение от себя тех литературных обязанностей, с которыми неразлучна бывает работа по срокам, подготовка статей к указанному дню, притом статей, содержание которых зависит не от меня, а от появления в свет той или другой книги,— наконец, работа с задней мыслью о цензуре, тяготеющей над «О<течественными> записками», о поправлении слога г. Крыловым и т. п. известных вам обстоятельствах. Нельзя не согласиться, что такая работа противоречит условиям, необходимым для восстановления здоровья. Вот почему и считаю долгом предупредить вас, что в будущем месяце я не в состоянии буду принимать постоянного участия в отделе критики и библиографии вашего журнала. С другой стороны, отказываясь от должности критика в «О<течественных> з<аписках>», я по-

ставляю себя отчасти в затруднительном положении в рассуждении моего обеспечения. Поэтому я готов принять всякое выгодное предложение работы не срочной, при которой останется мне довольно свободного времени для отдыха и для занятий независимо от журнальной деятельности. Из прилагаемого письма Н. А. Некрасова (не сохранилось. — В. К.) вы можете заключить, что я имею достаточное основание согласиться на его просьбу, в полной впрочем уверенности, что труд мой при удобном случае найдет место в вашем журнале...»¹⁸.

На первый взгляд, перед нами — коммерческая сделка: Некрасов пообещал больше, и Майков захотел уйти от Краевского, Краевский повысил плату, и Майков остался... На самом деле здесь начало более глубокого конфликта. Майков вносил в «Отечественные записки» дух полемики, вражды к славянофилам, одобрял злободневную беллетристику, порицал «Выбранные места» Гоголя и проч. Между тем, мы знаем, что Краевский намеревался изменить направление журнала. В своей статье «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» Краевский, порицая французских «говорунов», заявил: «Нам надобны их Уатты, Фультоны, Вернеты, Леверрье, а не господа Прудон, Кабе и Ледрю-Роллен с товарищами. Нам надобны успехи просвещения и образованности, нам драгоценны великие люди, а развратные учения мы гоним от себя, как язву, и крепкий нравственный карантин защищает нас от этого бедствия. Мы готовы осыпать золотом и окружить всеми выгодами какого-нибудь ученого или художника, но не советуем французским говорунам приезжать к нам: умрут с голода, потому что никто не примет их. Пусть роются в своем домашнем хламе, уже не надеясь попасть к нам в *учителя* с тех пор, как мудрый монарх наш преградил путь и этой промышленности французских шарлатанов»¹⁹. Но с этими «шарлатанами», с Прудоном, Кабе и особенно Франсуа Видалем, до некоторой степени был связан пафос статей Милютина, Майкова, т. е. завтра и эти сотрудники были бы вынуждены «умирать с голода», ибо Краевский не принял бы их. Краевский сваливал всю ответственность за доносы на ушедших из журнала сотрудников. Краевский отказывался от той крамольной «западнической» основы, на которой зиждились вся критика Майкова и его позитивный, рационалистический анализ.

В связи с отъездом Белинского за границу в мае 1847 года началось участие Майкова в «Современнике». Показательно, что когда Белинский находился за границей, участие Майкова в 5, 6 и 7 номерах «Отечественных записок» резко сокращается и становится, можно сказать, ничтожным, а в «Современнике» возрастает²⁰.

Аналогичную эволюцию отношения к Краевскому переживали вместе с Майковым и другие сотрудники. В биографии Майкова есть указание: «В критико-библиографическом отделе «Отечественных записок» в то время, когда им заведывал В. Майков, участвовали по его приглашению следующие лица: С. С. Дудышкин, А. Н. Майков (Аполлон. — В. К.)*, А. П. Милуков, В. А. Милютин, В. Апол. Солоницын, И. С. Тургенев, Р. Р. Штрэндман». В. Майков предлагал Краевскому своего приятеля А. Порецкого в качестве сотрудника отдела смеси. Но Порецкий специально оговаривал свои денежные права... О них заботился и Дудышкин (См. письмо Дудышкина Вл. А. Солоницыну от 7 авг. 1847 года)**.

Итак, на место Белинского в «Отечественных записках» претендовали: Галахов, давний сотрудник журнала, уже пытавшийся конкурировать с Белинским; В. Майков — критик, придерживавшийся позитивистской философии; затем Дудышкин, человек «без убеждений», бесцветный, как нельзя более соответствовавший эпохе «страшного семилетия», уже не боровшийся за «натуральную школу»; и, наконец, в самом конце 40-х годов пытался занять место критика «Отечественных записок» Аполлон Григорьев (стихотворения Григорьева печатались в «Отечественных записках» еще в 1845 году). В ряде номеров 1849 и 1850 годов он опубликовал в журнале Краевского «Заметки о московском театре». Уже 28 февраля 1849 года в письме к Краевскому он отмечал, что ему «несравненно приятнее печататься в «Отечественных записках», чем в «Современнике», оговариваясь, что для него «открылась возможность вести в «Москвитянине» постоянную и подробную летопись театра» по его убеждениям²¹. Это означало, что Григорьев уходил от Краевского в образовавшийся тогда состав так называемой «молодой редакции» «Москвитянина», которая заняла в начале 50-х годов видное место в русской журналистике.

Любопытна эволюция «Отечественных записок» от традиций Белинского к прямо противоположному «москвитянинскому» лагерю. Окончательно от перехода на позиции «почвенничества» — этой разновидности русского буржуазного славянофильства — предостерегает Краевского его «исконный либерализм», хотя определенно у автора статей «Мысли о России» и «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» было много общего с идеологией «почвенничества».

* Свое участие в «Отечественных записках» в качестве критика-рецензента Ап. Майков подтверждал впоследствии в письме к П. А. Висковатову (см. «Петрашевцы». М.—Л., 1926, т. 1, стр. 22).

** Напеч. в биографии В. Майкова («Критические опыты». СПб, 1891, стр. XXV—XXVI).

Это означало, что «Отечественные записки» теряли в реалистическом направлении престиж идейного руководителя, а перемена состава сотрудников вводила журнал от традиций Белинского. Все это показывает, в плену каких влияний конца сороковых годов в области критики оказались «Отечественные записки», коль скоро превозобладала в них снова релятивистская ориентация Краевского. Пестроту чуждых влияний «Отечественные записки» отразили непосредственное и полнее, чем Некрасовский «Современник», который и после смерти Белинского сохранял его традиции в лице самого Некрасова и той лучшей части литераторов, которая группировалась вокруг него.

И тем не менее нельзя категорически утверждать, что «Отечественные записки» окончательно потеряли в литературе свой престиж, что они совсем ушли от традиций «натуральной школы». В годы «страшного семилетия» в «Отечественных записках» печатаются произведения Тургенева. В 1847 году с 5 номера начинается его деятельность как музыкальный обозреватель В. В. Стасов, отразивший в своих эстетических рассуждениях влияние Белинского. В 1853 году в журнале дебютирует молодой Чернышевский. Блестящие статьи Б. Ордынского об Аристофане, филологические и историко-литературные работы Ф. И. Буслаева и многих других представителей складывавшегося «академического» литературоведения свидетельствовали о том, что «Отечественные записки» продолжали все же играть прогрессивную, хотя и сильно сниженную роль в истории русской журналистики.

2

Самыми крупными писателями «Отечественных записок» этого периода были М. Е. Салтыков («Противоречия», «Запутанное дело») и Ф. М. Достоевский («Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Нечточка Незванова»).

Оба эти, во многом контрастные друг другу, писателя отразили внутренние противоречия журнала. Если в повестях Салтыкова нашла свое выражение давняя тема «героя времени», то в повестях Достоевского запечатлен тот идейный разброд, который сделался столь характерным для «Отечественных записок» этого времени. Многочисленные повести других авторов: Григоровича, Даля, М. М. Достоевского, Буткова, Кудрявцева, Галахова, А. Пальма, В. Зотова и др. — тесно связаны с проблематикой Салтыкова и Достоевского. В свою очередь, они вместе восходили к традициям двух предыдущих перио-

дов «Отечественных записок». Они сливались с повестями, которые в это же время печатались в «Современнике» (роман «Кто виноват?», «Обыкновенная история», «Записки охотника», «Антон Горемыка» и др.). Все это вместе составляло реалистическое направление на самом зрелом этапе его развития.

Но, несомненно, первенство во всем было за «Современником», в то время как в «Отечественных записках» наблюдались систематические перебои публикаций оригинальных русских повестей. Краевский явно приберегал русские повести для осенних номеров, когда проводилась конкурентная подписка. Например, в «Отечественных записках» после ухода Белинского появились совсем без русских повестей: в 1846 г. — 7, 8 номера; в 1847 г. — 6, 7, 8* номера; в 1848 г. — 7 номер и в 1849 г. — 7 номер. Отдел словесности заполнялся повестями и романами, переведенными с французского языка, такими, например, как «Сын тайны» П. Феваля, «Две Дианы» А. Дюма и др.

В том, что Салтыков стал сотрудником «Отечественных записок», сыграли роль два обстоятельства: одно — общего, другое — более частного порядка. Первое заключалось в огромном влиянии журнала и особенно статей Белинского на молодого писателя. Салтыков, как известно, сам не раз подчеркивал в своих автобиографиях: «Журналы читались с жадностью, но в особенности сильно было влияние «Отечественных» записок», и в них критики Белинского и повестей Панаева, Кудрявцева, Г<ерцена> и друг.». «Преимущественно влияли на меня «Отечественные» записки» и Белинский». Частное обстоятельство состояло в том, что Салтыкова-рецензента непосредственно сблизил с журналом кружок Майкова. Салтыков писал: «Работу эту я доставал через Валериана Майкова и Владимира Милютина...» **.

Как и Некрасов, Салтыков начал с не совсем удачных стихов и выступил одновременно как прозаик и как критик-рецензент. Он поместил в «Отечественных записках» много рецензий, из которых известна в настоящее время лишь часть. В них он развивал мысли Белинского о воспитании; этими мыслями кстати, насыщены также и рассуждения Нагибина («Противоречия»).

Обе повести («Противоречия» и «Запутанное дело»), из которых вторая послужила непосредственной причиной ссылки

* Если не считать бездарной повести «Вера» некоего И. К. О.

** Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. М., 1941, т. 1, стр. 84.

Салтыкова в Вятку, отразили в высшей степени злободневную проблематику «Отечественных записок» на третьем этапе их развития и сами являются их детищем. С. А. Макашин в своей книге о Щедрине пришел к выводу, что «знаменитые статьи Белинского в «Отечественных записках» 1841—1846 годов, а затем в «Современнике» 1847 года могут быть <...> с полным основанием названы *школой идей, сформировавшей решающие черты идеологического и писательского облика будущего сатирика*»²².

Обе повести Салтыкова связаны внутренним единством проблематики и посвящены теме «героя времени» в ее философском и демократическом содержании, характерном для конца 40-х годов. Они отражают определенные итоги кризисов идейных исканий героев, силившихся разрешить «противоречия» и «запутанные дела» своего времени.

Проблематика раздумий героев вобрала в себя оценку специфических для конца 40-х годов социалистических и философских исканий.

При этом тема героя оказалась смещенной в социальном плане, т. е. в «Противоречиях» герой почти разночинец, пробавающийся на кондициях в имении барина, а в «Запутанном деле» — действительно разночинец.

Герои Салтыкова в гораздо большей степени идейны, чем Печорин и Бельтов, хотя последние более значительны как характеры.

В первой повести показаны противоречия жизни и противоречия героя в вопросах любви и морали. Во второй повести представлена прямая попытка героя распутать социальные дела. Эта дистанция между повестями показывает идейный рост Салтыкова.

Повесть «Противоречия» — что до сих пор еще не отмечалось — имеет некоторую связь с произведением Герцена «Из записок одного молодого человека» и с историей временного примирения Белинского с «расейской» действительностью*.

Образ Нагибина нам представляется некоторым развитием образа Трензинского — скептика, реформатора-неудачника. В Нагибине, правда, нет того ожесточения, той подавленности духа, которые характерны для Трензинского. Нагибин моложе, верит в жизнь. Но для них обоих характерно релятивистское примирение с действительностью. Многие философские высказывания Нагибина являются как бы пересказом

* С. А. Макашин отмечает еще связь повести «Противоречия» с «Кто виноват?» Герцена (указ. соч.).

статей и писем Белинского эпохи примирения. Сама фамилия героя — Нагибин — призвана выразить главную черту его характера. Нагибин очень основательно громит «абстрактный героизм», эгоизм, левое фразерство, заодно и «напыщенные» «спекулятивные науки», называя увлечение ими «умственным развратом», мешающим смело смотреть «в глаза действительности». Эта прекрасная, критическая сторона «примирения» с действительностью выражена Нагибиным даже с пафосом, характерным для статей Белинского. Вот примеры: «Пора объяснить себе эту стоглавую гидру, которая зовется действительностью, посмотреть, точно ли так гнусна и неумыта она...». «Я знаю очень много господ, которые, сытно пообедав, громят от нечего делать действительность, меркантильное направление века, и разожженная мало-помалу всяким нравственным развратом фантазия их разыгрывается и стоящие вокруг с разинутыми ртами лакеи с изумлением слушают, как господа рассуждают о правах всех и каждого на наслаждение жизнью и всем обещают равенство... в будущей жизни».

Но вредит Нагибину другая, худшая сторона примирения, и наверное именно потому Белинский в письме 1847 года так резко отрицательно отозвался о повести Салтыкова. В рассуждениях Нагибина лейтмотивом проходит характерное для «бородинских» статей Белинского положение: «Пора нам, наконец, оправдать себя в этом уродстве, пора сознать, что не мы виновники своего несчастья, что так называемая свобода есть просто произведение нашей праздной фантазии, самообольщение горделивого духа нашего, что вся свобода наша состоит в безмолвном повиновении царящему над всем сущим закону необходимости». Известно, что как раз решение вопроса о свободе и необходимости было центральным вопросом эпохи примирения у Белинского. Но «безмолвным» ли должно быть наше «повиновение» закону необходимости? — вот где был камень преткновения примирительных настроений. Нагибин склоняется к тому, что повиновение должно быть «безмолвным». Нагибин всячески оправдывает свой скептицизм, свою нерешительность в любви и в общественных делах. Все встречающиеся противоречия, в том числе и свои собственные, он так оправдывает: «В том-то и дело, что противоречие это необходимо происходит из самой природы вещей, оно *действительно* есть и, следовательно, напрасно стал бы я противиться такому порядку вещей: оно есть, и этого уже достаточно для оправдания его!».

Нагибин говорит о том, чтобы «покориться закону необходимости», надо «приспособить жизнь свою к этой односторонности» и проч. В ответ на его тирады возлюбленная

Таня язвительно спрашивает: «И вы... устроились, Андрей Павлыч?». Последнее замечание указывает на возможность перерастания такого примиренчества в «честную чичиковщину» («Молотов» Помяловского). Но в том-то и дело, что ни Трензинский, ни тем более Нагибин не станут «честными Чичиковыми», приобретателями для себя. Они остаются обычно до конца жизни людьми идейно примирившимися. Но от этого нисколько не легче. Нагибин говорит о себе в конце повести, что он, отказавшись от утопий и отвернувшись от status quo, повис в воздухе... Где же выход?

Выход в развитии идеи отрицания, как это сделает Белинский, в переходе от релятивизма к диалектике, от резонерства к практике.

Что же такое Нагибин в контексте идейных исканий второй половины 40-х годов, почему он появился, что он означал?

Известно, что «примиряться» приходилось не одному Белинскому. Этот процесс пережили и Огарев, и Петрашевский*, и всякий реально мыслящий общественный деятель, политик. Этот процесс захватывает все 40-е годы, только он у других происходил не в тех формах, как у Белинского, не так на виду и не с такими крайностями. Но Белинский и был самым первым искателем путей.

Расставшись с «абстрактным героизмом» 30-х годов Белинский некоторое время разделял «героизм» Жорж Занд. Героизм все время менялся, приобретая все более и более конкретные, современные формы. В изучаемую эпоху наблюдается расцвет утопических систем на Западе и особенно живой к ним интерес в России. Петрашевский, хотя и призывал к «толковому» познанию жизни, однако сам эту «толковость» усматривал в арифметических расчетах Фурье и исповедовал одну из отвлеченнейших форм «абстрактного героизма» — утопию об учреждении фаланстера в России. Существовал до некоторой степени этот этап и для молодого Салтыкова, следившего за тем, как «лился свет социализма» с Запада.

Таким образом, Нагибин был хорошим средством против слабых сторон этих увлечений. Сами абстракции, против которых он воюет, «моложе», чем те, с которыми воевал Белинский в период примирения. Белинский воевал с псевдобунтарем Менцелем, с прекраснодушной философией маркиза Позы, миропотрясающими фразами Карла Моора, отвлечен-

* См. Огарев — письмо Герцену 8 июля 1844 г. (Русская мысль, 1890, кн. 10, стр. 3) и «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», М. Госполитиздат, 1953, стр. 393.

ным «робеспьеризмом» Фихте и проч., о чем так много сказано в его письмах. Для Нагибина — все это вопросы решенные. Но он угадывает старые химеры под их новейшей оболочкой. О себе он заявляет, что не может быть ни «нелепым утопистом в роде новейших социалистов, ни прижимистым консерватором». Нагибин с иронией говорит о «фаланстерийской гармонии», которую он застал в обществе приятелей Валинского, строящего свой роман с возлюбленной Машей на новых началах. Эту «невозмутимую гармонию» он высмеивает: «Такая гармония <...> и на ум не всходила ни Фурье, ни Сен-Симону, ни кому-либо из подвизавшихся с честью на этом поприще».

Образ Нагибина до некоторой степени отразил процесс роста самого Салтыкова, сумевшего еще в 40-х годах стать на критическую позицию по отношению к утопизму. И в этом Салтыков более ученик Белинского, чем Петрашевского. Образ Нагибина показывает начавшийся отход Салтыкова от кружка Петрашевского, общую демократизацию его взглядов, более широкое понимание своих задач, которое было особенно характерно для Белинского и Герцена.

Образом Нагибина Салтыков предупреждал о том, что кроме непрактичного утопизма есть еще бесплодное примирение. Повиснуть над тем, «что есть» или погрязнуть в тине того, «что есть» — равно опасно для движения. Чем шире разрастался процесс идейных исканий русской интеллигенции, чем больше вовлекалось в него малоискушенных людей, тем актуальнее становились оба эти предупреждения. Нагибин — это отражение перехода от дилетантизма к науке в его наиболее обыденном варианте. Муки теоретических исканий у среднего молодого человека второй половины 40-х годов, раньше доступные только гениям, — типическая черта этого образа.

Герой повести «Запутанное дело» Мичулин является прямым выражением той самой критической силы отрицания, которой так не хватало Нагибину. В Мичулине отражен тот же процесс примирения, только не в его релятивистской, а в подлинно живой, диалектической сущности.

В «Запутанном деле» обнаружилась одна из центральных традиций Гоголя — бунт «маленького» человека против всей сословно-монархической, крепостнической системы. Вместе с тем в повести есть и мотивы «Бедных людей», картины жизни «за перегородочкой», психологии квартиронанимателей, жителей петербургских «вершин», чердаков, их быт, нравы, разговоры, вздохи по утраченному или воображаемому благополучию, несбыточные мечты о неожиданном снизошедшем на них счастье. Разговор героя Салтыкова с «важным лицом»

напоминает соответствующую сцену из романа Достоевского «Бедные люди». Но бунт Мичулина резко отличается от бунта Макара Девушкина. Бедный разночинец у Салтыкова сначала растерялся перед «важным» лицом, но затем вдруг с презрением бросил ему резкую реплику. Пусть этот выпад обессилил героя, но это был бунт, а не ропот, как у Макара Девушкина.

По сравнению с другими повестями 40-х годов (Панаев «Дочь чиновного человека», Гребенка «Доктор», Тургенев «Андрей Колосов»), в образе Мичулина протестующие мотивы получили наивысшее развитие. Мичулин весь сосредоточен на захватившей его идее: распутать запутанные дела жизни. Эта идея — основной пафос повести. Панаев, Гребенка и Тургенев показали в основном, как ведет себя, какие имеет привычки пробуждающийся разночинец. Салтыков раскрыл, как мыслит молодой разночинец. Салтыков сумел продолжить на разночинской почве намеченную еще Герценом тему «молодого человека», который образом своих мыслей уже поставил себя вне закона. Конечно, нельзя Мичулина выдавать за полноценного героя, борца. Достаточно вспомнить, как, попав под арест, он теряется и пасует. И самый арест связан с некоторыми его житейскими наивностями. Но все же он умирает не от простуды, а — как он сам говорит своей возлюбленной Наденьке Ручкиной — от горького, всего его проникшего чувства обиды за несправедливости, которые терпит народ: «Вот это-то дело, оно-то и сгубило меня». Увиденная Мичулиным во сне социальная пирамида в духе учения Сен-Симона поразила его откровенной обнаженностью социального зла, взаимосвязью зол; эта пирамида «распутывала» в его сознании все противоречивые вопросы современной жизни. Мичулин смог охватить единым взглядом всю иерархию воров и мошенников, которую называли государственным строем. Это, несомненно, отражало рост самосознания мыслящего разночинца. Не случайно место о пирамиде было особо инкриминировано следствием Салтыкову. Мичулин — это молодой разночинец, в котором вполне проснулся его классовый инстинкт. Герой умирает, ибо сознание тяжести пирамиды раздавило его. Но сама эта мысль не умирает, она — нечто прочно найденное для всего поколения, такое откровение критического социализма, которое не пропадает, а может лишь быть возведено в науку.

Практически действенный и здоровый характер исканий Мичулина великолепно оттенен шаржированными образами «вульгарных» прогрессистов — Алексиса Звонского и Вольфганга Антоновича Беобахтера, под которыми, как принято считать, выведены петрашевцы А. Н. Плещеев и Н. А. Спеш-

нев. Несомненно, в этих карикатурах (независимо от того, насколько они соответствуют прототипам) продолжается отрицательная линия «Противоречий»: Звонский, иронически замечает автор, «обретался в совершенном оптимизме», он верил в возможность мирного преобразования общества. Беобахтер, наоборот, то и дело размахивал рукой, энергически демонстрируя падение ножа гильотины. Что ни фраза, то взмах, символизирующий отсечение головы «какому-то фантастическому, но, тем не менее, закоренелому врагу преобразований — преобразований таинственных, но уже заранее во всей подробности нарисовавшихся в его золотушном воображении».

И сила самих шаржей и всесторонность этой пародийной борьбы показывают, как замечательно развилась давняя гоголевская традиция высмеивания героев романтической фразы, начиная со всех этих Линских, Звонских, Гремных, через романтика жизни Грушницкого к Адуеву-младшему, к дилетантам, буддистам науки Кифе Мокиевичу и Моке Кифовичу, которых громила литература и критика «Отечественных записок». В романе А. Пальма «Жак Бичовкин» показан образ такого же полинялого, беспринципного либерала; позднее в его же романе «Алексей Слободин» (1873) был дан положительный образ разночинца петрашевца, который как бы продолжил линию салтыковского Мичулина, «распутавшего» все дела и противоречия.

Характерны также и женские типы у Салтыкова. Уездная барышня Таня — в повести «Противоречия» — это традиционный образ, развитие которого мы прослеживали по повестям Панаева, Кудрявцева, Галахова, по роману Герцена. Героиня Салтыкова напоминает Круциферскую. В Тане несомненно растет «тигренок». Она хорошо понимает идейные запросы Нагибина. С ней он как с равной обсуждает свои противоречия. Но она видит Нагибина насквозь и сама ему указывает на противоречия, когда тот в них путается или старается их не замечать. Менее развит, но художественно более колоритен образ Наденьки Ручкиной, которую безнадёжно полюбил Мичулин. Наденька сама живет уединенно, в той же общей квартире. Ей приходится постоянно защищать свое самолюбие: «она не какая-нибудь, она все видит, все понимает, не хуже всякой другой...». Она все время страшно боится, что кто-нибудь пренебрежет ее человеческим, женским достоинством, оскорбит ее. Эта болезненная, предупредительно навязчивая самооборона — характернейший психологический штрих героини. В образе Ручкиной можно усмотреть некоторые черты героинь последующих романов Достоевского, венцом которых явится Сонечка Мармеладова. Это сходство с ними видно

в финале повести, когда Наденька с жалостью склоняется у изголовья умирающего Мичулина, выслушав его последнюю исповедь.

Итак, повести Салтыкова по богатству идейных мотивов являются в известном смысле итогом третьего периода «Отечественных записок» 40-х годов.

* * *

Достоевский подвел итоги разночинской теме с позиций вконец разочаровавшегося социалиста. Известный переворот в его убеждениях, о котором он высказался откровенно в письме к брату перед отправкой в Сибирь, объективно отразился в его творчестве еще до этого. Это видно в понижении гуманистических тенденций («Двойник», «Хозяйка»), что было осуждено Белинским. Примерно в то же время произошел «организационный» разрыв Достоевского с группой Белинского в «Отечественных записках».

Роман «Бедные люди» («Петербургский сборник», 1846 г.) был развитием социальной гуманистической традиции гоголевской «Шинели» и многих повестей о бедном чиновнике, бедном студенте, появившихся часто во все периоды на страницах «Отечественных записок». Этот роман высоко оценил Белинский. Сила образа Макара Девушкина была в том, что герой Достоевского, как и герой повестей «Отечественных записок» и герой Салтыкова, — искатель. Но Девушкин ярче показывал, как далеко и глубоко вошел в самую толщу разночинского социального слоя этот процесс исканий. Любовь к падшей девушке (мотив, перекликающийся со стихотворением Некрасова «Когда из мрака заблужденья»), благородство затаенного, едва выражаемого чувства любви, в которой, по верному замечанию Белинского, смешаны самые противоречивые оттенки: и платоническая привязанность, и любовь по-«родственному», и любовь старшего к младшему, и намеки на брак — все это оочеловечивало, поднимало на невиданный художественный уровень тему разночинца. Искания Девушкина — это борьба за свое пробудившееся человеческое достоинство. Девушкин недоволен образом Акакия Акакиевича у Гоголя, считает гоголевского героя слишком безропотным и приниженным.

С разными оттенками эта же гуманистическая традиция еще сохранена в «Слабом сердце», «Белых ночах», «Неточке Незвановой».

Но в творчестве Достоевского конца 40-х годов вскоре возобладали тенденции к развенчанию человека, к воспева-

нию его социальной расщепленности, «двойничества», характерных для чиновничьей прослойки, жизнь которой автор смог хорошо пронаблюдать в Петербурге. Противоречия жизни городского разночинского мещанства, чиновничества Достоевский возвел в ранг вечной судьбы этого класса. Страдания, унижения, которые исторически выпали на долю этой среды, он канонизировал как вечное зло жизни; все это нашло яркое выражение в таких произведениях, как «Двойник», «Хозяйка», «Господин Прохарчин» и др.

В творчестве Достоевского, таким образом, наметилось противоречие между острой наблюдательностью, хорошим знанием действительности, умением создавать живые, высокохудожественные, реалистические картины городской нищеты, страдания, социального неравенства, с одной стороны, и теоретическим, концептуальным осмыслением всех этих картин и образов — с другой. Та самая связь вещей, которую и Гоголь, по словам Чернышевского, не умел достаточно сознательно и правильно улавливать, несмотря на то, что как художник он изображал русскую жизнь с энциклопедической полнотой, не улавливалась правильно и Достоевским. Но была здесь и некоторая разница: Гоголю как бы не хватало понимания современных политических, философских вопросов, связи с той идейной атмосферой, которую создавали сами «Отечественные записки» в русской литературе. Достоевский же прошел эту «школу идей», был даже петрашевцем, — но он превратился в скептика, в человека, который сознательно не так объяснял наблюденные им явления, как их объяснял Белинский. Достоевский не просто не чувствовал антигуманистического пафоса, скажем, «Двойника», но и решил развенчать гуманизм, показать, что человек подл по самой своей природе. Гоголь — автор «Выбранных мест» — только заставлял сожалеть о себе и подтвердил предчувствия Белинского о том, что мистико-лирические выходы в «Мертвых душах», насторожившие критика еще в 1842 году, могут разрастись в ошибочную концепцию. Но Гоголь никогда не был «учеником» Белинского; он был объективно близок к «Отечественным запискам» как правдивый и великий художник. Достоевский же был «свой», а стал чужим.

Господин Голядкин является продолжением традиции «героя времени» в гоголевской иронической трактовке. Чичиковская двуличность, попытка выдать себя за «хозяина», барина, владельца душ, «примеривание» маски того, с кем говорит, приспособление к морали приобретателей были развиты Достоевским в образе Голядкина. Голядкин старший — это униженный «бедный человек», который хочет выпрыгнуть из своей социальной орбиты, хочет быть рангом повыше, как «на-

стоящие люди». Голядкин младший — это преуспевающий, добравшийся до денег и власти «приобретатель».

Проблему «героя времени» в ее положительной и отрицательной трактовке Достоевский завел в тулик: он начал «расчеловечивать» человека, лишать его идей, показывать его в тенетах противоречий, а главное, стал изображать в патологическом духе. Герои Достоевского впадают в галлюцинации, двойничество, сходят с ума. Писатель расшатывал границы между рациональным и иррациональным.

Достоевский выхолостил социальную суть разночинской темы. Правда, в его повестях по-прежнему играют положительную роль картины жизни бедноты. Художественная правда образов противоречит консервативным приговорам и выводам автора. Но верх одержали эти выводы. Противоречия и запутанные дела победили у него человека, более того, сам автор стал в позу стороннего наблюдателя, возвел насилие в норму жизни. Беда Достоевского не в самом показе унижения человека, а в том, что он почти переставал верить в человека, что он и унижение возвел в норму.

Салтыков и Достоевский разочаровывались в утопическом социализме по-разному. Салтыков, увидев сектантскую ограниченность социализма, пошел в гущу идейной жизни своего времени, к Белинскому. Достоевский же, разочаровавшись в светлой мечте, стал скептиком, абсолютизировал зло.

Само мышление Достоевского, неспособное социологически четко поставить диагноз злу, неспособное диалектически и конкретно-исторически понять наблюдаемые явления, можно до некоторой степени связать с общей потерей «Отечественными записками», после ухода Белинского, диалектичности и историчности, полноты и социальной остроты в постановке философских и социально-политических вопросов. Трезвый патриотизм Майкова здесь сыграл свою роль. Бравируя внешней, показной конкретностью, методами «наблюдений», «доказательности» и проч., он выхолащивал диалектический подход к вещам, насаждал узкий фактизм, слепую веру в отдельный случай, толкал к голословным, абсолютным выводам. Разумеется, речь идет не о «влиянии» Майкова на Достоевского, а о той общей атмосфере философствования, которая стала так характерна для «Отечественных записок» в третий период их истории.

* * *

Из других прозаиков этого периода заслуживают внимания Григорович, Даль, Бутков и Михаил Достоевский (стар-

ший брат знаменитого писателя, подражавший ему в своем творчестве).

Но предварительно полезно сделать общий обзор прозы «Отечественных записок». Традиционные темы получили поступательное развитие лишь в творчестве Салтыкова и Ф. Достоевского. В целом же наблюдается понижение идейного и художественного уровня прозы «Отечественных записок», по сравнению со вторым периодом, и на фоне прозы «Современника».

Самым сильным произведением на крестьянскую тему была «Деревня» Григоровича. Но это произведение как-то одиноко стоит в «Отечественных записках» третьего периода. Мы доказывали в предыдущей главе, что главной темой в творчестве «натуральной школы» была тема крепостной деревни, несмотря на повышенный интерес во второй половине 40-х годов к урбанистическим темам. В самом деле, в «Современнике» деревенская тема продолжает развиваться: Григорович публикует свою вторую и еще более сильную повесть «Антон Горемыка», здесь печатаются «Записки охотника» Тургенева, «Сорока-воровка» Герцена, в двух главнейших романах этого периода — «Кто виноват?» и «Обыкновенная история» — есть колоритные сцены, характеризующие крепостничество и барство в деревне.

Между тем, в «Отечественных записках» тему деревни всерьез никто не разрабатывает, здесь обнаруживается явная тенденция к преимущественному изображению жизни городского мелкого люда, чиновников, мещанства. Это, несомненно, связано с некоторым понижением идейного уровня журнала. Достоевский и его «школа», с присущей автору «Господина Прохарчина», «Хозяйки» моралистически отвлеченной трактовкой этих тем, заполняет журнал.

Тема деревни лишь до некоторой степени продолжает разрабатываться в стиле натурализма в очерках В. Даля, создавшего цикл под названием «Небывалое в былом, или бывшее в небывалом» (1846, №№ 5 и 6) и «Картины из русского быта» (1848, №№ 2, 11), в которых на первом плане был чисто этнографический интерес к народной жизни. Постоянство интереса Даля к народной жизни, великолепное знание им говоров, обычаев, быта народа — все это делало Даля одним из видных писателей 40-х годов.

И. Тургенев в рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», напечатанной в «Отечественных записках» (1847, № 1), назвал Даля писателем «народным». Правда, при этом он сделал специальную оговорку, что слово «народный» употребляет не в том смысле, в котором оно может быть применено к Пушкину и Гоголю, а в его исключитель-

ном, ограниченном значении. Тургенев отметил свойственные Далю сочувствие народу, гуманное к нему расположение, наивную, добродушную наблюдательность. «В этом отношении, — писал Тургенев, — никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с Далем. Русского человека он знает как свой карман, как свои пять пальцев».

Тургенев перечислил основные черты таланта Даля: он очень умен, но еще больше «смышлен, смышлен русской смышленностью». У него мало юмора, но русского игривого остроумия бездна. Слог у Даля русский, немножко мешковатый, немножко небрежный, но меткий, живой, ладный. Даль иногда щеголяет словечками, балагурит. У него гораздо больше памяти, чем воображения. Одно ему, как и Гоголю, не далось — женские образы. Но добавим, что не дались ему еще и большие композиционно законченные повести, романы; он не умеет вести интригу, строить острый сюжет. У Даля лучше всего получаются рассказы, физиологические очерки.

По поводу печатавшихся в «Отечественных записках» очерков под названием «Небывалое в былом, или бывшее в небывалом» Белинский высказался так: «Мы не скажем, — чтобы собственно повесть Луганского не имела интереса: мы хотим только сказать, что она гораздо интереснее своими отступлениями и аксессуарами, нежели своею романтическою завязкою. Так например, превосходная картина избы с резными окнами, в сравнении с малороссийского хатою, лучше всей повести, хотя входит в нее только эпизодом и ничем внутренне не связана с сущностью ее содержания. Вообще, в повестях Луганского всего интереснее подробности; и «Небывалое в былом, или бывшее в небывалом» в особенности богато интересными частностями, помимо общего интереса повести, которая служит тут только рамкою, а не картиною, средством, а не целью». Эта характеристика вполне подходит и к «Картинам из русского быта» Даля. Отмечая в обзоре за 1847 год композиционные достоинства напечатанной в «Отечественных записках» повести Даля «Павел Алексеевич Игривый» (1847, № 2), Белинский, однако, указал и здесь на неожиданность, непонятность, неестественность трагической развязки судьбы героя на любовной почве, совершенно новой для Даля.

Этнографизм неизбежно узок по своему содержанию, какую бы тематическую широту он ни приобретал. Правдивости Даля не хватало обобщений, политической остроты, зоркости. В повести «Отец с сыном» Даль показал свое, впоследствии вполне выявившееся, сближение со славянофилами и Шеллевым.

Высоко поднятая в «Современнике» тема эмансипации

женщины («Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Полинька Сакс»), в «Отечественных записках» разрабатывалась слабее. Здесь стали возвращаться к светским темам (роман «Вера» некоего И. К. О., «Тернистый путь» Т. Ч. Марченко), измельчили эту тему до адюльтера («Эпизоды из жизни деревенской дамы» М. Жуковой), или свели к мелкой, поверхностной, слегка подкрашенной в модные филантропические тона мелодраме («Вольтижерка» В. Зотова, «Любовная сказка» И. Ключниковой).

Показательны также сдвиги в решении темы «героя времени» в изображении мыслящей части современного поколения.

Если в «Современнике» опубликовали полный текст «Кто виноват?», «Обыкновенную историю», «Родственников» (Панаева), то в «Отечественных записках» были напечатаны повести «Сбоев» Кудрявцева, «Кукольная комедия», «Из записок человека» Галахова и роман «Жак Бичовкин» Пальма. Разница несоизмеримая.

«Сбоев» Кудрявцева (1847, № 4) является попыткой положительно решить коллизию, затронутую Тургеневым в «Андрее Колосове». «Поводом к этому рассказу, — намекал Кудрявцев в примечании, — послужила одна русская повесть, которой, вероятно, еще не забыли читатели «Отечественных записок». Но повесть «Сбоев» получилась сентиментальной. А. Галахов своей повестью «Из записок человека» (1847, № 12) как бы прямо вступал в полемику с очерками Герцена «Из записок одного молодого человека». Герой Галахова читает не Вольтера и Руссо, а мистиков Эккартсгаузена и Штиллинга, занимается не выработкой передового мировоззрения, а теософическими и метафизическими умозрениями. В упомянутом романе А. Пальма (1849, № 4, 5) сатирически изображен циник, приспособленец, лицемер, псевдогерой времени.

Пальм особенно подчеркивает лицемерие и беспринципность героя: «Вне дома своей тетушки Жак слышал много нового, много такого, что налагало клеймо осуждения на ложь, на лицемерие, на пошлый эгоизм. (Здесь перечислены все качества самого Бичовкина. — В. К.). Жак даже сам нередко щеголял выходками подобного рода, но как только он переступал через порог дома своей почтенной тетушки, вся эта наносная чешуя спадала с него. Он забывал о том, что с жаром убеждения твердил за четверть часа. За это ему честь и слава, и ласки, и покровительство тетушки. Если Жак иногда (что случалось весьма редко) встречал в доме тетки кого-нибудь из молодежи и должен был защищать то мнение, против которого вчера, при этом же приятеле, восставал горячо, тог-

да Жак, немало не конфузясь, по окончании спора, отводил приятеля в сторону и говорил ему шепотом: — Эх, брат, какой ты чудак! Здесь нельзя высказывать таких резких убеждений... На тебя рассердятся, а толку никакого не выйдет... Ты не подумай, что я говорил по убеждению; это я так... Нельзя, брат, нельзя с этими людьми... Пусть их себе думают, как хотят! Нам от этого хуже не будет... Поддакивай им; ведь уж их не переделаешь!..»

Бичовкин — весьма колоритный тип, это как бы сумма худших черт Адуева-младшего, «рассказчика» в «Андрее Колосове», Алексиса Звонского и Беобахтера. Подобных ему людей было множество в заключительное «страшное семилетие» царствования Николая I. Из них вербовались провокаторы, к ним примыкал и Голядкин, как об этом свидетельствуют черновые наброски плана «Двойника» Достоевского, который хотел сделать своего героя неустойчивым «попутчиком» петрашевцев.

Пытаясь установить родословную своего героя, Пальм указывает на образы разочарованных романтиков 30—40-х годов, которые наводнили гостиные и страницы романов и журналов. Бичовкин — это удар по обветшалому романтизму и эгоцентризму русских «талантливых натур». «Бичовкин уже не новое лицо в русской литературе, — писал Пальм; — он являлся много раз, но в другом костюме; давно ли его считали не шутя человеком необыкновенным, натурой избранной (особенно в светских повестях, бывших когда-то в моде), ему удивлялись, подражали — а теперь, увы! автор, зная понятия и потребности читающей публики, уже не мог поставить Бичовкина на пьедестал и преклониться перед его личностью: он необходимо должен был выставить м-сьё Жака именно в таком свете, в каком видит его читатель нашего незатейливого романа»²³.

Душа этого человека опустошена: ни дружбы, ни любви, ни вдохновения, ни человеколюбивых порывов она не знает.

Более широкую (даже шире, чем в «Современнике») разработку в «Отечественных записках» получила тема разночинца, маленького, бедного человека.

Этой теме посвящены повести: Буткова «Горюн», «Кредиторы, любовь и заглавия», «Очерки петербургской жизни», «Новый год», «Темный человек», «Невский проспект, или путешествие Нестора Залетаева», «Странная история»; В. Даля «Павел Алексеевич Игривый»; М. Достоевского «Дочка», «Господин Светелкин», «Два старичка»; некоего Д — «Скупой» и др.

Эта же тема стала разрабатываться в драматургии Турген-

нева — «Безденежье» (1846, № 10), «Холостяк» (1849, № 9). Особенно сильно она должна была прозвучать в «Нахлебнике», запрещенном в 1849 году цензурой.

Но при всем обострении интереса к жизни городской бедноты и чиновничества, при всем изобилии повестей и рассказов на эти темы в «Отечественных записках», вслед за Ф. Достоевским происходило дальнейшее снижение тех идейных позиций, которые были завоеваны «Шинелью» и «Бедными людьми». Наблюдался явный перевес натурализма, происходила утрата обобщения и социальной глубины. Натурализм Буткова целиком сосредоточен на одном круге вопросов: быт маленького человека, его внутренняя драма, крушение иллюзий, борьба за существование. Это был именно «сентиментальный натурализм» (В. Виноградов).

Если у Даля зачином всегда является рассказ бывалого человека, то у Буткова шаблонный сюжетный прием: наем квартиры и затем история жильцов, сгрудившихся в петербургской квартире. Славу Буткову принесли его «Петербургские вершины» (две части, 1845 г.).

Белинский считал Буткова создателем особенного рода дагерротипических рассказов и очерков: «Это не творчество, не поэзия, но в этом есть свое творчество, своя поэзия». «Рассказы и очерки Буткова, — говорил Белинский, — относятся к роману и повести, как статистика к истории, как действительность к поэзии». В нем мало фантазии, зато много ума и сердца, мало юмора, зато много иронии и остроумия. Но этот натурализм был одухотворен искренним гуманизмом автора.

В. Майков также принципиально поддерживал натурализм Буткова.

Однако, в отличие от Белинского, который не отделял беллетристики от художественного творчества и признавал множество возможных переходов одного в другое на практике в пределах творчества одного писателя и даже одного произведения, Майков это разделение провел ригористически.

Такое разграничение Майков применил как раз при оценке таланта Буткова. Майков считал, что природа одарила Буткова только свойствами беллетриста и в самой малой степени художественным талантом.

Вернее было другое указание Майкова. Бутков часто доказывал, что бедность совсем не такое зло, как обычно воображают, что она имеет свои утешительные стороны. Буткову надо было познакомиться с передовыми идеями прямо из произведений современной науки. Особенно полезно было бы ему, по мнению Майкова, заняться основательным изучением экономической стороны жизни. «Если бы талант Буткова был

талант преимущественно художественный,—писал Майков,—и тогда мы готовы были бы подать ему такой же совет, хотя художнику часто удается обходиться и без науки; но так как мы считаем ум и наблюдательность преобладающими силами его личности, то как же не посоветовать ему укрепить то и другое единственно здоровой пищей, которая... вы сами знаете как называется?» Майков сделал, конечно, намек на современные социалистические теории, «науку».

В рассказах, помещенных после советов Майкова в «Отечественных записках», Бутков пытался отрешиться от своего ложного оптимизма, он стал изображать жизнь бедноты более суровыми и правдивыми красками. В рассказе «Темный человек» (1848, № 4) показана попытка спасти невинно пострадавшую девушку. Ее мать, крепостную женщину, соблазнил барин. Спасителем выступает купец, который в молодости любил ее мать. Разбогатеv, он скупил векселя барина и засадил его в долговую тюрьму. Несмотря на мелодраматический сюжет, перед нами явная попытка выйти за рамки философии терпения и оптимизма и отстоять справедливые права человека. Но все же Бутков не преодолел узости своего теоретического и политического горизонта. Повесть «Невский проспект, или путешествия Нестора Залетаева» рассказывает об отчаянной попытке мелкого чиновника выпрыгнуть из своего звания и попасть в «настоящие люди».

Творчество Буткова и М. Достоевского в сильной степени испытало на себе влияние мотивов и сюжетов Гоголя и Ф. М. Достоевского.

Влияние гоголевского «Портрета» заметно на повести Буткова «Странная история», в которой рассказывается о знаменитой картине, купленной художником по дешевке на толкучем рынке, и о его болезненных галлюцинациях. Несомненно влияние «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя и «Романа в девяти письмах» Ф. М. Достоевского («Современник», 1847) на повесть М. Достоевского «Старички», в которой также описана ссора двух закадычных друзей, старых чиновников, правда, на матримониальной почве.

Наиболее показательно влияние «Бедных людей» и «Двойника» Ф. Достоевского на такие повести, как «Господин Светелкин» М. Достоевского (1848, № 10) и «Невский проспект, или путешествия Нестора Залетаева» Буткова (1848, № 9). Эти примеры показывают, какой соблазн таили в себе сюжеты романов Ф. Достоевского, молодого писателя, но имевшего уже учеников. И все же натуралисты Бутков и М. Достоевский оказались неизмеримо ниже его.

Бедный чиновник Петр Васильевич Светелкин мечтал о карьере, о княжеском титуле и очень сокрушался, что фамилия его слишком простовата и сама говорит о чем-то неаристократическом и о его сугубо плебейском происхождении: «как Светелкин, почему Светелкин?!».

Как и герои Ф. Достоевского, Светелкин хочет выскочить из своего социального бытия, он претерпевает удары судьбы. Вскоре герой накапливает деньги и, подобно Макару Девушкину, проникается любовью к падшей девице.

Светелкин, как и Макар Девушкин и Голядкин, любит девицу не для себя, а ради нее. Белинский метко подчеркнул это характерное свойство любви «бедных людей». Выслушав скорбную повесть барышни, Светелкин, хотя и был уязвлен запоздалостью ее признаний, однако ради нее жертвует собой. Раньше герой хотел жить для себя, мечтал о графском титуле, теперь он находит свое счастье в жизни для других.

Но именно своей счастливой концовкой повесть смягчала силу трагизма. Герой повести выступает филантропом тогда, когда уже сделался богатым, а героиня не задавлена жизнью, она духовно эмансипировалась и с презрением смотрит на окружающих ее кормильцев; в ней нет и тени той смиренности, которая присуща Вареньке Доброселовой. Повесть «Господин Светелкин» является примером смягчения эпиграмами Ф. Достоевского проблематики, которая так остро была поставлена им в «Бедных людях».

Повесть Буткова «Невский проспект, или путешествия Нестора Залетаева» является до некоторой степени подражанием «Двойнику» Ф. Достоевского.

Мелкий чиновник Залетаев выиграл в лотерею великопечную карету с позолотой. Это неожиданное счастье является несколько искусственной материальной предпосылкой того, чтобы с Залетаевым произошли самые невероятные приключения.

Как и Голядкин, он решил «залететь» в аристократический круг, удивить всех тем, что он вовсе «не тот-с», за которого его до сих пор принимали. И вот Залетаев разъезжает по Невскому, наняв на последние деньги «чучера с лошастью и лакея на запятки. Его карета обратила на себя внимание, все стали расспрашивать, кто такой да откуда. С героем «Двойника» Голядкиным Залетаева роднит не только его разыгравшаяся болезненная амбиция, но и возникшая в нем жестокость, черствость в отношении к низшим. Это не мягкосердечный мечтатель Макар Девушкин. Однако Залетаев не сходит с ума, а просто перестает безнадежно разыгрывать «двойника». Он продает карету и отказывается от авантюры, так как, по мысли Буткова, каждый сверчок должен знать

свой шесток... Таким образом, перед нами опять сильное измельчание одной из традиций Ф. Достоевского.

Своими визитами Залетаев мстил обществу, как Монте-Кристо — герой, на котором он чуть не помешался. Но общество оказалось очень устойчивым в своих общепринятых словесных предрассудках и «отомстило» Залетаеву, заставив его вернуться в свой круг.

Художественные произведения «Отечественных записок» вместе с произведениями «Современника» в конце 40-х годов почти во всей полноте представляли расцвет «натуральной школы». Но роль «Отечественных записок» становилась явно второстепенной. Если сила направления на данном этапе заключалась в переходе от натурализма к полноценному реалистическому изображению жизни, в расцвете повести и романа в «Отечественных записках» возобладали натуралистические очерки и повести — Даля, Буткова, М. Достоевского. Проза «Отечественных записок» стала какой-то бескрылой и обедненной. Принизил ее не только натуралистический метод, но и прямой отказ от постановки острых социальных вопросов, так как с уходом Белинского сама «школа идей» в журнале стала иной. Конечно, эту школу можно было обрести, читая «Современник». Но все дело в том, что теперь и сотрудники в «Отечественные записки» сознательно подбирались преимущественно из тех писателей, которым нравился ползучий натурализм и которые не целиком разделяли боевую программу «Современника».

Перед Белинским на всем протяжении третьего периода стояла задача перетянуть натуралистов к себе. И это был верный тактический ход, ибо натурализм все же был прогрессивным течением. Но остановка Даля и Буткова в их развитии говорила о том, что вслед за организационными разногласиями в редакции «Отечественных записок» намечались широкие размежевания, творческие и теоретические. Часть писателей начинала отставать от времени.

* * *

Почти нечего сказать о поэзии «Отечественных записок» этих лет. Если в «Современнике» печатались стихотворения Некрасова, Огарева, то в «Отечественных записках» появлялись стихотворения какого-то С. Гранкина и других второстепенных и третьестепенных поэтов. Самым заметным явлением этих лет был цикл стихотворений А. Майкова под названием «Очерки Рима» (общим числом 27), прохладно встреченный Белинским.

Тем более сильно звучит положительный отзыв В. Майкова о стихотворениях петрашевца А. Плещеева (1846, № 10). В этой рецензии Майков отмечал, что и поэзия Плещеева не чужда элегической рефлексии, но при этом подчеркивал, что в ней превалируют оптимистические мотивы, которые так характерно выражали общественный подъем 40-х годов. «Но голос его не слабеет, — писал Майков о Плещееве, — изнемогая в борьбе, но далекий от того, чтоб уступить, бесславно бежать с поля, он восклицает к своим друзьям» (стр. 358)*. И затем Майков почти целиком приводит ставшее тогда гимном передовой молодежи стихотворение Плещеева «Вперед! без страха и сомненья». Позднее Чернышевский и Добролюбов с особенным удовольствием перечитывали этот прекрасный гимн, известный им с юности. Добролюбов отмечал, что это стихотворение является «смелым призывом, полным <...> веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность»**.

«Отечественные записки» высоко оценили сборник Плещеева и почти целиком (цензура выбросила стихи: «Зарю святого искупленья уж в небесах увидел я!») перепечатали на своих страницах это его популярное стихотворение. Оно сделалось, так сказать, фактом истории «Отечественных записок». В. Майков был другом Плещеева; петрашевцы в это время стояли близко к «Отечественным запискам».

Плещеев в этом стихотворении откликнулся на многие мотивы прежней гражданской лирики «Отечественных записок», как бы подведя ей итог.

Плещеев по-своему переосмыслил мотивы лермонтовской «Думы», «Пророка», «Журналиста, читателя и писателя». Его стихотворение является оптимистическим ответом на их вопросы. (У Лермонтова: «Под бременем познания и сомненья».) Стихотворение петрашевца «моложе» стихотворений Лермонтова по политическому опыту, оно пронизано характерным для подъема 40-х годов чувством товарищества, солидарности, верой в «зарю святого искупленья», пророческим стремлением «провозглашать любви ученье». Как бы отталкиваясь от лермонтовской «Думы», Плещеев не считает уже науку бесплодной. Утопический социалист Плещеев понимает значение науки, знает, что она обладает чудодейственной силой объединять людей:

И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

* Специально неоговариваемые цитаты из произведений В. Н. Майкова приводим по изданию: В. Майков «Критические опыты», СПб., 1891, указывая в скобках страницу.

** Н. А. Добролюбов. Избр. соч. М.—Л., 1948, стр. 382.

Под знаменем «науки» Белинского и Герцена, «Отечественных записок» и «Современника» собирались лучшие люди 40-х годов, начинавшие искать правильную революционную теорию. Широта просветительских задач эпохи была прекрасно отражена в стихотворении:

И спящих мы от сна разбудим
И поведем на битву рать.

г

«Отечественные записки» предоставили свою высокую трибуну стихотворению Плещеева, но сами они постепенно начинали «засыпать» и отказываться от «битв», теряя боевую «рать».

Пламенный призыв все слабее и слабее подкреплялся общим направлением «Отечественных записок». Этот гимн был более созвучен программе «Современника».

3

В какой мере критика «Отечественных записок» после ухода Белинского сохраняла свое целенаправленное и программное значение по отношению к «натуральной школе»?

Методологически очень важно выяснить объективное соотношение критики В. Майкова, Галахова и Дудышкина с критикой Белинского.

Общей особенностью критики «Отечественных записок» этого периода является ее разделение между несколькими авторитетами. Даже при монополии Майкова (до июля 1847 г.) в журнале печаталось много статей и других критиков. Ликвидация «диктаторства» Белинского в критике (по словам Майкова) привела к ослаблению, разнобою, уклончивости оценок, к потере литературной злободневности.

Белинский обычно помещал в отделе критики десять-одиннадцать своих статей, из двенадцати полагавшихся, не считая тех, которые появились в отделе науки и художеств и библиографии.

Другим стало и соотношение различных тем в критике.

С мая по декабрь 1846 года, т. е. за восемь месяцев, в «Отечественных записках» без Белинского появились лишь такие статьи по вопросам литературы: отзывы Дудышкина о соч. Шевырева «История русской словесности преимущественно древней», ч. 1 (лекции I—V), Майкова о соч. В. Аскоченского «Краткое начертание истории русской литературы», Белинского — одиннадцатая статья о сочинениях Пушкина, Майкова о «Стихотворениях Кольцова». Не говоря уже о том, что здесь преобладают интересы историко-литературные, дру-

гим вопросам в отделе критики было посвящено гораздо больше статей: проф. И. Горлова о книге гр. Канкрин «Хозяйство человеческих обществ и финансовая часть», А. Д. Галахова о книге Буслаева «О преподавании отечественного языка»*, К. Д. Кавелина о «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» т. 1, изд. Д. В<алуевым>, А. Старчевского о «Дополнении к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией» тт. 1—2**, анонима об «Истории христианства в России» соч. архимандрита Макария.

Мы видим перевес статей «прочих» над статьями литературными. Современные, злободневные темы специально в отделе критики не выносились.

Еще более показательна картина в 1847 году.

По литературным вопросам появились статьи: В. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 году», «Романы Вальтер-Скотта», «Юрий Милославский» соч. М. Загоскина (№ 4), анонимного автора (не Галахова ли?) о «Полн. собр. соч. Озерова» (№ 5), анонимного автора «Курс эстетики» соч. Гегеля в переводе В. Модестова (№ 7) и С. Дудышкина о сочинениях Фонвизина. По прочим вопросам появились статьи Кавелина об «Историко-критических отрывках» М. Погодина, его же — об «Исследованиях, замечаниях и лекциях М. Погодина о русской истории», три статьи анонимных авторов: о «Справочном словаре Крайя», о книге «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях» соч. Л. Ранке, о «Чтениях императорского общества истории и древностей российских при Московском университете», и две очень важные статьи В. Милютина, посвященные разбору сочинения А. Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии».

В 1847 году критический отдел стал серьезнее, чем в предыдущем: в журнал пришел В. Майков. В этом году был опубликован литературный обзор за год и теоретическая статья об эстетике. Правда, обзор Майкова страдает многими недостатками — отрывочностью суждений и попыткой разрушить концепцию Белинского. В статье об эстетике хотя и было высказано много интересных суждений, но сам Гегель с его диалектикой остался вне поля внимания анонимного автора. Здесь перед нами как бы пересмотр учения и традиций Гегеля. Зато прочие статьи в 1847 году высоко поднялись в своем теоретическом уровне. Интерес к истории и особенно

* Авторство А. Д. Галахова устанавливается впервые. См. приложение.

** См. там же.

политэкономии (замечательные статьи Кавелина, Милютина) начинает вытеснять литературные проблемы.

В 1848 году этот процесс вытеснения литературы станет особенно явным. После обзора литературы за 1847 год, написанного Галаховым, пошли критические отзывы об «Истории финансовых учреждений России» соч. Дм. Толстого, «Истории русской церкви», «Словаре церковно-славянского и русского языка», «Космосе» Гумбольдта в переводе Н. Фролова и проч., т. е. наблюдается полное оскудение литературно-критического отдела.

В отделе библиографической хроники получали оценку современные явления литературы, как, например: «Петербургские вершины» Я. П. Буткова, «Стихотворения А. Плещеева» (статьи Майкова) и проч. Но и в этом отделе наблюдался отход от позиций Белинского и постепенная утрата «Отечественными записками» предмета критики. Перерождение критики происходило от Галахова к Майкову, от Майкова к Дудышкину.

В 1846—1847 годы почти все русские журналы обсуждали изданный Некрасовым «Петербургский сборник», и особенно помещенный в нем роман Достоевского «Бедные люди», произведения «натуральной школы», книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Однако такое важное событие, как раскол в редакции «Отечественных записок», разрыв Белинского с Краевским, получил лишь полемическое освещение в известных уже нам декларациях.

В силу характера библиографии того времени (она откликлась почти на все издания), Майков, старавшийся заменить Белинского, выступал до июля 1847 года своеобразным дублером Белинского, который писал на те же темы в «Современнике».

Если Белинский открывал первый номер «Современника» за 1847 год обзором литературы за предыдущий год, то и Майков выступал с обзором в «Отечественных записках». Белинский писал отзыв о «Бедных людях», и Майков делал это. Оба критика откликнулись на второе издание «Мертвых душ», на выход «Петербургских вершин», «Выбранных мест» и множество других тем. Такой конкуренции с Белинским не было ни у Галахова, ни у Дудышкина. Они уступали Майкову в разносторонности. Но в июле 1847 года Майков утонул, а через год не стало и Белинского. Предмет критики и ее престиж еще больше упали.

В то время как критика Белинского от обзора 1846 года к обзору за 1847 год все полнее и полнее отображала рост новой школы, обзоры в «Отечественных записках» утрачивали свой обобщающий боевой характер.

Первый обзор был написан Майковым. Краевский снабдил его примечанием: «Полное, отчетливое обозрение замечательнейших явлений русской литературы 1846 года не могло быть напечатано по причинам, от редакции не зависевшим». Так обычно сигнализировалось о цензурных сокращениях. В письме 10 января 1847 года Галахов спрашивал Краевского: «Как это вы ухитрились не поместить полного отчета о русской литературе в 1-м №? Это нехорошо. То, что помещено, составляет два или три отрывка, довольно темно написанные. Разве Майков не успел, или написал так, что цензура не позволила? Зачем же он *так* писал? Я теперь сержусь на себя, что отказался от этой статьи. Моя вышла бы довольно красива и вы остались бы ею довольным. Жаль, право жаль! Первый номер без русской лит<ературы> за прошлый год не полон. В нем нет чего то существенного»²⁴.

Но если статья и пострадала от цензуры за какие-то формулировки, то мы не думаем, чтобы она была особенно острой. Майков сам был мастер смягчать свои приговоры и писал он не резче Белинского, чья исключительной силы обзорная статья в «Современнике» появилась почти без сокращений. Главное же в том, что Майков вообще не считал нужным обозревать литературу за год. Он в этом вопросе принципиально расходился с Белинским, заявляя, что ничего самобытного в литературе за 1846 год не находит.

«Периоды развития литературы, — иронизировал Майков, — наступают и проходят, не справляясь с искусственным разделением времени на годы. Зачем же сохраняется до сих пор обычай в первых числах нового года отдавать публике отчет в том, что прочла она в течение старого?» (стр. 322).

Говоря затем о распадении множества «плотных масс» в литературе и о формировании новых групп, Майков имеет в виду раскол в «Отечественных записках» и создание обновленного «Современника». Но всему этому Майков не придает серьезного значения, не видит в этом «годовом» событии никакого влияния на периоды литературы. И Майков как бы отказывался впредь от годовых обзоров.

Обзор литературы за 1847 год значительно богаче. Но обзор за 1848 год анонимного автора отражает условия «страшного семилетия» и оскудение критики; это перечень «беллетристики» и «руководств». При этом первая включает уже и романы, и повести, и драмы, и комедии, а «руководства» — это словари, справочники. К среднему звену относятся исследования по истории древностей, литературе и проч. Вместо отчета и анализа дана статистика.

Если Белинский в обзорах подчеркивал нарастание в литературе острых социальных мотивов, гражданской смелости,

художественности, то автор обзора за 1848 год утверждал, что «характер нашей журнальной беллетристики прошлого года состоит в том, что она была или, лучше, стремилась быть литературою психологически эстетическою» (1849, № 1). Вот крайняя степень того теоретического оскудения критики, о котором мы говорили выше.

Следует обратить внимание на такие анонимные статьи о литературе, как «Внутренние известия» (1847, № 6, отд. смесь), в которой подвергается полному пересмотру вопрос о «натуральной школе»; в другой такой же статье высказываются сочувственные рассуждения о Гоголе — Гомере, т. е. повторяется уже ранее осмеянный Белинским тезис К. Аксакова (1848, № 2, смесь, стр. 201—202).

Вообще, группа «прочих» критиков (а здесь речь может идти о группе) больших статей не писала, но ее ревизионистские суждения были очень многочисленны и отражались на направлении журнала. Они сами были следствием неуклонного измельчания маститой критики в ее крупных и решающих жанрах.

* * *

Перейдем теперь от общей картины к исследованию критики «Отечественных записок» 1846—1849 годов.

В статьях Галахова, хотя и в очень слабой степени, еще жили традиции прежних периодов «Отечественных записок». Из многочисленных рецензий и полемических заметок Галахова нужно выделить его годовой обзор литературы за 1847 год, в котором он критиковал написанный Майковым литературный обзор за 1846 год. Обзор Галахова во многом был попыткой поддержать традицию Белинского. Галахов с радостью писал Белинскому о многих совпадениях его оценок с оценками великого критика, давшего такой же обзор в «Современнике». Перед нами два обзора одного и того же года, в родственных журналах, близких по своему направлению.

В обзоре Галахова прежде всего подкупает широта постановки принципиальных вопросов русского реализма конца 40-х годов. Это было в духе Белинского. Вот основные положения, которые непосредственно поддерживали традиции Белинского.

«Название «натуральной школы», — говорит Галахов, — должно остаться по праву за господствующим направлением современной литературы<...>. Отличительные свойства этой школы — натуральность и воззрение на предметы со стороны общественной жизни»²⁵. Галахов поднял поставленный Бе-

линским в «Ответе «Москвитянину» вопрос о преимущественно отрицательном изображении жизни. Однако «односторонность» изображения Галахов целиком объясняет увлечениями школы, как неизбежным результатом каждого нового стремления литературы. Белинский яснее раскрыл этот тезис: критика общественной жизни — явление одностороннее, следствие исторических задач, которые поставила перед литературой действительность, но придет время и литература изобразит положительные характеры и явления, когда они появятся в самой действительности, привычка же верно изображать хотя бы и отрицательные явления не пропадет даром — это хорошая школа реализма.

Галахов показал повсеместность борьбы за «действительность» в современной литературе, философии, истории, против разных романтиков жизни. Все это напоминало Белинского.

Галахов выводит термин «натуральность» не из полемики с Булгариным и не только из литературного ряда, а считает его обозначением, специфической чертой всего идейного движения века. Эта мысль развивалась неоднократно Белинским; Галахов прямо связал «натуральность» в литературе с «натуральным», экспериментальным, методом в естествознании.

Он подчеркивает права современной критики не ограничиваться одним эстетическим анализом, но и говорить «по поводу» всех вопросов, с которыми связано художественное произведение. Неожиданно Галахов ссылается на «пушкинские» статьи Белинского. Это было странно, так как в «Объяснении по не-литературному делу» Краевский пытался утверждать ничтожность последней, одиннадцатой, статьи Белинского о Пушкине, появившейся полгода спустя после ухода критика из «Отечественных записок». Кроме того на страницах «Отечественных записок», благодаря стараниям Майкова, Белинский уже давно прослыл «бездоказательным» критиком, злоупотреблявшим эстетическим анализом в ущерб социальности и критике реальной.

Но как раз именно одиннадцатая статья о Пушкине, с блестящим анализом «Медного всадника», «Родословной моего героя» и проч., обнаруживает изумительное социологическое чутье Белинского и мастерство связывать эстетический анализ с идейным.

Подхвачена Галаховым и та мысль Белинского, что здравая критика теперь не только в журналах (таких, как «Отечественные записки» и «Современник»), но и в публике. Хотя Галахов многим обязан Белинскому, но в некоторых формулировках он предварил критика: вторая часть обзора Белинского, содержащая наиболее разительные совпадения с Га-

лаховым, появилась в мартовском номере «Современника» за 1848 год, а галаховский обзор целиком вышел в январском номере «Отечественных записок» за тот же год.

Наиболее разительные совпадения были в оценке Гончарова и Герцена. Здесь общими являются и контрастные сопоставления этих писателей, и конкретные оценки «Обыкновенной истории» и «Кто виноват?». Галахов писал: «Совершенно другого рода роман Искандера «Кто виноват?», а Белинский, делая соответствующий переход от Герцена к Гончарову, писал: «Совершенную противоположность составляет с ним в этом отношении автор «Обыкновенной истории». Галахов отмечал, как потом и Белинский, превосходный эпический элемент у Гончарова, спокойное созерцание жизни, подробность и тщательность описаний: «Характер романа резко отличается объективным, скульптурным изображением действительности, что нынче очень редко, при существующей охоте подавать непременно свой голос в событиях или чувствах. Автор понимает свою силу, которая вся состоит в искусстве описательном и подчас употребляет ее во зло...» (стр. 20). Белинский образно сравнивал типы писателей: у Гончарова «ум ушел в талант», а у Герцена «талант ушел в ум». На нечто подобное намекает и Галахов. Так же, как и Белинскому, Галахову нравятся продолжительные диалоги племянника с дядей.

«Кто виноват?» — говорит Галахов, — показывает в авторе двойную силу большого таланта: силу изображать трагические положения и силу изображать комическую сторону жизни» (стр. 21). Эта черта в таланте Герцена чисто гоголевская, а у Гоголя ее открыл Белинский.

«Записки доктора Крупова» были напечатаны в «Современнике», но отзыв «Отечественных записок» о них во многом совпадает с отзывом Белинского. Эти «Записки» были завершением мотивов повести «Еще из записок одного молодого человека», так как показывали, в какую зловещую общественную силу вырастают «малиновские» нравы, здесь был дан четкий ответ на вопрос, «кто виноват?»: виновато повальное общественное неразумие, которое охватывает, как подметил Галахов, многие слои и прослойки общества, в том числе и «образованные». Высоко оценивает Галахов и новаторскую поэзию Некрасова. Он отстаивает поэзию действительности и законность отражения политических интересов в литературе и подчеркивает здесь особую роль Гоголя, родоначальника направления.

Галахов признает органичность развития «натуральной школы», утверждает, что у нее есть своя программа.

Говоря о ней как о производном гоголевского влияния

на русскую литературу, Галахов показывает, что новая школа подошла к жизни со стороны общественной. «Вследствие этого, — говорит он, — вымышленные лица повествований служат представителями сословий, образами различных общественных рядов: посредством первых читатель узнает взаимные отношения последних. Так «Записками охотника» Тургенев знакомит нас с отношениями помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам. «Натуральная школа» не пренебрегает ни одним сословием общества, ни одною степенью или видом жизни сословий, хотя, подчиняясь истинно-человеческому духу времени, клонится преимущественно к стороне бедных классов народа — и сочувствие публики оправдывает ее наклонность: повести Григоровича «Деревня» и «Антон Горемыка» прочтены были с большим интересом <...>; в каждом ее произведении — если оно написано под влиянием серьезной мысли — непременно присутствует нравственная тенденция, которая обнаруживается часто раскрытием болезней современной жизни, обнаружением черного положения тех или других состояний»²⁶. И дальше Галахов развивает тезис о праве «натуральной школы» на критическую «одно-сторонность» изображения жизни, как следствия ее движения вперед.

Однако и в обстоятельной статье старого критика «Отечественных записок» Галахова намечился в ряде пунктов принципиальный отход от Белинского.

В обзоре Галахова встречается повторение излюбленных отныне в критике «Отечественных записок» доктрин позитивистского, вульгарно-материалистического характера, при этом все пункты расхождений с Белинским, не считая частных и производных, оказываются тесно связанными друг с другом.

Объявив, что цель истории человечества — «развитие личности человека во всей ее истине и полноте», Галахов увидел развитие этого принципа в жизни мыслящего «меньшинства». По его мнению, как «лучший круг людей есть круг людей образованных», так и лучшим произведением литературы будет то, в котором выражены высшие стремления этой части общества: «Только избранные понимают важность господства идей».

Философские и политические основания рассуждений Галахова о «действительности» таковы. Он считает, что первенство теперь по силе развития принадлежит наукам общественным, но задачей их и, в частности, политэкономии (которая, по мнению Галахова, «изгнала философию»), является то, чтобы «показать законы равномерного распределения благ по всем классам, определить разумные начала, постоянные правила общественного богатства»²⁷. Галахов указывает, что

именно из-за отсутствия этого филантропического начала критика и была недовольна книгой Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии».

«Другая наука, — говорит Галахов, — получившая в последнее время сильное развитие, есть физиология». Затем Галахов становится на точку зрения вульгарного материализма. Он развивает свою мысль следующим образом: «Успехи физиологии (и естественных наук вообще) приводят к сознанию начал и законов общественной жизни: других путей к этому не существует <...>. И потому «физиология индивидуальная», т. е. наука о жизни человека-индивидуума, начинаясь там, где кончилась физиология растений и животных, дает сама начало «физиологии общественной» — науке, имеющей предметом высшие формы жизни общественной, самой многосложной, наименее точной, наиболее зависимой и между тем совершеннейшей <...>. Будущность ждет великих откровений от естественных наук»²⁸.

Объявив, что «самое важное, характеристическое явление современной жизни заключается в сильном стремлении общества к материальным интересам», Галахов понял это несколько плоско (см. его отзыв о «Письмах из Avenue Maigny» Герцена). Критика французской современной крупной буржуазии Герценом не понравилась Галахову. Известно, что Белинский упрекал Герцена в односторонности, в пренебрежении историческими фактами, доказывающими двойственную роль буржуазии, в игнорировании различий между крупной и мелкой буржуазией, буржуазией борющейся и торжествующей. Но в отличие от Белинского Галахову не понравилась сама критическая постановка вопроса у Герцена.

«Буржуазия создала силу Франции, — восклицает Галахов: — неужели русский путешественник XIX столетия не видит в ней ничего, кроме злоупотребления власти?». Галахов считает, что вопрос о богатом сословии тесно связан с вопросом о капитале, а поэтому для чего бранить первое, ничего не говоря о последнем. «Есть же во Франции, имеющей слишком 30 миллионов жителей, — продолжает он, — что-нибудь другое, кроме пролетариата: отчего же этого другого нет в «Письмах?». И Галахов сам отвечает: «От того, что автор пошел по следам недавно вышедших творений, полученных, впрочем, и в Петербурге и в Москве»²⁹. Галахов утверждает, что взгляд Герцена — «заимствованный», а «заимствовал» он его из мнений той категории, «которая в истории видит борьбу пролетариев с буржуазией, бедного и богатого класса народа». Галахов выступает за компромиссное разрешение вопроса о труде и капитале как на Западе, так со временем и в России.

Галахов понимает «социальность» не так, как Белинский. Тот понимал ее «по-маратовски», революционно-демократически, а Галахов озабочен отысканием правил справедливого распределения благ между всеми классами, отысканием «разумных» начал, «постоянных» правил общественного богатства.

Вот, например, как Галахов трактует поднятое в печати 40-х годов обсуждение крестьянского вопроса. Во всех этих статьях Галахов видит лишь то, что, «несмотря на разногласие судящих, вопрос приводится к устройству нормальных отношений между двумя сторонами». «Постановить нормальные отношения между трудом и капиталом, — говорит он, — определить, где больше обоюдной пользы — в барщинной обработке, или в отдаче земли в наем — такова настоящая задача землевладельцев!»³⁰.

В этой связи становятся понятны и некоторые критические приговоры Галахова, например, его отзыв о нетипичности образа Адуева-дяди и отрицательное к нему отношение Галахова. Он считает, что Адуев-старший выведен однобоко только для того, чтобы высмеять претензии надутого романтизма Адуева-племянника. Галахову не нравится именно эта гипертрофия образа дяди, превращающая его в эгоиста, героя пустоцветной положительности, занятой только деньгами и ломбардами. Отметим сочувствие автора романа к Петру Адуеву, Галахов в то же время не принял образ нарождающегося русского буржуазного дельца в «Обыкновенной истории». Он хотел бы видеть образ дельца облагороженным, не карикатурным.

Эти и многие другие расхождения Галахова с Белинским сложились не стихийно; они были им самим декларированы в той же обзорной статье, в рассуждениях о судьбах русской критики последних лет. В этом случае Галахов становился на сторону Майкова.

Полюбившийся Галахову практицизм современности он находил и в «натуральности» литературной критики, которую, однако, понимал по-своему.

«Читатели «Отечественных записок», — уверяет Галахов, — сознаются, что критика в статьях: о романах В. Скотта (Майков. — В. К.), о сочинениях Фонвизина (Дудышкин. — В. К.), и Озерова (Галахов. — В. К.), и об «Опыте о народном богатстве» (В. Милютин. — В. К.) сделала большой шаг вперед не только против прежней критики, но даже против критики недавних годов»³¹. Критика недавних годов — это критика Белинского, с которой Майков полемизировал уже в 1846 году, а Галахов полемизирует теперь. Чем же замечательна, по Галахову, эта новая критика? Оказывается тем,

что только теперь критика вышла «из тесного круга своего предмета, своего народа и времени, и рассматривает данное сочинение в отношении к другим предметам знания, к другим сочинениям, по тому же предмету, иностранным и отечественным»³². Примеры приводятся такие: литературная деятельность Фонвизина связана в статьях Дудышкина с деятельностью Екатерины II, трагедии Озерова рассмотрены на фоне трагедий древних и новоевропейских. Но все это уже было пять-десять лет тому назад введено Белинским, который четко знал свой предмет и не превращал критику в мертвое академическое резонерство и описательство, как это делал, например, Дудышкин.

В своих методологических посылках Галахов все больше и больше становился заодно с Майковым, о котором мы скажем сейчас специально.

* * *

Когда В. Майков сменил Белинского в «Отечественных записках», то многим современникам казалось, что отныне критика становится другой не только по тону, но и по своему методу. При этом они полагали, что Майков вообще пошел дальше Белинского. Куда и как?

В. П. Боткин писал П. В. Анненкову в ноябре 1846 года: «Майков младший занимается теперь критикой в «Отечественных записках» <...>; этот человек не заражен немецкими теориями и получил французское образование. Немецкие теории чуть не убили здравый смысл в нашей критике, и если Белинский успел таки сберечь его в себе, то за то сколько же и нагородил он дичностей на своем веку! Да, французский взгляд, то есть взгляд, опирающийся на здравом смысле, истории, имеющий в виду множество, а не посвященных и избранных, — вот что нужно для русской критики. Для такого взгляда нужна твердая рука и меткий ум, — ну, а в Майкове, увы! этого еще не видать. Авось выработается!»³³.

Еще более апологетичными были отзывы друзей Майкова в некрологе о нем.

Как бы в пику Белинскому приятель Майкова А. Н. Плещеев писал в некрологе («Русский инвалид», 1847, № 181), что статьи Майкова «отличаются необыкновенною доказательностью, логичностью выводов, отсутствием парадоксов и значительною эрудицией, качествами, которыми не могла до него похвалиться наша критика». В некрологе, написанном Порецким («Отечественные записки», 1847, № 8), сказано, что статьи Майкова в «Отечественных записках» «могли только показать вам крайний предел, до которого в настоящую минуту развилась наша критика».

Весьма благосклонно отзывался о Майкове И. А. Гончаров в некрологе, напечатанном в «Современнике» (1847, № 8). И. С. Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском категорически заявлял: «Незадолго до смерти Белинский начинал чувствовать, что наступало время сделать новый шаг, выйти из <...> тесного круга; политико-экономические вопросы должны были сменить вопросы эстетические, литературные; но сам он себя уже устранил и указывал на другое лицо, в котором видел своего преемника — на В. Майкова, брата поэта»³⁴.

Этот упор на будто бы новый метод у Майкова, выражающийся то в отказе от немецких умозрений (Боткин), то в доказательности и логичности выводов (Порецкий), то в перевесе интересов к проблемам политэкономическим (Тургенев), увенчивается неоднократными указаниями позднейших исследователей на то, что философской базой критики Майкова был «трезвый» позитивизм Конта.

Правда, Плеханов в известной статье, которая сопоставляет обоих критиков: «Виссарион Белинский и Валериан Майков» (1911), уклонился от окончательного решения вопроса о позитивизме Майкова. Но он категорически заявил: «...В. Майков умер, не успев выйти из своего периода философских исканий. Значит, нам только и остается здесь, что определять общее направление, в котором совершались эти искания. Но зато мы можем с полной уверенностью повторить: *направление это резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов*»³⁵.

Майкову была свойственна некоторая претенциозность. Он неоднократно подчеркивал доказательность своей критики. Он даже готов был считать, что до него критика носила чисто вкусовой характер и что оценка по принципам только теперь начинается. Так, например, в статье о «Стихотворениях Кольцова» Майков писал: «Скоро мы будем иметь случай поговорить подробнее о последних годах русской литературы вообще и русской критики в особенности (т. е. в обзоре литературы за 1846 год. — В. К.). Довольно, если из всего сказанного убедятся читатели, что теперь только что пришла пора толковать о законах изящного и что приняться за этот труд нельзя иначе, как правильным вчинением иска на такие эстетические учения, которые считаются опровергнутыми»³⁶. Следовательно, вопреки своему известному «объяснительному» письму Тургеневу, в котором он исповедовался в любви к Белинскому (ноябрь 1846 г.), Майков начинал «вчинять иск» на эстетическую теорию Белинского, которую даже объявляет «опровергнутой».

В той же статье о Кольцове Майков упрекал Белинского в том, что у него слишком много априорных, схоластических построений: например, разграничение художественных дарований по степеням — гений, гениальный талант и просто талант. Майков считает все эти термины «психологическими» и поэтому не поддающимися конкретному толкованию, пустыми по содержанию. Однако Майков не увидел, что это разграничение перекликается у Белинского с разграничением произведений по степеням художественного обобщения — художественность, поэтичность, беллетристика. Эти гибкие определения отражали стилевое многообразие «натуральной школы» и различные степени художественного углубления литературы в жизнь. Все эти термины у Белинского не просто «психологические», а конкретно-эстетические.

Майков напал и на диктаторский тон критики Белинского, т. е. выступил против прямой критики, начав насаждать критику уклончивую, что отражало либерализм самого Майкова.

И, наконец, Майков с аристократическим, космополитическим презрением заговорил о народе как инертной массе, о том, что историю делает критически мыслящее, образованное меньшинство.

Во всех построениях Майков исходит из принципа «сознательности». Что же это за принцип? Мы помним, что этим-то он и понравился Тургеневу, Порецкому, позднее Скабичевскому. В статье о Кольцове Майков выдвинул положение: *«...надо увериться прежде всего в истине, что каждый из нас познает и объясняет себе все единственно по сравнению с самим собою. Истина эта стара, и потому мы не будем ее доказывать; но не худо припоминать ее от времени до времени, по крайней мере всякий раз, когда представляется необходимость объяснить себе какой-нибудь антропологический факт; иначе — прощай логика!*

В настоящем случае, она имеет для нас ту важность, что, опираясь на нее, мы имеем возможность объяснить закон человеческой симпатии»³⁷.

Затем все восприятия внешнего мира Майков делит на две группы, исходя из якобы искони присущего человеку свойства *занимательности*.

Он пишет: «Истинное стремление наше в том, чтоб во всем найти самих себя. Из этого следует, что занимательность и симпатичность предмета — два свойства совершенно различные: нас занимает то, что кажется нам новым, неизвестным, непонятым; сочувствовать же можем мы только тому, в чем мы уже дали себе отчет и в чем нашли самих себя. Поэтому каждый предмет, доступный нашему познанию, необ-

ходимо разделяется нами на две половины: к первой относим мы все то, что несколько не напоминает нам о собственной нашей природе — это сторона *любопытная*, подстрекающая одну любознательность; ко второй — все то, что в нем есть общего с нами, с человеком — это сторона *симпатическая*, возбуждающая в нас *любовь*, сердечное, кровное сочувствие». И, наконец, Майков заключает: «Теперь, соображая все сказанное, спрашиваем: что пленяет нас в действительности и в искусстве? Ответ будет такой: во всем мы пленяемся собою. Итак, *нет на свете предмета неизящного, непленительного, если только художник, изображающий его, может отделять безразличное от симпатического и не смешивает симпатического с занимательным*»³⁸.

Майкову казалось, что, держась таких «не психологических» исходных принципов, как «сознательность», «любопытное», «занимательное», «симпатическое», и того мнения, что каждый человек «познает все единственно по сравнению с самим собой», он сможет наглядно, убедительно, «без диктаторства» вывести все понятия науки и эстетики. Майкову казалось, что поскольку он опирается на очевидный субъективный опыт всех и каждого, на «мою» любознательность, на «мою» симпатию и «мою» антипатию, то он достигает той самой доказательности критики, которой не смог достичь Белинский, опиравшийся на гегелевскую объективную логику вещей, на доводы «разумной» действительности.

Но все, что говорил при этом Майков, было наивным заблуждением субъективной логики и социологии, которые берут за исходное абстрактного человека и возводят его «капризы и раздумья» в абсолют, в общечеловеческие свойства и нормы.

Основные исходные принципы Майкова — «любопытное», «симпатическое» — лишены исторического содержания, живой диалектики. Все они — образец позитивистской псевдоконкретности, рассчитанной на метафизические, догматические представления обывателя, который «свои» мысли и «свой» ощущения выдает за абсолютные нормы.

Майков несомненно был последователем позитивизма О. Конта. В известном письме Боткину 17 февраля 1847 года Белинский этот позитивизм отверг. Против Конта выступал петрашевец Н. С. Кашкин, прочитавший доклад «Идеалистический и позитивный метод в социологии». Но именно этот метод начинал проводить в социологии Майков, который был не всегда последовательным с точки зрения автора «Курса позитивной философии», но все же определенно следовал его основным принципам.

В изучаемый период «Отечественные записки» начали про-

поведовать позитивизм, отказываясь от прежней разработки диалектики и материализма, которой занимались Белинский и Герцен в предыдущие периоды.

Галахов в письме Краевскому 30 мая 1847 года обещал прислать статью с «изложением положительной философии»³⁹. Позитивизм проповедовался в анонимной рецензии (возможно, автор ее Галахов) на книгу Амария Брайема «О влиянии умственного образования и умственного раздражения на здоровье» (1847, № 6). Декларацию о позитивной философии мы находим также в статье «Литературная производительность Франции в течение последних пятнадцати лет» (1848, № 2), возможно, также принадлежащей перу Галахова. В этой статье говорится: «Огюст Конт, ум по преимуществу строго логический, выразил убеждения свои в «Курсе позитивной философии», первый том которого появился в 1839 году. Главный предмет его размышлений — закон развития человечества. Система его называется общественной физикой, а формула ее — *сочетание законов физиологии с откровениями всеобщей истории человеческого рода*. Замечательнее Конта, основателя положительной философии, Европа немного представила мыслителей в последнее время»⁴⁰.

Майков сам заявлял о своей приверженности к позитивной философии Конта. Еще в ранней работе, появившейся в «Финском вестнике» под названием «Общественные науки в России», Майков указывал в примечании, что применяет здесь формулу Конта «для выражения статических и динамических законов общества»⁴¹. В. Милютин в статье, посвященной «Опыту о народном богатстве» Бутовского, с похвалой отзывался о Конте, который «объяснил весьма подробно и удовлетворительно способ положительного обрабатывания общественных наук»⁴². (1847, № 11).

Конт со своей «положительной философией» явился идеологом упрочившейся у власти буржуазии. Его философский позитивизм призван был благословить существующий общественный порядок. Конт открыто объявлял диалектику и все революционные учения «метафизикой», пережитками будто бы пройденной человечеством стадии мышления. Представляя собой не что иное, как смешение систем Канта, Сен-Симона, многих естествоиспытателей, позитивная философия Конта, по замечанию Маркса (в одном из писем к Энгельсу), представляла по сравнению с Гегелем «нечто жалкое».

Позитивизм представлял собой разновидность агностицизма, так как Конт отрицал способность разума проникать в закономерности явлений окружающей природы, постигать их сущность. Конт признавал только способность разума постигать «неизменные отношения последовательности и подо-

бия». Он считал, что «идеи управляют миром и переворачивают его». Но наряду с этим, Конт бравировал будто бы органической связью позитивизма с открытиями современного экспериментального естествознания и пытался перенести в социологию методы последнего. В позитивизме соединялись элементы агностицизма, воинствующего субъективного идеализма с элементами вульгарного материализма. Философия Конта льстила самолюбию буржуа тем, что умела уживаться с самыми противоречивыми направлениями идейной борьбы, представляя собой отъявленную лакейскую защиту существующего строя, пытаясь заставить служить целям этого строя самые противоборствующие течения искусства и науки.

Что же роднит Майкова с Контом?

Конт объявил, что каждая отрасль знания исторически проходит три стадии развития: *теологическую* (фиктивную), *метафизическую* (абстрактную) и *позитивную* (т. е. истинную, дающую подлинное знание). Таким образом, свою собственную систему Конт считал итогом развития человеческого знания.

Вслед за Контом Майков объявлял гегелевскую диалектику «метафизикой», пройденным этапом ребяческих увлечений «абстрактными силами». Пройденным этапом он считал и критику Белинского, всецело базировавшуюся на диалектике, которая-де страдала априоризмом и бездоказательностью.

Конт считал, что «опыт» — это совокупность переживаний субъекта. Майков, как говорилось выше, утверждал, что истинное стремление наше в том, чтобы «во всем найти самих себя», что искусство — это «возведение явлений жизни в мир человеческих интересов», что «каждый познает и объясняет себе все единственно по сравнению с самим собою».

Взамен наполненных живым конкретным содержанием категорий Гегеля, отражающих закономерности объективного мира, Конт выдвинул пустые и надуманные категории отвлеченного и субъективистского характера. Забравовав теологическую и метафизическую философии, он определял задачи позитивизма так: «в положительном состоянии человеческого дух познает невозможность достижений абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя (!) рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т. е. их неизменных отношений последовательности и подобия»⁴³. Собственно, здесь нет «познания», а есть лишь «комбинирование» с целью оправдания того, что есть, что является «неизменным»; здесь — призыв описать связи между явле-

ниями по их ныне существующей «последовательности» и «подобию». Но вопросы «что?», «откуда?» и «почему?» Конт объявляет пережитками старой, гегелевской «метафизики», считая, что они не в компетенции науки.

Описательной и субъективной в вопросе о категориях была и критика Майкова, исходившая из принципа о «пределах познания».

Майков совершенно не вдумался в реальное значение категорий у Белинского: гений, гениальный талант, талант. Майков утверждал: «Гораздо согласнее с пределами современных познаний (!) было бы называть каждую способность во всех ее степенях одним и тем же существительным, с простым прибавлением к нему прилагательного *по усмотрению*»⁴⁴. Категории же самого Майкова «симпатическое», «занимательное», «любопытность», «любопытность» и проч. — внеисторические абстракции. Эти категории по сравнению с категориями Белинского также можно определить как «нечто жалкое».

Позитивизм Конта весь пронизан аристократическим (буржуазным) презрением к трудящемуся люду, к массе, к толпе. Конт чувствовал ее взрывчатую силу и ее пристрастие к «алгебре» «метафизики», т. е. к диалектике, к революционным теориям⁴⁵. Конт все время выступает с позиций «здравомыслящего» буржуа.

Подобно Конту, и Майков разделял каждую нацию на инертную массу и мыслящее меньшинство. Известно, что этот вопрос явился главным предметом полемики Белинского с Майковым — «гуманистическим космополитом», отрывавшим «гения» от «толпы», революционный авангард от народа и выхолащивавшим демократическое содержание реалистической критики.

Конт щеголял связью позитивизма с опытными науками. На основе этой же связи Майков провозглашал перестройку эстетики, считая, что век ее кончился и что начался век положительных наук.

Но все это приводило к извращению социальной сущности эстетики. Конт предлагал связать искусство с заказами господствующих классов. Конт был за «активное», наступательное искусство, но он понимал само искусство как простую беллетризацию нужных буржуазии идей. Нечто подобное мы встречаем и у Майкова.

В отзывах о «Мертвых душах» позитивист Майков принижает социальное значение образов Манилова, Коробочки, Собакевича, Чичикова, представляя каждого из них жертвой его собственной «натуры». Сопоставляя Гоголя с Достоевским, Майков видит контраст между ними в том, что Гоголь —

писатель по преимуществу социальный, а Достоевский — психологический. Между тем Белинский, видя важное значение психологизма у Достоевского, подчеркивал главное — социальную силу «Бедных людей», связь по этой линии Достоевского с Гоголем. Майков же выносил Достоевского за скобки сатирической, остро изображающей жизнь «натуральной школы». Майков горячо защищал беллетристику, как открытую проповедницу социальных идей, однако, выдвигая Буткова, он очень узко истолковывал сущность натурализма и начисто лишал его художественного значения. Это было опять обеднением, вульгаризацией установок Белинского. В сущности это все было ревизионизмом по отношению к Белинскому.

Но вместе с тем, хотя Майков и близок к Конту по методу, у него нет той воинствующей буржуазности, которой отличался основатель позитивной философии. В своих политических статьях Майков стоял по существу за буржуазный прогресс без его изъянов. Это хорошо показал Плеханов. Но русские условия не давали еще вполне проявиться этой буржуазности Майкова.

Эти отдельные примеры расхождений Майкова с Белинским представляют собой некоторую внутренне связанную систему. В критике «Отечественных записок» происходила потеря того самого здорового исторического объективизма, который Белинский купил ценой временного примирения с «красивой» действительностью.

У Майкова стала развиваться дурная манера превращать «анализ», «синтез», «дуализм» и прочие категории в самодовлеющие принципы, и поэтому для него вся история философии — это борьба якобы синтеза с анализом; борьба «западников» со славянофилами — это борьба «монистов» с «дуалистами». Закон исторического движения — это борьба «гения» с «толпой», мыслящего меньшинства с инертным большинством, общечеловеческого с национальным. Выхолащивалось политическое и социальное содержание общественных направлений. Основное содержание эстетики Майков усматривал также в борьбе «разума» с «чувством».

Белинский внимательно следил за комбинациями, которые Майков производил с основными философскими и эстетическими категориями, добиваясь своей «математической строгости суждений». В обзоре литературы за 1846 год Белинский бросил упрек Майкову в том, что последний, «беспредостанно нападая на какой-то дуализм», который он «видит всюду, даже там, где его вовсе нет», сам впадает «в крайность самого отвлеченного дуализма».

Теория Майкова утрачивала всеохватывающий обобщаю-

щий практику «натуральной школы» характер, и он же начал поговаривать о том, что никакой «натуральной школы» и ее программы нет.

Мы помним, как Белинский в 1842 году высоко поставил престиж критики в статьях «Речь о критике». Критика Белинского действительно была рычагом, двигателем самого прогрессивного литературного развития, взаимодействовала с передовой литературой. Майков начинает все это пересматривать, явно умаляя значение критики на двух предыдущих этапах истории «Отечественных записок», т. е. критики Белинского.

В статье «Стихотворения А. В. Кольцова» Майков писал: «Критика никогда не опережала у нас литературы; скорее можно сказать, что таланты опережали ее и боролись с нею, как с одним из главных препятствий к быстрому признанию их достоинств. Мало того, силою своих талантов, поэты наши сами образовывали новые школы критиков, которые по сочувствию принимали на себя труд поддерживать новых деятелей в мнении публики похвалами, вовсе непохожими на оценку по принципам»⁴⁶.

Мы видим, что Майков рисует ложную картину развития русской литературы.

«Развитие нашей литературы до появления сочинений Гоголя шло так гладко, так постепенно, что публика чрезвычайно легко переходила от одних требований к другим, от одной школы критики — к другой»⁴⁷. Только появление «Мертвых душ», по словам Майкова, изменило этот монотонный порядок вещей.

Мир и согласие в критике, монотонный порядок развития литературы до 1842 года — чистая иллюзия Майкова. Своим утверждением Майков за видимой похвалой Гоголю полностью зачеркивал Лермонтова и весь первый «метафизический» период «Отечественных записок». Этот нигилизм по отношению к первому периоду ничего хорошего не приносил и двум последующим. По Майкову, получалось, что «самая так называемая *натуральная* школа, не представляет собой никакого единства эстетических принципов». И уже прямым вызовом Белинскому звучал окончательный вывод Майкова: «Созданная им (Гоголем. — В. К.) школа быстро водворяется в нашей литературе; но деятельность ее бессознательна и смутна, потому что сам Гоголь только увенчан, а не объяснен критикой»⁴⁸.

* * *

Если Галахов и Майков занимались общими вопросами методологии критики, оценкой современной художественной

литературы, то Дудышкин ушел в историю литературы, в прошлое. Но и в области истории литературы происходила ревизия принципов Белинского.

Правда, в статье об «Истории русской словесности, преимущественно древней» Шевырева, Дудышкин, похвалив Шевырева за факты, их обилие и подбор, разгромил его общие установки. Из двух способов излагать историю литературы (а не трех, как у Белинского, см. вторую главу): «хронологического» и «философского», по мнению Дудышкина, лекции Шевырева следуют первому, т. е. заключаются в «исчислении фактов». Дудышкин упрекает Шевырева в натяжках, силлогизмах, пристрастиях к облюбованным мыслям. По словам Дудышкина, лекции изобилуют «пустыми догадками, сказанными для риторических прикрас, темными профицаниями, ни к чему не ведущими, своевольными выводами, ни откуда не следующими» и проч.⁴⁹ Поэтому Дудышкин считает, что «эти лекции не могут ожидать глубокого сочувствия».

Самой ценной частью статей Дудышкина является одно из первых в нашей критике нападение на компаративистский метод в литературоведении и языкознании. Из Германии, говорит Дудышкин, к нам пришли сравнительные словари и грамматики. Но «вместе с пользою, не пришло ли к нам несколько и вреда? Опять явилось то же самое остроумие, но только оно вооружилось страшными для профанов именами: санскритский язык, коптский, скандинавский,—и под личиною учености вновь стало натягивать сближения и находить небывалые корни и производства»⁵⁰. Дудышкин приводит большое количество парадоксов, промахов, сделанных учеными, слепо шедшими за компаративистами. Он упрекает Шевырева в произвольных сближениях русских песен с индийскими, Ильи Муромца с испанским Сидом, в то же время несколько не возражая против доказательных и всесторонне обоснованных сближений и сравнений.

Касаясь русской литературы XVIII века, Дудышкин иногда обращал внимание на такие факты, о которых мало писал даже Белинский. Так, в рецензии на книгу А. Вейдемейера «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия» Дудышкин отметил, что в книге есть рассказы «о Новикове и его заслугах в отечественной литературе, о <...> Княжнинне и Радищеве — людях замечательных, но исторически не объясненных»⁵¹. Конечно, здесь есть неточность: Белинский не раз объяснял значение Княжнина и Новикова. Но Новиков действительно заслуживал бы большего внимания. Что касается Радищева, то этот упрек совершенно справедлив. Дудышкин свою мысль никак не развил, он только бросил упрек, но и это было важно, тем более что Ради-

щев, о котором было запрещено упоминать в журналах, назван лицом «замечательным». В книге А. Вейдемейера было названо и «главное творение» Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Достоинством этой рецензии, а также крупных статей о сочинениях Фонвизина (и напечатанной в «Современнике» статьи о Кантемире) является то, что Дудышкин рассматривает все литературные явления на фоне философского движения того времени. В рецензии было посвящено много страниц французскому просвещению, энциклопедистам.

Дудышкин говорил о том, как в век Екатерины Россия теснее связалась с Западной Европой, как пробуждалась любовь к английскому, французскому просвещению: читали Томаса Мора, Локка, Бэкона, Гоббса, Монтескье, Руссо, Вольтера, Кондильяка, переводы следовали за переводами. «Изучение западной литературы,— писал Дудышкин,— принесло с собою и новый взгляд на вещи. *Любовь к природе и человечеству*, явившаяся среди блеска и роскоши тогдашнего общества, была привита к нам русским <...>; мы также начали уважать человека как человека, за его личные достоинства и таланты»⁵². Такой широкий фон есть и в статье о Фонвизине.

После статей, печатавшихся в «Отечественных записках» в 1844—1846 годах: «Реформация» (по Ранке), «Оливер Кромвель» (по материалам Карлейля), «Людовик XV и его век» (по Капфигу), после известного спора Белинского с Грановским о Робеспьере (письма 1842 г.), нарисованные Дудышкиным картины умственного переворота, бурного просвещения на русской почве были многозначительными. Недаром Белинский похвалил статьи Дудышкина.

Но все же эта благородная задача пропаганды XVIII века им не могла быть решена. Дудышкин во всех статьях выступал либеральным апологетом Екатерины II и откровенно заявлял, что «Наказ» Екатерины II был тем идеологическим стержнем эпохи, который определял деятельность всех выдающихся людей того времени. Получалось, что западное влияние, сатирическое творчество Фонвизина были вызваны к жизни Екатериной и всецело ею определялось их содержание. «...Екатерину мы ставим, — писал Дудышкин, — во главу движения, которое ее образованность давала России; на Фонвизина же смотрим только, как на человека, который развивал начала, изложенные в «Наказе», следовательно; брошенные в русское общество»⁵³.

Несомненно, эта либеральная ориентировка на «верхи», попытка вывести сатиру Фонвизина из идей и понятий, «брошенных» с престола в общество, является также показателем

сползания «Отечественных записок» на либеральные позиции после ухода Белинского.

Современный нам автор специальной работы о Фонвизине К. В. Пигарев указывает: «Долгое время в русской критике, независимо от ее направления, господствовал исторически неверный взгляд на то, что русская общественная мысль и литература екатерининского времени направлялись самой императрицей. Эту ошибочную точку зрения разделял, в частности, и Белинский, отмечавший, что в речах положительных персонажей комедий Фонвизина слышен «голос умных и благонамеренных людей того времени — их понятия и образ мыслей, созданные и направленные с высоты престола»⁵⁴. Но с таким отождествлением Белинского с «либералами» «независимо» от их направления в оценке Фонвизина и других явлений литературы XVIII века согласиться нельзя.

Белинский говорил только о речах положительных персонажей комедий Фонвизина, но сатиру его он целиком не выводил из «Наказа» Екатерины, из «понятий и образа мыслей, созданных и направленных с высоты престола». И в специальных статьях о Державине, и о Пушкине и отчасти в статье о Кантемире, в которых Белинский касается общих предпосылок появления сатиры, критик главную предпосылку видит в духе времени, в широком умственном, просветительском движении века, частью которого была сама игра Екатерины II в «просветительство».

Между тем Дудышкин и сатиру Фонвизина выводит из «Наказа». Он пишет: «Мы видели, как усердно действовала Екатерина II и правительство против этого зла (невежества. — В. К.); но то было действие положительное — провозглашение новых понятий и идей. Фонвизин действовал отрицательно, осмеянием недостатков сатирой — против того же зла»⁵⁵.

Поэтому в отношении к Фонвизину, Новикову и к русскому просвещению XVIII века у Белинского и Дудышкина были две линии, зависевшие от направления их критики, как бы они еще ни уживались в 40-х годах одна с другой. Это были отношения демократа и либерала, отношения «Отечественных записок» 1842—1846 годов и «Отечественных записок» 1846—1848 годов.

Статьи Дудышкина были симптомом полного разоружения критики «Отечественных записок» как программы «натуральной школы». Дудышкин уже не выступал по современным литературным вопросам. Это свидетельствовало о несомненном понижении общего уровня критики после Майкова, о дальнейшем распаде ее предмета.

В «Отечественных записках» стали появляться парадоксальные статьи и приговоры, которые свидетельствовали

о полном отказе некоторых критиков от признания не только заслуг «натуральной школы», но и от самого факта ее существования. Тут уже дело было не до обобщений ее опыта и не до руководства литературным процессом.

Вот пример таких отзывов: «Кому удавалось хоть изредка заглядывать в фельетоны наших газет, тот, верно, предполагает, что у нас в литературном мире есть разряд писателей, известный под именем *натуральной школы*. Прозвание *натуральной* дано ей в виде насмешки, и потому бесполезно искать в нем объяснения характеристического направления школы, тем более, что такого направления нет,— точно так, как нет и самой школы. Того разряда писателей, о котором мы говорим, нельзя назвать школой уже потому, что школа предполагает существование определенного, вполне образовавшегося теоретического учения, которого держатся члены этой корпорации; а писатели *натуральной школы* до сих пор не имеют такого положительного высказанного учения, которое бы связывало их в одно целое, в одну школу с определенным направлением. Они, напротив, беспрестанно спорят между собой о самых основных принципах искусства. Они не следуют какому-либо новому учению, а стремятся переработать, исправить ученье старое, не согласное ни с духом времени, ни с личными их убеждениями. И если в образе их мыслей, — весьма различных, впрочем, — есть что-нибудь общее, то это именно — сочувствие современному и сознание недостаточности устарелого. Такие школы являются с каждым новым поколением, и ко всем им можно приложить название *натуральных*, как потому, что стремление к усовершенствованию вообще весьма естественно для человека, так и потому, что это усовершенствование всегда есть шаг к натуральному, т. е. к истине»⁵⁶.

Несомненно, этот нигилизм навеян выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя и полемикой вокруг них. Если Белинский в «Современнике» сумел правильно осветить вопрос о «натуральной школе», показать смысл падения Гоголя и объяснить, что школа от этого не пала, то «Отечественные записки» явно растерялись, сконфузились и ударились в нигилизм. Он стал у них теперь устойчивым, потому что ни Майков, ни Дудышкин всерьез не поддерживали «натуральной школы», особенно ее теоретической программы. Поэтому через год мы встречаем в «Отечественных записках» как бы заключительное высказывание о «натуральной школе». «Отечественные записки» считают, что отвечать на нападки Шевырева против школы было бы уже непростительным анахронизмом, и ограничиваются грамматическими препирательствами⁵⁷.

Таковы были итоги критики «Отечественных записок» без Белинского.

4

Полемическая активность «Отечественных записок» в 1846—1849 годы заметно падает, если не считать той распри, которая произошла у Краевского с издателями обновленного «Современника», и того выпада против «устарелой» «метафизики» Белинского, который, как мы уже говорили, сделал Майков в статье о стихотворениях Кольцова.

Нас мало интересуют споры об орфографии, о торговле древней России, развернувшиеся в это время между «Отечественными записками» и «Москвитянином». («Голос в защиту от голоса русского языка», 1846 г., «Ответ «Москвитянину» — статья статистика А. Егунова, 1849 г.), мало интересны даже задорные выпады против стихотворений «москвитянского» эпиграмматиста М. Дмитриева (1846, № 6). Все это вопросы второстепенные, если мы вспомним, что в это же самое время Белинский пишет в «Современнике» свой громовой «Ответ «Москвитянину» по принципиальнейшим политическим и эстетическим вопросам и в годовых обзорах окончательно формулирует программу «натуральной школы», ведет полемику по поводу «Выбранных мест» Гоголя и проч.

Реакционная книга Гоголя получила в «Отечественных записках» весьма никчемную характеристику; авторское предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», столь возмущившее Белинского извращенным толкованием смысла гениального создания, получило слабую критическую характеристику в «Письме к Н. В. Гоголю», написанном Галаховым (1847, № 2), а выпад Хомякова против «натуральной школы» в статье «О возможности русской художественной школы» («Московский сборник на 1847 год»), получивший достойную отповедь Белинского в «Современнике», был оспорен лишь в той части, в какой Хомяков нападал на Кавелина, автора отзыва об известном «Сборнике исторических и статистических сведений о России», изданном Д. Валуевым. Автором этого полемического письма в редакцию «Отечественных записок» с протестом против нападок Хомякова был Грановский (1847, № 4). Естественно, что «Отечественные записки», сами утрачивавшие веру в существование «натуральной школы» как единого целого, имеющего свою теоретическую программу, не смогли достойно опровергнуть неверные, реакционные измышления Шевырева в его статье «Очерки современной русской словесности» («Москвитянин, 1848, № 1), в которой он пытался по-своему подвести итоги бурно прошедшему году в истории русской литературы. Наоборот, именно в статье об очерках Шевырева «Отечественные записки» сами высказались в ниги-

листическом духе по вопросу о существовании «натуральной школы». Для них падение Гоголя в какой-то степени также было аргументом в пользу того, что все дело Белинского, дело «натуральной школы» рушится и что оно было лишь результатом происков «партии» (1848, № 3).

Снисходительная интонация о «заблуждавшемся» Белинском слегка прозвучала и в некрологе о нем, напечатанном в «Отечественных записках». «Никакие журнальные отношения последнего времени,— писал в некрологе Краевский,— не мешают нам сказать, что Белинский, будучи человеком чрезвычайно даровитым, отличался в то же время непреклонною честностью и благородством поступков в частной жизни. Очень нередко заблуждался он в своих литературных мнениях; заблуждения его происходили иногда, может быть, от недостатка знания, иногда от пылкости впечатлительной души, но, при достаточно сильном опровержении, он легко от них отказывался. Да и кто из нас не заблуждался?»⁵⁸.

Наиболее острый полемический бой с «Москвитянином» произошел у «Отечественных записок» непосредственно после ухода Белинского из журнала Краевского: мы имеем в виду замечательную и еще никем в литературоведении не оцененную анонимную статью «Об искусстве жить» (подписана буквой Л), которая появилась в апрельском номере «Отечественных записок» за 1846 год. Она направлена против пропитанного духом раболепия назидательного обращения Погодина «К Юноше», появившегося в «Москвитянине» (1846, № 2). Оба журнала озабочены мыслью наставить на путь «истины» современное молодое поколение, но как по-разному они понимали эту истину.

Статья «Отечественных записок» имеет подзаголовок: «Посвящается Юноше»; ее открытая полемическая направленность против Погодина очевидна, и это особо подчеркнуто в примечании от редакции. «Об искусстве жить» — пламенное обращение к молодому, современному поколению с призывом глубоко постигнуть реальную действительность, овладеть ее законами, самоотверженно служить делу прогресса — отголосок многолетней проповеди Белинского. Тема: «Вперед! без страха и сомненья» звучит в этом обращении «Отечественных записок».

Статья учит «искусству жить» в широком, гражданском и патриотическом смысле. Это не поучение смиренномудрию и житейскому благоразумию, а удар по обывательскому скептицизму и фразерскому романтизму. Статья, используя фразеологию Белинского, толкует юноше: «старайся уважать действительность». И тут же делается специальное разъяснение, что это значит. «Во избежание недоразумений, — говорится в

примечании,— я считаю нужным напомнить (т. е. именно «напомнить», неоднократно говоренное Белинским.— В. К.), что́ следует разуметь под «уважением действительности». Это не упорное status quo, не эгоистическое «только б мне было хорошо», не близорукое довольство настоящим и окружающим в его тесном и материальном значении, а стремление *уразуметь* свою среду, свой народ и свой век...». «Бойся мечты, самообольщения, бойся оптического обмана», — восклицает автор. Здесь преподаны для широчайшего понимания результаты философского освоения действительности Белинским, с учетом его ошибок и его достижений: «Преклоняйся перед действительностью, перед природой, перед историей,— говорится далее,— но преклоняйся не слепо и безотчетно: подымай при этом высоко свою голову и ищи, по мере сил своих, уразуметь тебя окружающее и тебе современное. Тогда только ты можешь узнать, на какой точке земного шара и земного развития стоишь ты» (Вспомним образ Нагибина).

Автор «Об искусстве жить» философствует по-гегелевски лишь в той части, в которой обосновывает необходимость познания «разума» действительности, моральный же и политический кодекс он развивает на основе фейербахианства. В его антропологических основаниях чувствуется зародыш теории «разумного эгоизма».

Призывы познать самого себя ничего не имеют здесь общего с себялюбием, наоборот, все время подчеркивается гуманная добродетель, служение ближнему, как служение самому себе.

Любопытен переход от умозрения к политике.

«Итак, человек *делается* согласно с своей внутренней натурой,— говорит автор,— с своей личной, местной и общечеловеческой сущностью. Конечно, большая часть людей еще не *делается*, а *ее делают*. И в этом-то заключается наша временная несвобода». Антропологизм у автора идет рука об руку с намеками на социализм, раскрепощающий человеческую личность. «Достигнуть таких условий,— говорит автор, — такой среды, где бы мы могли развить вполне свою тройственную сущность, согласно с ее внутренними непреложными законами — вот цель, вот идеал человека и человечества<...>». Человеческая натура в своем нормальном состоянии, говорит автор, «есть здоровый, полный организм, стало быть гармоническое целое», а это требует гармонического целого и в общественной жизни. «К чему, сказал я, стремятся люди?», — спрашивает автор и отвечает: «К торжеству свободы над произволом, т. е. к гармонии, к нормальному соглашению своей натуры со всем окружающим, себя в целом. Что побуждает их к тому? Глубокая, ничем не искоренимая потребность *блажен-*

ства, которое есть то же, что гармония, только в субъективном значении. Блаженство заключается в *удовлетворении* требованиям своей сущности; и чем более удовлетворены мы в своих коренных требованиях, тем мы блаженнее. Очевидно отсюда, что наше счастье неразрывно с нашей свободой».

Насколько позволяла цензура, в статье сделан прямой призыв бороться за гармоническое развитие человека, за создание новых, нормальных условий общественной жизни.

«Итак, друг юноша,—воскликает в заключение автор,— подай мне руку! пойдем вместе, пойдем со всеми, в разумном и любовном союзе, по пути жизни. Пусть каждый из нас думает и о других, не презирует никем и ничем, и где только нужна помощь, или утешение, пусть протягивает руку брату, помогает ему встать, выкарабкаться из-под гнета внешних сил, идти вместе вперед к цели блаженства! <...>. Помни, что тот, кому становятся чужды интересы века, который не сочувствует его вопросам, рано или поздно станет в свою очередь чужд своей среде, всему его окружающему <...>».

Сущность русского человека долго спала северным крепящим сном, но Петр разбудил нас, мы очнулись, и посмотри, как мы уже шагаем!.. В русском человеке чутье действительного необыкновенно сильно; и чтоб не идти далее, стоит только вспомнить, что на нашем языке слово: *настоящее* значит и современное, и истинное. Будем же, друг юноша, *настоящими русскими*, отбросим мечты романтизма, как бы он нам ни являлся, и пойдем бодро путем прямой, здоровой действительности!» (стр. 125—128).

В доносе на «Отечественные записки», посланном Булгариным в 3 Отделение 13 марта 1848 года, было обращено особое внимание на статью «Об искусстве жить», она была квалифицирована доносчиком как «воззвание к молодому поколению об изменении настоящего порядка вещей»⁵⁹. На самом деле так оно и есть.

Статья «Об искусстве жить» — одно из ярчайших открытых выступлений «Отечественных записок» с пропагандой социалистических и революционных идей.

К сожалению, не удается установить автора этого замечательного манифеста «Отечественных записок», так перекликающегося с программой Белинского и социалистическими исканиями петрашевцев. Возможно, автором и был кто-нибудь из петрашевцев.

Родившееся в этом манифесте понятие «Русский человек» («Одни скажут тебе: ты *Русский*, другие: ты *Человек*. Я тебе скажу, друг мой, что ты и то и другое: ты *Русский человек*») означало новое переосмысление западноевропейских социалистических идей и «москвитянинского» и славянофильского

патриотизма. Русское самобытное «начало» здесь не противоречит общечеловеческому, революционному, социализм не чужд природе русского человека. У «Отечественных записок» выработалось свое гражданское понятие о русском человеке, глубоко отличное от того елейного понятия, которое проповедовал «Москвитянин». Этот родившийся «Русский человек» за другой подписью — «Истый Русский» — вскоре всполошил власти: в марте 1848 года, в связи с вспыхнувшей во Франции революцией, шефу жандармов графу А. Ф. Орлову было доставлено анонимное письмо, в котором делался дерзкий вызов самодержавию Николая I и пророчилась скорая революция в России. «Начинается борьба страшная, великая, но давно и глубоко обдуманная... — восклицал «Истый Русский». — Разумейте цари! что глас народа есть глас божий, покоряйтесь яко с народом бог»⁶⁰.

Незадолго перед этим величайший из русских людей, «неистовый» Виссарион Белинский, в знаменитом письме к Гоголю развил боевую программу революционной борьбы в России. Этот откристализовавшийся в общественной борьбе «Русский человек» — революционный демократ — будет впоследствии критиковать либеральные шатания Герцена, издателя «Колокола», и в известном письме к нему призывать бить в набат, звать Русь к топору.

Тревога царского правительства в связи с начавшейся в феврале 1848 года революцией во Франции, событиями в Германии, Венгрии и затем последовавшим раскрытием «заговора» Петрашевского в самой России, сделали цензурные условия для журналистики особенно невыносимыми. Письмо «Истого Русского» подняло на ноги всю петербургскую полицию. Подозрения в авторстве падали на Белинского, Некрасова, даже Одоевского, Соллогуба и Буткова. У Белинского и Некрасова под разными предложениями отобрали для сличения образцы почерков.

Репрессии усилились, доносы стали системой, причем они распространились и на номера «Отечественных записок» прошлых лет. «Отечественные записки» и «Современник» стали предметом особой слежки и проверки. События разворачивались с катастрофической быстротой.

В середине февраля 1848 года в 3 Отделение был подан донос на «Отечественные записки» и «Современник».

24 февраля статс-секретарь барон М. Корф подал цесаревичу-наследнику свои соображения о необходимости смены либеральных цензоров, которые, как правило, сами были одновременно издателями, редакторами, литераторами: нельзя

было быть в одно и то же время и судьей и подсудимым. Той же теме, но в форме прямого доноса посвятил свою «Записку» Булгарин, приложенную им к письму Л. В. Дубельту от 6 марта. В этой записке Булгарин обливал грязью почти всех петербургских цензоров, напирая на то, что Крылов — попович, Фрейганг — сын доктора, Очкин — сын разорившегося купца. Куторга — попович, Никитенко — из крепостных, Срезневский — отчаянный славянофил, а Мехелин — финн, ничтожный человек, помещенный по протекции. Булгарин требовал заменить цензоров всех до единого, запретить им сотрудничать в журналах, урезать толщину изданий. Булгарин обвинял в либерализме и попустительстве председателей цензурного комитета Дондукова-Корсакова, Волконского и даже министра Уварова. «Пока будет действовать Краевский, Никитенко и Белинский, — восклицал Булгарин, — в литературе чумы не истребят!»⁶¹

По докладу шефа жандармов А. Ф. Орлова царь наложил в конце февраля резолюцию, в которой предписывалось создать специальный комитет по рассмотрению правильности действий журналистики и цензуры. Председателем комитета назначался известный генерал-адъютант Д. П. Бутурлин (он вскоре умер и на его место был назначен кн. А. С. Меншиков), членами — статс-секретарь М. Корф, гр. А. Строганов, Дубельт и статс-секретарь Дегай. Этот стяжавший себе печальную славу комитет вошел в историю под названием комитета 2 апреля, или «бутурлинского», или «меншиковского».

6 апреля у Краевского и официального редактора «Современника» Никитенко была взята подписка в связи с высочайшим повелением внушить этим издателям, чтобы ничего предосудительного в их журналах впредь не печаталось и что при первом случае им будет воспрещено издавать журналы и сами они будут подвергнуты строжайшему взысканию как государственные преступники.

Никитенко вскоре отказался от редактирования «Современника», а Краевский, вызванный 11 апреля на беседу к служащему 3 Отделения М. М. Попову (который пытался пригласить на беседу и тяжело больного Белинского), полностью капитулировал и просил «задавать ему темы», разрешить ему быть органом правительства. Из разговора с Дубельтом Краевский увидел, что «патриотическим» поступком он смог бы несколько сгладить свои прежние провинности. Так родилась мысль о статье «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», которую 25 мая Краевский отправил начальству на рассмотрение.

10 мая Орлов потребовал от Уварова, чтобы цензоры доно-

сили на авторов произведений, недозволенных цензурой. От редакторов потребовали адреса сотрудников. Краевский сделал объявление в «Отечественных записках», чтобы авторы присылаемых в редакцию статей сообщали свои адреса⁶². Журналистикой и литературой стало «командовать» через цензурные ведомства и бутурлинский комитет 3 Отделение.

Краевский исправно отвечал на все запросы. Часть этих данных мы используем в приложении к настоящей работе.

Главным управлением цензуры были затребованы от всех петербургских журналов точные списки всех видных сотрудников. В сведениях, поданных Краевским, постоянными сотрудниками «Отечественных записок» на май месяц 1848 года числились: С. Дудышкин, А. И. Емичев, А. Заблоцкий, А. Майков, Никитин, Кс. Полевой, П. М. Цейдлер, Чистяков (М?) — в Петербурге; Баталин, А. Д. Галахов, Б. И. Ордынский, С. М. Соловьев — в Москве. Кроме того, переводчиками работали Гарковенко, А. А. Люджер и А. Солоницын⁶³.

Однако меншиковский комитет, листая комплекты журналов за прежние годы, находил все больше и больше упущений цензуры, и в октябре 1849 года Уварову пришлось уйти в отставку. Подал в отставку и либеральный цензор Никитенко. На место Уварова начальником всей цензуры и министром народного просвещения был назначен еще больший мракобес кн. П. А. Ширинский-Шихматов. В истории русской журналистики началась настоящая моровая полоса, продолжавшаяся вплоть до поражения царизма в Крымской войне и смерти Николая I в 1855 году.

Приведем несколько цензурных дел этой эпохи, непосредственно связанных с историей «Отечественных записок».

В 1846—1847 годах условия были еще относительно сносными. Многие статьи, предназначавшиеся для «Отечественных записок», вызывали сомнения, но после некоторых колебаний цензурный комитет все же их разрешал. Так была разрешена одиннадцатая статья Белинского о Пушкине, в которой упоминался «Видок Фиглярин», высмеянный Пушкиным в эпиграммах и стихах. Разрешена была к печати статья об Оливере Кромвеле, «похитителе престола». Обличительная повесть Григоровича «Деревня» также была одобрена с ее некоторым морализирующим резюме по адресу жестоких и бессердечных помещиков. Цензура разрешила в статье Заблоцкого-Десятовского «О причинах колебания цен на хлеб в России», наделавшей столько шума в то время и одобренной Белинским, самое крамольное место, касающееся вреда «обязательной ренты» (т. е. крепостничества.— В. К.)⁶⁴.

Но с весны 1848 года картина стала резко меняться. В Главном управлении был выработан строгий «Наказ цензо-

рам», в котором категорически требовалось быть бдительными и пресекать какую бы то ни было пропаганду «пантеизма» Гегеля, материализма Луи-Блана, Прудона и «зловредных мудрований» Фейербаха, Штрауса, Ламеннэ, Кабе, сен-симонистов, фурьеристов, социалистов и коммунистов; нельзя было пропускать «сожалений о состоянии крепостных крестьян», обличений «злоупотреблений власти помещиков». Под запрет попадали даже «полутемные» и «двусмысленные» сочинения славянофилов, «народные» песни Беранже и проч.⁶⁵.

Безусловному запрету были подвергнуты предназначенные для публикации в «Отечественных записках» статьи: «Начала общественной, основанные на естественных свойствах человека», в которой, несмотря на полемический задор, слишком откровенно излагались «учения нынешних французских социалистов»; «Ричард Кобден во Франции», в которой излагалась теория «свободной торговли» и ликвидации таможенных тарифов и др. Запрету подверглась пьеса Тургенева «Нахлебник» как «безнравственная» и «наполненная выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде». По тем же мотивам была запрещена повесть неизвестного автора «Степная идиллия», в которой разоблачались нравы губернских чиновников, взяточничество, круговая порука и проч.⁶⁶.

Для напечатания переводов «Домби и сына», «Давида Копперфильда», «Записок Пиквикского клуба» Диккенса требовались специальные разрешения. Все это вело к крайнему оскудению беллетристического и критического отделов «Отечественных записок», снижало их общественную роль.

Впрочем, таким же, а иногда и большим, репрессиям подвергался в это время и некрасовский «Современник» и почти все русские журналы. Наступил поистине «конец сороковых годов».

Но прогрессивное реалистическое направление русской литературы не умерло. Пришлось приспособливаться к новым условиям; главное же состояло в том, что метод критического реализма глубоко укоренился в творческой практике тех молодых писателей, которые прошли «студию» Белинского, «школу» «Отечественных записок» и «Современника» и которым предстояло развивать этот реализм во второй половине XIX века и достичь новых вершин. Но и Некрасов, и Тургенев, и Гончаров, в значительной мере Герцен, Огарев и Салтыков — все они так или иначе всю жизнь чувствовали себя людьми «сороковых годов», даже по своим гражданским привычкам. Колыбелью их была «натуральная школа».

На протяжении 40-х годов в реалистическом направлении на первый план выступали те общие черты, которые объеди-

няли писателей. Направление, при всей его внутренней пестроте, не ускользавшей от зоркого глаза Белинского, в борьбе с враждебными течениями было монолитным. И эта монолитность выражалась в общности творческого метода, стилевых приемов, тематики, жанров и нередко идейных побуждений. Эту общность идейных побуждений и воспитывали прежде всего «Отечественные записки» и «Современник».

Разными путями писатели приходили к той жизненной правде, которая была знаменем направления. Различия в мировоззрениях определяли в каждом отдельном случае силу реализма и его целенаправленность. Но знамя жизненной правды собирало всех недовольных гнетом самодержавия и крепостничества.

Реализм и натурализм, в собственном смысле, еще сливались вместе в сознании людей этой эпохи. Белинский, правда, всегда отмечал художественные несовершенства последнего. Но впервые термин «реализм» употребил П. В. Анненков в 1849 году (в первом номере «Современника») в своей статье «Заметки о русской литературе прошлого года». Анненков критиковал чрезмерное увлечение некоторых писателей нового направления узкими, эмпирическими темами и пытался термином «реализм» помочь направлению осознать свои собственные высокие задачи. При этом Анненков подчеркивал роль «петербургских журналов»; то есть имел в виду «Отечественные записки» и «Современник», которые всегда боролись против узкого понимания «натуральности» и жизненной правды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖАНРЫ И СТИЛИ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК». ЧИТАТЕЛЬ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

I

Журнал как орган критики и публицистики, пропаганды и полемики постоянно заботится о доходчивости своих идей, об оттачивании своего словесного оружия. Журнал имеет собственную внутреннюю структуру и в лице ведущих критиков и публицистов вырабатывает некоторую устойчивую систему жанров и стилевых приемов. Эта в широком смысле «форма» журнала начинается с его структуры и заканчивается искусством языка или стилистики.

Эта система складывается в «Отечественных записках» из отдельных достижений таких выдающихся мастеров слова, как Белинский и Герцен, но она существует в каких-то моментах и как целое, как норма и школа, и современники испытывают особенное желание писать для «Отечественных записок», под Белинского и Герцена и тем самым закрепляют эти приемы как традицию¹.

Правда, теоретически вопрос о журнальной поэтике у нас совсем не разработан. Даже не сделано необходимых фактических наблюдений. Только в последнее время появилось несколько статей о мастерстве критики Белинского², но это — первые приступы, а еще ждут исследования поэтика Герцена, Добролюбова, Писарева*.

* В 1956 г. вышла книга Б. Бурсова «Мастерство Чернышевского критика», Л., Сов. писатель.

Известно, что многие критические и публицистические статьи, кроме содержания, оценочной части, имеют и некоторую установку на «форму», композицию, «завязку» и «развязку», на остроумие доказательств, занимательное раскрытие аргументов, образность и афористичность языка. Конечно, признаки такого рода поэтики сильнее заметны в памфлете и пародии, но они есть и в некоторых критических статьях Белинского, в ученых трактатах Герцена. Не только «Педант» и «Путевые записки Вёдрины», но и годовые обзоры, и «Дилетантизм в науке» имеют установку на «форму», хотя бы она в отдельных случаях сводилась лишь к образности и афористичности языка. Все эти произведения представляют собой памятники журнального мастерства, искусства разговора с читателем.

Образы в критике и публицистике при этом вовсе не обязательно должны стать художественными образами. У них своя красота. Вся прелесть публицистической поэтики — в оперировании этими двумя способами познания — научно-логическим и художественно-образным. Много примеров этой взаимно дополняющей двуплановости можно найти у Герцена: «цифра погибла в формуле», нет, вернее, она в ней «только притаилась»³; «животная психология, — говорит он, — должна завершить, увенчать сравнительную анатомию и физиологию; она должна представить дочеловеческую феноменологию развешивающегося сознания; ее конец — при начале психологии человека, в которую она вливается, как венозная кровь в легкие для того, чтоб одухотвориться и сделаться алою кровью, текущую в артериях истории»⁴.

Герцен и Белинский нарочито играют образами, когда говорят о немецкой абстрактной идеалистической философии. Это позволяет почувствовать ее смешную геллертерскую сторону. Например, говорится, что Гегель «из явлений жизни сделал тени, сцепившиеся костяными руками и пляшущие на воздухе, над кладбищем. Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо пощегляя в нем (в субъекте), бросает его, как старые штаны» (Белинский). Или: «Идеалисты беспрестанно ругали эмпириков, топтали их учение своими бестелесными ногами — и не подвинули вопроса ни на один шаг вперед», а «эмпиризм» — это «слон», который шагает медленно, но если уж шагнет, то прочно (Герцен).

Говоря о французской философии, яркой в общественном применении, но часто смешной в стремлении на немецкий лад наукообразно сформулировать «всеобщее», Белинский и Герцен иногда показывают одно через другое, немецкое через

французское, и наоборот. Например, Герцен пишет о том, что голова Канта напоминает Робеспьера, а Французская революция — логику Гегеля. Образность сравнений здесь является не просто иллюстрацией мысли, а как бы одеждой закона, аллегорией исторических взаимосвязей и параллелей.

Ф. Меринг в статье «Литературный образ у Карла Маркса» писал:

«У Маркса образность никогда не служит украшением, чистым орнаментом речи<...>. Нет, это природная способность охватывать взглядом разнозначущие вещи, воплощенный идеал того совершенного изображения, о котором Лессинг говорит, что идея и образ слиты в нем, как мужчина с женщиной. Образность, которой владеет Маркс, есть действительная мать мысли, вдохнувшая в свое детище живой дух»⁵.

Блестящим примером образного раскрытия одного из положений марксистской политэкономии является известное рассуждение Маркса о столе как меновой стоимости, в разделе о «Товарном фетишизме и его тайне» (гл. 1). Как потребительная стоимость стол — это просто стол, он сделан из дерева, имеет четыре ножки, но как меновая стоимость — он товар, и превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь». «Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, — говорит Маркс, — но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, если бы стол пустился по собственному почину танцевать»⁶. Здесь фетишизм не просто иллюстрируется, он показан как «чувственно-сверхчувственная вещь», которая сама уже начала выкидывать причуды.

Поэтика критики и публицистики в «Отечественных записках» тесно связана с поэтикой художественно-литературной. Они сестры-близнецы. Публицистика идет рука об руку с беллетристикой. Физиологический очерк разрабатывается не только художниками, но и Белинским в «Педанте». Критика и публицистика брали как бы напрокат из арсенала художественной литературы ее образы, типы, остроты, словечки. Все это преображалось в критике, жило своей жизнью и опять влияло на художественную практику. Например, в критических статьях Белинского есть мощный «гоголевский пласт» неповторимых художественных средств, использование которых в критике показывает историческую сращенность сатиры с демократизмом 40-х годов.

* * *

По своему типу и структуре «Отечественные записки» были журналом «энциклопедическим». Такой журнал впервые

ввел в России Н. Полевой, издававший с 1825 по 1834 год «Московский телеграф», обширную программу которого высмеивали некоторые современники.

Но энциклопедизм привился. Стремление удовлетворить разносторонние интересы читателей оказалось тем стимулом, благодаря которому русская журналистика 30-х годов далеко шагнула вперед по сравнению с «альманачным» периодом 20-х годов. Энциклопедическими были журналы: «Московский наблюдатель» Погодина, «Библиотека для чтения» Сенковского, отчасти «Телескоп» Надеждина. По мере усложнения общественной жизни, роста духовных запросов русских людей, развития русской литературы и критики усложнялась, росла и расширялась структура русских журналов, вбирая в себя все богатство современных вопросов. Но сначала это был чисто количественный рост. Известно, что Полевой в своей программе ставил преимущественно информационные задачи. Сенковский превратил «Библиотеку для чтения» в мешок фактов.

В связи с общественным подъемом 40-х годов и размежеванием сил в политике, литературе и критике тип изначального «толстого», «энциклопедического» журнала стал казаться аморфным, эклектичным.

Таковыми и были в первый год своего существования «Отечественные записки» Краевского. Как ни старался Краевский преобразовать журнал Свинына, над издателем еще тяготели старые традиции «альманачной» журналистики и «домашней» панибратской критики.

Например, первый номер «Отечественных записок» за 1839 год назывался «учено-литературным журналом на 1839 год». Так обычно называли альманахи, выходившие раз в год и состоявшие из случайных дарованных приношений приятелей, перед которыми издатель рассыпался в благодарностях, прося и впредь «украшать» его издание предментами их «лестного внимания» и проч.

Жертвуя ради дружбы принципами, Краевский нередко шел на взятку, всерьез толковал о каком-нибудь «рукоделье». Редакторские призывы «милости просим» пестрят в примечаниях к статьям наивных неопитов, присылавших рукописи даром и исповедовавшихся в своей любви к журналу со столь «патриотическим» названием. В 11 номере за 1839 год Краевский всерьез просил Н. Ф. Павлова «за всю русскую литературу» почасте «дарить нас» «своими истинно-художественными созданиями». «Отечественные записки» были, по ироническому замечанию Кольцова, чересчур «жирны», поистине «чего хочешь, того просишь».

Белинский же боролся за более высокий тип идейно целеустремленного журнала, умеющего выделять из круга вопросов самое главное. Уже в «Ничто о ничем» он с издевкой рисовал картину того, как читают в семье какого-нибудь степного помещика пухлую «Библиотеку для чтения»: тут всем сестрам — по серьгам.

Энциклопедизм не был выдумкой русских журналистов. Он процветал и в Западной Европе.

В 40-х годах Россия и Запад вступили в эпоху журналов. Хотя во многом здесь была большая разница: на Западе партия рождала журнал, в России журнал рождал партию (так писали «Отечественные записки»); там — медовый месяц буржуазной гласности, в России — попытки нарушить рабье молчание. Но все же журналистика и тут и там выступала огромной общественной силой, вбирала в себя все животрепещущие вопросы, всю мудрость партий и направлений. Старые системы и теории Сен-Симона, Фурье оживают в журналистике, умерший в одиночестве Гегель через десять лет снова является в сонме учеников, и «гегельянство», размноженное на тысячах журнальных страниц, пошло об руку с революционным движением новой эпохи. Эти теории и учения, прокомментированные историческими материалами, справками, сопоставлениями, параллелями, примерами, образцами, доводили «Отечественные записки» до сведения русских читателей, и Россия их жадно изучала. Значительно выросли к 40-м годам и внутренние «русские вопросы», русская литература и критика.

Таким образом, энциклопедизм энциклопедизму — рознь. Или он — эклектика и безвкусица, как в «Библиотеке для чтения», старавшейся сбить читателя с толку, засорить главные русла общественной мысли, или он — богатство идей и материалов, во всей их современной полноте и взаимосвязи.

То же самое было на Западе. Вот «*La Revue Indépendante*». Издателей этого журнала Жорж Занд, Леру и Л. Виардо не упрекнешь в эклектизме. Но энциклопедическим в смысле аморфности, релятивизма был журнал Бюло «*Revue des deux Mondes*». Пресыщенный буржуа, позволявший себе лишь иногда предаваться грезам о своей бурно протекшей молодости, отдыхал за толстыми ливрезами этого журнала, набитыми всякой всячиной. Именно отсюда Краевский черпал милые его сердцу повести, критики, сенсации, анекдоты, истории, путешествия, ученые статьи. Симпатии же Белинского клонились к целеустремленному журналу Жорж Занд.

Энциклопедизм был опасен не столько обилием отделов и разнохарактерностью материалов, сколько ориентацией на

все возрасты, на все сословия, на самые различные типы читателей.

И все же «Отечественные записки» закрепили именно энциклопедический тип журнала, и он развивался позднее в «Современнике» 40-х и 60-х годов, в «Русском слове» 60-х годов и в «Отечественных записках» 70—80-х годов. Видоизменение заключалось в том, что программа была более прогрессивной, подбор материалов стал целеустремленней, количество отделов уменьшилось.

«Отечественные записки» утвердили тип журнала, разносторонне охватывающего российскую действительность. Здесь главный упор делался на ведущие в то время формы идеологии, на художественную литературу и критику. «Критика должна составлять душу, жизнь журнала»,— много раз говорил Белинский. Он разработал ряд принципиальных положений о новом типе журнала, твердо вошедших в традиции русской прогрессивной журналистики. В них особенно важны два пункта: 1) «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер: альманачная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом» и 2) должно максимально добиваться единства между всеми отделами журнала: «Надо сделать так, чтобы и в отделе изящной словесности публика находила бы нечто гармонирующее с направлением и духом критики журнала» (II, 64).

С этими идеями Белинский пришел в «Отечественные записки» в 1839 году, но классическую ясность и реальное программное значение они получили у него только в 1842—1846 годы.

Критика в «Отечественных записках» гармонировала со словесностью в духе и в средствах.

Энциклопедизм обязывал Белинского анализировать решительно все книги и книжонки. Спешный, присяжный характер критики, обязательная необходимость сказать хоть что-нибудь даже о книжке, которая бездарна или посвящена вопросам, далеким от интересов критика, порождали в статьях и рецензиях Белинского соответствующие интонации и конструкции, начиная от ядовитой пародии и кончая отзывами, сводившимися к простой выписке заглавия, с поправкой в нем грамматических ошибок. Белинский сам иногда называл свою работу «побиением книжонок...». Цензура вынуждала прибегать к эзоповскому языку⁷.

Спешка накладывала печать на работу Белинского. Он жаловался: «Моя сфера — огненные слова и живые образы», однако «до образов ли тут, как валяешь к сроку?». «Но дай-

те мне время обработать эту импровизацию — вы не узнаете ее; живость и теплота в ней останутся, а силы ума и таланта прибавится на 20 процентов. Иногда сгоряча напишешь глупость — и не заметишь, станешь потом читать в печати и покраснеешь до ушей, да потом дня три ходишь сам не свой» (II, 378—379).

Никто из критиков не работал в таких условиях. Белинский — это человек, не знавший черновиков. Его статьи часто посылались в типографию по листочкам. Отсюда в них много повторений, диспропорций, разговорности, импровизированности, вызванных далеко не глубокомысленными соображениями о форме, как иногда думают. Именно статейности-то в них иногда мало. В то время критические жанры были еще неопределенными, связанными с библиографией, с тем, что можно назвать разговором по случаю, «разговором, подслушанным в книжной лавке».

Поэтика Белинского в значительной мере определялась журнальным, периодическим, рецензентским характером статей. Знаменитые «пушкинские» статьи; писавшиеся в течение ряда лет, в основе своей не что иное, как огромная, развернутая рецензия на издание полного собрания сочинений поэта, окончания которого критик специально ждал.

Такое ощущение у нас рождается именно потому, что Белинский действительно разговаривал с читателями через журнал как оратор, он чувствовал себя на трибуне. Эта «публичность» критики, как отметил Л. П. Гроссман, вызвала характерные для Белинского разговорные пассажи, вопросы, восклицания⁸.

Критика Белинского являлась «философской поэмой, великой эпопеей русской литературы, живым миром писателей и их героев, непрерывно движущимся сквозь раздумья и впечатления этого гениального читателя»; «не литературный портрет отдельного автора и не биографический этюд о его деятельности стали излюбленными жанрами Белинского (хотя он разрабатывал и эти жанры.— В. К.), а движущаяся панорама художественных стилей и умственных направлений, обнимающая целую литературную эпоху»⁹.

Благодаря Белинскому критика стала откровенным, серьезным общественным делом и величайшим искусством. В 40-е годы почти исчезает ветхозаветное «юродство» с многочисленными «Лужицкими старцами», критиками «Бутырской слободы», «Патриарших прудов», «экс-студентами Никодимами Надоумками», а также различными мюнхаузенами от литературы, вроде Барона Брамбеуса, которые появлялись в литературе как какие-то привидения фантастического мира или отшельники, добровольно ставящие

себя вне жизни, нарочито удивляющие свет странностью своих суждений. Эти схимы и личины возникли от сознания необычности дела критики в России. Пушкин смеялся над этим маскарадом, требуя открытой и дельной критики. Критика Белинского была именно такой «прямой» критикой, внутренне цельной по методологии и стилю.

* * *

Жанры критических статей Белинского многообразны: годовые обзоры русской литературы, теоретические трактаты («Идея искусства», «Разделение поэзии на роды и виды»), манифесты «натуральной школы» (предисловие к «Физиологии Петербурга» и рецензии на обе ее части, рецензия на «Петербургский сборник»), литературные портреты отдельных писателей (Кантемир, Державин, Полежаев, Баратынский, Лермонтов), статьи-биографии (Кольцов, Полевой), тематические обзоры истории русской повести, поэзии, критики, журналистики или народной поэзии, разборы отдельных произведений («Горе от ума», «Герой нашего времени», «Гамлет», «Параша»), цикл «пушкинских» статей — широкое монографическое исследование об основоположнике новой русской реалистической литературы, — являющийся частью незавершенного курса «Истории русской литературы». Безгранично разнообразны у Белинского рецензии. Есть у него и памфлеты — «Педант», пародии — «Тарантас».

Это разнообразие, конечно, само говорит за себя, но хорош или плох тот или иной жанр — может сказать только изучение его функции, его композиций, метода критики, искусства анализа.

Годовые обзоры в русской критике имели свою историю, и Белинский это не раз подчеркивал.

Обзоры Белинского за 1840—1845 годы появились в «Отечественных записках»; обзоры за 1846 и 1847 годы — в «Современнике». Не нужно думать, что здесь различны только годы, а композиция и принципы обзоров одинаковы.

Характер этих обзоров определялся не только конкретным содержанием анализируемой литературной продукции за год, но и общей задачей, которая стояла в данный момент перед «движущейся» эстетикой. Белинский подводил итоги литературного года и итоги собственного философско-эстетического развития за год. В основе обзора всегда лежала определенная, актуальная в то время для Белинского, эстетическая задача, которая либо прямо излагалась в начале статьи, либо пронизывала весь анализ.

Первый обзор, за 1840 год, весь построен на осознании

«бедности русской литературы», существование которой критиком по-прежнему отрицается. Вследствие этого статья вся теоретична, разбор произведений вялый и беглый. Должным образом оценена только роль «Отечественных записок» в литературном процессе.

Обзор за 1841 год является попыткой отыскать живую нить в самой истории литературы от Кантемира до Гоголя. Поэтому вся статья — широкий исторический обзор, поиск.

Классическим годовым обзором является обзор за 1842 год, в котором признано, что у нас «есть литература». Весь этот обзор по-настоящему посвящен анализу литературы за год, которая уже «существует».

Обзор за 1843 год сосредоточен на новом направлении в литературе, на его, как говорит Белинский, благородной скудости и новых качественных накоплениях.

Обзор за 1844 год весь посвящен расчистке путей новому, разгрому славянофильских поэтов — Языкова и Хомякова — призраков, тормозящих движение вперед. Это обзор-рецензия, обзор-полемика.

С обзора за 1845 год, очень целостного и сжатого, начинается прямой поворот к изложению боевой положительной программы новой школы. Отсюда начинается преимущественный разговор о бурном качественном и количественном росте «натуральной школы».

Два последних обзора посвящены итогам «натуральной школы». В обзоре за 1846 год Белинский пытается обосновать новую школу в ее «органичности» для современного этапа истории России и в ее реальном значении сегодня. Обзор за 1847 год — завещание Белинского — важен двумя моментами: введением «натуральной школы» в широкую историческую перспективу развития всей русской литературы от Кантемира до Гоголя и тщательным разбором самых выдающихся произведений писателей «натуральной школы». Этот разбор ведется Белинским без всяких поправок и скидок на молодость авторов и актуальность тематики, со всей строгостью эстетических критериев, с раскрытием стилевых различий между крупнейшими художниками школы. Последний обзор — образец органического слияния теории, истории и критики, анализа и полемики в одной статье.

Обзоры Белинского представляют собой существенные жанровые варианты. От обзора — в виде философской «реторты» Белинский двигался к обзорам конкретно-историческим; от формального перечня «бедной» литературы за год — к полноценному анализу ее богатств, по авторам и произведениям. Сначала «натуральная школа» выделялась и обособлялась как специфическое явление общего историко-лите-

ратурного потока, а потом рассматривалась как итог векового развития литературы; творчество писателей «натуральной школы» сначала характеризовалось Белинским суммарно, на фоне всей литературы, а потом раскрывалось в его внутреннем разнообразии.

Из года в год обзоры вбирали в себя полемический материал, связанный с борьбой за новую школу. С ростом же художественных богатств школы полнее раскрывались ее связи с политикой, социологией, с историческим моментом в жизни России.

«Герой нашего времени» Белинского — это статья-пересказ, статья-соперничества с автором, между тем ее цель — максимально добросовестно раскрыть внутренние мотивы первого русского психологического романа. Пытаться написать статью-пересказ — это почти безнадежное дело для всякого другого критика. Во-первых, опасно соперничать с гениальным автором, во-вторых, легко впасть в пародию. Здесь нужны были и глубочайшее понимание романа, и конгениальное мастерство «изложения». Между тем у Белинского этот смелый прием пересказа встречается часто. Он вкраплен почти во все его статьи и рецензии, он целиком положен в основу статей «Мочалов в роли Гамлета», «Горе от ума».

Статья о Мочалове к тому же ставит перед собой двойную, одинаковой трудности задачу: «пересказать» «Гамлета» Шекспира и «пересказать» игру Мочалова, если не считать еще третьей задачи: сравнение игры Мочалова в одних и тех же сценах различных спектаклей. Статья «Горе от ума» в сущности является одновременно и статьей о «Ревизоре». Это статья о двух произведениях, анализируемых сравнительно и сопоставительно. Прием сравнения в высшей степени трудный, но умело примененный, он помогает уяснить характер стилей внутри реализма. Белинский постоянно пользуется этим приемом: он сравнивает Гоголя с Пушкиным, Лермонтова с Пушкиным, писателей «натуральной школы» с Гоголем, Герцена с Гончаровым, один литературный год с другим.

Статьи Белинского о Пушкине в основе своей представляют развернутую историко-литературную монографию. Эти статьи были первым образцом такого жанра, и они предопределили тип современной монографии об отдельных крупных писателях. Но после Белинского этот жанр в практике старой академической науки во многом сузился. И в наше время приходится жалеть о слабом развитии одного из самых великих достоинств «пушкинских» статей Белинского — изумительного сочетания анализа исторического с эстетическим. Белинский не замыкался в чисто эстетическом анализе твор-

чества Пушкина и привлекал данные истории, этики, морали и проч. Он все время занимался *своим* предметом: анализом творчества Пушкина, показывая, как велик и сложен Пушкин — основоположник русского реализма. В статьях Белинского о Пушкине мы находим гибкое сочетание всех жанров, всех приемов анализа: широкую историческую интродукцию, теоретические экскурсы в область «пафоса» поэзии и романтизма, анализ поэтических мотивов, предшествовавших Пушкину, анализ творчества самого Пушкина по периодам и по жанрам, цельные разборы «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина» — с выделением в самостоятельные главы анализа образов Онегина и Татьяны. «Пушкинские» статьи Белинского — самый синтетичный в его наследии, самый сложный и универсальный жанр. В известном смысле — они невозродимы в своей полифонии мотивов и приемов. Они отразили определенный этап литературоведческой науки, когда различные ее части были еще близки друг к другу. Впоследствии эти части далеко разошлись, обособились в самостоятельные научные предметы. Но Белинский указал наиболее прогрессивный путь гармонического сочетания теории, истории и критики в пределах одного исследования. Возможно и должно в советском литературоведении на новом этапе вернуться к традиции Белинского и развить на марксистской основе исторический и эстетический анализ в их единстве.

Живопись портретов, типов, умение их находить и обращаться на них внимание писателей и публики — одна из главных черт статей Белинского. В этом отношении особенно характерен обзор литературы за 1845 год. Здесь дано настоящее «физиологическое» исследование типов «романтиков» жизни, произведен беспощадный суд над метаморфозами романтиков, вызываемыми влиянием обстановки.

Несомненно, это был вклад критики в поиски «натуральной школой» сатирических тем. Белинский первый обратил внимание на типы романтиков 40-х годов, он указал на них литературе. Можно сказать, что облик Адуева-младшего из романа Гончарова «Обыкновенная история» был уже дан в статьях Белинского. Критик был недоволен тем, что Гончаров ограничился превращением своего романтика в делового человека. В обзоре за 1847 год Белинский советовал Гончарову сделать своего Адуева-младшего славянофилом.

Белинский сам рисовал аналогичные типы и их метаморфозы. Так, колоритный тип «неподвижного» буддиста от науки и литературы Белинский создал в памфлете «Педант», направленном против Шевырева.

В «Педанте» происходит развенчание Шевырева как теоретика. Искусно подбирая различные штрихи, Белинский

рисует с натуры образ филистера, лицемерного моралиста и ханжи, в котором все противно: и четвероугольное брюшко, похожее на фолиант, и «раздутое самолюбие», и способность быть «злым и низким». Из-за отсутствия достойных внимания теорий никакого теоретического спора с Шевыревым в «Педанте» по существу нет.

«Педант» имеет подзаголовок «литературный тип». Иронические ссылки Белинского на иллюстрированное издание А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими», вышедшее в 1841—1842 годы, придают особое значение жанровому своеобразию памфлета. «Педант» — один из первых литературных, «физиологических» очерков, списанных с натуры и в то же время претендующих на многозначность. Белинский обещал создать еще тип «литературного циника» (Погодина), открывая этим целую жанровую линию в русской литературе, которую разрабатывали потом и Панаев в очерках «Тля», «Петербургский фельетонист», и Некрасов в водевиле «Утро в редакции», «Очерке литературной жизни», миниатюре «Славянофил», в романе «Жизнь и похождение Тихона Тростникова» и др. Боткин в письме к Краевскому советовал написать «тип» на «холопа» Н. Ф. Павлова (письмо 14 февраля 1842 г.). Таким образом, Белинский — вождь «натуральной школы» — оказывается и одним из ее «отцов». «Педант» был воспринят современниками не как критическая статья (тут критиковалась личность), а как полноценное литературно-беллетристическое произведение.

Белинский создал и «подвижный» тип романтика в статье «Тарантас», направленной против славянофила И. Киреевского и одного из неустойчивых сотрудников «Отечественных записок» В. Соллогуба. Это было крупнейшее заключительное выступление Белинского в «Отечественных записках» против славянофилов. Пародия «Тарантас» написана в связи с выходом в свет одноименной повести Соллогуба. Половинчатое отношение автора повести к славянофилам Белинский заостряет до решительного отрицания. Случайно подвернувшееся имя героя повести «Иван Васильевич» Белинский выделяет курсивом и довольно явно намекает на Ивана Васильевича Киреевского, одного из крупнейших славянофилов. И именно против «романтических» теорий Киреевского, его «праздношатающейся фантазии», «донкихотствования» направлен «Тарантас» Белинского. Сентиментально-филантропические рассуждения Соллогуба о необходимости изучения действительной жизни народа, о любви и гармонической связи между мужиком и баринем разоблачаются Белинским как вреднейшая утопия славянофилов, враждебная народным интересам.

В «Тарантасе» Соллогуба использован гоголевский прием — путешествие героя по России. Но если похождения Чичикова позволяли Гоголю показать «дуру» Коробочку, «размазну» Манилова и др., то поездка Ивана Васильевича с попутчиком — помещиком — в Казанскую губернию, по мысли Соллогуба, должна была подтвердить правильность некоторых тезисов славянофилов о нетронутой цивилизации, девственной жизни народа и о возможности гармонического общения барина с мужиком. Отношение Белинского к автору Соллогубу в «Тарантасе» и к герою такое же ироническое, как и у Герцена в «Путевых записках Вёдрина» к Погодину. И тут и там, Погодину и Соллогубу, «не поздоровилось от этаких похвал». По отношению к Соллогубу Белинский сохраняет нарочитое хладнокровие и не высказывает своей злой иронии.

Белинский был искусным мастером рецензий, и их у него можно насчитать множество видов.

Вот — обычная рецензия: это или положительная, или отрицательная, но прямая оценка, приговор, без отступлений, чисто деловой тон. (См. рец. на «Сочинения Основьяненко» — 1840, № 12; «Древние российские стихотворения», собр. М. Сухановым — 1840, № 11 и многие др.).

Есть рецензия-пересказ, преследующая цель — показать достоинства или недостатки произведения. В таких рецензиях критик как бы самоустраивается и просит читателя самостоятельно судить о произведении по пересказу. Примеров таких рецензий у Белинского сотни.

Встречается у Белинского и более сложный вид рецензии: с доказательствами «от обратного». В таких рецензиях обычно дается введение, иногда пространное, однако вывод в конце делается неожиданный. Так, в знаменитой по беспощадности приговора рецензии на «Мечты и звуки» Некрасова Белинский начинает издали. Он говорит о различиях дарований в прозе и в стихах. Если в прозе нет чувства и воображения, то должны быть хотя бы ум, остроумие, наблюдательность. Но в стихах непременно должно быть дарование, должна чувствоваться своя песня: «Стихи решительно не терпят посредственности». Мысль, чувство, сила выражения, владение стихом — непеременные условия поэтического дарования. Очень нескромно написать книгу зарифмованных банальностей и навязать ее читателю. Это не «чтение», а «работа», и не для читателей (для них довольно прочесть в журнале известие о таких рифмачах, вроде: «выехал в Ростов»), а для рецензентов. Но самое замечательное — концовка и вывод: «Вот мысли, на которые навели нас «Мечты и звуки» г. Н. Н.». Вся рецензия состоит из 45 строк, и лишь

последняя, единственная строка — резюме, посвящена Некрасову. Впечатление такое, как будто перед нами возводится здание и потом роковым толчком обрушивается на жертву. Механика всей этой катастрофы такова: завязывается посторонний разговор, сначала даже непонятно, к чему он клонится, но когда прототип комически, пародийно выведен в своем двойнике, происходит подмена, перестановка слагаемых, от которой, однако, меняется сумма.

Как и в «Мечтах и звуках», Белинский часто находит что-то роковое для авторов в самих заглавиях их произведений. Так, например, в рецензии на роман П. Каменского «Искатель сильных ощущений» Белинский пишет: это «узурчатая марлиница» сама по себе ясная с обложки; герои таких романов «гонятся по свету за «сильными ощущениями», потому что внутри себя ничего не ощущают, вследствие своей пустоты и сухости» (1839, № 12).

Еще пример — рецензия на стихи Варвары Анненковой «Для избранных». Сразу говорится с иронией: «Очень может случиться, что мы не попадем в число тех «избранных», для которых изданы эти стихотворения, но книга попала в наши руки, и мы должны дать отчет о ней читателям» (1844, № 5).

У Белинского есть много отрицательных рецензий и «разносов», начинающихся с придирки к побочному случаю, например: «Осада Троицко-Сергиевской лавры или русские в 1608 году», главы «исторического романа» некоего Александра С*** (1843, №12). Читатель рецензии мог помнить афоризм Сенковского: «...исторический роман — плод прелюбодейания истории с вымыслом». Белинский придрался к посвящению автором, имя которого «Александр С***», своего труда «достойным родителям» Павлу Петровичу и Матрене Ивановне, которых фамилия означена — Пр-вы. Слово «достойным» тут на месте и Белинский восклицает: «Какая странная разница в фамилиях сына и обоих его родителей! Но не будем останавливаться на этом. Все это — вахлацкая литература, вахлацкий роман, слог галиматейный». И вывод: «вахлаки будут от них в восторге».

Или — вот рецензия на «Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова» (1841, № 9). Заметим, что уже был подан Уварову донос Н. С. Мордвинова на «Отечественные записки» за неодобрительный отзыв Белинского о Шишкове (1841, № 7). Внешне Белинский относится к досужим размышлениям знаменитого адмирала лояльно. Критик как бы прячется за самого Шишкова. Так, например, адмирал предлагал заменить слово *качество*, *свойство* чисто «русским» словом *имство*. Белинский обрадовался новому слову Шишкова и начал его применять и так и сяк, приговаривая

с иронией: «имство посмертных его писем» оригинально, «очень замечательно своим имством восьмое письмо» и пр.

«Мои досуги» некоего Е. К. Кречетова Белинский назвал «регистраторской поэзией»: и потому, что сам автор называл себя коллежским регистратором, и потому, что его поэзия вся построена на штампах, регистрациях. У Кречетова есть стихи «К Деве»; учитывая преклонные лета автора, «Отечественные записки» выделяют это стихотворение, драматизируют его, вставляя в него свои ремарки, которые перемежаются со стихами: «здесь Евграф Кузьмич становится перед девой на колени», «здесь Е. К. падает перед девой ниц» и потом: «бедный, бедный Е. К. и вы любили, и вы страдали» (1844, № 5).

Есть у Белинского развернутые сюжетно оформленные рецензии; например, на драмы П. Г. Ободовского «Христина. Королева Шведская» и «Царь Василий Иоаннович Шуйский или семейная ненависть» (1842, № 6). В этой рецензии все дается в виде сна рецензента, которому грезятся фантазмагии автора. Рецензент несколько раз пробуждается от аплодисментов и окончательно вскакивает, когда «занавес был уже опущен». Это придает особый колорит рецензии, оправдывает произвольные переходы, как и у самого автора драмы. Но хитро подремывающий рецензент зорек, он подмечает при этом плагиаты из Милонова и подсмеивается над тем, как автор заставлял Шуйского декламировать стихи начала XIX века, известные пансионерам.

Весьма устойчивым приемом в критике Белинского была текстуальная дискредитация мног шумных авторов, возбудивших эфемерное поклонение. Таковы его статьи и отзывы о поэзии Бенедиктова, Хомякова, Языкова, о повестях Марлинского. Развитие поэзии после Пушкина пошло в сторону усиления в ней «содержания», мысли (поэзия Лермонтова). Но многие современники, вслед за Шевыревым, ошибочно нарекли «поэтом мысли» автора звонких, но весьма претенциозных стихотворений Бенедиктова. Белинский, идя наперекор моде, в тщательном, скрупулезном, пронизанном жесточайшей иронией анализе доказал читателю, что поэзия Бенедиктова не только не является поэзией «мысли», но подчас не имеет даже смысла, грешит против русской грамматики и просодии. Подобная же дискредитация достохвалных поэтов славянофильства сделана в обзоре за 1844 год, в котором Белинский показал поддельный пафос «шипучих» стихов Языкова и туманную декларативность программных вещаний Хомякова. Аналогичным образом, подбирая выражения, Белинский продемонстрировал фразерскую сторону претензий Марлинского на «пламень чувства».

Этот прием у Белинского — верный показатель того, что критик не устаивает в данном случае произведение серьезного анализа по содержанию, считая такой анализ непростительной роскошью.

В критических и полемических приемах Белинского легко заметить влияние Пушкина и Гоголя. Белинский запоминал критические опыты, высоко ценил образы и «полемические красоты» Пушкина; но особенно нравились статьи поэта, подписанные псевдонимом «Феофилакта Косичкина», напечатанные в «Телескопе». На эти статьи Белинский ссылался не раз.

У Пушкина Белинский позаимствовал уничижительное отождествление Булгарина с бездарными писателями толкучего рынка (А. А. Орловым, Федотом Кузмичевым) и весьма остроумное отождествление автора «Ивана Выжигина» с его героем. Пушкин даже набросал план биографии «настоящего» Ивана Выжигина, используя при этом почти целиком биографию Булгарина.

Подобных отождествлений у Белинского много. На выход в свет «Воспоминаний Булгарина» в 1846 году Белинский откликнулся рецензией, напоминающей пушкинский замысел «второго» Выжигина — Булгарина. Белинский показал, что стоило лишь Булгарину приняться за воспоминания, как он сам себя «воспроизвел» и выск. Рецензия только добавила и заострила некоторые моменты, сняла «противоречия».

Когда-то Пушкин в эпиграмме сделал намек на «Видока Фиглярина», отождествив Булгарина с известным французским сыщиком. Но стоило французским газетам заговорить в 40-х годах об оживившейся деятельности Видока, как тотчас в «Отечественных записках» появилась его русская тень — Булгарин. Несомненно, на последнего намекал Белинский, когда писал в краткой заметке 1843 года: «Уж такова, видно, натура видоков: жить не могут без доносов! Их обругают — они в донос, побьют — тоже в донос... препотенные люди!»¹⁰. Собирательное: «натура видоков» — взято у Пушкина, а «обругают, побьют, а они в донос» — прямо по горячему следу: в начале 1843 года Булгарин подал очередной донос на «Отечественные записки» в связи с тем, что в них и одновременно в «Литературной газете» появились статьи, высмеивающие его «Очерки русских нравов»¹¹.

Упомянутая выше рецензия на «Воспоминания Булгарина» пришлось ко времени, так как она должна была появиться в майском номере «Отечественных записок» за 1846 год и оказывалась как бы ответом на очередной и самый подлый донос Булгарина, поданный им в марте того же года. Особенность этого доноса, названного «Социализм, коммунизм

и пантеизм в России в последнее 25-летие», состояла в том, что в доказательство крамольности пропаганды он целиком строился на выписках из «Отечественных записок» за несколько лет. Рецензия Белинского, запрещенная цензурой, была создана по принципу «сам съешь», т. е. также состояла из пространных выписок из воспоминаний самого Булгарина, которые напоминали приемы его доноса. Это была остроумная попытка сражаться с врагом его же оружием. Удар бил наверняка. Перед нами своего рода авто-рассказ о подлой провокаторской деятельности русского Видока начиная с 1821 года, т. е. отмечалось его собственное 25-летие.

Но особенно сильно в критических статьях Белинского чувствуется гоголевское влияние.

Изумительная сила и красота «обоюдоострого» меча Белинского и Гоголя была результатом всей предшествовавшей истории развития русского реализма в сторону беспощадной социальной сатиры, подлинной народности, результатом развития критики Белинского в сторону революционного демократизма. Перед нами — захватывающий по интересу, глубокий по смыслу союз умозрения с искусством. Перевоплощения художественных образов в публицистические не являются механическими, они — творческие, и всегда оказываются открытием все новых и новых граней в литературных типах, образах и в определенных социальных явлениях. Художественно эмоциональный образ со всей яркой конкретностью его живой пластики причудливо выступает в контексте критической статьи, обнажая свой подлинный социологический и политический эквивалент.

Исследователями отмечалось, что с выходом «Миргорода» в стиле Белинского стали встречаться живописные реминисценции из Гоголя, особенно когда критик касался вопросов, близких к гоголевским темам (С. Машинский). Эти гоголевские мотивы и вызванные ими соответствующие стилевые приемы с новой силой ожили в критике Белинского после выхода «Мертвых душ».

Произведения Гоголя ввели в критику Белинского ряд новых сильных образов, средств изображения, фразеологических оборотов, обострили восприятие российской действительности. Сначала Белинский широко использовал даже лирические места «Мертвых душ». Но полемическая борьба вокруг Гоголя вскоре насторожила Белинского. Кое-что он отбросил и некоторые напыщенные фразы Гоголя даже подверг осмеянию. Образы же и типы писателя им были взяты и смело домыслены. Уже при жизни Гоголя Белинский начал развивать его образы в публицистическом плане, что потом продолжит Щедрин — художник, открыто и принципиально

поставивший задачу домысливать образы Грибоедова и Гоголя в новых исторических условиях пореформенной России.

Диапазон использования образов Гоголя Белинским безграничен. Но главным является то, что вообще было основным в критике Белинского: борьба за «поэзию действительности», против романтиков и графоманов, полемика с славянофилами и лжедрузьями народа, критика мистических иллюзий самого Гоголя после выхода «Мертвых душ».

В статьях Белинского, особенно в 40-х годах, стали попадаться чисто гоголевские выражения, фразеологические обороты: «сильно разбежавшаяся современная жизнь», «размашистая сила чувств», «во всем пространстве этого слова», «тарашиться на расейскую действительность» и пр.

Все герои «Ревизора» и «Мертвых душ», наделенные Гоголем экспрессивными, устойчивыми эпитетами, были закреплены и осмыслены Белинским и с его собственными вариантами появлялись в журнальных статьях: «дура» Коробочка, «буйвол» Собакевич, «размазня», «идиотски мечтающий», «мечтательная личность» Манилов. В другом случае Манилов приравнивается к «свинье», которая, по уверению отвлеченно мыслящего К. Аксакова, тоже имеет «свою сторону жизни». О дворянах Бобчинском и Добчинском Белинский пишет очень резко: «Это городские шуты, уездные сплетники, их все знают, как дураков, и обходятся с ними или с видом презрения, или с видом покровительства»¹².

Белинский писал «под» Гоголя, а сотрудники «Отечественных записок» писали «под» Белинского.

Кто-то из сотрудников «Отечественных записок» в рецензии на роман «Мать и дочь» некоего М. Чернявского использовал также характернейшие черты героев «Ревизора»¹³.

Белинский считал, что полемика вокруг «Мертвых душ» лишний раз подтвердила глубокую правдивость образов Гоголя, так как с прототипами и двойниками пришлось сталкиваться в самой этой полемике.

«Многие печатные суждения, — писал Белинский, — так и смотрят — кто Поздreyвым, кто размазнейю — Маниловым, уездным сентиментальным мечтателем, кто Селифаном, резонерствующим с лошадьми... Из хвалителей каждый находит героя по себе, говоря: вот одно лицо благородное и умное. Один из критиков (К. Аксаков. — В. К.) не шутя провозгласил, что все лица гадки по отношению к ним самим, а не к искусству, кроме... кого бы вы думали?.. не отгадаете!.. кроме Селифана! Критик видит в нем неиспорченную русскую натуру...»¹⁴.

О Булгарине Белинский сказал: «А манера выражаться все-таки чичиковская; но она тем лучше, что г. О. Б., браня «Мер-

твые души», подражает их героям в способе выражаться... Булгарин обиделся на Гоголя за слово «Өетюк» с объяснением: «Өетюк, слово обидное для мужчины, происходит от буквы, почитаемой некоторыми неприличной». Белинский (имел это Гоголь в виду или не имел) прямо намекал на Булгарина, ибо кто же не знал, что в «Северной пчеле» подпись «Ө. Б.» означает Булгарин¹⁵.

Булгарин выставлял примеры якобы встречающейся бессмыслицы фраз в «Мертвых душах», а также в хвалебных отзывах «Отечественных записок» о них. Он просил, например, объяснить ему, что значит «потрясающая тина мелочей». Белинский же иллюстрировал эту «тину» на примерах объявлений о водоочистительных машинах и проч., взятых из самой «Северной пчелы»¹⁶.

Бояся со «светскостью» в литературе и с призывами Сенковского и Шевырева вернуться к ней, Белинский приравнивал эти их потуги к ревнивым заботам о «светскости» и комильфотности гоголевских сплетниц из уездного города N¹⁷.

В 1842 году произошла ссора Булгарина с Полевым. Последний в «Русском вестнике» побранил булгаринскую газету «Эконом». Булгарин ответил, что ссориться не будет, соблюдая звание «честного литератора», хотя тут же сделал выпад против «купца» Полевого. Эту позу Булгарина, сдержавшего и спрятавшего самолюбие за громкими фразами об общепринятых правилах и этикете, высмеял Белинский. «По языку и слогу,— иронизировал Белинский,— эта выходка г. Ө. Б., особенно после писателя с огородным прозвищем и квасника, самоучкою выучившегося грамоте, напоминает слова Чичикова, при торге мертвых душ у Манилова: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное — я немею перед законом». А вся ссора Булгарина с Полевым, говорит Белинский, напоминает ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

Многочисленные случаи убеждали Белинского все с новой и новой силой, что «поразительное сходство между истинным событием <...> и вымышленною повестью может служить тысячу первым доказательством, как глубоко воспроизводит Гоголь в своих созданиях действительную жизнь: чем больше понимаешь ее, тем больше имеешь случаев на каждом шагу припоминать то ту, то эту повесть Гоголя, или то это, то другое место из повестей Гоголя»¹⁸.

Реакционный лагерь Белинский высмеял в гоголевских образах.

Глубоко было вскрыто хлестаковство Хомякова: «Это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаков, человек без

убеждения — человек без царя в голове...»¹⁹. У Хомякова слова и дела расходились. Диалектика Хомякова носила софистический характер. Это быстро и глубоко разгадал Белинский. Хлестаковым Белинский называет и Каткова, только тот — Хлестаков в «немецком вкусе», так как речь шла об обращении бывшего гегельянца в неошеллингианца. Но главная метаморфоза Каткова еще впереди, когда он станет во главе «доносных» «Московских ведомостей». По внешности безобидное хлестаковское «без царя в голове» Белинским было предугадано как ренегатство.

Белинский умел обращать гоголевскую сатиру на незадачливых хвалителей Гоголя.

Выступая в 1842 году против К. Аксакова и высмеивая его сравнение Гоголя с Гомером, Белинский логически развернул и продолжил это сравнение и тем самым показал его абсурдность. В основе аксаковских сопоставлений лежит, конечно, отвлеченный способ суждений. В абстракции можно легко прийти до самых произвольных аналогий. Острота рецензий Белинского в том, что он использовал все способы и права, которые предоставил ему сам Аксаков.

Белинский расставил героев «Мертвых душ» по табели героев Гомера, причем сила удара заключалась в подборе параллельных героев. По нелепой логике сравнения Гоголя с Гомером, «плутоватый» Чичиков должен был быть объявлен героем новой «Илиады». Аксаков сказал, что Чичиков сливается с субстанциальной стихией русской жизни — в любви к скорой езде. Белинский подхватил: «...конечно, почему ж бы *Чичикову* и не быть Ахиллом русской «Илиады», Собакевичу — Аяксом неистовым (особенно во время обеда), Манилову — Александром Парисом, Плюшкину — Нестором, Селифану — Автомедоном, полицеймейстеру, отцу и благодетелю города — Агамемноном, а квартальному с приятным румянцем и в лакированных ботфортах — Гермесом?..» (VI, 255).

Может быть, самыми парадоксальными и в то же время самыми показательными для характеристики творческого использования Белинским гоголевского арсенала являются те случаи, когда критик вынужден оборачивать гоголевские персонажи, афоризмы против самого же Гоголя.

Уже в первой рецензии на «Мертвые души» Белинский мимоходом высказал сожаление о том, что Гоголь «не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени» над чужими племенами. В следующем номере, рецензируя «Физиологию влюбленного» (переделку с французского), Белинский уже почти открыто иронизирует над Гоголем, как бы лишь пересказывая его нескромные мечты: «Хитер русский человек! Не хочет он ни в чем уступить немцу! (т. е. нашелся же

какой-то автор, который взялся хитро переделать французскую «Физиологию влюбленного». — В. К.). Посмотрит на хитрую немецкую работу, почешет в затылке, возьмет топор—тып да тып, да и крепко». А еще через номер, в статье «Русский театр в Петербурге» Белинский таким же способом, пересказывая Гоголя, высмеял многочисленные бездарные переделки французских водевилей для русской сцены. В 1844 году Белинский уже открыто идет против третирования «худощавого», «мудреного немецкого» и «недолговечного французского» слова, называя все это выходками «невежества» «дюжинных остряков»²⁰. В знаменитом письме к Гоголю возмущенный грубым выражением писателя в адрес русского крестьянина: «Ах, ты неумытое рыло!», — этой оборотной стороной неумеренной, нескромной фразы о превосходстве славянского племени, — Белинский спрашивал Гоголя: «Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его...», т. е. поставил в этом случае Гоголя на уровень с его героями. Белинский считал, что вообще «Выбранные места» могут быть легко превращены в пародию на Гоголя, если взять их не всерьез, а как исповедь героев «Мертвых душ», как памятник хлестаковщины, ноздревщины и маниловщины автора.

Все сказанное свидетельствует о том, что проблемы острой формы, общедоступности постоянно волновали Белинского. Критик готов был настаивать на том, что «Отечественные записки», во всем отличающиеся от других русских журналов, отличаются от них даже «самим языком».

В «Библиотеке для чтения» Сенковский нередко глумился над русским языком, что входило составной частью в его программу растления нравов и вкусов читателей, низведения их на провинциальный уровень. Злоупотреблениями церковно-славянскими оборотами, странностью, вычурностью синтаксических конструкций, обычно высмеиваемых Белинским, отличался и «Москвитянин». В «Отечественных записках», если отбросить некоторые странности правописания, введенные Краевским в первые три года, мы встречаем образцовый язык критики и публицистики 40-х годов.

В связи с засилием гегельянской терминологии в статьях Белинского примирительного периода встречались туманные философские выражения, порождавшие различные кривотолки. Булгарин в фельетонах «Северной пчелы» (например, 1839, № 247), а Греч в своих лекциях о русском языке в 1840 году специально глумились над языком «Отечественных записок» и особенно над языком статей Белинского. Это был спор о философских терминах, который скрывал под собой борьбу Булгарина и Греча с гегельянскими идеями. Справедливость требует сказать, что Белинский из этих споров извлек для себя урок:

в статьях начиная с 1841 года он меньше употребляет обороты и термины, которые были бы непонятны широкому читателю.

Выспренный тон, вместе с неясностью выражений, был впервые внесен в критику «Отечественных записок» гегельянцем Катковым. Последний очень сильно злоупотреблял гегельянской терминологией, непривычной для русского языка. Катков настолько витиевато писал, что его стиль можно было бы назвать своеобразным «гегельянским красноречием». Для него были характерны: умение, не касаясь земли, скользить над фактами, играть мнимой конкретностью и высказывать подобие выводов, выезжать на силлогизмах там, где нужны были указания на подлинные причины и следствия. Поясним все это примером: «Все назначение сил Руси <...>, — писал Катков в первой из своих статей «Песни русского народа» (1839), — состояло только в том, чтобы без всякой определенной цели взаимно гнать друг друга и разбегаться по пространству, *чем дальше, тем лучше*; все назначение народа заключалось в ужасной необходимости разрывать себя на части и разбрасывать свои члены во все стороны, *чем дальше, тем лучше*»²¹. Но что же гнало силы России, чем дальше, тем лучше, почему она должна была рвать себя на части? Все это повисает в воздухе, все тонет в тумане умозрительных спекуляций, дурная сторона которых в том, что они — не система выводов, а всего лишь лирика, «стиль». «В чем же искала забыться русская душа? — вопрошает Катков. — Мы знаем, что в бурной, окружавшей ее действительности она не могла найти себе определения; не было ни одного предмета (!), ни одной жизненной формы (!), которой бы она могла с любовью посвящать свои силы, но мы знаем также, что для нее провидение готовило впереди беспримерную участь, колоссальное определение...» (№ 7, стр. 40), т. е. самодержавие. Все время хочется задать вопрос: почему же? откуда это следует? Все переходы у Каткова произвольные и лишь фиктивно «вытекают» друг из друга. Вот еще пример каверз гегельянства у Каткова. Он говорит о судьбе русской крестьянки; вместо того, чтобы сказать: «ее выдают замуж», он прибегает к «любомудрию». «Начнем ее историю, — говорит Катков, — с той эпохи, когда в груди ее начинает биться сердце, когда она сознает, что она — женщина и что для полноты своего существа ей нужно найти себя в другом существе» (№ 7, стр. 78).

Правда, Каткову было тогда всего лишь 21 год, он еще был очень молод. Но и тогда уже проявлялся его заносчивый, хвастливый тон. Белинский никогда бы так не сказал: «Мы многое теперь пояснили для себя, мы открыли смысл жизни русской (!), мы приобрели теперь такт для всех проявлений русского духа, мы нашли для них критериум. Мы теперь смело сможем

приступить к изучению характера и свойств русского духа» (№ 7, стр. 36). Здесь у Каткова ясно видна типично идеалистическая претенциозность и последовательность мысли: то мы уже приобрели такт для всех проявлений русского духа, то мы только теперь можем приступить к изучению русского духа. Это обычный идеалистический трюк: знание априори, а потом приступ к изысканию знания.

Эту болезнь софистики замечал Герцен и в лекциях Грановского и отчасти находил у себя. С ней боролся и Белинский. У Белинского могло быть лишь засилие терминов, но внутри системы — всегда все четко: гибнет мысль, как мысль неверная, но не как мысль неясная, недосказанная. Катков злоупотреблял гегельянской мистификацией, стремлением темное превратить в наукообразное. Это целый слой в его стиле и в «стиле» эпохи. Герцен высмеивал подвыпивших студентов, которые искали на прогулке в Сокольниках «единения с субстанцией народа».

«Отечественные записки» под влиянием Белинского и Герцена воевали против репетитовской болтовни, наподобие стиля французского фельетониста Жюль Жанена и против педантизма и вымороченной цеховой фразеологии немецкой журналистики. Всякие капризы авторов насчет сохранения причуд их стиля решительно отвергались. Например, присланные в «Отечественные записки» неудобоваримые статьи старого русского шеллингианца Д. Велланского вовсе не были напечатаны²².

Боткин в статье «Германская литература» (1843), среди других упреков «сосиске» Рётшеру называл напыщенность, метафорическую темноту, дурную, безвкусную образность языка. А в конце статьи вопрошал: «Когда-то немецкая наука станет обращать внимание на литературную сторону своих сочинений, чему уже такой яркий пример подали ей Бруно Бауэр, Фейербах и другие!..» (№ 2, стр. 44).

«Отечественные записки» часто иронизировали над наиболее приевшимися выражениями и терминами строгой немецкой учености. Так, например, Герцен в статье «По поводу одной драмы» иронически рассуждал о русском партере, в котором по ряду кресел встречаются полюсы человечества — «от *небритой* бороды патриархальной, бороды *an sich*, до отращенной бороды, сознательной бороды, *für sich*, а между двумя бородами можно найти представителей главных моментов развития человечества, да еще некоторых оригинальных, недостававших человечеству» (т. е., по всей вероятности, социалистов. — В. К.)²³.

«Отечественные записки» вели борьбу за яркий, глубоко народный язык русской критики и публицистики.

Белинский говорил о необходимости каждому писателю и

критику иметь свой оригинальный слог. Белинский был решительным противником серости, нивелировки, штампов: «Слог, — писал он, — это сам талант, сама мысль, слог — это рельефность, осязаемость мысли»²⁴.

Критические статьи Белинского вдохновенны, задушевные, опоэтизированы веянием живой жизни, страстной любовью к искусству, стремлением раскрыть не только идейную сторону и красоту формы, но и возродить тот эстетический аромат, которым дышит художественное произведение. Читая Белинского, мы наслаждаемся дважды: и углублением в смысл произведения, и красотой вдохновенной речи о нем.

У Белинского не было специальной установки на «стиль», на оригинальность, остроумие. Все это приходило в его статьи вместе с его личностью, темпераментом, всепоглощающей истиной суждений. Простота, по понятиям Белинского, есть красота истины.

В изломах, блестящих гранях слога Белинского отразились все перевероты и зигзаги развития его мировоззрения, его падения и взлеты.

Вот, например, фразеология, отразившая кризис мировоззрения Белинского, его повороты: «разумная действительность», «куриная действительность», «рыночная действительность»; они лучше «пошлой идеальности», «рыночной идеальности», «приторной фразерской идеальности».

А вот примеры, связанные с третированием литературы «официальной народности»: «камердинерский вкус», «поэты 15 класса», «регистраторская поэзия», «макарьевская литература», «вахлацкая литература», «лакейские песни», «промышленники» (т. е. Сенковский, Булгарин), «археологический мистицизм» у Вельтмана. Высмеивается и стиль «Москвитянина», т. е. скучная, худосочная абстрактность, которой грешил и Аксаков, но здесь она еще приправлена ханжеским благочестием. «Там, где по вашему мнению студент учится, слушает университетские лекции, — иронизируют «Отечественные записки», — у критика «Москвитянина» (т. е. у Шевырева. — В. К.) тот же студент *наукой развивает мысль свою*. Вы говорите: профессора, или ученые, студенты или слушатели: критик «Москвитянина» вешает: *жрецы науки, мыслящие труженики, юношество, в котором зреет будущее России*. Московский университет, что на Моховой для вас — Московский университет, для критика «Москвитянина» — это *храм просвещения, святилище наук*»²⁵.

Критик «Москвитянина» все силится выяснить какие-то «коренные начала» русского мирозерцания, но в складе его собственной речи, как острил Белинский, не видно никаких

«корней» русской грамматики, а все сплошь — фразистость, расплывчатость, граничащие с кошунством.

Есть и особый фод намеков у Белинского: например, «юридические бумаги известного рода в «Москвитянине», т. е. доносы. Или выражение «беглая мысль» в «Северной пчеле» квалифицируется Белинским, как «полицейский термин», т. е. тот же намек на Видока Булгарина.

В первой статье «Речь о критике» Белинский употребил выражение: «литературная тля». Тремя месяцами спустя появился фельетон Панаева «Тля». Трудно решить: Белинский ли подсказал Панаеву это заглавие, или сам он узнал о замысле Панаева и у него заимствовал это слово, но уже у Белинского оно отнесено к Булгарину, т. е. критик как бы навел Панаева на «тип».

Точно так же Белинский вернул Сенковскому его выпады против «жартов» Гоголя, сказав, что у автора «Совершеннейшей из всех женщин» (роман Сенковского) «нет ни дара творчества, ни юмора, но много таланта, карикатуры, много того, что по-малороссийски называется *жартованием*, или *жартом*».

Приведем другие остроты, уподобления, сближения в статьях Белинского, отразившие идейную борьбу эпохи.

Например, славянофилы стали ходить в охабнях и мурмолах; Белинский острит по этому поводу: «А скоро дойдем и до одежды Адама. Древность — так уж древность» (1844, № 11). В письмах читаем: «Колбаса — Рётшер» — это «вагнеровская натурешка», «на Руси он был бы Шевыревым». Здесь — подведение всякого педанта под готовый тип; Шевырев теперь уже не просто Шевырев: прошел «Педант» и нарисованный в нем образ, на языке Белинского — «тип». Белинский в 40-е годы ненавидит филистерство немцев, с которым для него неразлучен запах кнастера, табака. «Колбаса» — это признак «колбаснической нации», т. е. немцев-филистеров. Так и у Даля в рассказе — «Колбасники и бородачи», т. е. немцы и русские. В одном из писем читаем: «Немцу-Грановскому поклон», «он человек хороший, хотя и шепелявый; но одно в нем худо — модерация», т. е. умеренность, либерализм. Отсюда на равную доску поставлены примиренчество и «немец». Эти «немцы» были рядом в «Отечественных записках»: К.-Р. Липперт, обозреватель иностранной литературы, протеже Одоевского, и «дерптский студент» Соллогуб. В письме Боткину летом 1842 года Белинский выдвигал даже специальные понятия: липпертария и соллогубия. Многое из эпистолярного стиля просачивалось в журнал. Например, в одном из писем говорится, что хочется дать «плебейским кулаком по аристократическим рожам». А в ядовитой рецензии на «Дамский альбом» сказано: «Это сборник стихов, составленный из самых различных авторов.

Выбор самых слабых пьес: князя Вяземского, барона Дельвига, графини Ростопчиной» (1844, № 5). Белинский высмеивает сословное чинопочитание в литературной республике.

В «Отечественных записках» стало как-то запросто говорить: «В деревне мота и дурака-помещика (характерный дефис! — В. К.), между мужиками есть богачи» (1843, № 11). Все это навеяно пафосом «Мертвых душ», в которых народ умнее помещиков. Белинский говорит, что в глазах индийца «гусь или корова такие же важные персоны, как и царь и герой, не говоря уже о простом человеке» (1844, № 2). Многие из таких резких выражений попадут в доносы на «Отечественные записки».

* * *

Другой не менее яркой фигурой в «Отечественных записках» был Герцен. Его сфера: философская пропедевтика, философия, естествознание, этика и мораль; «рецензий» в обычном смысле у него нет. Его жанры — «письма», статьи, фельетоны и пародии, крупная или мелкая заметка по частному поводу, но с выводом к общему. Например, в «журнальной шутке» «Москвитянин» о Копернике» смех возникает не только от того, что «Москвитянин» объявил Коперника последователем Галилея и Ньютона, живших позднее его (это обычный промах велемудрого журнала), но и от глубокомысленных извлечений самой фамилии Коперник от славянских корней — «копырник» и «покорник», долженствовавших доказать, что своими великими открытиями ученый якобы обязан только смиренному покорству.

Но особенно ярко стиль Герцена обнаружился в статьях «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Оба цикла статей — это философский жанр, вся сила которого, по словам Герцена, в «живом воспроизведении», «одействовании» мысли, в живописи мысли, в художественном воссоздании логической и исторической «эмбриологии истины».

В словотворчестве, «искандеризмах» отразилась философская практика исканий людей 30—40-х годов, их диалектическая манера мыслить. Эта практика вошла в статьи Герцена как предмет исследования, как опыт поколения, как школа мысли, как искусство мыслить. Здесь «живое тело» мысли, грани диалектики, ее переходы и переливы, отразившиеся в конструкциях фраз, в необычных неологизмах: «протрадать», «выработаться». Здесь — препарация процесса мышления, его логических кадансов. Герцен любил слова, схватывающие диалектику движения, у него «самодвижущиеся» слова. Он умел метко бить по сердцам современников, «перестрадавших» науку. Философия настолько стала общим делом, что внутренняя тайна

«борения мысли» стала предметом публичного исследования у Герцена. Он любит говорить о себе в первом лице, чтобы осветить внутренний процесс мысли.

«Дилетантизм в науке» написан в форме писем. «Письма об изучении природы» прямо обращены к друзьям, как бы вовлеченным в активный процесс познания. История «кружковых изучений» вынесена на всеобщее обозрение — учились мыслить все читатели.

40-е годы — время познаний, теории. В жизни появилась масса новых понятий, фактов. Выявились исторические параллели, аналогии. Гегелевская диалектика прямо толкала искать во всем этом смысл, алгебру движения, ступени, различия. Герцен — весь в этой интеллектуальной стихии.

Герцен любит сближения, в которых сплавлены история и логика: «Ватерлоо решило на первый случай, кому владеть полем: Наполеону — классiku или романтикам — Веллингтону и Блюхеру», «Софисты — блестящая жиронда, а Сократ — монтаньяр», «энциклопедисты в области науки сделали точно то же из Локка, что бретонский клуб во время революции сделал из английской теории конституционной монархии», «остроумие Руссо <...> предсказывает острооты Комитета общественного благосостояния», «появление Руссо должно было поразить их (Вольтера, Гольбаха. — В. К.). Руссо был монтаньяр между ними и жирондистами». Это стиль, по определению Белинского, «учебно-беллетристический».

Особенности «утомительно-блестящего» стиля Герцена были полным отражением его личности. П. В. Анненков писал: «Признаться сказать, меня ошеломил и озадачил на первых порах знакомства этот необычайно подвижной ум, переходивший с неистощимым остроумием, блеском и непонятной быстротой от предмета к предмету, умевший схватить и в складе чужой речи, и в простом случае из текущей жизни, и в любой отвлеченной идее ту яркую черту, которая дает им физиономию и живое выражение. Способность к поминутным, неожиданным сближениям разнородных предметов, которая питалась, во-первых, тонкой наблюдательностью, а во-вторых, и весьма значительным капиталом энциклопедических сведений, которая была развита у Герцена в необычайной степени — так развита, что под конец даже утомляла слушателей. Неугасающий фейерверк его речи, неистощимость фантазии и изобретения, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно в изумление его собеседников. После всегда горячей, но и всегда строгой, последовательной речи Белинского, скользящее, беспрестанно перерождающееся, часто парадоксальное, раздражающее, но постоянно умное слово Герцена требовало уже от собеседников, кроме напря-

женного внимания, еще и необходимости быть всегда наготове и вооруженным для ответа. Зато уж никакая пошлость или вялость мысли не могли выдержать и полчаса сношений с Герценом, а претензия, напыщенность, педантическая важность прямо бежали от него или таяли перед ним, как воск перед огнем»²⁶.

Главной своей задачей Герцен считал «развивать науку в жизнь».

Замечательной стороной его статей «Дилетантизм в науке» является почти художественное воспроизведение целой портретной галереи типов противников науки. Герцен расчищает пути подлинной науке, идущей на смену «бесплодной», о которой эмоционально-скорбно говорил Лермонтов в «Думе».

Перед нами живые портреты в стиле «Педанта». Разве не типы: просто «дилетанты», «дилетанты-романтики», «дилетанты-буддисты», педанты из «цеха ученых»? Это типы подлинных противников науки, маскирующих ее друзьями. Зоркий взгляд Герцена пробивает кору маскировки и видит суть. Велика уже практическая искушенность у Герцена, заметившего и опыт блужданий Белинского, и превращения Аксакова, Каткова из «своих» в «чужих». Сила и красота обличений у Герцена в показе сущности явлений через их фальшивую маску, блестящий пример «приуготовления читателя»; чтобы масса могла подступить к подлинной науке, она отводится от науки «бесплодной» («Дума») и подготавливается к слушанию «пророческих речей» современной передовой философии («Журналист, читатель и писатель»). Это, по словам самого Герцена, «лирическая поэма воспитания в науку». Сделано это в форме необыкновенного сочетания: своеобразного «физиологического» очерка о дилетантах с деловой научной статьей.

«Письма об изучении природы», высоко оцененные В. И. Лениным, ставили Герцена на голову выше крупнейших представителей буржуазной философии. Сила «Писем» заключалась и в том, что их изложение пронизывает неудержимый поток блестящих образов, метафор и афоризмов. То была не простая дань живости изложения, а новая ступень понимания самих философских проблем.

В образной речи Герцена проявлялось русское, глубоко оригинальное понимание диалектики, независимый способ суждения, мастерская выверка тайн идеалистической спекуляции опытом жизни, науки, истории.

Прочитав с восхищением «Сущность христианства», Герцен воскликнул: «Прочь косноязычие!» В «Новых вариациях на старые темы» он сказал: «Хвала дерзкому языку, которым с некоторого времени заговорила наука нашего века» («Сов-

ременник», 1847). И действительно, она с некоторого времени заговорила именно так благодаря Герцену.

— Эта глубокая образность речи Герцена имеет себе параллель только в стиле трудов Маркса и Энгельса, в которых ярчайшим образом отразилась победная поступь научного коммунизма, ясновидение путей человечества.

Стилевые и жанровые приемы Герцена в разработке вопросов эстетики, этики и морали чрезвычайно интересны. Герцен активно вступает в полемику с современными буддистами науки, «москвитянами», и показывает себя великим мастером памфлета и пародии.

В 1843 году Герцен написал свой шедевр — «Путевые записки г. Вёдрина». После удара Белинского по Шевыреву, это — второй удар — по Погодину. Предыстория его такова.

В «Москвитянине» в течение 1843 года печатался путевой дневник М. П. Погодина «Год в чужих краях». В 1844 году он вышел отдельным изданием. В это время уже и Белинский подумывал создать тип стяжателя. Но повод к этому подал сам Погодин своим дневником, и Герцен немедленно им воспользовался. В основе типа Вёдрина — скупость и дилетантизм, сумбурность выводов, хлестаковство, манера за все цепляться без всякой связи, или устанавливать с глубокомысленным видом маниловские «связи». Белинский в «Педанте» высмеял «чванство», а Герцен в «Вёдрине» — «верхоглядство», ничтожность скареда с очень дурным, капризным характером. Можно было бы назвать этот памфлет «записками одного из дилетантов», одержимого «византийским духом». Это — живая персонификация статей о дилетантизме в науке.

«Вёдрин» появился в 11 номере «Отечественных записок» за 1843 год, когда еще не вышло отдельное издание дневника Погодина. Этим Герцен как бы убивал книгу Погодина в самом зародыше. Но дело здесь не только в подрыве кредита скряги, а в его последующей полной мистификации.

Так как в «Москвитянине» и в 1844 году еще печатались отрывки из дорожного дневника Погодина, то «Вёдрин» как-то странно замешался между этими отрывками и отдельным изданием дневника. Слог Герценом был так пародийно подобран, что читатель сбивался с толку: что же чему предшествовало? Погодин — Вёдрину или Вёдрин — Погодину? Белинский в рецензии на дневник писал: «Это расходная книга неразграфленнная, слог этот был бы несравненен и вполне оригинален, если б не напоминал нам одно из лучших произведений Гоголя (т. е. «Записки сумасшедшего.—В. К.) и «Путевые записки Вёдрина», помещенные в смеси нашего журнала в прошлом году» (VIII, 73). Рецензия Белинского окончательно все запу-

тивала. В ней представлялись отрывки для сличения из «Вёдри-на» Герцена и из подлинника Погодина. Подделка была изумительной. Даже друзья Погодина улыбались и, как рассказывают современники, И. Давыдов, читая жене «Вёдри-на», невольно принимал тон Погодина. «Удивительное сходство! — восклицал Белинский. — Не знаешь, кто кому подражал: г. Вёдрин г-ну Погодину, или г. Погодин г-ну Вёдрину. Так как путешествие последнего не издано вполне, то нет сомнения, что г. Погодин читал неизданные его (т. е. Вёдри-на. — В. К.) «Записки», увлекся их слогом и многие места просто скопиро-вал, считая преступлением изменять оригинальность драгоценного рассказа».

Замысел, направленный против Погодина, был завершен тем, что все было поставлено с ног на голову: Погодин — автор объявлен мифом, как и издаваемый им журнал, а педантская скупость Погодина приравнена к сумасшествию. Один из чита-телей «Отечественных записок» А. И. Артемьев так и не смог никак отрешиться от мысли о Вёдрине, когда увидел в Каза-ни живого Погодина (см. ниже). Вёдрин стал двойником По-година, более того, живой Погодин — его тенью.

В фельетоне Герцена замечательны три линии. Первая — прямое уничтожение Погодина иронией. Герцен называет Погодина «одним неизвестным литератором» (это в отместку за «безымянного» критика Белинского, как о нем обычно писал «Москвитянин»). Ту же роль выполняет каламбурная переделка фамилии Погодина — в Вёдри-на. Все дается сначала с серьезным видом. Вёдрин живо описывает выезд из Москвы, высказывает намерение приложить «расходную книжку» и пр., эта «расходная» настораживает читателя, ге-рой что-то мелочно заботлив.

Вторая линия: это скупость и вздорный характер Погоди-на. Скупость проходит лейтмотивом, «Отечественные записки» называли весь дорожный дневник «расходной книжкой». Приложение не потребовалось. В пути от Рогожской за-ставы до Девичьего поля (где жил Погодин) герой поспешил дать извозчику 25 копеек серебром и пустился пешком. Поиск попутчика, который платит половину, а занимает три четверти повозки, просьбы нищих и притворное подремывание Вёдри-на, чтобы не раскошелиться, возведены в ранг глубокой фило-софии: «проезжему мелкие деньги нужны, не крупные же дать».

И, наконец, третья линия: византийская логика, с примесью восторгов и сомнений чуть ли не героя «одного из лучших произведений Гоголя»: «На заставе солдат с медалью и с уса-ми. Люблю медаль и усы у воина: молодец!». Нелепый казен-ный восторг, наукообразное погодинское толкование всего и

вся: «Что за лихой народ извозчики! Борода, кушак... Размечтался и вспомнил Кеппена брошюрку о курганах». Все это специфическая «москвитянинская» логика, у которой и борода и кушак всегда «оперты на науку». Эта логика воинственна и «патриотична». Вот показана русская дорога, т. е. по-гоголевски это просто «чушь и дичь» по обочинам, но Вёдрин весь бодрится: «Места более плоски, нежели гористы: справа виднеется река — волны смалтово-серебристо-платинистые. Чудный вид! Что перед ним хваленая Италия! Деревни и села и при том все русские деревни и села...». Это топчущееся на месте «горюхинское» глубокомыслие, с игрой в ораторские пассажи, лишь внешний флер заядлого крепостника: «Мужики работают так усердно. Люблю земледельческие классы: не они нам, мы им должны завидовать; в простоте душевной они работают, не зная бурь и тревог, напиханных (!) в нашу душу, ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки». Все умиляет душу Вёдрина: «Пока лошадей — наблюдать нравы. На улице мужик тузит какую-то бабу, вероятно жену; это развеселило меня, хохотал, нищие помешали досмотреть». И это все Погодин — один из вождей «Москвитянина»! Перед читателем все время какие-то жалкие недоноски мысли, обрывки бездарной доктрины, нелепый синтаксис, как таблица умножения у ведьмы в «Фаусте».

Итак, поэтика журнала — это не просто сумма приемов, необходимых для того, чтобы писать статьи и рецензии, памфлеты и пародии; в ней выражается принципиальная идейно-политическая и эстетическая установка журнала: как и о чем разговаривать с читателем, как его воспитывать, каким он должен быть в жизни и борьбе. Выбор жанров, гибкость форм, образность языка, разнообразие приемов воспитательной работы с читателем, это все черты глубокой демократичности «Отечественных записок»²⁷.

2

«Отечественные записки» вызвали огромный резонанс в массе передовых читателей 40-х годов. Пожалуй, ни один из русских журналов XIX века, за исключением «Современника» 1847—1866 годов, не породил столько теплых, признательных воспоминаний у самых различных выдающихся деятелей России, как «Отечественные записки» 40-х годов. Эти деятели в молодости зачитывались журналом, восхищались им, и многие из них прошли здесь свое первое боевое крещение. Это объясняется не только высокими достоинствами журнала, но и его местом в истории русской журналистики. «Отечествен-

ные записки» были зачинателями демократической журналистики в России, ее «первой любовью».

Об этом говорят красноречивые высказывания Герцена, Щедрина, Тургенева, Гончарова, Стасова, Анненкова, Панаева и даже И. Аксакова. Читателями «Отечественных записок» были петрашевцы, Чернышевский, Добролюбов.

«Есть статья Белинского!» — с этим восклицанием, — рассказывает Герцен в «Былом и думах», — студенчество набрасывалось в библиотеках, кофейнях на тяжелый номер «Отечественных записок», рвало его из рук в руки, зачитывало до дыр, до выпадения листов и в результате — двух, трех авторитетов, старых верований как не было». Это — свидетельство конгениального соратника Белинского. А вот воспоминание В. В. Стасова, бывшего студента Училища правоведения: «Мы брали книжку чуть не с боя, перекупали один у другого право ее читать раньше всех»²⁸.

На основании опубликованных в разное время материалов известно, что поклонники «Отечественных записок», Белинского и Герцена были в Московском, Петербургском, Казанском, Дерптском университетах, Александровском (бывшем Царское-сельском) лицее, Ришельевском лицее (в Одессе), Главном педагогическом институте, Корпусе путей сообщения, Сиротском институте (в Москве), Училище правоведения, Главном инженерном училище, Пажеском корпусе. Из воспоминаний, материалов архивных фондов Краевского и В. Одоевского видно, что читателями «Отечественных записок» были студенты, учителя гимназий, семинарий, профессора, ученые, офицеры, дипломаты. «Отечественные записки» читали не только в России, но и в Польше, Германии, Англии, Франции, Персии, Египте, Китае²⁹.

Образ читателя «Отечественных записок» и статей Белинского отразился в художественной литературе.

Петрашевец А. Пальм нарисовал этот образ в романе «Алексей Слободин» (1873). Сын смотрителя уездного училища и крепостной девушки, Алексей Слободин воспитывался на рассказах о Пугачеве, был очевидцем купли-продажи людей, истязаний колодников-каторжан. Взрослый Алексей Слободин разыскивает по книжным лавкам старые экземпляры «Телескопа», зачитывается «Отечественными записками». Герой участвует в одном из кружков передовой молодежи (А. Пальм имеет в виду, конечно, общество петрашевцев). В романе показывается, как умственно и морально формируется Слободин под воздействием идей Белинского. В этом кружке, говорит автор, «были статьи одного знаменитого критика, ставшего тогда во главе литературного движения, которое Москва называла «западничеством», а беззубые пе-

тербургские противники окрестили (очень, впрочем, удачно) натуральной школой»³⁰. В повести «Пунин и Бабурин» Тургенев вывел образ петрашевца — читателя Белинского. В комнате Бабурина «на самом видном месте висела известная литография, изображавшая Белинского, на столе лежал томик старинной бестужевской «Полярной звезды». И. С. Никитин в «Дневнике семинариста» показал живой процесс усвоения идей Белинского: «Я прочитал в этом номере «Отечественных записок», — говорит герой друзьям по классу, — одну из статей: разбор сочинений Пушкина. Что за язык! что за энергия!». Щедрин в «Пошехонской старине» в образе Валентина Бурмакина нарисовал идеального представителя молодежи 40-х годов, «высоко нравственную и почти непорочную личность» — ученика Грановского и почитателя Белинского.

Проблема читателя имеет важное значение для понимания идейно-литературного развития 40-х годов и роли в нем «Отечественных записок».

Здесь необходимы: накопление все новых и новых фактов, коллективные изыскания архивных материалов, просмотр иностранной периодики, а также теоретические обобщения. Важны не только свидетельства знаменитейших из «читателей» «Отечественных записок», но и те массовые настроения, которые вызывал журнал в обществе.

Процесс восприятия идей журнала, их переработка в сознании читателя расширяют и конкретизируют на документальной основе наши представления о содержании самих идей журнала и о тех глубинных процессах, которые происходили в русском обществе в данный период. Изучение общественных резонансов углубляет наше представление об идейно-литературной борьбе 40-х годов и позиции «Отечественных записок»³¹.

Необходимо передать эти массовые настроения в среде студенчества, молодежи такими, какими они были в 40-е годы, даже если тот или иной читатель со временем не сделался великим человеком, заметным деятелем, или даже, может быть, со временем отошел от прогрессивных позиций и уже перестал быть борцом «Отечественных записок». Важно то, что в 40-е годы эти читатели были в восторге от «Отечественных записок», переживали ломку своих взглядов, становились в лагерь приверженцев журнала, видели в нем колыбель своего духовного рождения. Последующая эволюция зависела от массы других обстоятельств, которые в каждом отдельном случае должны быть изучены особо.

Проблема читателя связана с идейной проблематикой «Отечественных записок» и со всей их организационной работой.

Параллельно с вытеснением разночинцем Белинским дворян из руководящей идеологической сферы происходил соподчиненный с ним процесс демократизации читателя, подготавливавший появление массового читателя-разночинца.

Понятия «читатель» и «публика» в каждую эпоху и у каждого журнала всегда свои. Журналистика является «организатором» публики, и последняя развивается вместе с журналистикой, сложно с ней взаимодействуя, как потребитель и как властная общественная сила, выдвигающая свои встречные требования.

* * *

Если Краевский в основном заботился только о «подписчиках»³², то Белинский волновала проблема читателя во всей ее глубине и объеме. Белинский всегда живо чувствовал своего читателя, хотя читатель далеко не всегда мог знать об авторстве Белинского, так как большинство его статей печаталось без подписи.

Уже в «Литературных мечтаниях» подразумевается читатель не миф, не декорация, а живой собеседник, вовлеченный в самый процесс «литературного мечтания». Это к нему обращается Белинский: «Помните ли вы то блаженное время...», намекая, что это «время» уже позади и для критика и для читателя; это к нему обращены оригинальные заставки в «Литературных мечтаниях», печатавшихся кусочками в «Молве» всю осень 1834 года: «опять еще», «опять не кончилось», «до следующего листка!» и, наконец, «берег! берег!».

В конце жизни Белинский констатировал великие итоги воспитания читателя. Он писал в обзоре литературы за 1847 год: «Русская критика стоит теперь на более прочном основании: она уже не в одних журналах, но и в публике...».

Белинский признавался, что он не писал ни одной статьи, чтобы не воображать перед собой своего читателя.

Критик строго различал «толпу» и «публику». Под «толпой» он подразумевал «случайный сброд», в том числе читателей «Библиотеки для чтения». «Публика» же — это передовой, организованный читатель, органически развивающийся вместе с литературой и журналистикой, соучастник их поворотов и судеб. Читатель для Белинского — соратник журнала, возможный его сотрудник. Критик чутко улавливал демократизацию читателя. Белинский писал: «...просвещение и образованность заметно распространились не только между средним сословием (разумей под этим словом так называемых «разночинцев»), но и между низшими классами: по край-

ней мере, теперь не редкость образованные и даже просвещенные люди из купеческого и мещанского сословия, из которых некоторые даже пользуются более или менее печатною известностью в литературе. И потому никак нельзя сказать, чтоб теперь не было в России общества и даже общественного мнения» (VI, 620).

Царское правительство боялось этой усиливающейся связи передовой журналистики с читателем, страшилось возникающего широкого общественного мнения. «Профессор, объясняющий яд, — говорится в одном цензурном деле 1849 года, — указывает и противоядие; а кто будет объяснять нравственный яд и противоядие читателям журналов?»³³.

Статс-секретарь барон М. Корф писал наследнику цесаревичу 24 февраля 1848 года: «Во всяком внезапном движении страшны не столько лица, сколько массы, посредством коих они действуют, а русские журналы и газеты читаются и всеми мелкими чиновниками, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь таким образом между сотнями тысяч читателей, для которых все это свято как закон, уже потому, что оно печатное»³⁴.

Редакция «Отечественных записок» получала большое количество писем от своих читателей. Сохранился набросок предполагавшейся статьи для журнала, сделанный рукой Одоевского, с характерным названием: «Настоящие * письма из провинции» <1843 г.>. «Редакция «Отечественных записок» и редакция «Литературной газеты», — писал Одоевский, — не знает, куда деваться от писем, получаемых ими из разных губерний: коллекция этих писем могла бы составить курьезную (первоначально: «любопытную») главу в истории нашей литературы и мы готовы поделиться ими с предпринимателями публичных чтений о сем предмете»³⁵.

Хранящиеся в архивах письма, опубликованные материалы с бесспорностью свидетельствуют о том, что читатель был чуток к идейно-политической пропаганде, которую вел журнал³⁶.

Белинский, несомненно, знал об этих письмах. Его статьи овеваны ощущением живого дыхания многотысячной «аудитории» читателей, они всегда направлены в широкий адрес, аргументация в них ведется от «общественного мнения», которое для критика всегда — судья, совесть, арбитр. В этом «обществе» Белинский не видит ничего специфически дворянского,

* Это, разумеется, в пику «не настоящим» письмам читателей, которыми Булгарин потчевал публику на страницах «Северной пчелы».

узко сословного, оно для него — своеобразная умственная республика, в которой от человека ничего не требуется, кроме ума и честности.

Белинский сам понимал, что эта неразрывная связь с читателем — его сила, а популярность среди читателей — его главный капитал.

Через неделю после разрыва с Краевским Белинский 6 апреля 1846 года писал Герцену о своих надеждах на будущее: «Не знаю, что будет вперед, а пока я просто изумлен тем, как имя мое везде известно и в каком оно почете у российской публики: этого мне и во сне не снилось»³⁷.

На каждом шагу, в Петербурге и Москве Белинский встречал своих читателей, но особенно много он их встретил летом 1846 года во время поездки на юг вместе с М. С. Щепкиным. Ему как критику везде выказывались знаки сочувствия и внимания. Белинский побывал в Калуге, Воронеже, Курске, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Херсоне, Симферополе, Севастополе. В Харькове он гостил в семье Кронебергов. А. Данилов рассказывает о встрече Белинского в Харькове со студентами университета и о жарком споре с ними по поводу игры Щепкина. Летом 1846 года Белинский посетил Севастополь, и «он очень полюбил черноморских моряков, встретивших с большим радушием заслуженного артиста и первоклассного критика»³⁸.

О пребывании Белинского в Симферополе рассказывает И. Шмаков: Белинский побывал в Мариино, на даче у В. М. Княжевича, который «с большим сочувствием и уважением относился и к Белинскому и к Щепкину». Внимание и участие симферопольской публики к Белинскому было очень велико, его постоянно навещали: Княжевич, Серов (Александр Николаевич, впоследствии известный композитор и музыкальный критик. — В. К.), Аренд (брат известного лейб-медика. — В. К.) и многие другие³⁹.

В Николаеве Белинский и Щепкин обедали у контр-адмирала М. Берха, о чем критик в письме 23 июля сообщал жене. Здесь он познакомился со страстным почитателем своего таланта, неким офицером П. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях (напечатанных в «Кронштадтском вестнике» за 1862 г., № 47) сын контр-адмирала А. М. Берх.

Эти воспоминания с раскрытием имени их автора были перепечатаны в 1949 году С. И. Эткиной в сборнике «Белинский», издание Ленинградского госуниверситета. Но комментатору не удалось установить имя этого интересного почитателя Белинского, «Г. П.», т. е. господина П., упомянутого в рассказе. Молодой Берх в 1846 году учился в петербургском Главном инженерном училище и получил из Николаева от этого П. под-

робное описание его встреч с Белинским и рекомендацию познакомиться с ним в Петербурге, что Берх со временем и сделал, передав Белинскому два письма от П., которые до нас не дошли. Об этом «Г. П.» в воспоминаниях говорится, что он, «читая в периодических изданиях сочинения Белинского, был сильно привлечен к его в высшей степени благородной, правдивой и честной личности. Но когда он после встретился с ним в Николаеве, сочувствие и уважение к нему перешло в горячее чувство душевной привязанности, доходящей до увлечения, до какого-то благоговейного восторга. И впоследствии он не мог равнодушно говорить о нем, и вспоминая о нем весь оживлялся, невольно поддаваясь обаятельному влиянию этого высокого ума, этой прекрасной души».

Сам А. М. Берх (1830—1906) — замечательная фигура, участник Севастопольской обороны, строитель боевых укреплений в Кронштадте; судя по его восторженным отзывам о Белинском, он был человеком передовым. Берх бывал у Белинского на Лиговке, перед самой его смертью совершенно откровенно беседовал с великим критиком о февральской революции во Франции и других политических событиях 1848 года. У Белинского к нему было доверие, он знал, как выразилась М. В. Белинская, что этот «из избы не вынесет сора». «Целый новый мир идей и мыслей,— вспоминал Берх,— раскинулся предо мной, и я с увлечением отдался этим новым впечатлениям»⁴⁰.

Такая популярность Белинского среди военных людей николаевского времени особенно сильно подчеркивает практические результаты идейного воздействия критика на современников и говорит о пробуждавшемся умственном брожении в николаевской армии, которая казалась после разгрома декабристов незыблемой опорой трона. Известно по публикации М. К. Лемке, что шеф жандармов А. Ф. Орлов доложил 23 февраля 1848 года царю о другом характерном факте: «Поручик корпуса горных инженеров Банников в показании своем объяснил, что он, напивавшись из «Отечественных записок» неуважением к старым нашим литераторам, перешел от этого к неуважению всего, чтимого другими, и властей, и настоящего порядка дел и даже особы вашего императорского величества»⁴¹.

Интересным читателем «Отечественных записок», Белинского, Герцена, Лермонтова был известный уже нам студент Казанского университета Артемьев. Дневники Артемьева раскрывают перед нами живой процесс чтения и усвоения идей журнала. В студенческие годы он со всей пылкостью следил за русской журналистикой, обсуждал в дневнике понравившиеся ему статьи, полемические ошибки. Артемьев непосред-

ствен и искренен, и самые колебания его симпатий показательны для формирующегося нового читателя 40-х годов.

Сначала Артемьев зачитывался произведениями Полевого: «Клятва при гробе господнем» для него — «Русью пахнет», он радовался, что может «постигать красоты» Марлинского, Бенедиктова, Тимофеева, он восхищался «Библиотекой для чтения» как «лучшим» журналом. Гастроли друга Белинского, знаменитого М. С. Щепкина в Казани в мае 1839 года, и его громадный успех у публики сильно толкнули мысль юноши, влюбленными глазами следившего за игрой великого артиста из райка, куда он попал на последний полтинник и в чужом сюртуке *. Особую любовь Артемьев испытывает к «Отечественным запискам». С 1840 года его дневники пестрят записями о впечатлениях от этого журнала, от романов, стихов, статей, критики, полемики. Понравившиеся ему стихи выписываются из «Отечественных записок» под диктовку «милых сердцу его», интереснейшие страницы закладываются листиками пахучих цветов — настоящий культ «Отечественных записок»⁴².

И вот 13 декабря 1840 года юный читатель пишет большое, исповедальное письмо Краевскому, а в сущности Белинскому. Сохранившийся второй список имеет заголовок «Confession» с припиской: «Я думал писать к Полевому, но вместо него отправил 14 декабря письмо к Краевскому, издателю «Отечественных записок».

Письмо немного наивное, студенческое, но автор, после колебаний выбравший «Отечественные записки», уверен в добросовестности редакции и откровенно раскрывает свое сердце. Письмо замечательно литературной зрелостью автора, меткими зарисовками современного журнального мира; на этот мир он смотрит глазами «Отечественных записок». Все его характеристики «Современника», «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы», «Маяка» и других журналов в точности совпадают с тем, что писал о них Белинский.

«Сначала я хотел писать к «Современнику», — заявляет Артемьев, — но он представился мне гостиною, в которой говорят о книгах для того только, чтобы показать, что читают книги, и я вышел из гостиной. Вдруг встречаю старца, согбенного на костылях и украшенного тремя медалями... Это «Сын отечества». Я хотел обратиться к нему, но подумал, как я буду говорить с ним: старики любят старое, любят резонировать, — а я, грешный человек! хоть и уважаю старость, однако не ставлю ее в число достоинств... Я почтительно отошел в сторону и отправился в «Библиотеку для чтения». — Но увы!

* См нашу публикацию в «Театральном наследии». Л., 1956.

Она нисколько не похожа ни на одну библиотеку для чтения, какие я знаю. Здесь шумят, хохочут, прочитывают вам по несколько строк из каждой книги и опять хохочут; книги в этой библиотеке поставлены иная вверх ногами, другая боком, третья разорвана, *сия* под столом, *она* у порога, *таковая* забита в угол, а эти свалены в кучу без порядка <...>.

Вот жужжит «Северная пчела». Стой, здесь конец искания, здесь конец концов, как говорит *вышепрописанный* библиотекарь, — стой! Пчела — образец трудолюбия, еще Соломон советовал учиться у нее, стой!.. Я поймал «Пчелу», начал рассматривать, отведал ее соты... тьфу!.. — Они набраны с белены и дурмана, а пасечник (только не Рудый) выдавал их за ароматные, липовые. Я бросил «Пчелу» — она перегибалась, хотела ужалить меня в ногу <...>.

Гляжу, посреди этой сумятицы приветно манит к себе прелестный остров, там, есть предание, живет «Путеводитель в пустыне»... * ...Его-то мне и нужно. Я направил туда свой челнок, но вдруг вижу что-то бледное: это «Маяк», — говорят мне. Как? Следовательно здесь опасно? спросил я сам себя, — и, без дальних размышлений повернул руль и мой челнок прошел мимо острова... вдруг... брр!.. весла и руль пополам... челнок мой сокрушился. Боже мой! «Маяк» показывает ложный путь. Как! Неужели эти опытные, кажется, моряки не знают, что фарватер давно уже изменился, что течение теперь приняло уже новое направление? Или это обман? или моя неопытность? Лучше бы я доверился Джасперу Уэстерну, нежели этим догматикам. Нет, «Маяк» этот стоит для обмана: он указывает дорогу, по которой ходили во времена очаковские и покоренья Крыма, а с тех пор многое изменилось. Эти кормчие признают только героев своего времени, а ругают «Героя нашего времени» <...>.

В этих строках сосредоточены все мечтания тогдашнего читателя, который сам активно делает выбор между журналами, вся его жажда света, подлинного знания и его ненависть к надувалам и пошлякам в журналистике. Замечательные слова об изменившемся «фарватере» в русской литературе, о «течении», принявшем теперь «новое направление», прямо относятся к заслугам «Отечественных записок».

Затем Артемьев продолжает: «Обманутый надеждами», я «нашел себе утешение» и «принялся читать «Отечественные записки». «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», а мне до сих пор кричали отовсюду, как сидельцы гостинодворские: куда вы? что вы делаете? Подите к нам, вот у нас-то... И — при-

* Так был назван напечатанный в «Отечественных записках» в 1840 г. перевод романа Ф. Купера «Следопыт». Упоминаемый ниже Джаспер Уэстерн — герой романа.

знаюсь — сначала я верил, но теперь увидел, что «Отечеств-
<енные> запи<ски>» — настоящий сколок с моего отече-
ства: оно не кличет на весь мир, не делает широковещатель-
ных объявлений, а идет молча и между тем верно, твердо...
Таковы и «Отечеств<енные> зап<иски>»; да они впрочем и
необходимо должны быть такими <...>.

Я решился писать к вам, решился просить у вас совета.
Прежде я хотел об этом писать к Н. А. Полевому, которого я
уважаю, но мне сказали, что он горд, самолюбив и я отложил
свое намерение до другого времени. Да, я уважаю Полевого,
хотя прежде, по какому-то странному, ни на чем не основанно-
му предубеждению, я не любил его, не решался прочитать ни
одной его строчки <...>. Правда, я не согласен во многом с
Полевым, но люблю его заносчивый, самоуверенный, резкий
тон. «Телеграф» его, в свое время, для меня был тем же, чем
теперь ваши «Отечеств<енные> зап<иски>». Он показал
мне много новых точек, с которых надобно смотреть на некото-
рые предметы: напр<имер>, его разборы Державина, Жу-
ковского и др. Так вы, Андрей Александрович, открыли для
меня новый мир своими рецензиями на «Фауста», «Песни рус-
ского народа», соч<инения> Марлинского, «Горé от ума»,
«Героя нашего времени», соч<инения> Толстой и др.».

Из перечисленных статей нет ни одной статьи самого
Краевского: о Марлинском, «Горе от ума» и о «Герое нашего
времени» писал Белинский, о песнях русского народа и о сочи-
нениях Сарры Толстой — Катков, о «Фаусте» — Гебгардт. Тя-
жело было бы Краевскому разувирать доверчивого чита-
теля, что расточаемые им похвалы вовсе к нему не отно-
сятся.

Самое ценное в письме — кроме оценки Лермонтова — не-
которые критические суждения о самих «Отечественных записа-
ках» и об их сотрудниках.

«Признаюсь, — продолжает Артемьев, — мне трудно было
отказаться от своего мнения, что Марлинский был не только
хороший рассказчик, но даже философ!.. Но «почтеннейшего»
Ф. В. Булгарина никогда не считал философом и даже немало
хотел над маячною статьею, в которой доказывается, что
он философ... Впрочем, я не согласен и с вами <...>, что
Ф. В. Булгарин и Р. М. Зотов могут стоять на одной доске с
блаженной памяти А. А. Орловым (мнение Белинского. —
В. К.). Нет, я уверен, что это была одна шутка с вашей сто-
роны. Ведь овому талант, овому два: не всем же быть
творцами. Но все-таки не понимаю за что редакторы «Маяка»
возвели Кумарина в сан философа? Невольно подумаешь:
верно дело-то неспроста? Это для меня, непосвященного в за-
кулисную журналистику, темна вода во облаках. До выхода

IV-й книжки, «Маяк» мне нравился, но теперь я смотрю на него, как на «Плошку» (т. е. как смотрят на него «Отечественные записки». — В. К.).

Дальше следует место о «Герое нашего времени» Лермонтова, которое нами цитировалось в первой главе. В заключение Артемьев обещает в будущем поспорить с редактором «Отечественных записок» по другим вопросам и предлагает свое сотрудничество в них.

И позднее, работая при библиотеке Казанского университета, Артемьев был усердным читателем «Отечественных записок» и подхватывал многие их острые оценки. Известно, например, как издевался Белинский над каждым из томов претенциозного издания Смирдина «Сто русских литераторов», в которых рядом помещались портреты Пушкина и Тимофеева, да и портреты были из рук вон плохи. А Галахов-беллетрист, желая подчеркнуть свою неприязнь к затее Смирдина, придумал себе иронический псевдоним: «Сто-один».

В дневнике 30 июля 1845 года Артемьев записал: «...принесли новые №№ «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок» и 3-й том «Ста литераторов». Разумеется, первым делом принялись мы рассматривать лица третьего десятка из сотни бессмертных. И что за рожи! Боже мой! особенно Бенедиктов, Бегичев, Ушаков. Я слышал, что Бенедиктов некрасив, но все не ожидал встретить такой пошлой физиономии; или еще Ободовский — шут! Только и можно остановиться с удовольствием на выразительных лицах Михайловского-Данилевского, Скобелева и Мятлева и, уж так и быть! Греча, хотя в ней что-то есть антипатическое... Наконец, мы имеем, мы узнали своих литераторов: вот 30 человек! Правда, из них 9 умерло. Где же остальные 70 или еще вернее 79?.. Жуковский, Одоевский, Гоголь, Даль — и только! Более не могу приискать, если не считать молодых Панаева, Майкова, Гребенку, Тургенева, Нестроева, Жукову, если исключить Воскресенского, Языкова, Хомякова и остальных из этой фаланги... Рассчитывая впрочем, что если в течение восьми лет (1837—1845) успели набрать 30 человек, то в остальные 30 лет (1845—1853, 1853—1861, 1861—1869, 1869—1875) может быть и у нас явятся полки литераторов, а может быть придется нам поставить на полки и литературщиков!..».

Здесь все является отголоском рецензий «Отечественных записок»: и общая ирония по отношению к самой затее Смирдина — дать сто живых русских литераторов, и перечень обоих рядов живых — истинных талантов и «литературщиков», и то, что истинные таланты — все до одного из «Отечественных записок», а «литературщики» — из «Москвитянина». Резко отрицательная характеристика Языкова и Хомякова явно заимст-

зована из обзора русской литературы за 1844 год Белинского.

Так, наверное, и по всей России передовые люди смотрели на вещи глазами «Отечественных записок», повторяли устно при встречах колкие и справедливые приговоры знаменитого журнала.

А вот как встретил Артемьев главного деятеля «Москвитянина» Погодина. В августе 1845 года в Казань приехал Погодин. В университет прибежали сообщить, что Погодин сейчас посетит библиотеку. «Через полчаса, — записал в дневнике Артемьев, — действительно прибыл экс-профессор русской истории и путешественник, известный в памфлетах под именем г. Вёдрины и Ненастного* (шутка Некрасова.— В. К.). Его сопровождали Фойгт, Иванов и Аристов**. Иванов рекомендовал меня «изыскателю о древнейшем варяжеском периоде русской истории». — «А, это тот, о котором вы прежде говорили», — сказал г. Ненастный, — и протянул мне с важностью указательный и средний палец... Мне как-то совестно и обидно стало прикасаться к столь величественной руке и я спешил пожать руки Карлу Карловичу и Аристову, которые без церемоний подали руки целые. Вероятно, заметив это, Погодин разогнул еще два пальца и как бы начал искать меня своей рукою, примолвил: «рад с вами познакомиться...». Я дотронулся до его руки, хотел что-то сказать, но на ум не пришло ни одной фразы. У меня вертелась в голове «Записки г. Вёдрины», «Письма г. Ненастного» <...>. С характерными ужимками «ищейкой собаки», как отмечает Артемьев, — Погодин спросил, — «...ну, а старых вещей никаких нет?!». Михеев шепнул мне: «старые панталоны»... Погодин, кажется, заметил это перешептывание, сопровождавшееся весьма недвусмысленными улыбками»⁴³.

Читатели всегда открывали какие-нибудь новые достоинства и недостатки в журнале.

Некто И. Алм-ов писал Краевскому 12 сентября 1840 года о философских статьях журнала. Вспомним, что в «Отечественных записках» тогда еще не было ни «Дилетантизма в науке», ни «Писем об изучении природы» Герцена, и вершиной философствования были соответствующие разделы в статьях Белинского, еще отражавшие незакончившийся период «примирения», а также статьи Бакунина и Галахова. Герцен только еще готовился начать всерьез «развивать науку в жизнь» и знал, какой перед ним неподготовленный читатель в вопросах философии... Но читатель заговорил сам и потребовал от журнала скорее и яснее высказаться.

* См. путевые «Записки Ненастного» за подписью Перец в «Литературной газете», 1845, № 22.

** К. К. Фойгт, Н. А. Иванов, Е. Ф. Аристов — профессора Казанского университета.

«Мне приятно сказать вам, — писал читатель, — что есть люди, которые стоя вдали от журнальной и вообще открытой сцены, но выше всеобщего уровня обыкновенной т. н. публики, благодарят вас за удовольствие, доставляемое серьезными статьями, которые помещаются в вашем журнале и уважают за вашу бескорыстную, благонамеренную, скажем больше — геройскую деятельность на поле образованности и особенно философии. Но мне всегда казалось странно, почему даже люди благонамеренные не отдают вам должной справедливости. Кого винить в том, что вас большею частию не понимает русская публика? Конечно, этому причиною и отчасти недостаток высшего философского образования, знакомство ее с одними французскими *quasi* — поэтами и философами и совершенное почти незнание немецкого языка и литературы; но все-таки позвольте упрекнуть себя (т. е. вас. — В. К.) в том: почему вы не находите потребностям наших состарившихся детей <пищу?>; изложите яснее, полнее и определеннее <суть?> своих мыслей в отдельных статьях, а не по поводу какой-нибудь книги, не в критике. Никто бы и не думал вас упрекнуть в этом, если бы публика наша сколько-нибудь была приготовлена к образу воззрения на вещи, вами излагаемому? Но вы знаете, какова у нас публика и в каком состоянии философия. Знаю, что многочисленные обязанности отвлекают вас от подробного хотя бы афористического изложения философской системы. Но надобно же как-нибудь пособить горю. Неужели невежество должно остаться в приятном для себя самообольщении? Неужели свет никогда не проникнет в эту тьму окружающую умы наших мнимо-ученых?»

О других пожеланиях читателей писал 3 февраля 1847 года Галахов Краевскому: «Я думаю, что надобно иногда не слишком доверять собственному взгляду на повести и не слишком пренебрегать личною критикою большинства читателей. В пример приведу несколько случаев. Вы были и есть хорошего мнения о «Прохарчине» (в подлиннике ошибка: «Подхарчине». — В. К.) Достоевского, а между тем все московские читатели (образованные и необразованные) вопили хором против этой повести. Вы поместили (и еще на видном месте) «Походную барышню» Победоносцева, а между тем она столько же заслужила ругательств, сколько было у ней читателей...»⁴⁴.

Демократически настроенный читатель «Отечественных записок» иногда присылал в редакцию ругательные письма, критикуя ту непоследовательность в направлении журнала, которую вносили в него Краевский и Одоевский.

16 марта 1844 года из Поречья было получено на имя Краевского любопытное письмо, без подписи с очень корявой,

ветхозаветной и безграмотной орфографией, очевидно, письмо разночинца, который писал грубовато, но правдиво и искренне. Письмо это касалось Одоевского. Краевский, видимо, передал его последнему, так как оно сохранилось в архиве Одоевского. Подлинность письма не вызывает никаких сомнений.

Вот оно, это характерное, ворчливое письмо. Даем его, слегка подправив орфографию; автор не признает даже точек и запятых: «Бывши постоянным подписчиком на издаваемый вами журнал, <я> каждую статью читал с особенным удовольствием. Но за февраль месяц 1844 года в книге помещена статья под самым глупым заглавием «Живой мертвец». Скажу вам — никуда не годится, но статья еще глупей и гаже заглавия. Дивлюсь, зная вашу разборчивость насчет пиес, печатающихся под руководством вашим; как вы решились поместить такую пошлость в лучшем русском журнале, неужели из уважения к княжескому достоинству этого госп<одина> князя Маракина или Одоевского? Неужели его герб с вороной вынудил ваше снисхождение решиться отнять так много у вашего журнала. У нас не по достоинству пользующихся сиятельством так много, как гусей, ведущих свой род от римских, и многие из них так же точно кричат, говорят и пишут бестолково, как эти пернатые. Сделайте одолжение посоветуйте Маракину-Одоевскому, ежели ему перо не далось, пусть он за него и не берется; из рук вон гадко и недостойно вашего журнала эта глупо написанная статья, так дрянно, что фантастические повести Барона Брамбеуса противу этого можно назвать образцовым сочинением. Одним словом, это хуже изданий Булгаринских. Полагая, что детство Маракина-Одоевского было под надзором дядьки, подобному Савельичу у Пушкина в «Капитанской дочке», это его извиняет, только так ли: ведь он сын Сиятельного, но все-таки Маракин-Одоевский провел вас, мой дорогой Редактор. Вы такой умный и образованный человек — это без лести вам скажу — как могли допустить напечатать в лучшем русском журнале такую пошлую глупость. Вы имеете много подписчиков, ваш журнал хорош, вас уважают за ваши прекрасные достоинства; зачем же манкировать уважением к себе. Из нас есть такие, которые право заслуживают и вашего милостивого внимания, а еще и дают вам деньги; право и это не лишние; полагаю не первое ли в вашем соображении. Послушайте, посоветуйте Маракину-Одоевскому не писать подобного вздора и ежели в нашей матушке Руси есть еще чиновники Кузмичи, занимающие порядочные, как сказано, места да еще в Петербурге, то от души пожелаем, чтоб подобные скорпионы скорей исчезли со всего лица земли.

Вы на мою записку ни обижаться, ни сердиться не должны;

а ежели вы скажете: почему так?—вот вам доказательство: это доказывает, что наша Русь просвещается, мы теперь читаем и начинаем понимать и разбирать чем подчуют нас наши писатели. Это знак, что просвещение берет свое, это должно радовать русского. Я знаю по крайней мере до 30 человек, выписывающих ваш журнал, которые считают эту статью таковою, как я вам пишу, и говорят, что ежели подобно-глупые пиесы будут нам присылать, то журнал упадет и выписывать его не будут, ведь это более полуторы тысячи рублей. Скольких же я не знаю... Еще зачем же терять и денег и славу праведно вами заслуженную, а нас лишать такой книги, которую можно читать, не жалея утратить попусту время. В наш век кто с деньгами, тот и без титула блещет, а хотя и князь да карманы пусты, тогда и блеск его герба затмевается. Как мне кажется князей с пустыми карманами более, нежели не титулованных людей.

Знаю, вы меня за это назовете неучем и незнающим грамматических правил и <я> заранее с вами соглашаюсь, а извиняюсь тем, что посылаю вам эту записку не для блеску и денег, а для желания читать хорошее, пожелав князю Маркину-Одоевскому успеха в издаваемых им сказках, то есть в в приличном его уму издании. Утешаю себя надеждой, что в вашем журнале подобных статей читать не будем. Остаюсь желающий вам продолжения вашей славы, умножения ваших подписчиков и получения более денег»⁴⁵.

Какая ярко бьющая, умная, несмотря на всю безграмотность письма, ненависть к князьям в литературе! Резко отрицательная оценка мистических мотивов в творчестве Одоевского совершенно совпадает с отрицательной оценкой их Белинским. Главное в этом письме — прямое заявление о пробуждении критического сознания у широкого читателя в России. Тонко, иронически звучит намек на то, что деньги для Краевского — прежде всего. Не знаем, отвечали ли Одоевский или Краевский критику, но Одоевский жаловался в 1844 году, в письме к Краевскому, на отзыв в статье Белинского о его повестях, напечатанной в 10 номере «Отечественных записок»⁴⁶.

Наиболее способные из провинциальных читателей «Отечественных записок» становились в той или иной форме сотрудниками; например, выступали в журнале со своими произведениями упоминавшиеся Н. Мизко, Л. Екельн, П. Сумароков. Читатель Николай Ульянов прислал список «Демона» в «Отечественные записки», Аполлон Сотников прислал из Сибири для публикации стихотворение декабриста А. И. Одоевского. Читателями журнала были первоначально и Некрасов, и Тургенев, и Салтыков, и В. Майков, и Штрэндман, и многие петрашевцы.

В 40-е годы под влиянием «Отечественных записок» намечается заметное расслоение в массе читателей. Борьба журнальная вызывала борьбу и среди самих читателей. У каждого журнала образовался свой круг сотрудников и свой круг читателей.

И. Панаев в «Русском фельетонисте» иронически писал: «Известно, что русская литература, в существовании которой еще многие сомневаются, делится на *партии*; говорят, будто бы вследствие этого и читающая публика так же разделяется на партии. Вы, благосклонный читатель мой, к какой партии принадлежите?..» (1841, № 3).

П. И. Небольсин писал в «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул»: «В общей сфере провинциальных городов у нас повсюду одно утешение в жизни, после дневных трудов — карты; «король — валет — сам — пять», «играю», «ренонс», «леве», «угол», «пароли» — вот обычные фразы обыкновенной семейной компании по вечерам. В Екатеринбурге не то: там можно прислушаться здравых понятий о политической экономии, там сумеют передать новейшее изобретение какого-нибудь французского ученого, там образуются партии литературные: одни стоят за «Современник», другие недопускают, чтоб мог существовать журнал умнее «Библиотеки», третьим нравятся «Отечественные записки», но дело в том, что в большинстве читателей заметно рвение прочесть прежде всего отдел наук и художеств, а это, сколько известно, очень хороший масштаб для измерения степени образования данного лица» (1849, № 5).

Разумеется, читатель «Отечественных записок» стоял на голову выше читателя «Библиотеки для чтения» и других консервативных изданий. Тот, кто любил «Отечественные записки», уже не мог себе представить, как можно наслаждаться писаниями и остротами Барона Брамбеуса, рассчитанными на провинциальные, отсталые вкусы. «Москвитянин» почитывали рутинеры, педанты, этнографы и филологи узкого профиля, историки типа самого крохобора Погодина, украинофилы с откровенно националистическим душком, вроде Основьяненко, «патриоты» официального толка и ненавистники всего западного. У «Современника», издававшегося Плетневым, почти не было в то время читателей, он распространялся по-старинному среди приятелей аристократического и университетского круга, искусственно противопоставляющих всему новому в литературе традиции произвольно истолкованного Пушкина.

Раскол на своеобразные «партии» среди читателей, формирование различных типов читателей отмечалось самой журналистикой в строго теоретическом и иногда в ироническом, фельетонном плане. Этот раскол был уже общим местом, буд-

ничным вопросом. Белинский, например, говоря в обзоре литературы за 1842 год о качественных изменениях в русской литературе и критике, связывал с этим и вопрос о дифференциации среди читателей: «Некоторые журналы, — писал он, — поддерживаются значительным числом подписчиков, журнальные мнения разделяют публику на литературные катерии». Последнее обстоятельство особенно важно. Через эту «отдачу», резонанс и дифференциацию Белинский приходил к осознанию того, что у нас есть общественная жизнь, борьба, которая выражает народные интересы и, следовательно, у нас «есть литература». Расслоение среди читателей было для Белинского логическим продолжением того расслоения в идеях и составе сотрудников, которые происходили в практике «Отечественных записок».

Иногда в одном городе сталкивались, спорили и враждовали читатели «Отечественных записок» с читателями «Москвитянина», «Библиотеки для чтения».

Например, в Воронеже жили читатель «Отечественных записок» А. В. Кольцов и читатель «Москвитянина» отставной учитель Н. В. Баталин.

В письмах Кольцова — огромное количество живых, глубоко умных откликов, замечаний и пожеланий в адрес «Отечественных записок». Его письма к Белинскому, Краевскому — драгоценнейший источник для характеристики провинциальной публики, читателей того времени. Кольцов сообщает, что воронежские читатели разочаровываются в «Библиотеке для чтения», что поборники ее приумолкли. В письме к Белинскому 1 марта 1841 года он констатирует факт: «Не знаю, как в других местах, а у нас все в одно слово говорят теперь, что «Отечественные записки» — самый лучший журнал. Самые поклонники «Библиотеки» на стороне «Записок»⁴⁷.

Твердолобый почитатель «Москвитянина» Баталин открыто враждовал с Кольцовым, как об этом рассказывает в своих письмах к Белинскому сам Кольцов. Баталин распространял слухи к невыгоде «Отечественных записок», предлагал Кольцову перейти в сотрудники «Москвитянина». Больше всего, при встречах с Кольцовым, он, по шпаргалке, полученной от Погодина, бранил Белинского, называя его «молокососом», «неучем», «выгнанным студентом» и прочее. В неопубликованных письмах к Погодину Баталин призывал «Москвитянина» к крестовому походу против «Отечественных записок»⁴⁸.

Об аналогичной борьбе читателей в Харькове рассказывает А. Кульчицкий в недавно опубликованном письме к Белинскому от 25 сентября 1840 года: «Кстати, вы имеете особенное искусство, — писал он, — наживать себе, кроме друзей, и настоящих врагов. Если б вы знали, какой есть у нас, под рукою,

Ваш заклятый враг! Какое это создание! Что за логика, что за приемы! Жаль, что Вы не знакомы с ним. Уверяю Вас, большего наслаждения нет, как видеть его петушество! Творец и святители! Какая буря на челе! Какой пожар на носу! И решительно-пророческий глас, и Катоновское упорство в ненависти — решительно: разрушить Карфаген!»⁴⁹.

Какая огромная дистанция отделяла читателей «Отечественных записок» от читателей «Библиотеки для чтения» видно из такого случая.

В цитированном письме Солоницына к Коршу (глава I) говорится о том, как смотрела на читателя сама редакция «Библиотеки для чтения». «Желая блеску ради поговорить в литературном обозрении «Сына отечества» о шведской литературе, — писал Солоницын, — я перевел из «Foreign Quarterly Review» дрянную статейку о новом сочинении одного молодого шведского ученого, касающуюся до лиги — модный предмет в наше время. На ту пору у Сенковского случился пробел в «Смеси» «Библиотеки». Не думая долго, он схватил мой перевод, прибавил к заглавию («Лига и гугеноты») «новый роман такого-то» и пустил в ход. Слава богу, что читатели наши невежды, не заметили промаха».

Но «Отечественные записки» никогда на своих читателей не смотрели как на невежд и никогда не говорили о них так цинично. Читатель «Отечественных записок» сам ловил Барона Брамбеуса на невежестве и плагиатах и писал об его плутнях в «Отечественные записки», а журнал это печатал. Так, в 1843 году в «Отечественных записках» появилась заметка, подписанная Д-й: «Читая в январской книжке «Отечественных записок» обзор русской литературы за прошедший 1842 год (статья Белинского. — В. К.), — писал читатель, — я очень был удивлен отзывом о помещенной в «Библиотеке для чтения» повести Барона Брамбеуса «Падение Ширванского царства»: так был он противен обыкновенному взгляду вашему на произведения того же автора. Привыкнув соглашаться с вашим литературным мнением, на этот раз я усомнился, однако, в справедливости вашего отзыва (Белинский всего только и сказал: «Повесть потешна». — В. К.). Неужели автор «Фантастических путешествий», «Большого выхода сатаны» и тому подобного написал хотя что-нибудь порядочное? Любопытство и желание разрешить мое сомнение заставили меня прочесть эту повесть. При чтении мне всегда казалось, что тут есть что-то уже мне знакомое, что я читаю это уже не в первый раз. Я стал припоминать и, наконец, попал на след».

Умный и образованный читатель «Отечественных записок» уличил Сенковского в плагиате: его «Падение Ширванского царства» оказалось не чем иным.

как дословным переводом рассказа «Histori Morabes Schachanel the magician», английского писателя Мориера, в доказательство чего в «Отечественных записках» тут же был дан параллельный текст. Читатель победным тоном заключал: «Следовательно положение, что г. Сенковский не написал ни одной хорошей оригинальной повести (утверждение самого Белинского.— В. К.) остается по-прежнему верным и решительно без всяких исключений, что и требовалось доказать»⁵⁰.

Собственно спора с Белинским здесь нет, читатель доказал только то, что слова «повесть потешна» относились в сущности к английскому автору, а Сенковский выведен в письме читателя, как человек, спекулирующий на невежестве своих подписчиков.

«Отечественные записки» вели неустанную воспитательную работу с читателями-сотрудниками, присылавшими в журнал свои произведения с просьбой их напечатать. Были, конечно, и читатели типа гоголевского Петрушки и Селифана — о них с издевкой писал Белинский, — были и сотрудники графоманы, нарциссы и бездарности, со свойственной им претенциозностью и навязчивостью.

О них Белинский писал в 1842 году:

«Но если б вы, почтенный читатель мой, знали сколько еще не печатается из того, что пишется: вы ужаснулись бы этой громадной массе исписанной бумаги, этого изумительного потока бездарности, пошлости и безграмотности! Когда б вы знали, сколько, например, пишущий эти строки обязан, по долгу журналиста, прочесть в течение года стихотворений больших и малых, повестей, рассказов, драм, отрывков, так называемых «ученых» статей и пр. пр., — вам сделалось бы страшно, уверяю вас! Но прибавьте еще, что большую часть всего этого должно читать по пустякам, потому что большая часть статей, присылаемых от господ — анонимов, псевдонимов и других, подписывающих свои подлинные, невыдуманные имена, остается без употребления и отсылается в контору «Отечественных записок» для возвращения <...>. Ужас! Откуда все это берется? что это за имена неслыханные и невиданные в русской литературе, которые пишут и присылают эти статьи? Где скрываются они? От Архангельска до Ахалцыха, от Варшавы до Иркутска едва ли есть хоть одна губерния, которая не наделила бы редакцию «Отечественных записок» несколькими статьями, переводными и оригинальными, повестями, рассказами, стихами — особенно же стихами <...>. И что за умиленные письма получают с этими статьями! Вас просят так униженно, так ласково <...> иногда убеждают вас несчастными обстоятельствами автора <...> как будто журнал — богадельня или лазарет<...>».

Белинский счел нужным тут же выдать с головой некоего поэта из города Лубны, который прислал со стихами и «десять рублей ассигнациями», прося редакцию их *«оставить у себя»*, если стихи будут напечатаны. Вот до чего доводит наконец, — иронизировал Белинский, — страсть к сочинительству⁵¹.

Бывали просители понахальнее. Одного из них выдал с головой В. Майков в статье о стихотворениях Кольцова. Какой-то провинциальный «избранник небес» прислал стихи:

Презренный червь, торгаш бездушный,
Ты златом не прельстишь меня!
Нет! лира гордая моя
К его бряцанью равнодушна и т. п.

Майков писал: «Это стихотворение прислано недавно в редакцию «Отеч. записок» при следующем письме: «Милостивый государь! Сообщая вам свое стихотворение, спешу уведомить, что у меня накопилось таких плодов досуга *до сорока штук* (выражаясь языком прозы). Если вам угодно будет *положить мне за все собрание пятьсот рублей серебром*, то немедленно доставлю вам и остальные стихотворения. Имею честь быть и проч.». «Таких дивных противоречий,— заключал Майков,— между стихами и жизнью романтиков наберется много»⁵².

Как видим, подобная корреспонденция помогала «Отечественным запискам» по прямым уликам добывать обветшалый романтизм в литературе и в жизни, учить общественность новой этике и морали.

Итак, отзывы читателей показывают, насколько определенно и прочно сложились в широких слоях общества представления о том, что «Отечественные записки» — орган самого прогрессивного течения русской общественной мысли и литературного направления. Эти отзывы показывают всю сложность работы «Отечественных записок» с читателем, который сознательно принимал сторону журнала в разгоравшейся политической и идейной борьбе.

3

«Отечественные записки» как орган передовой русской литературы и критики вызывали живой интерес и на Западе. Изучение иностранных читательских откликов прямо подводит нас к вопросу о месте и значении «Отечественных записок» во всевропейском идейно-литературном движении 40-х годов.

Однако проблема западноевропейского читателя «Отечественных записок», как и вообще вопрос о популярности и

влиянии русской передовой журналистики XIX века на Западе, принадлежит к самым неразработанным вопросам в нашей науке. В этой области существуют отдельные факты, которые и неполны и никак не обобщены⁵³.

В систематических обзорах иностранной словесности (Каткова, Липперта, Боткина), в «Письмах из-за границы» Анненкова, в рецензиях на книги В. Строева «Париж в 1838 и 1839 годах», Леонара Галлуа «История журналов и журналистов со времени французской революции» и многих других на страницах «Отечественных записок» воссоздавалась пестрая картина журнальной жизни на Западе, ее нравов, сенсаций, являвшихся, так сказать, «духовным ароматом» общественных порядков.

В Англии бросалась в глаза откровенная связь журналистики с капиталом⁵⁴. «Ни в одном государстве Европы, — писали «Отечественные записки», — журнальная литература не достигла такого объема и такого значения, как в королевствах Великобритании...». Народилась целая «журнальная аристократия», содержится целая армия «скорописцев» (reporters). «Имя журнала так же важно, как и наследственная фирма более или менее аккредитованного торгового дома»⁵⁵. (О чартистских журналах сказать было нельзя).

Во Франции, с ее умением доводить противоречия до классической ясности, налицо была подчеркнутая связь журналистики с политикой, с партиями⁵⁶. Но еще совсем недавно было не так: Бурбоны давили журналистику. «Реставрация, — писали «Отечественные записки», — с ее политическими борьбами, победами и поражениями, была эпохой песней, памфлетов, сатир, брошюр. Каждое событие, каждый министерский кризис, каждый проект закона порождали их сотнями, и старая династия пала под гул страшных песней Беранже и памфлета Поля-Луи Курье»⁵⁷. Теперь «сила парижских журналов во Франции невообразима»: «Хлеба и газет» требует парижская публика. Во Франции читают все и всё, отчеты о прениях камер и речи депутатов, прожекты фурьеристов и памфлеты Леру против «плутократии», романы Жорж Занд и летучие фельетоны Жюлья Жанена, отчеты о лекциях Араго и критики Сен-Бёва... Читают в кафе и на улицах, в скверах и в омнибусах, читают министр и рабочий, клерк с биржи и лавочник, подмастерье и слуга в гостиной. Сегодняшние министры — вчерашние журналисты и всемогущие борзописцы протезируют портфели своим «хозяевам». Все пустились в журналистику. Бальзак издает журнал, «сама» Жорж Занд «выведена была на литературное поприще журналом «Figaro»⁵⁸. Теперь Занд, в компании с Пьером Леру и Луи Виардо, издает журнал с подчеркнутым «социалистическим» названием «La Re-

vue Indépendante» («Независимое обозрение»), в пику ненавистному и зависимому от правительственного денежного мешка «Journal des Débats» («Газете дебатов»), издававшемуся Бертенем и С.-М. Жиранденом. Если группе Краевского больше импонировали либерально-умеренные журналы Бюло «Revue des deux Mondes» и «Revue de Paris», то группе Белинского импонировало «Независимое обозрение», которое подкупало своим обличительным пафосом, яркой беллетристикой, сочувствием бедноте, хотя при этом «Отечественные записки» и не разделяли христианско-утопической пропаганды Леру. По краям оставались, с одной стороны, самые левые, начисто запрещенные для упоминания в русской печати, «La Populaire» Этьена Кабе, «La Démocratie pacifique» Консидерана, даже «Réforme» Ледрю-Роллена, Ламеннэ (отчасти Луи Блана) и, с другой, легитимистские журналы, дозволенные цензурой, выходившие на роскошной бумаге, но вялые и скучные «Quotidienne» («Ежедневник»), «Gazette de France» и др.

Передовая немецкая журналистика была близка «Отечественным запискам» своей теоретической борьбой против монархизма, религии, своим буржуазно-демократическим направлением. Ф. Энгельс считал, что «Рейнская газета» «положила начало современной периодической печати в Германии»⁵⁹. Газета выходила под редакцией Маркса, с участием Энгельса, Бауэра, Гесса, Штирнера. Она издавалась в 1842—1843 годах и была закрыта правительством после пятнадцатимесячного существования. «Рейнская газета» была плодом союза радикальной рейнской и прусской буржуазии с левыми гегельянцами, наиболее теоретически солидными сторонниками демократических свобод. Самые передовые из них пошли дальше гегелевского требования конституционной монархии («Философия права»), они подвергали критике все религиозные верования и в то же время выдвинули смелые политические принципы и «попытались воздать должное славной памяти героев первой французской революции»⁶⁰. Органом левогегельянского движения была газета Руге и Эхтермейера «Hal-lische Jahrbücher», с июля 1841 года получившая более широкое название «Deutsche Jahrbücher» («Галльские» или «Немецкие ежегодники»), в которой приняли участие Маркс и Энгельс.

Гордая немецкая философия, разъяренная «бравурными ариями» и «кошачьими концертами» консервативной «Всеобщей Аугсбургской газеты», смело вышла на газетные столбцы и стала отбиваться. «Вопрос о том, — писал молодой Маркс, — следует ли обсуждать религиозные и философские дела в газетах, устраняется его собственной идейной бессодержательностью.

Если такие вопросы интересуют публику уже как *вопросы повседневной печати*, то, значит, они стали *вопросами дня*»⁶¹.

Создавая теорию научного социализма, Маркс и Энгельс в середине 40-х годов критиковали своих временных мелкобуржуазных попутчиков, давая классический образец анализа и оценки направлений и партий в идейной борьбе. Так было разоблачено привлекавшее внимание «Отечественных записок» сборище наивных дилетантов, именовавшее себя «Молодой Германией» (Юнг, Лаубе, Гуцков).

Одновременно с этим, но, разумеется с меньшей силой, в 1843 году Боткин на страницах «Отечественных записок» подверг резкой критике «Письма из Парижа» Гуцкова за филистерскую созерцательность. В «Святом семействе», «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс разоблачали младогегельянцев, «критических критиков» (Бруно Бауэра, Штирнера), показав, что за их миропотрясающими фразами скрываются старое немецкое филистерство, антиисторизм, презрение к народу, как к инертной массе. «Отечественные записки» писали в 1843 году: «Добрым филистерам не придет в голову, что партии <...> потому только имеют силу существовать, что ставят во главу себе не лица, а исторические понятия» (т. е. историческую необходимость. — В. К.)⁶².

Белинский и Герцен преодолевали идеализм гегелевской диалектики, созерцательность фейербаховского материализма. Ими был понят и переход, о котором говорил Маркс: «Критика религии — предпосылка всякой другой критики». Этот переход касался Германии, но в принципе он обогащал понимание диалектики борьбы всех прогрессивно мыслящих людей в Европе. Литературная критика в «Отечественных записках» была всегда предпосылкой и формой всесторонней критики самодержавия и крепостничества.

В широком историческом смысле боевая программа «Отечественных записок» (1842—1846) может быть сопоставляема только с более близкой программой, которую начертал после закрытия «Рейнской газеты» и «Немецких ежегодников» молодой Маркс в письме к Руге в сентябре 1843 года для нового, предполагавшегося органа.

Накануне разрыва с Руге Маркс решительно выступил против оторванной от жизни сектантской пропаганды, за тесный контакт с действительностью. «Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен, — писал Маркс, — не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о *беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах: эта критика не стра-

шится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрержащими.

Поэтому я не стою за то, чтобы мы водрузили какое-нибудь догматическое знамя. Наоборот, мы должны стараться помочь догматикам уяснить себе смысл их собственных положений. Так, догматической абстракцией является в особенности коммунизм, причем я имею в виду не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедуют Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д. <...>.

Два обстоятельства не подлежат сомнению. Во-первых, религия, а во-вторых, политика вызывают в теперешней Германии преимущественный интерес. Эти-то два предмета, каковы бы они ни были, мы должны взять за исходную точку, а не противопоставлять им какую-нибудь готовую систему вроде, например, *«Путешествия в Икарию»* <...>.

Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной борьбой*»⁶³.

Когда Маркс писал это письмо, он был революционным демократом и отстаивал самую последовательную демократическую программу борьбы, порывая с «проповедниками в пустыне», утопистами и мелкобуржуазными оппозиционерами. В 1843 году Маркс ограничивался общей стратегической установкой на всестороннюю критику существующего, на связь критики с действительной борьбой. Прямой марксистской программы тогда еще не было. Газету нового, марксистского типа для руководства борьбой пролетариата Марксу и Энгельсу удалось создать позднее, в 1848—1849 годах, в разгар германской революции. Это была «Новая Рейнская газета», в которой, наряду с критикой существующего порядка, четко отделилась роль пролетариата в германской буржуазно-демократической революции. Слово «новая» лучшим образом подчеркивало эти отличия.

Революционно-демократическое направление «Отечественных записок» (1842—1846) возвышало журнал над догматизмом утопистов, анархизмом «критически мыслящих» младогегельянцев. Отдавая предпочтение из всех западноевропейских журналов «Независимому обозрению» Занд, Леру и Виардо и «Немецким ежегодникам» Руге, черпая из них передовые идеи, «Отечественные записки» видели многие недостатки этих журналов как раз в том, в чем их видел молодой Маркс в 1843 году: в отвлеченности пропаганды, в слабости критики, в недостаточной связи с действительным движением. В «Независимом обозрении» к тому же слабость была теоретиче-

ская, философская. Герцен записал в дневнике 1842 года: «Как противоположны характеры Германии и Франции в деле эмансипации — ясно, следя, например, «Deutsche Jahrbücher» и «Revue Indépendante». В «Revue» сколько жизни, огня, слов таких, которые сейчас соберут кружки на бульварах, и притом какая плоскость понимания истин независимо от современных интересов! Философски-политические статьи просто смешны; французы двумя веками отстали в спекуляции от немцев, так, как немцы пятью от французов в приложении идеи права к действительности»⁶⁴.

В каждой из этих критик была своя односторонность и ограниченность. Это сопоставление открыто выносилось на страницы «Отечественных записок», приобретая программный характер. Статья Белинского «Речь о критике» (1842), восходящая своим пафосом к всеевропейскому критическому движению, была программой «Отечественных записок».

В ней Белинский, как бы развивая мысли Герцена, заявлял: мы «теперь не можем удовлетворяться ни одною из европейских критик, замечая в каждой из них какую-то односторонность и исключительность». Белинский выводил задачи из объективной обстановки: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит *критике*, даже сама критика. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание». «*Действительность*» — вот лозунг и последнее слово современного мира! Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума — во всем и везде действительность есть первое и последнее слово нашего века». «Что такое само искусство нашего времени? Суждение, анализ общества: следовательно критика». «В России пока (!) еще существует только критика искусства и литературы». Это «пока» — для цензуры, не для программы. Критика «расейской» действительности — главная задача Белинского.

Маркс также требовал критики действительности и связи с определенной партией.

В условиях России, при отсутствии революционной ситуации, программа «Отечественных записок» снижалась, искажалась, не договаривалась. Для этого достаточно сравнить язык подцензурных статей и язык «Письма» Белинского к Гоголю 1847 года. Но все же по широте задач, по критическому отношению к утопическим теориям эта программа стояла наиболее близко к идеалу, начертанному Марксом в 1843 году. Все это ставит «Отечественные записки» в ряд самых передовых журналов Европы.

В передовой английской журналистике были сильны экономические проблемы (Энгельс широко использовал эти ма-

териалы в работе «Положение рабочего класса в Англии» — 1845 г.), французская журналистика проповедовала социалистические и коммунистические идеи, германская — философские.

«Отечественные записки» впервые в России возвысились над чисто образовательными, осведомительными задачами «Московского телеграфа», «Телескопа», «Библиотеки для чтения» и выработали свою «особенную статью», внесли свою лепту в сокровищницу европейской мысли. Наряду с пропагандой русской реалистической художественной литературы, а также выдающихся философских работ Герцена, «Отечественные записки» дали в статьях Белинского оригинальную, классически-всестороннюю разработку вопросов эстетики, теорию критического реализма, подобной которой не знал Запад. Это был их чисто русский вклад в передовое идейное движение Европы 40-х годов.

«Отечественные записки» 1840—1846 и отчасти 1847—1848 гг. представляли честь и гордость русской журналистики.

По боевому революционно-демократическому направлению, богатству материалов, солидному виду и даже тиражам «Отечественные записки» могли помериться почти с любым тогдашним западноевропейским журналом.

И. Срезневский в статье «Новости литератур славянских» (1840), посланной в «Отечественные записки» из Братиславы, писал об известном чешском ученом Пуркини: «Из русских журналов он получает «Журнал Министерства народного просвещения» и «Отечественные записки». Последними восхищен, и сегодня еще послал в Прагу четыре книжки за нынешний год на указку; пятую читает. «Боже мой! Когда же мы будем иметь подобный чешский журнал?» — сказал он мне»⁶⁵.

П. В. Анненков в шестом «Письме из-за паницы», посланном в «Отечественные записки» из Флоренции (1841), с гордостью вывел следующее резюме об итальянской журналистике: «Газета обеих Сицилий», да еще ежемесячное «Обозрение», — тоненькое, как ломтик хлеба, что в дурных пансионах подают на завтрак детям. Я вспомнил об «Отечественных» записках, и они мне показались в сравнении с ними Изидой...»⁶⁶.

В 1842 году «Отечественные записки» указывали, что известное «Revue des deux Mondes», «несмотря на свое разнообразие в статьях и заслуженную литературную славу, едва имеет 1200 подписчиков»⁶⁷. Между тем, «Отечественные записки» имели в 1842 году уже более 3000 подписчиков, а в 1843—1848 годах — более 4500.

«Отечественные записки» ревниво следили за информацией о русской литературе в иностранной периодике. Их часто возмущали несправедливые суждения, пристрастия, нежелание отделить от императорской России Россию борющуюся, попытки брать информацию из мутных источников официозов и раболепных полуофициозов вроде «Северной пчелы», «Сына отечества», «Москвитянина»⁶⁸.

Сами сотрудники «Отечественных записок» нередко обращали внимание редакции на необходимость большей гибкости в этом деле. М. С. Волков — писатель, певец-любитель, выступавший в «Отечественных записках» со статьями о музыке, писал В. Одоевскому из Парижа 25 февраля 1844 года: «Как жаль, что Краевский не посылает «О<течественных> з<аписок>» в какой-нибудь из парижских Cabinet de Lecture, многие русские об этом вздыхают. Мы пребываем в совершенном неведении о ходе русской литературы. «Пчела», или лучше сказать «Трутень», не способен передать нам этот насущный хлеб для русского ума и сердца. Бог вам судья, господа, участники в «О<течественных> з<аписках>!»⁶⁹. В этом журнале нуждались и передовые умы Запада.

Огарев в письме к Белинскому 17 октября 1844 года просил прислать «Отечественные записки» в Берлин⁷⁰.

Нужно иметь в виду, что в каком-нибудь королевстве Сицилийском, Баварском или Вюртембергском были свои «Сыны отечества» и «Библиотеки для чтения», которые сознательно предпочитали «Отечественным запискам» русские верноподданические издания. Пробуждающееся славянское движение в Чехии, на Балканах часто обманывалось славянолюбием Погодиных и Шевыревых, а иногда и само разделяло некоторые элементы панславистской доктрины и поэтому называло своим соотечественникам «москвитянинскую» информацию о русской литературе. Французские и немецкие газеты, специально освещавшие жизнь за границей, интересовались часто не тем, как «западные» идеи преломлялись на русской почве, а искали так называемый местный, национальный колорит в жизни России и, конечно, скорее находили его в «Москвитянине», в котором все было «русское», начиная от названия, напечатанного на обложке старинной вязью, до славословия русской народной «субстанции», проявлявшейся в любви к скорой езде на лошадях и в резонерстве гоголевского Селифана...

Пропагандируя русскую литературу за границей, «Отечественные записки», как и в других вопросах, боролись с влиянием триумvirата и «Москвитянина».

С первых же номеров «Отечественных записок» в 1839 году

инициатива у триумвирата была вырвана. Краевский вступил в полемику с Булгариным из-за книги Кёнига «Очерки русской литературы». «Суфлером» немецкого профессора был Н. А. Мельгунов. «Очерки» вышли в Германии в 1837 году и были переведены на русский язык. Булгарин вознегодовал на них, так как о нем они отзывались весьма неодобрительно. В «Отечественных записках» появилось написанное Мельгуновым специальное полемическое приложение — «История одной книги» (1839, № 4). Булгарин по этому поводу разразился филиппиками в «Северной пчеле», а Греч писал опровержения в немецкой печати. «Отечественные записки» утверждали, что очерки Кёнига, «несмотря на некоторые промахи, несмотря на отчаянную и русскую и немецкую полемику издателей «Северной пчелы», имеют достоинство неотъемлемое: они сообщают систематическое и большею частью верное понятие о нашей литературе»⁷¹.

Приблизительно такой же взрыв вызвала книга В. Вольфzona «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen». («Русская изящная литература»), вышедшая в Лейпциге в 1843 году. «Отечественные записки» одобрительно отозвались об этой книге, подчеркнув, что автор, сам будучи родом из России, близко знаком с русской литературой, что он исправил неточности Кёнига и что он иронически уничижительно отозвался о Булгарине... Булгарин немедленно напал на Вольфzona, на его еврейское происхождение и проч. («Северная пчела», 1843, № 157).

Редакция «Отечественных записок» с первого дня своего существования старалась установить связи с иностранными книгопродавцами, журналами, лицами, которые могли бы распространять русский журнал за границей и снабжать его материалами.

В начале 1839 года Одоевский писал <бреславльскому книгопродавцу Эдуарду Пеку>: «Вы меня бесконечно обяжете, сударь, прислав мне журнал Фарнгагена — мне любопытно было бы видеть перевод, который он сделает. Почему вы мне не присылаете несколько заметок о книгах, которые есть у Вас в продаже, чтобы поместить их в «Отечественных записках», которые, слава богу, процветают день ото дня. Вам может быть приятно узнать, что мы имеем уже 1200 подписчиков»⁷².

Заслуживает внимания упоминаемый в письме Одоевским «журнал Фарнгагена», т. е. журнал «Freuhafen», издававшийся Теодором Мундтом, в котором Фарнгаген поместил перевод повести Одоевского «Сильфида». Этот прогрессивный литературный орган был тесно связан с «Отечественными

записками» и очень возможно, что тщательное обследование его может дать несколько ценных находок*.

Живший в это время в Германии Н. А. Мельгунов сообщал в письмах Одоевскому и Краевскому о том, как он пропагандирует «Отечественные записки». Старый осадок от полемики по поводу книги Кёнига подогревал его рвение. Мельгунов писал Одоевскому 25 января (6 февраля) 1840 года из Ганау: «Между тем, как мне вменяют в вину, что я познакомил иностранцев с русской литературой, я продолжаю бодро делать начатое. Достаньте февральские и мартовские номера «Die Blätter für literarische Unterhaltung (журнал, издаваемый Брокгаузом в Лейпциге), там вы найдете статью «Die russische Literatur und ihre gegenwärtigen Richtungen». Она уже окончена и отправляется на днях. Так как она длинна, то издатель разделит ее, полагаю, на два Artikel. Эта статья полемическая против немцев, в пользу России и русской литературы. Прочтите ее, если понравится, велите перевести в журнал ваш, <...> можете даже назвать и автора. «Die Blätter» — у нас, кажется, не допущенные в продажу, — для того выбраны для этой статьи, что в них всего более и сильнее нападают на нашу словесность и на все русское. Сверх того, это один из самых известных критичес<еских> журналов Германии. Тот же автор напечатал уже несколько других статей в пользу России по разным журналам, ибо русскому невозможно читать равнодушно все нелепые толки, которые повторяются здешними газетами и находят легковых даже между добросовестными немцами». «Я готовлю <...>, — сообщает далее Мельгунов, — статью о характере музыкальных сочинений Глинки» и затем спрашивает: «Что-то «Отечественные» записки?» Каково идут, много ли подписчиков? Надо стараться поддерживать их <...>. В Германии, кроме Фарн <гагена>, получает «Отечественные» записки» редакция «Das Ausland» в Студгардте, и я видел уже несколько из них статей в этом журнале <...>». Из его же письма 12 мая 1840 года из Франкфурта: «Послал я также с месяц тому другую статью, покороче, в «Ost und West» (издаваемый в Праге Глазером) в защиту «Отечественных» записок» против нападений N. J. (вероятно, Н. Иванова.—В. К.), помещенных в январ<ских> номерах того же журнала и датированных из Петербурга <...>; боюсь, чтоб трусливый издатель, может быть из боязни поссориться с Ганкой, приятелем Греча, не положил моей статьи под сукно <...>. Число переведенных книг с русского и любителей

* К сожалению, экземпляра этого журнала в библиотеках Москвы и Ленинграда мы не нашли.

нашего языка и словесности беспрестанно здесь увеличивается <...>. Может быть удастся мне через Фарнгагена уговорить одного молодого предприимчивого книгопродавца завести в Берлине или в Лейпциге *русскую* книжную лавку»⁷³.

Просмотр журнала «Das Ausland» за 1839—1845 годы показал, что в нем было помещено несколько десятков сообщений о содержании «Отечественных записок», а также приведен ряд больших и малых кусков из статей: «О торговле хлебом во внутренних губерниях России» (1840, № 74), статья Я. Неверова «Взгляд на историю русской литературы» (1840, № 175—177). Немецкий журнал обращал внимание на полемику вокруг Гоголя в 1842 году (№ 292, 303). А статья «Нечто о русской литературе в 1843 году», дающая, по мнению редакции, особенно яркое представление о сегодняшнем состоянии русской литературы, была переводом части обзора Белинского за 1843 год, хотя имя Белинского не было указано, как и в самих «Отечественных записках» (1844, № 75).

Группе Краевского удалось привлечь в «Отечественные записки» Фарнгагена фон Энзе, напечатавшего в них несколько своих статей. Фарнгаген поместил в 1841 году в журнале «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» (№ 1) А. Эрмана статью «Новейшая русская литература», которая, как писал «Сын отечества», была составлена «к сожалению, по понятиям, какие дают о наших писателях «Отечественные записки»⁷⁴. «Отечественные записки» именно вследствие этого перепечатали у себя перевод статьи (1841, № 8).

Фарнгаген сосредоточил внимание на самых свежих явлениях русской литературы, считая, что после Пушкина она не замерла, а продолжала развиваться. Фарнгаген выделил имена Крылова, Гоголя и Лермонтова. При этом он особо подчеркивал, как бы с голоса Белинского, значение критики «Отечественных записок», упомянув о самом Белинском, хотя и в окружении «друзей» Краевского: «Не менее благоприятно должны мы оценить, — писал Фарнгаген, — и состояние критики, суждений о литературе в России. Разумеется, мы говорим только о высокой, ученой и прозорливой критике, какою она является под пером благородной и самостоятельной части русских писателей, о Белинском, Неверове, Каткове, о той критике, которая помещается в журналах, издаваемых в здравом и добросовестном духе. Мы назовем из таких журналов только два, ближе нам знакомые: «Отечественные записки», редактируемые в Петербурге Краевским, и «Москвитянин», издаваемый в Москве Погодиным. Оба эти журнала делают честь литературе и сильно способствуют ее дальнейшему развитию»⁷⁵.

Фарнгаген ставит в один ряд Белинского с Неверовым и Катковым, объединяет на почве «добросовестности» «Отечественные записки» с «Москвитянином». Все это в точности соответствовало ограниченной антибулгаринской, «добросовестной» программе Краевского и информатора Фарнгагена.

Правда, в 1841 году еще не вполне раскрылись противоречия между «Отечественными записками» и «Москвитянином». В этот период еще только завершился процесс изгнания из «Отечественных записок» бывших друзей Краевского — Поподина и Шевырева. Разумеется, иностранец еще не мог во всем этом разобраться.

Борьба разгоралась, снисходительное отношение к «Москвитянину» было нарушено в «Отечественных записках» с лета 1841 года, и это отразилось на том, как они сами оценивали отклики на русскую литературу в иностранной печати. Иностранные информаторы волею были становиться на ту или другую из борющихся сторон, но и «Отечественные записки» волею были указывать им на их справедливые или устарелые суждения. Резкость мнений в русской журнальной борьбе помогала и иностранцам скорее разбираться в «своих» и «чужих».

Сначала укажем на два отзыва во французской печати, которые одобрялись «Отечественными записками» как не избалованные нелепостями, но критиковались за «отсталость» точки зрения.

В 1843 году «Отечественные записки» констатировали факт, что «Западная Европа серьезно начинает изучать наше отечество»⁷⁶. Постепенно удавалось все больше и больше добиваться объективной информации. В том же 1843 году «Отечественные записки» писали в обзоре французской словесности: «Не можем кончить на этот раз статьи, не сказав, что в последних номерах французских журналов прочли мы две статьи о русской литературе. Одна из этих статей принадлежит Шопену (Chopin, который, по его собственному свидетельству, жил очень долго в России), другая — Мармье*, который посещал нас прошлое лето и пробыл в России, как всем известно, не более месяца. В этих статьях мы не нашли тех нелепостей, на которые обыкновенно так щедрны иностранцы, когда они заводят речь о России; но нельзя, к сожалению, не заметить, что эти статьи писаны, по-видимому, под диктовку людей, которые смотрят на русскую литературу с точки зрения ограниченной и устарелой»⁷⁷.

Статья Шопена «О русской литературе, рассматриваемой

* Мармье Ксавье (1809—1892), французский писатель, автор «Писем о России, Финляндии и Польше» (1843).

в ее отношении к русской цивилизации» появилась в «La Revue Indépendante» (1843, ливрезон от 25 мая). В ней в довольно резкой форме дана критика николаевского деспотизма: «Пушкина нет, — говорит Шопен. — После восшествия на престол Николая музы смолкли, Сибирь и Кавказ покрывают прах последних русских поэтов. Подражание создало смешную литературу, которая на расстоянии следовала за движением европейских мыслей. Это все, что можно было ожидать в исключительном положении цивилизации. Неправильно было стремление, чтобы Россия существовала сама по себе. Литература, ограниченная национальными нравами, не представляла собой ничего оригинального и сильного. Долго еще она должна будет оживляться от соприкосновения с иностранными формами. Если бы современный император действительно был бы настолько занят цивилизацией народов, подчиняющихся его власти, как об этом говорят, то вместо того, чтобы замедлять и мешать сообщениям с внешним миром, он старался бы их умножить и облегчить.

Торговля России ничего не потеряла бы, ее искусство и литература только выиграли бы»⁷⁸.

Шопен вступался за русскую литературу, за западническую ориентацию «Отечественных записок», высмеивал лицемерие официальной народности и ее «смешной литературы». Но, не говоря уже о несколько снобистском и космополитическом тоне статьи Шопена, готового совсем зачеркнуть оригинальность русской литературы, Шопен, как на это указывали «Отечественные записки», оставался в плену у некоторых устарелых взглядов на русскую литературу. Он в своей статье совсем не говорит о гоголевском периоде, сильно преувеличивает значение Озерова, «Бахчисарайского фонтана» Пушкина и проч.

В еще большем плену оказался Мармье, статья которого «О литературном движении в России» появилась в «Revue des deux Mondes» (1843, ливрезон от 25 июня). Видно, что Мармье был основательно сбит с толку в Москве Шевыревым. Мармье хвалит «Москвитянина», Хомякова, Языкова, Бенедиктова, ни слова не говорит о Лермонтове и только вскользь, с незначительными замечаниями упоминает Гоголя⁷⁹.

Более значительными были результаты прямого влияния самих идей Белинского на западных информаторов, менее связанных личным знакомством с Краевским и с партией «Москвитянина».

Большую роль в пропаганде «Отечественных записок» в славянском мире сыграла литературная газета «Денница» («Jutrzenka»), издававшаяся в 1842—1843 годах профессором Варшавского университета Петром Дубровским (1812—1882).

«Денница» была задумана как орган межславянского культурного общения и объединения, цель которого, — «не увлекаясь односторонними взглядами славянофилов, знакомить читателя с славянским миром и отделять (т. е. выделять. — В. К.) его от <из> жизни общеевропейской» («Русбиогр. словарь»). В ней издавались статьи в два столбца, на русском и польском языках и отдельные заметки на других славянских языках. Газета была отголоском всех славянских наречий. В ней приняли участие И. Срезневский, Ганка, Пуркини, Челяковский, Шафарик, Коллар, Станко, Смолар, Мацевский и др. Целью газеты было держать все братские славянские страны в курсе новейших изучений и достижений славянской культуры, быть посредником и передатчиком сведений между ними, и поэтому ее информации об «Отечественных записках» распространялись по всему славянскому миру. Недаром австрийское правительство запретило распространение газеты в Галиции.

Воспитанник Московского университета Дубровский имел тесные связи с русским литературным миром. Он сам выступал на страницах «Отечественных записок» и «Литературной газеты» со статьями о славянских литературах. В статье «Литературные новости в Западном славянстве», написанной в форме письма к редактору «Отечественных записок», Дубровский делился своими планами о дальнейшей пропаганде русской литературы в «Варшавской библиотеке». Дубровский писал: «По возможности стараюсь подробно и верно передавать моим соплеменникам сведения о русской литературе, о которой, к сожалению, они имеют самые темные понятия». В примечании сказано: «В одной из следующих книжек «Варшавской библиотеки» помещено будет мое обозрение русской литературы за 1838—39—40 гг.»⁸⁰.

Как показал просмотр комплекта «Денницы», в своих обозрениях русской литературы Дубровский в значительной мере опирался на «Отечественные записки»⁸¹.

Через головы официальных кругов «Денница» разъясняла полякам гуманистические традиции русской передовой культуры, много сделав для сближения передового славянского движения в царстве Польском с русским передовым движением. «Есть в России ученые, — писала «Денница», — и литераторы, которые желали бы познакомиться с польским языком и польскою литературою. Мы не сомневаемся также, что русский язык и русская литература должны обратить на себя внимание любознательных людей в Польше» (1842, стр. 70). Символом дружбы обоих народов «Денница» считала дружбу Мицкевича с Пушкиным и тут же оспаривала некоторые утверждения Мицкевича о Пушкине и односторонность

его суждений о русской литературе, высказанных им в лекциях в Париже. Информирова читателей об этих лекциях (кстати, имя Мицкевича вовсе было запрещено упоминать в русских изданиях), «Денница» писала: «Смерть застала Пушкина именно в те самые годы, когда гений его уже достигал своего полного развития»⁸². Дубровский цитирует заявление редактора сербской литературной газеты «Подунавка» Милоша Поповича: «Я взял себе за образец Пушкина и желал бы, чтобы в сербской литературе образовался слог, вроде его слога».

Толкуя о литературном единстве между славянскими племенами (статья Пуркини), «Денница» поговаривала о «нашем» всеславянском Пушкине, о «всеобщеславянской публике». Дубровский пытался представить дело так, что славянские народы смогут, «распри позабыв», произвести культурное объединение.

Эта наивная широта, если можно так выразиться, программы Дубровского, включавшая в себя искреннее желание показать достижения русской передовой культуры, как достижения всего славянского мира, не нравилась некоторым узко националистически настроенным польским деятелям, и на этой почве у Дубровского произошел разрыв с ними. Это подорвало материальную базу «Денницы».

Если в ряду других вопросов: филологических, этнографических «Денница» была связана с «Москвитянином», то самый важный и интересный вопрос — современная русская литература — освещался главным образом по материалам «Отечественных записок», с постоянной ориентировкой на их критику. Можно воочию показать, как «Денница» зависела от «Отечественных записок».

Почти во всех перечнях изданий, выходящих в России, на первом месте в «Деннице» стоят «Отечественные записки» и «Литературная газета». Новинки «Отечественных записок», их авторитеты, даже такие «спорные», с точки зрения «Москвитянина» и «Библиотеки для чтения», фигуры, как Лермонтов, Гоголь, Кольцов, встречают поддержку и одобрение. «Денница» не просто информационно повторяет аргументы «Отечественных записок», но и сама ратует за Лермонтова, Гоголя, Кольцова. Называются при этом статьи Белинского о Полежаеве, Баратынском, «Театральная хроника» (№ 12 за 1842 год). С ссылкой на соответствующую заметку Белинского «Денница» отмечает перевод на французский язык стихотворения Лермонтова «Последнее новоселье». Вслед за «Отечественными записками» «Денница» выступила с развернутой статьей о сочинениях Гоголя, напечатала прочувствован-

ный некролог о Кольцове, с похвалой отзывалась о «Сельских чтениях» Одоевского и Заблужного.

В 1843 году «Денница» напечатала в переводе на польский язык «Тамань» и стихотворение «Кинжал» Лермонтова, «Записки сумасшедшего» Гоголя, «Скупого рыцаря», «Медного всадника» Пушкина, «Город без имени», «Художника» Одоевского. Наряду с этим были даны столь характерные для «Отечественных записок» материалы, как статья о Зенеиде Р-вой, о «Хрестоматии» А. Галахова, вызвавшей ожесточенную полемику «Отечественных записок» с «Москвитянином», об упоминавшейся книге В. Вольфсона. В тон с «Отечественными записками» «Денница» печатала положительные отзывы о переводах Шекспира, сделанных Кетчером, Кронебергом, Вронченко. Первые два были друзьями Белинского.

Ярким примером популярности и авторитета Белинского на Западе в 40-е годы была судьба его статьи о «Парижских тайнах» Эжена Сю в западноевропейской печати. Статья Белинского появилась в 4 номере «Отечественных записок» за 1844 год. Известно, что роман Сю был подвергнут уничтожающему разбору К. Марксом в «Святом семействе». Такое хронологическое совпадение, как и перекличка отдельных оценок мотивов романа у Белинского и Маркса, давно обращало внимание исследователей⁸³. обстоятельный анализ путей и способов распространения статьи Белинского на Западе и возможного знакомства с ней Маркса сделал сравнительно недавно А. Н. Дубовиков в статье «Новое о статье Белинского «Парижские тайны», по материалам зарубежной печати 1840-х годов»⁸⁴.

Намек на перепечатку выписки из статьи Белинского о «Парижских тайнах» в немецкой «Allgemeine Zeitung» есть в дневнике Герцена за 1844 год⁸⁵.

Обращение А. Н. Дубовикова к комплекту аугсбургской «Всеобщей газеты» за 1844 год позволило обнаружить ту корреспонденцию, которая обратила на себя внимание Герцена (в № 239 от 26 августа). Эта корреспонденция в свою очередь была вызвана появившимся переводом (с сокращениями) статьи Белинского о «Парижских тайнах» в лейпцигской «Zeitung für elegante Welt» («Газете для эlegantного мира») под названием «Эжен Сю в России» (1844, № 32, от 7 августа). Эта газета была органом «Молодой Германии», редактировал ее Генрих Лаубе. Перевод статьи Белинского, с пояснительным введением от переводчика, был выполнен К. Робертом Липпертом, сотрудником «Отечественных записок» по отделу иностранной словесности в 1841—1842 годах. Липперт в эти годы жил в России, пытался устроиться библиотекарем в Петербургском университете⁸⁶, но вынужден был

уехать обратно в Германию. Он был известен как переводчик произведений Пушкина, Лермонтова, о чем с похвалой писали «Отечественные записки» и некоторые немецкие журналы.

Исследователю А. Н. Дубовикову удалось неопровержимо установить, что Липперт переводил текст не с печатного экземпляра «Отечественных записок», хотя для проформы он и говорит об этом, а с рукописи или с гранок статьи, так как в немецком переводе оказался ряд замечательно острых мест, не пропущенных русской цензурой. Каким образом Липперт получил рукопись или гранки статьи — установить трудно. Но важен самый факт появления в немецкой печати почти полного текста одной из замечательнейших статей Белинского, задевавшей за живое западноевропейские буржуазные порядки.

Что касается близости статьи Белинского к критическому анализу романа Э. Сю в «Святом семействе», то А. Н. Дубовиков сделал такой вывод: «Статья Белинского о «Парижских тайнах» осталась, по-видимому, неизвестной Марксу (в «Отечественных записках». — В. К.), но обследованный нами материал позволяет поставить вопрос, не был ли прочитан Марксом тот отрывок из статьи Белинского, который был опубликован во «Всеобщей газете». Известно, что Маркс полемизировал с этой газетой на страницах редактируемой им «Рейнской газеты» в 1842—1843 гг. и позднее держал все время «Всеобщую газету» в поле своего внимания. Но непонятно, почему А. Н. Дубовиков не делает другого предположения. Маркс с таким же успехом мог прочесть статью Белинского в гораздо более полном виде в «Газете для эlegantного мира». Такая возможность не исключена, ведь Маркс и Энгельс внимательно следили за «младогерманцами», которых обличали в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии». Во всяком случае, теперь доказано, что статья Белинского дважды стала фактом немецкой журналистики до того, как Маркс написал свой разбор романа Сю.

Теперь вернемся к тем оценкам, которые даны в обеих немецких газетах, автору статьи, Белинскому.

В введении, которым снабдил свой перевод Липперт, о Белинском было сказано, что «он оказывается вполне в своей области, когда он судит о русской литературе: в ряде статей, в которых он без всякого пиетета ниспровергает старые авторитеты, он обнаруживает наибольшую меткость и оригинальность, какую только высказывала русская критика о русской литературе»⁸⁷.

Однако Липперт повторил и много клеветнических толков о Белинском, пытался судить о нем в барском, снисходительном тоне, как о самоучке-философе, не обладающем к тому

же самостоятельным знанием европейских языков и литератур. Липперт игнорировал глубокие высказывания Белинского в той же статье о Сю, Гюго, Занд, Диккенсе, Жанене, которые стояли выше многих оценок Сен-Бёва в «Revue des deux Mondes» и вообще в европейской печати.

Этот тон Липперта, безусловно, результат наговоров Краевского и других либеральных сотрудников «Отечественных записок», к числу которых принадлежал и сам Липперт.

Белинский отрицательно относился к «липпертарии», к вялым, обтекаемым статьям Липперта о современной иностранной литературе, становившейся с 1842 года одним из боевых отделов журнала.

Редакция «Всеобщей газеты», публикуя отрывок из статьи Белинского, своим примечанием преследовала полемические цели. Презрительно назвав суждения Белинского о буржуазной западноевропейской жизни «полубюрократическими», газета соответствующим образом препарировала текст Белинского в том месте, где говорилось о результатах революции 1830 года: «Газета выпустила гневно-обличительные тирады Белинского о положении народа «после июльских происшествий», о господстве торжествующего мещанства, о мнимом равенстве перед законом французского пролетария и богатого собственника, капиталиста»⁸⁸ и проч. Этой газете, которая была органом немецкой «либеральной буржуазии» с про-французской ориентацией и которую Маркс высмеивал за то, что она *«не обладает ни собственным умом, ни собственными воззрениями, ни собственной совестью»*, что она способна только на «салонные фразы»⁸⁹, как раз были дороги те порядки, которые учредила «торжествующая» французская буржуазия, добравшаяся в 1830 году до власти по горам трупов парижского пролетариата.

Таким образом, имя Белинского, великого русского революционного демократа, выступающего со своей оценкой буржуазных порядков, со своей критикой мелкобуржуазного филантропического социализма Эжена Сю, вызывало и на Западе раскол мнений.

Накануне 1848 года критик оказывался предметом обсуждения на Западе. «Всеобщая газета» полемизирует с Белинским, а Маркс, начертавший в письме к Руге в 1843 году программу беспощадной критики всего существующего и критики современной социалистической догматики, в «Святом семействе» как бы «поддержал» Белинского, подняв на неизмеримо более высокую ступень свою собственную программу 1843 года.

Выдающимся пропагандистом «Отечественных записок», и в особенности Белинского, на Западе явился славянский литератор Ян-Петр Иордан (1818—1891).

Превосходное исследование академика М. П. Алексеева⁹⁰ открывает перед нами всю значительность и захватывающий интерес вопроса о западноевропейском «читателе» Белинского.

Иордан был крупным прогрессивным деятелем славянского просвещения, сочувственно встретившим революцию 1848 года в Германии. С 1843 по 1846 год он издавал в Лейпциге на немецком языке «Летописи славянской литературы, искусства и науки» (*«Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»*) — журнал, специально посвященный межславянскому общению и находившийся в некоторой преемственности с «Денницей» П. Дубровского. До этого Иордан сотрудничал в упоминавшихся в письмах Мельгунова пражском журнале «Ost und West» Рудольфа Глазера и в брокгаузовском «*Blätter für literarische Unterhaltung*».

У него был огромный интерес к России, ее литературе и журналистике. Иордан лично познакомился со Срезневским, во время поездки последнего по славянским землям. Срезневский, как известно, перед отъездом из Петербурга, в октябре 1839 года, явился свидетелем первой встречи Краевского со «спасителем» Белинским и вскоре стал присылать свои статьи в «Отечественные записки». Срезневский стал одним из информаторов Иордана о русской журналистике. Иордан был знаком с прогрессивно настроенным молодым русским ученым, также совершавшим путешествие по славянским землям, П. И. Прейсом, который считал «Отечественные записки» одним из лучших русских журналов, советовал и подсказывал Срезневскому темы для статей в этот журнал. Прейс, в свою очередь, был приятелем М. С. Куторги, профессора-историка в Петербургском университете, сотрудника «Отечественных записок» (известна его статья о Версале), лично знакомого Белинскому. В Вене Прейс познакомился с приятелем Белинского П. Ф. Заикиным, с которым Белинский прожил в Петербурге с декабря 1839 до середины мая 1840 года.

Корреспондентом и сотрудником Иордана по «Летописям...» был А. А. Куник, впоследствии известный русский академик, живший с 1842 года в Петербурге и сотрудничавший в «Отечественных записках». Срезневский переписывался с Ганкой, учителем Иордана, с Пуркини, и Иордан мог много знать о Белинском и «Отечественных записках» через своих пражских знакомых, которые сами читали этот журнал.

В 1843 году произошло два знаменательных события: Иордан прочел курс лекций в Лейпцигском университете по истории русской литературы и напечатал в своих «Летописях» «Краткий очерк истории русской литературы». Очерк пред-

ставлял собой, как показал М. П. Алексеев, не что иное, как перевод (местами пересказ) первой и второй статей Белинского о Пушкине, которые печатались с этого же года в «Отечественных записках». Курс же был устным изложением первых четырех статей Белинского, которые в 1846 году Иордан выпустил отдельным изданием под заглавием «История русской литературы», с указанием своего имени как переводчика. Имя автора статей — Белинского, — несомненно известное Иордану, не было названо, как оно не называлось и под статьями в «Отечественных записках».

Эта «История русской литературы» «по-Белинскому» сыграла значительную роль в распространении идей Белинского за границей и в течение десятилетий являлась источником знакомства с русской литературой на Западе.

М. П. Алексеев называет ряд научных компилятивных работ, в которых использовалась эта «история» («История литературы» Теодора Мундта, «Всеобщая история литературы» Иоганна Шерра, «История мировой литературы» А. Анфельта и др.).

«Летописи» Иордана были запрещены в России, они преследовались и австрийскими властями в Вене. Это объясняется недвусмысленными политическими позициями журнала, заявленными в первых же номерах⁹¹.

Иордан выступил с резкими осуждениями реакционной политики русского самодержавия, официальной народности и славянофильских панславистских утопий. Журнал Иордана обстоятельно освещал журнальную борьбу в России и вскоре стал решительным сторонником «партии прогресса», которая, по его мнению, группировалась вокруг «Отечественных записок». Иордан противопоставлял «партию прогресса» реакционному «Москвитянину». Приведем несколько выписок, используя статью М. П. Алексеева.

В № 2 «Летописей» Иордана за 1843 год «Отечественные записки» охарактеризованы как журнал, «обнимающий всю область человеческого знания, выделяющийся своей острой критикой». В № 3 сказано, что «Отечественные записки» враждуют с «Москвитянином» из-за «славянизма» (т. е. славянофильства). Там же был помещен обзор «Русская литература в 1842 г.», представляющий собой пересказ одной из статей Белинского в «Отечественных записках». При этом автор пересказа (возможно, сам Иордан) добавляет кое-что от себя и заостряет ряд положений, которые Белинский не мог из-за цензурных условий высказать прямо: «Русская общественная жизнь, — говорится в «Летописях», — сосредоточивается вплоть до настоящего времени в ее литературе, поэтому журналистика обладает здесь могуществом,

значение которого признается всеми. Критика имеет важнейшее значение для столь быстро развивающейся литературы <...>. Политика, в других странах дающая действительно ежедневную пищу для всех образованных людей, в России из-за цензурных условий <...> находится в полном пренебрежении; вместо того научно-беллетристические журналы служат главным и единственным источником для удовлетворения таких потребностей». Автор обстоятельно говорит об успехе «Отечественных записок» среди русских читателей, которых журнал находит и в провинциальных городах и в сельских местностях; он описывает нетерпение, с которым эти читатели ожидают выхода в свет каждой новой книжки «Отечественных записок»⁹².

В конце 1845 года Иордан решил прямо высказаться о своем пристрастии к «Отечественным запискам» и напечатал в «Летописях» программное заявление: «Партии в русских журналах». Высказавшись резко о «Москвитянине» и «Маяке», Иордан особенно выделил «Отечественные записки» как орган «партии национального движения». «Ряд великодушных статей о русской литературе,— говорит Иордан,— представляет направление «Отечественных записок» (полностью по-Белинскому.— В. К.) с такой полнотой, ясностью и отчетливостью, что мы считаем излишним говорить о нем».

Отметив, что «участие почти всех лучших русских писателей обеспечивает этому журналу блестящее будущее и длительный успех», Иордан раскрывает до конца свои позиции: «Может быть, некоторые читатели упрекнул меня в пристрастии к «Отечественным запискам». На это я отвечу, что я не знаком лично с редактором этого журнала и не принадлежу к его сотрудникам, хотя и причисляю себя к той партии, которая примыкает к их идеям и их поддерживает. Ни один из деятелей этого журнала не знает меня, однако я с радостью повторяю, что его воззрения я считаю своими. Пусть данная статья явится как бы исповеданием моей веры и укажет на те идеи, с помощью которых я буду высказывать свое мнение о русской литературе и о тех, кто ее создает»⁹³.

Перед нами яркое свидетельство того, как точно и полно воспринимался на Западе радикальный характер направления «Отечественных записок» благодаря убеждающей силе самих идей Белинского, о которых здесь главным образом и идет речь. «Отечественные записки» сочувственно отзывались об Иордане, хотя и не могли прямо распространяться на эту тему.

Зато в «Летописях» в 1846 году имя Белинского упоминается несколько раз, и тут же дается развернутая характеристика великого критика. Это было сделано Вильгельмом

Вольфзоном (1820—1865) в статье «Литературные заметки из России» (подпись: W.).

Вольфзон в ноябре 1845 года находился в Петербурге, сблизился с редакцией «Отечественных записок», разговаривал с Панаевым о готовившемся в печать «Петербургском сборнике» Некрасова, о романе Достоевского «Бедные люди», который был важнейшим произведением этого сборника, а также много слышал о Белинском и, возможно, даже лично с ним познакомился.

Вольфзон писал о Белинском в «Летописях»: «Вообще, этот талантливый человек, в силу неблагоприятных для него обстоятельств, лишился многого, благодаря чему он, больше чем кто-либо другой, мог способствовать подъему и освежению умственной жизни в России. Если бы ему удалось заложить более прочные основы своим положительным знаниям, особенно историческим, если бы поспешность, с которой он писал, теснимый злосчастной оппозицией, не препятствовала ему развивать и разрабатывать его лучшие идеи и во многих случаях не отнимала определенности и ясности у его наблюдений, если бы конфликт, в который его благородный и свободный ум вступал с высокомерным педантизмом и низменным самовосхвалением, его не раздражал и не ожесточал, а подчас и не лишал искренности его суждения, то Россия получила бы в нем такого эстетика и историка литературы, который мог бы сравниться с самыми превосходными деятелями (на том же поприще) других наций. Его статьи в «Отечественных записках» нередко слишком односторонни, резки и особенно ошибочны в историческом анализе. И тем не менее ни один русский не говорил о своей отечественной литературе с таким умом и ответственностью, а об отдельных русских поэтах, особенно о Пушкине, конечно, не написано ничего более превосходного, чем большинство замечаний Белинского. Во всяком случае Collegium obscurorum virorum (совет темных людей) Московского университета, исключивший студента Белинского, «за отсутствием способностей», сделал себя смешным на всю Россию»⁹⁴.

Мы видим, что приведенная характеристика несколько ниже пафоса оценок самого Йордана (упрек в «неискренности» Белинского), но эта первая развернутая характеристика в европейской печати передавала, однако, главное: Белинский — властитель дум в России, самая боевая фигура, эстетик с мировым именем. Несмотря на оговорки (по существу оказывающиеся мнимыми), эти суждения вводили возглавлявшиеся Белинским «Отечественные записки» в число передовых журналов Европы. На Западе появились прямые по-

следователи «Отечественных записок» и Белинского, открыто провозглашавшие об этом.

Анонимность статей Белинского сильно вредила популярности его имени на Западе. Но статьи Белинского, Герцена, «Отечественных записок» в целом пользовались большим успехом.

Для нас, конечно, наиболее важным показателем мирового значения Белинского является не то, как и кто признавал его на Западе, а объективное соотношение его идей с западноевропейскими идеями, хотя последнее не снимает вопроса и о личной популярности Белинского. Мы видели, что объективно Белинский выглядел выдающимся эстетиком, последовательным критиком утопического социализма, а Герцен выступал в области философии в ряду самых выдающихся мыслителей того времени. Но важно и то, что признание шло от самих деятелей Запада, рождало среди них последователей и все это особенно подчеркивало внушительность результатов, достигнутых «Отечественными записками» как органа передовой общественной мысли и реалистического литературного направления в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книг по истории литературных направлений у нас, как известно, нет. Тот литературный поток, который несет писателя и во взаимодействии с которым писатель развивается, обычно характеризуется исследователями суммарно, как нечто само собой разумеющееся. Лучше у нас развит жанр монографических исследований об отдельных писателях, и почти нет исследований сопоставительных, сравнительных, например, сразу о двух писателях или о группе писателей, наконец, о литературных методах и стилях.

Что такое направление? Это прежде всего художественная практика писателей, объединяемых сходством творческих устремлений, выражающихся в общности метода, тематики, стилевых приемов. Разумеется, это творческое единство не нужно толковать ригористически, но оно существует как целое, в каких-то наиболее общих, показательных моментах, сравнительно с другими течениями и направлениями. Творческое направление может до поры до времени существовать стихийно, без ярко выраженной программы. Но все же эти общие программные цели осознаются его участниками, борьба за принципы заставляет направление идейно-теоретически самоопределиваться.

Так было, например, с прогрессивным романтическим направлением декабристов в истории русской литературы. Как ни отличаются Рылеев, Кюхельбекер, В. Ф. Раевский и А. Одоевский друг от друга по творческой манере, стилю, между ними есть то общее, что делает их представителями одной «школы», одного направления. Особенно ощутимо это на фоне творчества Жуковского, с одной стороны, и творчества стремительно развивавшегося к реализму Пушкина — с другой. Эта творческая практика поэтов-декабристов была ими самими осмыслена в ряде известных теоретических трактатов, статей на тему о романтизме, в полемике с элегической музой Жуковского, в спорах, отразившихся особенно в переписке с

Пушкиным по поводу первой главы «Онегина» и проч. Романтическое направление декабристов имело свои печатные органы: «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения», знаменитый альманах «Полярная звезда», отчасти «Мнемозина». Так было и с реалистическим направлением, родоначальниками которого были Пушкин, Лермонтов и Гоголь.

В настоящей работе мы пытались осветить консолидацию реалистического направления в литературе сороковых годов. Периодизация русской литературы по именам, введенная Белинским, в общем верна, но она смазывает заслуги «поточка», общего движения. Принято считать, что вслед за «пушкинским» наступил «гоголевский» период. Вне движения, как бы необъясненным, остается Лермонтов, и обедняется представление о той полифонии проблем, тем, стилей, которыми отличается особенно реалистическое направление. Все импульсы движения приобретают биографический характер, приписываются чуду таланта, а роль журналистики низводится до «простого средства печататься». Но именно в ней, в журналистике, прежде всего и нагляднее всего находят свое выражение конкретно-исторические связи между писателями, группирующимися, организующимися в направление. Журнал — орган направления: он его организует и пропагандирует.

На долю «Отечественных записок» 40-х годов (даже, точнее, 1839—1846 годов) выпала огромная роль по идейному вооружению нового направления. Белинский говорил в обзоре за 1840 год об удельном весе «Отечественных записок» в истории русской литературы и журналистики. Не всегда и не на долю всякого журнала выпадает такая миссия. Разгром журналистики накануне издания обновленных «Отечественных записок», засилие монополии «триумvirата» создали условия для такой большой роли «Отечественных записок». Но с появлением «Современника» Некрасова и Панаева, с участием Белинского в «Русском инвалиде», «Финском вестнике», с появлением сборников «натуральной школы» такое решающее и монопольное влияние «Отечественных записок» начинает исчезать. Но это означало лишь победу дела «Отечественных записок», тем более подчеркивало их значение для судеб направления в 1839—1846 годы, т. е. на первоначальных стадиях его оформления.

Роль «Отечественных записок» как органа реалистического направления нами прослеживалась по трем руслам: по самой организации участников направления, по их творческой практике и по теоретической программе, которая формулировалась зачастую в полемике.

«Отечественные записки» вовлекали в новое направление писателей, искавших свои пути и развивавшихся до этого самостоятельно. Мы видели, как велико было значение направления не только для таких писателей, как Тургенев, Некрасов, Салтыков, прямо рожденных, можно сказать, в лоне «Отечественных записок», перестрадавших вместе с ними муки укрепления направления, но и для «ничейного» Лермонтова и чуждавшегося участия в «Отечественных записках» Гоголя. Героем первого периода является Лермонтов, героями второго — Гоголь, Герцен и Некрасов, третьего — Салтыков и Достоевский. Каждый из этих писателей окружен соратниками, подражателями, последователями, что и составляет направление. При этом возникает перекличка тем, проблем, между писателями устанавливается близость. Через все 40-е годы тянутся сквозные темы, меняются лишь со временем акценты на них, углубляется трактовка. Появляются и новые темы.

Теоретическая программа выражалась в критике и библиографии. Рос сам предмет критики, она становилась боевым оружием направления, изменялись ее проблематика и методология, она все больше сближалась с практикой направления и обобщала ее. Журнал втягивал критику в споры о направлении, потому что само направление на две трети сосредоточивалось в журнале. Poleмика показывала эту критику во всей ее «практической доблести» как боевое оружие направления.

Совпадение внутреннего ритма журнала с ритмом эпохи неслучайно. Оно объясняется органической связью журнала с эпохой, его огромным удельным весом. Что касается спора о том, с какого момента следует считать начало «натуральной школы», то мы пришли к выводу, что понятие «школа» тождественно понятию «направление» и началом последнего следует считать середину 30-х годов. Неверно традиционное представление о том, будто сначала литературу развивали гении-одиночки — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, а с 1845 года ее стали развивать молодые писатели «натуральной школы». Литература всегда существует как сложный процесс коллективного творчества, в котором находят свое место гениальные и второстепенные писатели. Эту полноту жизни литературы мы и хотели показать, выделив в творчестве самих гениев (Лермонтов, Гоголь) те моменты, которые характеризуют их как участников этого коллективного движения. Нас в первую очередь интересовала взаимосвязь идей, сюжетов, образов между писателями, которая является конкретным показателем роста направления. Мы дорожили творческой индивидуальностью каждого писателя в отдельности, так как направление складывается из многих стилевых различий.

Анализируя конкретное художественное содержание реалистического направления, мы пришли к выводу, что роль физиологического очерка в истории «натуральной школы» традиционно сильно преувеличивается, что основными жанрами ее были повесть и роман, что основной темой литературы была деревенская тема, а вовсе не городская, и, наконец, что творчество второстепенных писателей дает особенно почувствовать массовый характер движения, многообразие его творческих заявок.

Критическая деятельность Белинского изучается в советском литературоведении постоянно, но в настоящей книге автора интересовал лишь вопрос о степени программности критики Белинского по отношению к направлению.

Здесь мы выделяем несколько этапов: в первый период критика носит несколько отвлеченный, общеэстетический характер, тем не менее очень важный для выработки именно реалистических принципов. Во второй период критика носит более прикладной характер, не теряя своего программного значения и открыто декларируя о своих новых принципах. В третий период Белинский выступает со страниц «Современника», а в «Отечественных записках» происходит постепенное снижение уровня критики и потеря ею своего программного значения. Самая главная трудность нашего исследования — в раскрытии этого взаимодействия критики с литературой, критики как обобщения и оценки литературных явлений, критики как самостоятельной разведки жизни, подсказывающей литературе темы и идеи, критики, которая сама испытывает обратное воздействие художественной литературы. Все это вместе и представляет собой живую плоть направления, диалектику его развития, его содержание и формы. Изучение полемики «Отечественных записок», ее этапов, поводов и причин позволяет выяснить значение критики для утверждения направления. Проблема читателя показывает, насколько реально современниками ощущались «Отечественные записки» как орган направления, насколько глубоко в сознание людей входило идейное размежевание в литературе на партии и как они сами выбирали свои позиции в разгоравшейся идейной борьбе.

Деятельность Белинского, идеолога и вождя реалистического направления русской литературы сороковых годов, отражает первоначальный этап формирования революционно-демократической идеологии. Белинский действовал в годы, когда в России революционной ситуации не было, а была «пока» литературная критика. Но Белинский умел мастерски сочетать идеи эстетические, философские с идеями политическими. Он был всегда на виду у общества, был, так сказать,

постоянно действующим фактором направления. Белинский считал, что освобождение крестьян возможно двумя способами: или само царское правительство, вынужденное экономическим развитием страны, отменит крепостное право, или крестьянство освободит себя путем восстания. Главным же во взглядах Белинского как первого русского революционного демократа было правильное решение философского вопроса о свободе и необходимости. И до 40-х годов, до Белинского были в России революционеры: Радищев, декабристы. Но В. И. Ленин относит начало поисков «правильной революционной теории» в России к 40-м годам именно потому, что в это время было найдено правильное решение вопроса о свободе и необходимости. Ответы на вопросы передовые люди стали искать в самой действительности, начали считаться с логикой объективного исторического процесса, т. е. стали на путь исканий, открытий, а не придумываний и мечтаний. Вследствие этого Белинский правильно выбрал направление своей деятельности: пробуждение сознания народа, вооружение его передовой теорией. Восстание для Белинского — не эффектный акт, а терпеливый труд, работа с большинством, с реальной силой. Вот почему, когда Ленин поставил вопрос о роли революционной теории в практике пролетарского движения, то отсчет непосредственных предшественников русской социал-демократии он начал с Белинского, так как отсюда начинается искание *правильной* теории.

Складывавшееся реалистическое направление взаимодействовало с историей русской общественной мысли и «Отечественные записки» были тем первым русским журналом, в котором с 40-х годов начались поиски правильной революционной теории.

«Отечественные записки» явились тем журналом, в котором была достигнута Белинским эта идейная высота, «Отечественные записки» и в России и на Западе воспринимались как самый передовой орган русской литературы, именно как орган «партии прогресса».

Русская литература и критика были для нас в этой книге «ядром» исследования, но в журнале есть еще богатая «плазма», во взаимодействии с которой ядро жило и развивалось. Это «плазма» — западноевропейская литература, философские, социалистические идеи, требующие специального изучения.

Вместе с ростом направления росло и изменялось взаимодействие между русской литературой и западноевропейскими идеями.

В первый период «Отечественные записки» постепенно эволюционировали в оценке поэзии «Молодой Германии», творчества Ж. Занд, от категорического отрицания их к поло-

жительному признанию. Гейне и Берне еще стоят рядом с именами Гущкова, Лаубе, Винбарга, Мундта, которые все зачислены в борцы. Но поэзия Лермонтова была мощным фактором, который заставил отделить подлинных ратоборцев от фрондеров и по-достойному оценить «гордую вражду» Жорж Занд к современной буржуазной действительности. Во второй период «Отечественные записки» являются страстным пропагандистом в России романов и повестей Занд, печатают их на своих страницах, высоко оценивают в критике. По отношению к собственно «гоголевскому» периоду в русской литературе, после выхода «Мертвых душ», это было довольно странное соотношение: трезвый, критический реализм Гоголя и социалистический утопизм Занд. Но, во-первых и в романах Занд было много критицизма, и этот критицизм носил острый, «французский», социально-политический характер; и во-вторых, сам критицизм, с точки зрения «Отечественных записок», питался положительными идеалами, передовой теорией, а таковой тогда были социалистические теории. Пример Гоголя не в счет: у него был свой и несоциалистический утопизм. Но для Тургенева, Салтыкова и многих других деятелей направления «свет социализма» был тем идейным стимулом, той радужной перспективой, которые питали критический пафос их творчества. В третий период на первое место выдвигается полноценный критический реализм Диккенса, Теккерея. В «Отечественных записках» и в прежние периоды печатались романы Диккенса, но только в третий период, с публикации «Домби и сына», высоко оцененного Белинским, со статей И. Введенского о Теккерее (1849, № 5, 6), английские романисты приобрели программное значение. Несомненно, все это связано с ростом самого критического реализма в России, с появлением на литературной арене Герцена, Гончарова, Достоевского, Салтыкова.

«Отечественные записки» широчайшим образом осмыслили исторические связи литературного направления.

Трактует вопросы сатиры в современной литературе, Белинский «родоначальником» «натуральной школы» объявляет Кантемира. Критицизм в западной литературе не исчерпывается творчеством Занд и Диккенса. Б. Ордынский в статьях об Аристофане показывает подлинного его родоначальника (1847, № 7, 8). Таким образом, торжествует не аксаковская аналогия Гомер — Гоголь, а новая аналогия Аристофан — Гоголь. Современное философское движение раскрыто в «Письмах об изучении природы» Герцена в историческом разрезе. Разгоравшаяся политическая борьба партий в Западной Европе накануне 1848 года осмыслена на широком историческом фоне, начиная с движения Томаса Мюнцера и Кромвеля, Ро-

беспьера и Марата и кончая революцией 1830 г. породившей современный ненавистный режим Июльской монархии, который передовое революционное движение готовилось свергнуть.

С развенчанием мистической «философии откровения» Шеллинга была убита в России, как и во всей Европе, вера в спасительное значение универсальных идеалистических систем, в философскую реторту, добывающую истины на все случаи жизни. «Отечественные записки» оказались в Европе в числе первых журналов, которые, вслед за Ф. Энгельсом, занялись развенчанием новоявленного пророка Шеллинга.

Разработка категорий Гегеля была философским базисом критики Белинского в первый и второй периоды. Но вместе с тем Белинский идет самостоятельным путем, преодолевая идеализм Гегеля и созерцательный материализм Фейербаха. В третий период «Отечественные записки» подпали под влияние позитивизма Конта, но это не изменяет для нас общей картины. Белинский в это время на страницах «Современника» и в письмах критикует Конта, продолжает разрабатывать идеи диалектики и материализма, и поэтому у эстетической программы реалистического направления по-прежнему была самая передовая философская база.

Философский материализм был тесно связан с идеями социализма. Это отмечал Герцен в «Былом и думах», на этот счет есть указания К. Маркса, В. И. Ленина. Но из всех форм тогдашнего социализма (консервативный или буржуазный социализм, «истинный» социализм, феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм) Россия оказалась наиболее чуткой к классическому или утопическому, критическому социализму. Другие формы подвергались критике. Вопрос о социализме — вопрос об идеалах и перспективах критического реализма. Разборчивость русской передовой мысли, подвергавшей критике «Письма из Парижа» Гущкова, романы «Парижские тайны» Э. Сю, «Сивилла или две нации» и «Танкред» Дизраэли, говорит о глубокой связи этого реализма с народом.

«Отечественные записки» широко, насколько позволяла цензура, обсуждали крестьянский вопрос в России. Известный исследователь этого вопроса В. И. Семевский скептически оценивал роль журналистики 40-х годов. Он считал достойными упоминания только две статьи: «О сельских условиях» Хомякова (и рецензии на нее) и о «Причинах колебания цен на хлеб в России» Заблоцкого-Десятовского. Первая появилась в 1842 году в «Москвитянине», в связи с указом «Об обязанных крестьянах», вторая — в 1847 году в «Отечественных записках», в связи с некоторыми мероприятиями по крестьянскому вопросу в правительственных кругах.

Однако в «Отечественных записках» крестьянский вопрос всегда был злободневным, и статья Заблочкиго появилась закономерно. Мы устанавливаем, что автором рецензии в «Отечественных записках» (1842, № 11) на статью Хомякова был Заблочкий, а в этой рецензии уже были заложены мысли его второй, более зрелой статьи 1847 года (см. приложение). Много статей было помещено о барщине, об оброках, и во многих из них доказывалась невыгодность «принудительной ренты», т. е. крепостничества. Несомненно, это статистическое, политэкономическое разоблачение гнилости основного устоя российской жизни помогало всестороннему, эмоционально-поэтическому, художественному разоблачению крепостничества и всех его порождений.

Во всей этой всесторонней обличительной деятельности, как мы хотели показать, организующей и направляющей силой, особенно в 1839—1846 годы, были «Отечественные записки», Белинский и Герцен.

Прогрессивный характер проповедуемых идей, самоотверженная борьба за передовое направление, яркое мастерство критических и публицистических статей создали «Отечественным запискам» заслуженную славу как среди русских читателей, так и читателей за границей. Можно с уверенностью сказать, что «Отечественные записки» были первым русским демократическим журналом, который узнали в Западной Европе и который нес туда правдивое слово о России, о развитии в ней передовых революционных идей.

Изученный нами период в истории «Отечественных записок» является самым значительным, «классическим» периодом. Краевский издавал этот журнал до 1868 года, после чего во главе его стал Некрасов. После смерти Некрасова редактором «Отечественных записок» был Салтыков-Шедрин, вплоть до закрытия журнала царскими властями в 1884 году. Заслуживают пристального изучения «Отечественные записки» 1868—1884 годов. Неизмеримо менее ценным является период 1849—1867 годов, когда журнал был типичным органом российского либерализма и заслуженно подвергался критике со стороны революционных демократов.

Но «Отечественные записки» 40-х годов были буквально колыбелью реалистического направления. Весь их разнообразный материал группируется вокруг этой центральной проблемы. Таким образом, жанр *литературоведческого* исследования журнала — «законный» жанр, он позволяет наиболее конкретно-исторически подойти к изучению литературного процесса и прежде всего со стороны его организационных форм, идейных взаимосвязей, программной целенаправленности.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Введение

1. Уч. зап. ЛГУ, 1941, серия филологических наук, вып. XI, стр. 46—47.
2. Вестник ЛГУ, 1948, № 6, стр. 101.
3. В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 53.
4. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР. М., 1954, т. IV, стр. 440.
5. Д. Д. Благой. Вопросы построения истории русской литературы. Известия АН СССР, отделение литературы и языка, т. XIII, вып. 5, сектор литературы, 1954, стр. 404.
6. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 112.
7. Там же, т. VI, стр. 271.
8. Там же, т. IX, стр. 163.
9. Там же, т. VI, стр. 522.

Глава первая

1. «Литературное наследство», т. 56, стр. 205.
2. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Л—М», л. 15). Было еще письмо В. Даля от 8 окт. 1838 г. (лл. 23—24 об.) опубл. В. Орловым в указ. статье о Краевском.
3. Там же, «Отчет императ. публ. библи. за 1889 год», пункт б/№ 30.
4. Однажды, пожаловавшись на монополию А. Ф. Смирдина, Краевский писал М. П. Погодину в Москву 17 янв. 1836 г.: «Решительно книжная торговля падет, отчаяние овладеет всяким честным литератором, если не сыщется человек, который бы облагородил книгопродавческое дело по-новиковски и поднял его выше этих низких душонок. Я приступаю с этим беспрестанно к Одоевскому, которому теперь удобно это сделать, ибо он завел уже типографию» (ЛБ. Фонд 231, раздел II, № 48).
5. Компаньоны Краевского внесли следующие суммы: В. Ф. Одоевский — 2 тыс. руб., Б. А. Враский — 5 тыс. руб., А. В. Владиславлев —

* Условные сокращения, принятые в примечаниях: ГПБ (Госуд. публ. библи. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), ЛБ (Госуд. библи. им. В. И. Ленина в Москве), ИРЛИ (Институт русск. литературы АН СССР в Ленинграде), ЦГИА (Центр. госуд. исторический архив в Москве), ЦГИАЛ (Центр. госуд. исторический архив в Ленинграде), МОИА (Московский областной исторический архив), ЛГУ (Ленинградский государственный университет).

3 тыс. руб., Н. Мундт — 3 тыс. 500 руб., И. Панаев — 3 тыс. 500 руб., А. В. Всеволожский — 7 тыс. руб. Краевский внес 3500 руб. Итого: 27500 руб. По подсчетам Краевского, на годовое издание «Отеч. записок», с числом подписчиков в 1200 чел., требовалось 42 тыс. руб. Денег не хватало, и это ставило журнал сразу в критическое положение. Недостающие суммы пайщики не внесли, как явствует из письма Белинского Боткину от 16 апр. 1840 г. (Договоры хранятся в ГПБ. Фонд В. А. Бильбасова; здесь же «Смета годовых издержек, потребных для издания «Отеч. записок», составленная Краевским).

6. «Литературные прибавления», 1838, № 43.

7. А. В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1909, стр. 194.

8. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 2, стр. 239.

9. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Н—П», л. 5 и об., а также переплет «Л—М», лл. 121 и 180). «Русск. старина», 1904, V.

10. Первый номер «Отеч. записок» вышел не 1 января 1839 г., как говорит в своих воспоминаниях И. Панаев, и вслед за ним принято так считать, а с опозданием на четыре дня, о чем писал Краевскому услужливый А. Ф. Воейков. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского. («Письма», переплет «Б—В», л. 603 об., письмо от 8 янв. 1839 г.).

11. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1949, т. VI, № 3.

12. Там же, стр. 209.

13. См. «Литературное наследство», т. 58, стр. 289—296.

14. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «А», лл. 252, 253).

15. Там же, л. 283 об.

16. Уч. зап. ЛГУ, 1941, Серия филолог. наук, вып. XI, стр. 34.

17. Там же, переплет «Н—П», лл. 479, 480.

18. См. И. Панаев. Очерк петербургского литературного промышленника. «Современник», 1857, № 12.

19. П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. М., 1913, т. 1, ч. 2, стр. 422.

20. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 953, л. 4).

21. ГПБ. Собрание автографов. Записная книжка осталась неизвестной П. Н. Сакулину. Частично опубли. Р. Б. Заборовый в сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. 1. Изд. АН СССР, 1956.

22. П. Н. Сакулин. Указ. соч., т. 1, ч. 2, стр. 303.

23. Там же, стр. 341, 424.

24. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Отчет импер. публ. библи. за 1889 год, пункт 6, № 24).

25. См. «Литературное наследство», т. 56, стр. 145—146.

26. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 528 и об.).

27. Там же, л. 526 об.

28. «Литературная мысль». П., 1923, т. 2, стр. 176. Письмо от 10 февр. 1841 г.

29. А. Д. Галахов. Мое сотрудничество в журналах. — Исторический вестник, 1886, т. XXVI, № 11, стр. 318.

30. См., например, не увидевший света фельетон Галахова «Матюша-журналочка» — против Булгарина (ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 1491). Когда Краевский обратился к нему за советом, как лучше сорвать «грамматические очки» с Греча, Галахов ответил: «Не забудьте просмотреть в старинных журналах <...> критики на разные книги Греча. Пользуйтесь всяким советом людей, упражнявшихся в этом деле. Белинский поможет вам много указать». В другом письме: «Вы, Белинский, Катков — весьма достаточно...» — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 18 об., опубли. «Венок Белинскому», 1924, стр. 142.

31. ЛБ. Елагин, 6/90. Список статей Каткова см. в статье А. Д. Гала-

хова «Воспоминания о журнальном сотрудничестве М. Н. Каткова в 1839—1840 годах». — Исторический вестник, 1888, т. XXXI, № 1. В приложении к настоящей книге этот список пополняется.

32. См. статью А. Д. Галахова «Воспоминания о П. Н. Кудрявцеве». — Русский вестник, 1858, т. XIII, № 2. Список статей Кудрявцева пополняется в приложении.

33. «Литературное наследство», т. 56, стр. 137.

34. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 144.

35. «Литературное наследство», т. 56, стр. 131—132. Письмо Белинского к Н. Сатину не сохранилось.

36. В. Г. Белинский. Избранные письма. М., 1955, т. 2, стр. 123.

37. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 2, стр. 273. Письмо к Н. Х. Кетчеру от 27 июня 1839 г.

38. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 363, л. 16).

39. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 2, стр. 426, 427.

40. Там же, стр. 426.

41. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 177.

42. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 242.

43. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 123.

44. Помимо материалов, появившихся в свое время в «Отеч. записках», см., например, письмо Гр. Быховец — А. А. Краевскому от 17 февраля 1842 г. (ГПБ. Фонд А. А. Краевского, «Письма», переплет «Б—В», лл. 437—438). Письма упоминаемой здесь Е. Г. Быховец к сестре о Лермонтове опубли. в «Русской старине», 1892, кн. 3, стр. 766—769.

45. «Литературное наследство», т. 45—46, стр. 376.

46. «Отеч. записки», 1841, № 11, отд. VI, стр. 24.

47. П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов». М., 1891, стр. 368, 369.

48. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 513 об.).

49. Там же, л. 75 об.

50. ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 286, л. 2. об.

51. Не было стихотворений Лермонтова только в 7-м (июльском) номере. Письмо мы датировали началом июля 1841 г.

52. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 728 об.). Письмо частично опубликовано Н. Л. Бродским по неточной копии А. Г. Фомина в «Известиях Отделения русского языка и словесности», 1912, кн. 4, стр. 34. Начало письма, касающееся Белинского, Панаева, Языкова и Кольцова, не вошло в публикацию. О Лермонтове текст после слов «что наш Лермонтов» до «нынешней весной» опущен Н. Л. Бродским.

53. См. воспоминания Артемьева о Н. Г. Чернышевском («Лит. наследство», т. 25—26) и дневниковые записи о смерти Пушкина с упоминанием о Лермонтове («Лит. наследство», т. 58, стр. 141—142). Дневниковые записи о гастрольях М. С. Щепкина в Казани в 1839 г. нами опубликованы в «Театральном наследстве». Л., 1956.

54. Письмо сохранилось в двух идентичных списках (ГПБ. Фонды А. А. Краевского и А. И. Артемьева).

55. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «А», лл. 361 об.—362 об.).

56. А. М. Янушкевич — участник польского восстания 1831 г. С ним А. И. Одоевский познакомился в Сибири.

57. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Р—С», лл. 396 об.—397).

58. «Белинский и его корреспонденты», стр. 102. Краевский воспринимался Солоницыным как идеолог наряду с первоклассными литераторами.

59. Так назвал В. Одоевского в одном из писем к нему Н. Полевой. — ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 881, л. 15).
60. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 65.
61. «Отеч. записки», 1841, № 9, отд. VI, стр. 4.
62. См. Н. Л. Бродский. Поэтическая исповедь русского интеллигента 30—40-х годов. Сб. «Венок Лермонтову», 1914.
63. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 521.
64. «Литературное наследство», т. 43—44, стр. 62.
65. Н. Мордовченко. В. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 104.
66. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 580.
67. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., 1946, т. 3, стр. 563.
68. А. В. Кольцов. Полн. собр. соч., стр. 215.
69. А. И. Герцен. Повести и рассказы. М., 1934, стр. 488.
70. «Русская мысль», 1889, кн. XI, стр. 7.

71. Приведем выдержки из указанных писем Н. И. Надеждина Краевскому: «Вот, однако, начало трудов, которые вы заказали мне по части «Отеч<ественных> записок» (да сохранит их Аллах!). Посылаю эти немногие листки, содержащие в себе почти только введение, единственно для того, чтоб вы не отчаялись в их получении <...>. В продолжение недели вы получите все, что имею сказать я о двух близнецах <...>. Чтобы не остановить вас, я так и распорядился, чтоб вы приставили это к концу «Обозрения русской литературы за прошлый год». Прочтите — и сами увидите. Если нужно сделать другой шов локрелче — пригачайте сами». В другом письме сказано: «Касательно «сиамцев» (т. е. «близнецов», о которых речь шла в предыдущем письме. — В. К.), нужды нет, что не попало». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Н—П», лл. 3 и об., 5 об., опубли. в неточн. в «Русск. старине», 1904, V).

72. Гегель. Соч., т. XIII, стр. 55.

73. Там же, т. XII, стр. 2.

74. В. И. Ленин. «Философские тетради». Госполитиздат, 1938, стр. 66.

75. Мы привели некоторые неопубликованные факты из фондов Петербургского цензурного комитета. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 32, лл. 40 об., 54; оп. 27, ед. хр. 33, лл. 6—8 об., 28 об., 40, 45, 61 об. — 62; оп. 27, ед. хр. 27, л. 25 об.; из фондов Главного управления цензуры, ф. 772, оп. 3, ед. хр. 148343, л. 1 и об.; оп. 3, ед. хр. 48411, лл. 10 и об., 28, 112 и об.; оп. 3, ед. хр. 148334, лл. 5 и об., 13—14 об. и др.

76. Эти противоречия между Белинским и Катковым впервые исследовал А. Скафтымов в статье «Белинский и устное народное творчество» («Литературный критик», 1936, № 7).

77. ГПБ. Собрание автографов, шифр: К — 18.

78. ЛБ. Фонд 178, папка 3099, № 54. Место, касающееся «партии» «Отеч. записок», мы уже цитировали. Приведем теперь другие отрывки. Солоницын подчеркивает, что главной причиной склоки между защитниками самодержавия православия и народности, виновником впадения их в полное ничтожество были «Отечественные записки», «партия» Белинского и Краевского. Всю петербургскую журналистику Солоницын пытается охарактеризовать по «партиям». Бесцеремонность частного письма, острые словечки и какая-то отчаянная горечь самокритики придают особенную прелесть этому письму, колоритно рисуя коллективный портрет петербургской литературной «тлн». «Бесспорно, первую партию по старшинству времени, — писал Солоницын, — должно назвать атаманство Греча. Сюда нынче принадлежат: Полевой, Кукольник, Башуцкий и несколько мелких клеветов без имени и значения, питаемых или надуваемых самим атаманом или главным его есаулом. Последний — все тот же Бугарин, который некогда сидел лицом к публике у ступенек кафедры, откуда Греч читал свои лекции о русском языке. Но должно заметить, что

с нового года в этой шайке поселился дух разделения: Кукольник приставал к ней для совокупного издания «Русского вестника», объявил наотрез, что Булгарин не должен иметь ни малейшего участия в деле. Поводом к тому была бранная статья, которую написал Фаддей на Кукольника «Холмского», не быв приглашен на чтение этой пьесы у автора. История очень подробно описана в «Отечественных записках» и, кажется, еще в «Пантеоне» <...>. Кроме «Эконома», на Булгарине лежит редакция «Северной пчелы»: Греч по-прежнему управляет только так называемой политикой, все же прочее делается Булгариным, для чего он и имеет под своим начальством человек двух молодых людей, описывающих по его поручению бенефисные спектакли, трактиры и лавочки, хозяева которых поклонились ему билетом на кресло или каким товарцем. В заключение скажу вам, что Греч и Булгарин, наконец, потеряли решительно всякий авторитет в мире литературы и журналистики. Осмеянная Сенковским репутация первого еще больше заколебалась от беспрерывных толчков, которые давали и продолжают давать ей «Отечественные записки». Сверх того, ему много повредили эти неудачные «Чтения», а пуще издание их особой книжкой: теперь ясно открылось, что он пустой, ничего не знающий говорун. Что же касается до Булгарина, то этот молодец уж так осрамился, что самое имя «Булгарин» того гляди делается бранным эпитетом, как татарин, жид и тому подобное». Затем идет высказывание о «партии» «Отечественных записок», которое мы приво-дили выше. Солоницын продолжает: «Никитенко, их цензор, рассказывает, будто эти господа и подлинно убеждены, например, в каком-то возвышенном поэтическом призвании Кольцова, не замечая того, что Кольцов, пропевший довольно приятно две-три крестьянские думы, кадалил потом на один тон, от которого смерть тошно всем их читателям. Онный же Никитенко говорит еще, что Кольцов, в свою очередь, от полноты сердца верит в глубокую премудрость Краевского и Белинского, что Катков также кажется ему и самому Краевскому чем-то великим, и что все они вместе смотрят на литературу как на некую герметическую науку, в которой и сами себе не умеют дать никакого отчета (так, видимо, в «атаманстве» Сенковского истолковывали рассуждения Белинского об «органичности» литературного процесса, о «замкнутости» художественного произведения и проч. — В. К.). Город беспрестанно твердит, что «Отечественные записки» прекратятся от денежной несостоятельности, но журнал выходит себе очень исправно назло крикунам. А впрочем, и то надо заметить, что Краевский, действительно, в долгах по самые уши, бесовски обманул вдову Свинына (после смерти Свинына, в апреле 1839 г., Краевский отказался выплачивать вдове арендных 5 тыс. руб. — В. К.) и при своих личных средствах и незначительности представляет изданием «Отечественных записок» такую загадку, которой никто не в состоянии разрешить». Но разгадка тайны была — мы знаем — в Белинском, Лермонтове, Кольцове, Панаеве. У Солоницына нет настоящей веры ни в одну из «партий». Полемические передергивания сделали его скептиком. С насмешкой он говорит о своем патроне Сенковском, которого «Отечественные записки» вытряхнули из его ученой сутаны, отбили охоту выезжать с открытым и закрытым забралом на критические турниры, превратили воинственного «барона Брамбеуса» в байбака и лежебоку. Письмо Солоницына вводит нас в редакционные тайны «Библиотеки для чтения», полностью раскрывая редакторский произвол и цинизм главного развратителя журнальных нравов и публики — Сенковского. «Наконец мы добрались до нашего почтенного Осипа Ивановича, — продолжает Солоницын. — Тут киргизская степь, пустыня. Из людей, печатно известных, сюда принадлежат только Кукольник, Губер, Каменский, и те не могут назваться действительными поборниками Иосифова учения: Кукольник принадлежит к партии только потому, что дает (вероятно продает) иногда Сенковскому свои сочинения, а Каменский и Губер — по немногим перево-

дам и переделкам, которые тот позволяет им стряпать для «Библиотеки». Настоящие сотрудники Сенковского в издании двух журналов — люди без литературного имени: некто Платон Волков и ваш всенижайший слуга, Волков помогает ему во всем по печатанию книжек, а я только доставляю материалы, изготовляемые по собственному моему выбору, чаще по назначению самого Сенковского. Никитенко, носящий на себе имя редактора «Сына отечества» — человек, как мне теперь стало известно, пустой и ленивый: много говорит, может быть, отчасти и смыслит дело, но ровно ничего не делает и даже заставляет крепко сомневаться, что его теоретические познания, если он их имеет, могут приносить какие-нибудь практические плоды. Для меня всего забавнее его жалобы на бесконечные недосуги: не только другим, но и мне он поет при свиданиях, что у него пропасть хлопот по редакции «Сына отечества», а между тем, я очень коротко знаю, как обрабатываются эти дела: я пришло к Сенковскому статью для литературного обозрения. Очкин сделает выписки из русских и иностранных газет, потом еще кто-нибудь, иногда сам Сенковский, накопает каких-нибудь пустячков для смеси, и все это Волков отсылает к Никитенко, не в рукописях, а в корректуре, в которой наш пресловутый редактор не делает ни малейших поправок и перемен, разве навернется словечко, угрожающее ему гауптвахтой.

Но вот и все наши литературные партии. Вы скажете, что это партии не литературные, а журнальные. Да оно так и должно быть: потому что петербургская литература теперь вся в журналах: других книг нет или они так ничтожны, что не производят никакого движения. Поседелые рыцари грешного пера Крылов, Жуковский, Вяземский и другие, к которым причисляет себя и Плетнев, по-прежнему не принадлежат ни к какой партии или, лучше сказать, составляют особое племя, которое ничего не делает, величественно покаясь на заслуженных и незаслуженных лаврах. Последний, впрочем, издает «Современник», журнал, составляемый из воздуха и усерднейших приношений Основьяненко, Грота, Айбулата, Емичева, но для чего и для кого издается оный журнал, это решительно не понятно: вы его не увидите ни в одном доме, и ни в одной книжной лавке. Чудо, да и все тут!<...>.

Воротимся на минуту к Сенковскому. Я начинаю становиться в тупик перед характером этого человека. Не подлежит, кажется, никакому сомнению, что в нем много любви к науке и вообще к литературным трудам, но между тем, он с некоторого времени решительно ничего не делает, читает иностранные журналы, спит — и только! Видно, ему надоело постоянно работать или он слишком разбогател и богатство развило в нем лень и корыстолюбие. Как бы то ни было, только громкое объявление, что «Библиотека» с нынешнего года возвращается под непосредственную редакцию «Осипа Ивановича Сенковского» и заветет так, что чудо, было просто ловушкой для подписчиков. Осип Иванович и не думает сдерживать слово. Вся его забота заключается в том, чтобы выдавать книжку за книжкой, да набрать и на будущий год побольше подписчиков. И для достижения этих целей он не хочет приложить нисколько собственного труда, а желает, как говорится, загребать жар чужими руками, не обращая даже большого внимания на достоинство материалов, если же и обратит на него внимание, так имеет несчастье видеть что-то чрезвычайное в вещах самых обыкновенных и не замечать прекрасно в том, что поистине хорошо. Прибавьте к этому известное вам упорство характера, веру в свою безошибочность и частые, иногда очень резкие промахи или обмолвки, происходящие от этой веры. Последние из рук вон». (Остальную часть письма с «обмолвками» Сенковского мы цитируем в IV главе настоящей работы. — В. К.).

79. И. В. Киреевский. Полн. собр. соч. М., 1911, т. 1, стр. 115, 119.

Глава вторая

1. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 201.
2. «Литературное наследство», т. 56, стр. 168.
3. Сб. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 156 и 158.
4. «Отеч. записки», 1842, № 11, отд. V, стр. 4—5.
5. Там же, 1843, № 1, отд. VI, стр. 38.
6. «Отчет импер. публ. библ. за 1889 год», стр. 51.
7. «Литературная мысль». П., 1923, т. 2, стр. 182.
8. «Литературное наследство», т. 56, стр. 166.
9. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 181.
10. Письмо датировано 17 июня 1842 г., а из Новгорода Огарев выехал 10 июня (см. Дневник Герцена). Из Петербурга за границу Огарев выехал 20 июня 1842 г. (см. «Литературное наследство», т. 61, стр. 865, примечание 11).
11. «Русская мысль», 1891, кн. 6, стр. 15.
12. См. И. Панаева. Очерк петербургского литературного промышленника. «Современник», 1857, № 12.
13. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 231.
14. См. Уч. зап. ЛГУ, Вопросы русской литературы 1840—1870-х годов. Статья. М. М. Гина. Л., 1954.
15. «Литературное наследство», т. 49—50, стр. 150.
16. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 379.
17. Первую статью П. Е. Будков атрибутировал Некрасову (см. сб. «Венок Белинскому». Пг., 1924), а В. С. Спирidonов доказывал ее принадлежность Белинскому (см. комментарий в т. XIII Полн. собр. соч. Белинского, стр. 337—341. Л., 1948). О второй рецензии см. Е. И. Кийко и В. И. Кулешов в разделе «Трибуна» 57 т. «Литературного наследства». См. также т. XIII. Полн. собр. соч. Белинского, изд. АН СССР, отдел «Dubia».
18. «Русская старина», 1883, № 10, стр. 206.
19. С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 77.
20. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 195.
21. «Рим» Гоголя был напечатан в 3 (мартовском) номере «Москвитянина» за 1842 г. В этом произведении Гоголь обрушивался на современную буржуазную культуру, а заодно и на все западное. Но такое «французество» уже было неприемлемо для «Отечественных записок» (см. отзыв Белинского в обзоре литературы за 1842 г.). Белинский видел вред наивно-патриархальных воззрений Гоголя на самые боевые социальные и философские вопросы. Белинский видел, как легко может быть Гоголь добычей его лжедрузей. Критик писал Боткину 4 апреля 1842 г.: «Страшно подумать о Гоголе: ведь во всем, что он написал — одна натура, как в животном. Неужество абсолютное. Что он наблевал о Париже-то!» (см. также письмо от 31 марта 1842 г. — Избранные письма, т. 2, стр. 191). Нужно было именно бороться за Гоголя...
22. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 10.
23. Сб. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 280.
24. Там же, стр. 280.
25. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 3, стр. 6.
26. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 37, лл. 74 об.—75.
27. А. Г. Цейтлин. Русский «физиологический» очерк. М., 1946 (докторская диссертация, неопубликованная, — ЛБ).
28. История русской литературы. М.—Л., изд. АН СССР, 1955. т. VII, стр. 525 (глава «Проза сороковых годов»).

29. «Отеч. записки», 1843, № 5, отд. VI, стр. 2.
30. Там же, 1843, № 12, отд. VII, стр. 24—25.
31. Сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты». М., 1948, стр. 98.
32. Оценка А. Полежаева у Белинского дана односторонняя и отвлеченная: Полежаев, по Белинскому, жертва собственной «натуры», которая была стихийной. Конечно, мешала и цензура сказать более определенное слово о Полежаеве. Н. А. Добролюбов впоследствии исправил характеристику, данную Белинским, добавив, что Полежаев был еще и жертвой «судьбы», т. е. николаевских порядков.
33. Кроме литературных проблем, критика «Отеч. записок» поднимала и другие вопросы: анонимная статья о книге О. Новицкого «О руководстве к логике»; ряд статей Галахова по лингвистике; о «Практическом синтаксисе» П. Перевлесского; две статьи Н. Надеждина (подписаны Н. Н.) о «Филологических наблюдениях над составом русского языка» Павского; анонимные статьи об «Учебной книге русской словесности» Греча, об «Упрощении русской грамматики» К. Кодинского и др. Множество разнообразных тем поднималось в библиографической хронике.
34. «Отеч. записки», 1843, № 6, отд. VI, стр. 46.
35. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 263.
36. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1955, т. VIII, стр. 379.
37. «Отеч. записки», 1841, № 11, отд. VII, стр. 37.
38. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 91.
39. А. И. Герцен, Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, т. V, стр. 13.
40. ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 148802. «Проект дополнений и пояснений к Цензурному уставу 1828 года» и «Записка о проекте дополнений и пояснений к Цензурному уставу», лл. 69—128, 129—140 об.
41. См. там же, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 35, лл. 84 об.—85; оп. 1, ед. хр. 36, л. 13; ед. хр. 1879, л. 9.
42. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Отчет импер. публ. библ. за 1889 г.», стр. 47, № 38с).
43. Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, стр. 30.
44. ЦГИА. Фонд 3 Отделения, 1 эксп., № 11, ч. 3.
45. Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 303, 309.
46. Там же, стр. 314.
47. См. ЦГИА. Фонд 3 Отделения, 1 эксп., № 109, оп. 77, ед. хр. 25, ч. 2.
48. А. В. Никитенко. Дневник. М., 1955, т. 1, стр. 284, а также «Литературное наследство», т. 56, стр. 170—171.
49. А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М., 1951, стр. 147.
50. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 479.
51. См. «Приложения» к т. XIII. Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. М.—Л., изд. АН СССР. Здесь же сообщения Ф. Я. Приимы и В. М. Морозова.
52. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 2, стр. 193, 202.
53. И. В. Киреевский. Полн. собр. соч. М., 1911, т. 2, стр. 233.
54. Там же, стр. 236.
55. «Москвитянин», 1842, № 1, стр. V.
56. Там же, стр. XXVIII.
57. ЛБ. Фонд 120, папка 40, № 1.
58. См. обстоятельный анализ этого вопроса в статье А. Лаврецкого «Историко-литературная концепция Белинского», напеч. в сб. «Белинский — историк и теоретик литературы», изд. АН СССР, 1949.
59. ЛБ. Фонд 231, раздел 2, папка 11, № 2. См. Н. Барсуков, кн. 7, стр. 78.
60. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 136.

Глава третья

1. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Б—В», лл. 281, 283, 284). «А не правда ли, — писал Бобылев, — что самую невыгодную пору выбрали мы для улучшения «Инвалида», которому, верно, уж на роду написано оставаться весь век инвалидом? Скажу вам, однако ж, довольно забавную странность: начало нынешнего года (т. е. февральская революция во Франции 1848 г. — В. К.) так подействовало на некоторых из наших читателей, что они и о сию пору уверяют, будто в «Инвалиде» все подробнее, чем в других газетах». И затем, в другом письме, Бобылев сетовал: «До сих пор не могу постигнуть, каким образом из пустяков, в которых и теперь не вижу ничего важного, вышла история, разрушившая все», получены «неприятности от военного министра», «какой-то голос шепчет мне, что если б я истинно любил вас, то мои глаза никогда не остановились бы на несчастной статье, которая наделала столько бед».

2. См. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», лл. 627, 628—629), а также ЛБ. Фонд 84, папка 5180, № 10.

3. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 642). В записке к Одоевскому от 9 июля 1839 г. Краевский просил: «Пришлите мне статью Ястребцова. Из нее смело можно выкинуть строки о «Наблюдателе», ибо Белинский и вся братия отказались от него, а будет редактором черт знает что такое — Лефорт какой-то, переводчик истории Екатерины. След<овально> все относящееся в статье Ястребцова к «Наблюд<ателю>» не имеет уже теперь места, а напечатать эту статью теперь не худо бы» (л. 29 об.). Статья «доктора Ястребцова» под названием «Что такое роман» появилась в 9 номере «Отеч. записок» за 1839 г.

4. Там же. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, ед. хр. 642, лл. 19, 30 об.); см. также «Литературное наследство», т. 56, стр. 160.

5. «Литературное наследство», т. 56, стр. 154.

6. Там же, стр. 174.

7. «Русская старина», 1891, № 10, стр. 107 и др.

8. «Литературное наследство», т. 56, стр. 162. А. Пальм <в 1851 г.> иронически писал Краевскому о его хлестаковской славе в невежественном одесском обществе, о том, что здесь «уверяют, что «Отечественные записки» пишет Краевский (т. е. все сплошь)». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Н—П», л. 292).

9. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 321 об.).

10. Там же, л. 181.

11. МОИА. Фонд 31, связка 402, оп. 5, ед. хр. 189, лл. 28—29. Программа опубликована с пропуском слов, взятых нами в скобки, у Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. VII, стр. 440.

12. «Русская мысль», 1892, № 9, стр. 10—11.

13. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 208583, л. 7.

14. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Т—Ө», л. 302 и об.). См. также черновик ответа Краевского П. Фурману (л. 313 и об.) и благодарственный ответ Фурмана (л. 303).

15. Экземпляры «Объяснения по не-литературному делу» Краевского и ответа «По поводу «не-литературного объяснения», написанного Белинским, Некрасовым и Панаевым, хранятся в ЦГИА, в фонде 3 отделения, 1 эксп., 109, ед. хр. 11, ч. 3.

16. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», лл. 37, 44—47, 61—62 об.).

17. Там же, лл. 46, 61—62.

18. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Л—М», лл. 178 и об.). Это письмо упоминается в биографии В. Майкова, в издании его «Критических опытов» (СПб., 1891, стр. XLI). Майков рекомен-

довал в «Отеч. записки» А. Порецкого, который в специальном письме к Майкову (показанному последним Краевскому) весной 1847 г. выдвинул неприемлемые для Краевского условия. — ГПБ. Фонд В. А. Бильбаова, Г. 72/16.

19. «Отеч. записки», 1848, № 7, отд. III, стр. 19—20.

20. Список статей и рецензий Майкова, приложенный к изданию его «Критических опытов» (1891), неполон. Мы обращали на это внимание в своей кандидатской диссертации, защищенной в МГУ в 1948 г. на тему: «В. Г. Белинский в «Современнике» 1847—1848 гг.» (ЛБ). В письме к Боткину 4—8 ноября 1847 г. Белинский указывает: «Понравились мне в «Отеч. записках» две или три рецензии: чьи, — Дудышкина. Одна о поэме Вердеревского «Больной»; Майков покойник об этой же поэме писал в «Современнике» («Избранные письма», т. 2, стр. 348). Письмо Белинского, включая цитированное место, было впервые опубликовано в «СПб. ведомостях», 1869, № 187, по копии, но, видимо, оно не было учтено при издании «Критических опытов» в 1891 г. Рецензия о поэме Вердеревского появилась в «Современнике» уже после смерти Майкова в № 9 и поэтому не попала в некролог, написанный Гончаровым, появившийся в августовском номере «Современника» за 1847 г., в котором дается перечень статей, напечатанных Майковым в «Современнике». Но сама поэма имеет дату цензурного разрешения — апрель 1847 г. Майков успел написать рецензию, но она пролежала в портфеле редакции до сентябрьского номера. На другую, неучтенную рецензию Майкова в «Современнике» указывает Некрасов в своем письме Белинскому за границу 24 июля 1847 г.: «Вы спрашиваете, — сообщал Некрасов, — кто писал вторую половину разбора «Дон-Жуана» — Кронеберг, а первую — Майков» (Полн. собр. соч., т. X, стр. 70). Речь идет, конечно, о 6 номере «Современника», в котором напечатана рецензия на перевод «Дон-Жуана», сделанный Любичем-Романовичем. О 6 номере именно и запрашивал Белинский в своем письме Некрасову. Трудно указать, где проходит граница между долями, написанными Кронебергом и Майковым. Возможно, что это — переход на стр. 140 «Современника» от общих рассуждений к критике самого перевода, что было ближе Кронебергу, известному переводчику Шекспира.

21. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», лл. 607 и об, 612).

22. С. Макашин. Салтыков-Щедрин, биография. М., 1949, т. 1, стр. 130.

23. «Отеч. записки», 1849, № 5, отд. I, стр. 68.

24. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 53).

25. «Отеч. записки», 1848, № 1, отд. V, стр. 12.

26. Там же, стр. 12.

27. Там же, стр. 7.

28. Там же, стр. 9.

29. Там же, стр. 22.

30. Там же, стр. 8.

31. Там же, стр. 28.

32. Там же, стр. 28.

33. Цитируем по предисловию к «Критическим опытам» В. Майкова. СПб., 1891, стр. 2—3.

34. Сб. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 356.

35. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 258.

36. «Отеч. записки», 1846, № 11, отд. V, стр. 8.

37. Там же, стр. 16.

38. Там же, стр. 17, 19.

39. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 59).

40. «Отеч. записки», 1848, № 2, отд. VII, стр. 19.

41. «Финский вестник», 1845, № 1, отд. IV, стр. 39.

42. «Отеч. записки», 1847, № 11, отд. V, стр. 26.
43. Огюст Конт. Курс положительной философии. СПб., 1899, т. 1, отд. 1, стр. 4.
44. «Отеч. записки», 1846, № 12, отд. V, стр. 69.
45. См. Огюст Конт. Указ. соч., стр. 21.
46. «Отеч. записки», 1846, № 11, отд. V, стр. 3.
47. Там же, стр. 3.
48. Там же, стр. 4.
49. Там же, 1846, № 5, отд. V, стр. 36.
50. Там же, стр. 20.
51. Там же, 1846, № 10, отд. VI, стр. 48.
52. Там же, стр. 54.
53. Там же, 1847, № 8, отд. V, стр. 38.
54. К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. Изд. АН СССР, 1954, стр. 10.
55. «Отеч. записки», 1847, № 9, отд. V, стр. 45.
56. Там же, 1847, № 6, отд. VIII, стр. 162.
57. Там же, 1848, № 3, отд. VIII, стр. 59, 60.
58. Там же, 1848, № 6, отд. VIII, стр. 157—158.
59. «Голос минувшего», 1913, № 4, стр. 211.
60. Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература, стр. 185.
61. «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 227.
62. «Отеч. записки», 1848, № 5, отд. VIII, стр. 73.
63. ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 149281, лл. 3 и об.
64. Там же, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1879, лл. 7, 47; оп. 27, ед. хр. 42, лл. 45 об. — 46 об.
65. Там же, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 149284.
66. Там же, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1921, лл. 3—4 об.; там же, оп. 27, ед. хр. 42, лл. 212 об. — 214 об.

Глава четвертая

1. Все эти обстоятельства затрудняют сейчас точное атрибутирование ряда статей Белинскому. См. отдел «Трибуна» в 56 т. «Литературного наследства»; «Советская книга», 1949, № 3; там же, 1950, № 1 и т. XIII. Полн. собр. соч. Белинского, изд. АН СССР.
2. См. А. Г. Цейтлин. Белинский — мастер русской критики, в сб. «Белинский историк и теоретик литературы», изд. АН СССР, 1949; Л. П. Гроссман. Поэтика Белинского, к вопросу о жанрах литературно-критических статей Белинского. Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1954, т. XXXIV, вып. 3.
3. А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. 3. М., 1954, стр. 66.
4. Там же, т. 2, стр. 145.
5. Франц Меринг. Литературно-критические работы в двух томах, 1934, т. 2, стр. 534.
6. К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, стр. 77. Этот пример приводит Ф. Меринг.
7. Эта «тайнопись» «Отеч. записок» видна во многих рассуждениях о социализме: 1844, № 2, отд. VI, стр. 64, № 9, отд. V, стр. 8 и др.
8. Л. П. Гроссман. Указ. статья, стр. 121—122.
9. Там же, стр. 126.
10. «Отеч. записки», 1843, № 6, отд. VIII, стр. 123.
11. М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература, стр. 286.
12. «Отеч. записки», 1840, № 1, отд. V, стр. 33.
13. Там же, 1842, № 6, отд. VI, стр. 29—30.
14. Там же, 1842, № 10, отд. VIII, стр. 132.
15. Там же, стр. 154.
16. Там же, № 9, отд. VIII, стр. 57.

17. Там же, стр. 54—55.
18. Там же, № 10, отд. VIII, стр. 132.
19. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 211.
20. «Отеч. записки», 1844, № 9, отд. V, стр. 7.
21. Там же, 1839, № 7, отд. V, стр. 33.
22. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Б—В», л. 504 и об.).
23. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 2, стр. 53.
24. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 309.
25. «Отеч. записки», 1844, № 4, отд. VIII, стр. 127.
26. П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб., 1909, стр. 237—238.

27. Менее яркими были фельетоны, пародии И. Панаева и В. Ф. Одоевского, хотя реальный комментарий к их выступлению дает несколько ценных штрихов для понимания поэтики других сотрудников «Отеч. записок». Панаев поместил очерки «Русский фельетонист» (1841, № 3), «Тля» (1843, № 2), выступал с № 1 1843 г. под фирмой «Нового поэта». Эта литературная мистификация была продолжена им в соавторстве с Некрасовым в «Современнике». В основном перо Панаева было направлено на Булгарина и поэтов-романтиков. В. Одоевский выступал под марками «Петра Размоткина», «Плакуна Горюнова», а потом «Доктора Пуффа». Его фельетоны и сценки посвящены также в основном пслемике с Булгариным. Его «Утро журналиста» (1839, № 12) напоминает беллетризованную подписную афишку Краевского. Все больше отходя от журнала и теряя понимание злобы дня, Одоевский в «Записках для моего праправнука о русской литературе» (1840, № 3) жалуется на современную литературу: «мы сами себя не понимаем». В «Записках для моего праправнука о литературе нашего времени и о прочем» (1842, № 2) уже обнаруживается попытка выдать превосходство своего над чужеземным, славянофильский душок, который всегда был слегка свойствен старому «любомудру» Одоевскому. Статья написана по поводу комедии г-жи Жирарден «Школа журналистов». Такое разоблачение французской журналистики не вызывало возражений и со стороны Николая I, который разрешил поставить пьесу в Петербурге, после того как она была запрещена в Париже. Известно, что редакция «Отеч. записок» вынуждена была сделать критические примечания к статье Одоевского о «Руслане и Людмиле» Глинки (1843, № 2), в которой также обнаруживался этот несколько залихватский критицизм по отношению ко всему западному и восхваление всего домашнего.

28. В. В. Стасов. Сочинения. СПб., 1894, т. 3, стр. 1681.

29. См. ГПБ. Фонд А. А. Краевского (письма Н. Мельгунова, М. Гамазова, А. Соловьева, П. П. Каменского).

30. «Алексей Слободин, семейная история в пяти частях» П. Альминского (псевдоним Пальма. — В. К.). СПб., 1873, стр. 301.

31. К сожалению, безрезультатными оказались поиски гонорарных и иных ведомостей «Отеч. записок». Все это позволило бы сделать более точные выводы о тиражах, степени распространенности журнала, составе подписчиков. Искать все эти материалы по линии Краевского теперь вряд ли целесообразно. Оба его сына умерли еще при его жизни. Плодотворнее может оказаться поиск по линии наследников историка В. А. Бильбасова, зятя Краевского, который сдал в Публичную библиотеку в 1889 г. большую часть архива Краевского. По всей вероятности, та часть архива, которая не была им сдана, поступила в его полное распоряжение. Во всяком случае, после смерти Бильбасова, в 1906 г., в Публичную библиотеку поступил его личный архив, и в нем оказалась ценная часть архива Краевского, в том числе основные издательские договоры со Свинным, Дудышкиным, Некрасовым и пр. Но гонорарных ведомостей и здесь не

оказалось. Впрочем, их мог Краевский уничтожить, так как успел прослыть «экспуататором» Белинского и др. сотрудников. Не хранятся ли некоторые материалы у живых наследников Бильбасова теперь, если таковые имеются? Части архива Бильбасова приносили в Публичную библиотеку О. Я. Фейгина в 1913 и 1915 гг. и проф. Б. Э. Нольде в 1918 г. (в архиве Нольде недавно был найден один из ценнейших списков письма Белинского к Гоголю, см. «Лит. наследство», т. 56). Надо искать документацию и по линии книгопродавца, комиссионера, управляющего с 1841 по 1844 г. конторой «Отеч. записок» Андрея Иванова.

32. Совершенно иначе понимал эту читательскую проблему А. Галахов. Он писал Краевскому в 1840 г. о том, что мнений «толпы» о романе Ф. Купера «Следопыт» не знает, но знает об успехе его в избранном обществе. «Вы не поверите, Андрей Александрович, — писал Галахов, — как еще мало у нас (говорю о Москве) истинных судей изящного. В кофейной Печкина собираются около двадцати студентов, и все почти не берут в руки «Journal des Débats» оттого, что — стыдно сказать — плохо разумеют французскую грамоту. Что же вы будете с ними делать? И мудрено ли, что такие светила просвещения с большим удовольствием читают Дюма или Занд, нежели Купера и Вальтер Скотта» (ГПБ. Фонд А. А. Краевского «Письма», переплет «Г», л. 23). Галахову и в голову не приходило, что эти же самые студенты, несомненно демократически настроенные, разночинцы по происхождению, худо знавшие французский язык, судорожно ожидали номера «Отеч. записок»...

33. ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 149395, л. 4.

34. «Голос минувшего». СПб., 1913, № 3, стр. 220.

35. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 1, ед. хр. № 9, л. 166). Уже в 1839 г. Краевский хвалился, что «Отеч. записки» завалены присланными материалами: «Целая груда стихотворений, повестей, так называемых ученых трактатов, рассказов, отрывков, путевых писем и пр. и пр. и большей части вы не видели и не увидите в «Отечественных записках» (№ 4, отд. VI, стр. 2).

36. См. любопытное, недавно опубликованное письмо одного читателя «Отеч. записок», присланное лично Белинскому — сб. «Белинский и его корреспонденты». М., 1948, стр. 287—289.

37. В. Г. Белинский. Избранные письма, т. 2, стр. 278. О своей постоянно возраставшей популярности хорошо знал и Герцен. См. его письмо Огареву от 22 апреля 1843 г. (Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 3, стр. 238); см. также в «Былом и думах», ч. IV, гл. XXIX, и запись в дневнике под 13 янв. 1845 г.

38. Сб. «Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников». М.—Л., 1929, стр. 312.

39. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 397.

40. Что касается «Г. П.», то мы дешифруем инициалы в воспоминаниях А. М. Берха как «Г<осподин> П.». Таковым является, по-видимому, зять контр-адмирала, о котором Белинский сочувственно говорит в письмах к жене из Николаева: «Вчера мы обедали у контр-адмирала Берха — что за чудесный старик! До сих пор у нас не было никого знакомых; теперь зять Берха, офицер, будет у нас часто бывать» (Письма, т. 3, стр. 145). А. М. Берх также указывает, «Г. П.» был их «родственником». Видимо, других ярких знакомств у Белинского в Николаеве не было, как это видно из приведенного письма. Пока имя и личность «Г. П.» установить не удалось. Но обратим внимание на указание С. Ашевского, что в Одессе Белинский встретился с «полковником Поповым» (сб. «Белинский в оценке его современников». СПб., 1911, стр. 316). Среди одесских знакомых Белинского Попова не было. Не спутал ли Ашевский Одессу с Николаевом, ибо Белинский приехал в Николаев именно из Одессы и у него с Щепкиным был план снова вернуться в Одессу? Кто такой Попов, мы не знаем и у Ашевского не пояснено. Фамилия же

Попова замечательно совпадает с указанием Берха о «Г. П.». Совпадает и то, что Попов — «полковник», а «родственник», как говорит Берх, был «военным», а Белинский пишет об «офицере». Письма «Г. П.» Белинскому, о которых упоминает Берх, не разысканы.

41. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература, стр. 176.

42. Дневники А. И. Артемьева хранятся в ГПБ.

43. «Отчет импер. публ. библ. за 1910 год», пункт К 1, № 11, лл. 21, 63 об., 64.

44. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «А», л. 77 об., и переплет «Г», л. 55).

45. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 1681). П. Н. Сакулин в известной монографии «Из истории русского идеализма, кн. В. Ф. Одоевский» лишь вскользь упоминает об этом письме в примечании т. 1. ч. 2, стр. 156—157, не цитируя его.

46. П. Н. Сакулин в указ. соч. приводит это письмо целиком (т. I, ч. 2, стр. 450—453).

47. А. В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1909, стр. 244.

48. См. ЛБ. Фонд 231. Раздел II, папка 3, № 12. В письме 17 сентября 1841 г. Баталин писал Погодину: «Здесь теперь живет на богомолье солнце российской поэзии Ф. Н. Глинка, пред коим все эти жалкие Пушкины, Кольцовы, Щепкины, Тряпицыны (Н. Барсуков «М. П. Погодин», кн. 6, стр. 82) иже с братиею меньше, нежели тень пред светом, а просто выгорки. В письме 25 февраля 1843 г. Баталин злорадствует по поводу той «бури», которую готовит отец покойного Кольцова редакция «Отеч. записок», обещавшей читателям издать все сочинения Кольцова.

49. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 155.

50. ЛБ. Фонд 178, папка 3099, № 54. См. также указания читателя «Отеч. записок», некоего И. Г-ва из Москвы о плагиатах в «Экономе», издававшемся Булгариным, и в «Воскресных посиделках» — псевдонимном издании Фишера («Отеч. зап.», 1844, № 12, отд. VIII, стр. 94—103).

51. «Отеч. записки», 1842, № 6, отд. VI, стр. 47—48. Малодушничали иногда и люди «с весом». Ф. Глинка просил в 1839 г. заступиться за его книжку «Очерки Бородинского сражения». Занескивал В. Бурнашев, прося лестного отзыва о своих книгах, обещая «безвозмездно» участвовать в «Отеч. записках»... Некто А. Лузиков из Архангельска упрашивал не ругать его за стихи, помещенные в «Архангельском историческом и литературном сборнике». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплеты «Г», л. 165, «Б—В», лл. 406 и об., «Л—М», лл. 137—138 и об.). Иронический отзыв появился («Отеч. зап.», 1844, № 11, отд. VI, стр. 41—44). Лузиков, видимо, укрылся под литерами N.N., остальные авторы названы.

52. В. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 14—15.

53. Интересные наблюдения появились лишь в последнее время. См. статьи: М. П. Алексеева «Белинский и славянский литератор Я.—П. Иордан (К вопросу об известности Белинского на Западе и у славян в 40-е годы XIX века)»; А. Дубовикова «Новое о статье Белинского «Парижские тайны», по материалам зарубежной печати 1840-х годов»; Л. Ланского «Отзывы о Белинском в «La Revue Indépendante». Имеются отдельные интересные штрихи в работе К. Богаевской, посвященной «Письму Белинского к Гоголю» («Литературное наследство», т. 56).

54. Буржуазные отношения легко завладевали журнальной сферой и в России. В 30-е годы спорили о «словесности» и «коммерции». Белинский доказал, что возможность жить литературным трудом, заработком — прогрессивное дело. Полевой существовал журналом. В то же время процветала эксплуатация: Сенковский наживался на «Библиотеке для чтения», Краевский становился миллионщиком, «Коломбом журнальной антрепризы». Журналы завещаются, перепродаются («уступаются»); все это «по-русски», в уродливых формах: царь не разрешал новых жур-

налов. Владиславлев арендует «Литературные прибавления» у Воейкова, перепродает их Плюшару, тот уступает Краевскому. Краевский арендует «Отечественные записки» у Свинына, на паях. Плетнев сдает в аренду Некрасову и Панаеву «Современник». Начинается стремление к монополии: Смирдин издает «Сын отечества», «Библиотеку для чтения», образуется «триумvirат» (Греч, Булгарин, Сенковский). К монополии стремится Краевский: издает «Литературные прибавления», «Отечественные записки», редактирует «Русский инвалид» и пытается в 1841 г. завладеть «Сыном отечества» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 280283, лл. 83 об. — 84).

55. «Отеч. записки», 1842, № 1, отд. VII, стр. 10, 11.

56. См. В. М. Строев. Париж в 1838 и 1839 годах СПб., 1842, ч. 2, стр. 67.

57. «Отеч. записки», 1845, № 7, отд. VII, стр. 1.

58. Там же, 1842, № 1, отд. VII, стр. 3.

59. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 20.

60. Там же, стр. 17.

61. Там же, т. I, стр. 108.

62. «Отеч. записки», 1843, № 4, отд. VII, стр. 35.

63. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 1, стр. 379—381.

64. А. И. Герцен. Собр. соч., т. 2, стр. 224.

65. «Отеч. записки», 1840, № 9, отд. VII, стр. 22.

66. «Отеч. записки», 1841, № 10, отд. VII, стр. 85.

Характерный курьез произошел в 1842 г. с «Московскими ведомостями». «Отеч. записки» сообщили: «В 54 № «Московских ведомостей» нынешнего года помещена статья «Китайские нравы», переведенная из французского журнала «Cabinet de Lecture». Мы взглянули на эту статью, и каково было наше удивление, когда с первых строк ее узнали в ней одну из статей нашего почтенного Дэ-Мина (псевдоним. — В. К.), помещающихся в нашем журнале еще с прошлого года! Не удивляемся, что полные интереса и достоверности статьи Дэ-Мина переводятся из «Отеч. записок» в иностранные журналы, но признаемся мы были несколько удивлены рассеянности «Московских ведомостей» <...> (№ 8, отд. VIII, стр. 99).

67. «Отеч. записки», 1842, № 7, отд. VIII, стр. 56.

68. Желая парализовать влияние привлекательных западных идей, правительство Николая I разрешило книгопродавцу Бернару издавать полуофициоз «Messager de St. Petersburg» и придворному преподавателю английского языка С. Варранду — аналогичный журнал на английском языке. Самодержавие было озабочено мнениями о России за границей. К 1834—1835 гг. относится проект служащего русской миссии в Париже кн. Е. Мещерского учредить в самом «вертеле ложного просвещения» специальный русский журнал «Organ des deux Mondes» для «правильной» информации о России. Этот факт, кажется, еще никем не отмечался. В замыслах Мещерского немалую роль играл Краевский, как свидетельствует сохранившаяся в его архиве переписка с Мещерским. Впрочем, Краевский высказал в письме к Мещерскому от 24 ноября (6 декабря) 1834 г. сомнения в успехе предприятия: «Для француза не существует порядок общественный без камер, без конституций, без tiers état. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Л—М», л. 497). Лишь позднее, в 1841 г., в более спокойном Берлине царскому правительству, на специальные субсидии, удалось учредить журнал «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland» под редакцией берлинского ученого А. Эрмана. За влияние на этот журнал тогда же началась борьба между русскими партиями. Краевский писал Каткову в Берлин 11 марта 1841 г.: «В русских газетах напечатано известие, что наше министерство финансов будет издавать в Берлине, на немецком языке, журнал, которого назначение знакомить Европу с Россией. Носятся слухи, что будто Греч будет заправлять этим. Хорошо же представлена будет там

наша литература! Все благонамеренные русские, живущие в Германии, должны будут поправлять ошибки его» («Литературное наследство», т. 56, стр. 153). В свою очередь «Сын отечества» возмущался тем, что Фарнгаген фон-Энзе печатал в журнале Эрмана свои статьи о современной русской литературе «к сожалению по понятиям, какие дают о наших писателях «Отечественные записки» (1842, № 5 отд. VII, стр. 43). «Отеч. записки» сожалели, что журнал Эрмана следует за мнениями «Москвитянина» в своих суждениях о поэзии Лермонтова (1843, № 4, отд. VII, стр. 56).

69. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 347, лл. 4 об. — 5).

70. ЛБ. Фонд 178, папка 5185, № 24/3. См. публикацию М. Полякова в 63 т. «Литературного наследства».

71. «Отеч. записки», 1843, № 10, отд. VII, стр. 53.

72. Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского государственного университета им. Мицкявичуса-Капсукаса. Оригинал на французском языке. Опубликовано нами в статье «Автографы русских писателей». Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та, 1954, № 1.

73. ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 758, лл. 30 об., 31, 32 об., 35 и об.).

74. «Сын отечества», 1842, № 5, отд. VII, стр. 43.

75. См. «Литературное наследство», т. 56, стр. 472.

76. «Отеч. записки», 1843, № 10, отд. VII, стр. 53.

77. Там же, № 8, отд. VII, стр. 24.

78. «La Revue Indépendante», 1843, Livr. 25 Mai p. 230.

79. Более объективная информация о русской литературе, также о Белинском и Герцене в «Независимом обозрении» была в 1847 г. Эти информации, возможно, писал И. С. Тургенев, бывший приятелем издателя Л. Виардо. См. Л. Ланский. «Отзывы о Белинском в «La Revue Indépendante» («Литературное наследство», т. 56).

80. «Отеч. записки», 1841, № 7, отд. VII, стр. 28.

81. О Дубровском см. также в статье Мариана Якубец в сб. «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1958, стр. 135—136.

82. «Jutrzenka», 1843, стр. 73.

83. См. А. Ивашенко. Белинский о французском социально-утопическом романе (сб. «Белинский историк и теоретик литературы», изд. АН СССР, 1949); кандидатская диссертация В. Г. Титовой «Белинский о французской литературе». М., 1951 (ЛБ).

84. См. «Литературное наследство», т. 56.

85. См. А. И. Герцен. Собр. соч., т. 2, стр. 379.

86. См. письмо М. А. Дондукова-Корсакова В. Одоевскому 3 мая 1841 г., ГПБ. Фонд В. Ф. Одоевского (оп. 2, № 489).

87. Цитирую по указанной статье А. Н. Дубовикова, стр. 482.

88. А. Н. Дубовиков. Указ. статья, стр. 476.

89. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 117—118.

90. М. П. Алексеев. «Белинский и славянский литератор Я.—П. Иордан». Литературное наследство, т. 56.

91. Сам Иордан считал, что его журнал был запрещен в России после того, как в нем был напечатан отрывок о Пушкине из парижских лекций А. Мицкевича (см. указанную статью М. П. Алексеева, стр. 450, и сноску на «Летописи», 1845, № 3, стр. 119). Но в сохранившемся цензурном деле говорится, что журнал Иордана (тетрадь первая, в которой помещена речь Мицкевича) дозволяется к обращению в России лишь с исключением «предосудительных» с точки зрения цензуры мест на указанных при этом страницах: 46, 48, 50 и 51 и 70, 71 (ЦИАЛ, ф. 772, № 148716).

92. Указ. статья М. П. Алексеева, стр. 451.

93. Там же, стр. 452.

94. Указ. статья М. П. Алексеева, стр. 460—461.

ПРИЛОЖЕНИЯ

а) Указатель псевдонимов и криптонимов, встречающихся в «Отечественных записках» 1839—1849 годов

А.—В. П. В. Анненков
А. М-в. Ап. Ник. Майков
А. Н. Нестроев, Н+, П. Н. Кудрявцев
А. Ф. А. А. Фет
Безгласный — кн. В. Ф. Одоевский
В. Б-н. В. Б-тк-н. В. П. Боткин
— ва — К. К. Павлова
гр-ня Е. Р-на. гр. Е. П. Ростопчина
Говорилин. А. Я. Кульчицкий
К. А. — в. — К. С. Аксаков
К. В. О. кн. В. Ф. Одоевский
К. Лип. рт. К. Л. Карл Липперт
Л. Ливенский, Н. Л-ский, Н. А. Мельгунов
Л. П. Лев Серг. Пушкин
М. Г-в, М. Г-м-з-в. М. А. Гамазов
М. Ж-к-ва. Марина Жукова
М. П. Н. Меньшиков
Н. М. М. Д. Мизко
Н. М-т. Ник. Мундт
Н. Не-в. Н. А. Некрасов
Н. Н. Н. И. Надеждин
Новый поэт. И. И. Панаев
Плакун Горемыкин, Плакун Горюнов кн. В. Ф. Одоевский
Русский помещик. А. П. Заблоцкий-Десятовский
Сергей Нейтральный. С. Победоносцев
С. Размоткин. кн. В. Ф. Одоевский
С. И. М. Снегирев
С. И. И. Срезневский
Сто-один. А. Д. Галахов
Т. Л. И. С. Тургенев
Т. Ч. А. Я. Марченко
Ясновидашая. гр. Е. П. Ростопчина
— О — И. П. Ключников

б) Список анонимных статей, рецензий и переводов, появившихся в «Отечественных записках» в 1839—1849 годы, авторов которых удалось установить *

1839

1) Т. I, № 1, отд. Критика.

Статья: «Фауст», соч. Гете, перевод Эд. Губера.

Автор: И. К. Гебгардт.

См. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 128.

2) Там же, отд. Библ. хроника.

Статья компилятивная: «Русская литература в 1838 году». В ней вводные страницы 1—9 (а может быть, до 22 страницы) и конец: 59—60 страницы, написаны Н. И. Надеждиным. См. стр. 65 и примечание 71 к первой главе настоящей работы.

3) Там же, отдел Библ. хроника.

Статья: «Французская литература в 1838 году».

Автор: И. И. Панаев.

См. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 127.

4) Т. II, № 2, отд. Критика.

Статья: «Басурман», соч. И. Лажечникова.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 22 сентября 1839 г.: «Статья о правописании Лажечникова во 2 № «Сына отечества» 1839 г. — моя. Сущность ее такова же, что и в мнении, изложенном в критике о «Басурмане». Только г. Полевой (редактор «Сына отеч.» — В. К.) сделал с ней противное тому, что вы сделали с моей критической статьей: вы прилили меду, а он подбавил горчицы». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 28).

5) Т. III, № 4, отд. Библ. хроника.

* В настоящей список вошли только впервые нами устанавливаемые авторы и те авторы, на которых есть указания, затерянные в письмах и мемуарах. Статьи и рецензии таких сотрудников «Отеч. записок», как Белинский, Герцен, Тургенев, Салтыков, Некрасов, в список не вошли; их читатель найдет в соответствующих собраниях сочинений этих писателей. Обстоятельный материал, касающийся атрибуции новонайденных статей и рецензий Белинского, читатель найдет в XII, XIII томах Полн. собр. соч. критика под ред. В. С. Спиридонова, в 55—57 томах «Литературного наследства» и в соответствующих томах Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. АН СССР, и особенно в XIII томе этого издания. Список статей и рецензий В. Н. Майкова опубликован в издании его «Критических опытов» (СПб., 1891); список статей и рецензий М. Н. Каткова опубликован А. Д. Галаховым в его статье «Воспоминания о журнальном сотрудничестве М. Н. Каткова в 1839 и 1840 годах» («Историч. вестник», 1888, т. XXXI, № 1, стр. 111—112). См. также списки сочинений и статей К. Д. Кавелина (Собр. соч., т. IV. СПб., 1900, стр. 1325—1336), С. М. Соловьева (Соч. СПб., 1882, стр. 529—536). В подавляющей массе случаев авторство нами раскрывается впервые по материалам архива А. А. Краевского. В список не вошли статьи, подписанные псевдонимами и криптонимами, относительно которых читатель легко сможет свериться в приложенном выше особом указателе. Можно надеяться, что список статей и рецензий анонимных авторов, имена которых удалось расшифровать, облегчит работу над «Отеч. записками» всем тем читателям и исследователям, которые будут обращаться к журналу. В целях наиболее удобной ориентировки, мы даем в хронологической последовательности год, том и номер журнала, а затем название статьи или рецензии, и после этого фамилию автора и документальное обоснование атрибуции.

Рецензии: «Новогодник», изд. Н. В. Кукольников. «Одесский Альманах на 1839 год», стр. 1—21.

Автор: А. А. Краевский.

См. рецензию: это видно из прямых рассуждений автора, как редактора «Отеч. записок» и «Литерат. прибавл. к «Русскому инвалиду», с характерными именно для Краевского в это время похвалами Бенедиктову и Марлинскому.

6) Т. V, № 8, 9, отд. Художества.

Статья: «Новейшая Германская живопись. Художественные выставки во Франкфурте-на-Майне в 1836 и 1837 годах», статья Карове.

Автор перевода: М. Н. Катков.

См. письмо М. Н. Каткова Краевскому 7 июля 1839 г.: «15 или 16 вы получите окончание статьи Карове...». См. также его письмо 16 августа 1839 г. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», лл. 512 и 514 об.).

7) Т. VI, № 9, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Стихотворения Алексея Леонова», стр. 131.

Автор перевода: М. Н. Катков.

См. письмо А. А. Краевского И. Панаеву 10 октября 1839 г., напеч. в «Литературных воспоминаниях» И. Панаева, стр. 190 и примеч. 226 на стр. 399.

8) Т. VI, № 10, отд. Наука.

Статья: «Исторические воспоминания путешественника. Версаль».

Автор: М. С. Куторга.

См. письмо М. С. Куторги Краевскому 6/д.— ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 779).

9) Там же отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Прожектор», стр. 35—37. «Лексикон городского и сельского хозяйства», стр. 55. «Таблица о ценности российской и иностранной монеты», стр. 57. «О болезненных влияниях в Германии», стр. 63*. «Галерея умных животных», стр. 80—86.

Автор: А. Д. Галахов.

См. перечень рецензий, написанных Галаховым для «Отеч. записок», который приведен им в статье «Мое сотрудничество в журналах» («Историч. вестник», 1886, № 11, стр. 317, примечание).

10) Там же, отд. Библ. хроника, стр. 1—15.

Рецензия: «Бородинская годовщина».

Автор: М. Н. Катков.

См. там же, перечень рецензий М. Н. Каткова.

11) Т. VI, № 11. Отд. Библ. хроника.

Рецензии: «История жизни», соч. Вашингтона Ирвинга, стр. 155—157, «Borodino — Moscou», стр. 199—200.

Автор: М. Н. Катков.

См. там же, перечень рецензий М. Н. Каткова.

12) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Новые повести» Н. Ф. Павлова, стр. 105—112. «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году» Фаддея Булгарина, стр. 184—189. «Aux Calomnieux de la Russie, par Alexandre Tsourikoff, d' apres Poushchine», стр. 196**.

Автор: А. А. Краевский.

* В статье «Воспоминания о журнальном сотрудничестве М. Н. Каткова в 1839 и 1840 годах» А. Д. Галахов приписал эту рецензию Каткову (Исторический вестник, 1888, № 1). Оказываем предпочтение более раннему свидетельству самого Галахова.

** В статье «Мое сотрудничество в журналах» А. Д. Галахов приписал эту рецензию себе (Исторический вестник, 1886, № 11, стр. 317, примеч.). Возможно, здесь было сотрудничество Краевского с Галаховым.

См. письмо В. Г. Белинского В. П. Боткину 22 ноября 1839 г.: «Живую энергическую статейку о Щурикове писал он, о Булгарине тож (№ 11 «Отечественных записок»), но и о повестях Н. Ф. Павлова писал все он же, все Краевский же» (В. Г. Белинский. Избр. письма, М., 1955, т. 1, стр. 277).

1840

13) Т. VIII, № 1, отд. Смесь.

Заметка: «Некрология протопресвитера Иакова Никольского», стр. 4—6. Подпись: С.

Автор: И. М. Снегирев.

См. письмо И. М. Снегирева Краевскому 14 дек. 1839 г.: «Представляю для помещения в вашем прекрасном журнале написанную мною некрологию почтеннейшего пастыря, достойного памяти. Надеюсь, что вы не откажете ей в местечке» (ГПБ, там же, переплет «Р—С», л. 351).

14) Т. XI, № 7, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Необходимые средства для поправления и улучшения домоводства», стр. 22.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 22 сентября 1840 г., в котором он перечисляет написанные им и П. Н. Кудрявцевым рецензии. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г» л. 21 об.).

15) Т.т. XI, XII, № 8, 9, отд. Словесность.

Роман Ф. Купера «Путеводитель в пустыне или озеро-море».

Авторы перевода И. И. Панаев, М. Н. Катков и М. А. Языков.

См. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 235 и прим. 289 на стр. 412.

16) Т. XI, № 8, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Воспоминания о Наполеоне» Арно и др., стр. 44—45.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. там же.

17) Т. XII, № 9, отд. Науки и художества.

Статья: «Обзор главнейших мнений о Шекспире, высказанных европейскими писателями в XVIII-м и XIX-м столетиях».

Автор: А. И. Кронеберг.

См. письмо В. Г. Белинского В. П. Боткину 5 сентября 1840 г. (Избр. письма, М., 1955, т. 2, стр. 100).

18) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Генерал Каломерос», соч. А. Вельтмана, стр. 1—3*. «Чтения о русском языке Николая Греча», стр. 7—29.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 6 августа 1840 года, в котором он извиняется за замедление со статьей о «Каломеросе» и просит поместить ее в № 8. Но Галахов, видимо, опоздал с этой статьей, и она была помещена Краевским в № 9 (дата цензурного разрешения № 9 — 14 августа 1840 года).

Мы полагаем, что в письме Галахова речь идет именно об этой статье, которая появилась в № 9, так как сам автор предназначал ее для журнала, что же касается статьи о «Каломеросе», появившейся в «Литературной газете» 2 октября 1840 года, то она принадлежит другому автору, возможно П. Н. Кудрявцеву. Затем Галахов в том же письме говорит: «Что касается до Греча, то это будет четвертая большая статья моя о его грамматике». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 20 и об.). П. Н. Сакулин приписывает последнюю рецензию В. Ф. Одо-

* Рецензию на «Генерала Каломероса» А. Вельтмана традиционно приписывают В. Г. Белинскому (см. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. IV, стр. 304—308 и примеч. на стр. 637), что является ошибочным.

евскому, не приводя никаких доказательств («Из истории русского идеализма», т. 1, ч. 2, стр. 321, прим. 2, стр. 389 и 398). Возможно, здесь как и в других случаях, имело место некоторое сотрудничество редактора Одоевского.

19) Т. XII, № 10, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Ветка», соч. Иеремии Галки, стр. 54—55. «Леонид или ночная баллада», соч. И. Н-ва, стр. 55—56. «Писатель. Повесть в стихах», соч. Н. Н. Федорова, стр. 56. «Карманный песенник», изд. А. А.-вым, стр. 56. «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии», стр. 63—67. «Путевые записки о Троицкой лавре», стр. 67. «Гадательная книжка», стр. 76. «De chori Sapientia», стр. 79.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 22 сентября 1840 г.: «Начинаю с вновь вышедших книг, о которых отчеты, по желанию вашему, получите к 1-му октября. Сегодня Кудрявцев взял уже свою долю». И затем Галахов перечисляет книги, которые взял Кудрявцев для рецензирования — названия их, мы, выверив по рецензиям «Отечественных записок», привели выше (ГПБ, там же, переплет «Г», лл. 21 и об.).

20) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Картина России», соч. П. П. Свинына, стр. 58—63.

Автор: А. А. Краевский.

См. рецензию: общий тон и слова: «Мы живо помним часы, проведенные нами в беседах с покойным П. П. Свиныным» (стр. 63). Так мог писать только преемник Свинына на редакторском поприще «Отеч. записок» Краевский, желавший теплой фразой смягчить в обществе неприятное впечатление от его тяжбы в это время с вдовой Свинына из-за арендных денег.

21) Там же.

Рецензии: «Престарелая кокетка». Комедия Москвилло-Головача, стр. 56—57. «Карманная книжка русского барина охотника», стр. 75. «Речи Московского университета», стр. 67—68. «Руководство к приготовлению яри-медянки», стр. 75—76. «Полные анекдоты придворного шута Балакирева», стр. 76. «Краткая география для детей» по руководству Гейма, стр. 78.

Автор: А. Д. Галахов.

См. выше, № 9.

22) Т. XIII, № 11, отд. Науки и искусства.

Статья: «Четыре новые драмы, приписываемые Шекспиру». Автор Ретшер Г-Т.

Автор перевода: В. П. Боткин.

См. письмо В. Г. Белинского Боткину 12 августа 1842 г. (Избр. письма, т. 2, стр. 91).

23) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Физиология А. Филомафитского», стр. 21—25. «Новый кратчайший и легчайший табличный способ вычислять квадратные таблицы», стр. 28—29.

Автор: А. Д. Галахов.

См. выше, № 9.

24) Т. XIII, № 12, отд. Словесность.

Повесть: «Мейстер Фло» Гофмана.

Автор перевода: Н. Х. Кетчер.

См. письмо В. Г. Белинского Кетчеру 16 августа 1840 г. (Избр. письма, т. 2, стр. 91).

1841

25) Т. XIV, № 2, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «О значении имени руссов и славян», соч. Ф. Морошкина, стр. 58—64.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо П. Н. Кудрявцева Белинскому 17 июля 1841 г. (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 144 и прим. 13 на стр. 149—150).

26) Т. XV, № 3, 4, отд. Словесность.

Роман Л. Тика «Виттория Аккарамбона».

Автор перевода: И. И. Панаев.

См. письмо М. Н. Каткова И. И. Панаеву 10 февр. 1841 г. из Берлина: «На перевод «Аккарамбоны» даю мое родительское благословение», — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д-К», л. 520).

27) Т. XV, № 4, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Малолеток», соч. А. Орлова, стр. 39—40.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 августа 1841 г. (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 29 об.).

28) Т. XVI, № 5, отд. Библ. хроника.

Статья: «Германская литература».

Автор М. Н. Катков.

В № 3 того же 1841 г. появилась статья «Германская литература» без подписи, но в примечании Краевский оговаривал, что автор ее — Катков. Авторство Каткова подтверждается и его письмом Краевскому 3/15 янв. 1841 г. из Берлина: «Посылаю вам статью о немецкой литературе. Не совсем допеклась, ну да что делать?» В письме 7/19 февр. того же года Катков извинялся, что в посланной статье «обругал» Мишле, который неуважительно отзывался о русских и славянах вообще (ГПБ, там же, переплет «Д-К», лл. 517 об. — 518). Именно в статье, появившейся в № 3, имеется упоминание о Мишле, хотя, видимо, и смягченное Краевским. Статья, появившаяся в № 5 начинается со ссылки на статью Каткова, напечатанную в № 3, продолжением которой она является. Здесь предыдущая статья как бы дополнялась. Кроме того, появившаяся в № 6 статья о германской литературе, также принадлежащая Каткову, как это доказывается ниже (см. № 30), начинается словами: «В дополнение к последней статье нашей о германской литературе...» и проч., т. е. имеется в виду статья в № 5. Таким образом автором всех трех статей (№ 3, 5 и 6) является Катков.

29) Т.т. XVI, XVII, № 6, 7, отд. Науки и художества.

Статья: «Альбигойцы и Крестовые походы против них в XIII столетии» (перевел с франц. яз. А. Шумилов).

Автор-компилятор: В. И. Красов или В. П. Боткин.

См. письмо В. И. Красова Белинскому 5 декабря 1840 г. (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 119 и примеч. 3 на стр. 123).

30) Т. XVI, № 6, отд. Библ. хроника.

Статья: «Германская литература».

Автор: М. Н. Катков.

См. письмо Каткова Краевскому 1 мая (19 апреля) 1841 г. из Берлина: «Недели через две я пришло вам еще статью о немецкой литературе и богатую смесь»: ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д-К», л. 528).

31) Т. XVI, № 7, отд. Библ. хроника.

Статья: «Библиографические и журнальные известия», стр. 27—30.

Автор: А. А. Краевский.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 июля 1841 г.: «Ответ ваш «Москвитянину» будет для него порядочной пощечиной» (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 29 об.).

32) Т. XVII, № 8, отд. Смесь.

Статья: «Речь Виктора Гюго при вступлении во французскую Академию», стр. 13—22.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 июля 1841 г.: «Много вам благодарен за <...> помещение статьи о Гюго в 8-й книжке» (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 29 об.).

3) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Шекспир», перевод Н. Кетчера, ч. 1, стр. 47—49. «Стихотворения Таисии Соколовой», стр. 56—57. «Досуги уединения», В. А., стр. 57—58. «Русская повесть в стихах», соч. Я. А., стр. 58. «Москва и окрестности», стр. 58—59. «Кондрашка Булавин-бунтовщик», стр. 59. «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях», соч. С. Баршева, стр. 61—62. «Бриллиант и роза», мистерия с немецкого языка, стр. 77.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 июля 1841 г. с перечнем рецензий, порученных Кудрявцеву (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 29).

34) Там же.

Рецензии: «Отчет комитета для разбора и призрения просящих милостыни» за 1840 г., стр. 54—55. «Княжна Хиббиба», повесть в стихах А. Фукс, стр. 55—56. «Практическое упражнение в бухгалтерии», т. 2, стр. 63—64. «Лекция о метеорологии», Л. Ф. Кемтуа, т. 2, стр. 64—71. «Руководство к анатомии человеческого тела», ч. 2, И. Х. Розенмюллера, стр. 71. «Учение о глазных болезнях», ч. 2, Юнкевича, стр. 71. «Карманная книжка весеннего и летнего лечения», Ф. Дитриха, стр. 72—73. «Систематическое руководство к межеванию земель», стр. 73—74. «Способ предохранять и лечить рогатый скот от чумы», соч. И. Гайваруса, стр. 74—75. «Руководство к воспитанию», Д. И. Оболенского, стр. 76—77. «Живописец без кисти и без красок», стр. 77. «Балакирева полное собрание анекдотов», изд. 3, стр. 77.

Автор: А. Д. Галахов.

См. указ. выше письмо А. Д. Галахова Краевскому, 10 июля 1841 г., с перечнем рецензий, взятых им на себя.

35) Т. XVIII, № 9, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Необыкновенный маскарад на новый год», соч. В. Мирославского, стр. 16. «Древние и нынешние болгары», т. 2, соч. Ю. Венелина, стр. 19.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. указ. выше письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 июля 1841 г.

36) Т. XVIII, № 10, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Юридические записки», ч. 1, изд. П. Редкина, стр. 43—46.

Автор: А. Д. Галахов.

См. указ. выше письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 июля 1841 г.

37) Т.т. XVIII, XIX, № 10, 11, отд. Словесность.

Роман: «Оливер Твист» Ч. Диккенса.

Автор перевода: Н. Х. Кетчер.

См. В. Г. Белинский. Избр. письма, т. 2, стр. 92.

38) Т. XVIII, № 10, отд. Библ. хроника.

Заметка: «Журнальные известия», стр. 53—67.

Автор: А. А. Краевский.

См. заметку: общий тон, прямой разговор от лица редактора, изложение опубликованной перед этим за подписью Краевского официальной программы «Отеч. записок», разговор о тиражах, похвалы зав. конторой «Отеч. зап.» Андрею Иванову, характерные именно для Краевского в подписных афишках, мелочные ирепрезентательства с Булгариным и проч.

39) Т. XIX, № 11, отд. Библ. хроника.

Заметка: «Библиографические журнальные известия», стр. 24—29.

Автор: А. А. Краевский.

См. заметку: общий тон, разговор от лица редактора «Отеч. записок» о необходимости собирания и публикации оставшихся после смерти Лермонтова произведений, с прямым указанием, что Лермонтов писал в ре-

дакцию «Отеч. записок» с дороги на Кавказ в 1841 г. (см. стр. 40 настоящей книги).

1842

40) Т. XX, № 1, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Шекспир», перевод Н. Кетчера, вып. 5, ч. 2, Генрих V», стр. 5—6. «Очерки жизни московского архиепископа Августина, стр. 11—13. «О приисках каменного угля и серного колчедана в Калужской губернии», соч. К. Шлиппе, стр. 17. «Юридическая библиотека», тетр. 5, стр. 17—18. «Руководство к архитектуре», ч. IV, стр. 18. «Стихи, произнесенные на торжественном акте», стр. 30. «Сто двадцать сказок и басен», стр. 30—31. «Панорама Москвы», стр. 31. «Степан Разин», стр. 32. «Гран-Пасьянс для детей», стр. 32. «Русская азбука, какой еще не бывало», стр. 32—33. «Волшебные сказки», изд. 2, стр. 33.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо П. Н. Кудрявцева Краевскому 15 декабря 1841 г.: «Вся библиография (города Москвы) в текущем месяце принадлежит А. Д. Галахову». — ГПБ. фонд А. А. Краевского. («Письма», переплет «Д—К», л. 749). Именно в № 1. «Отеч. записок» за 1842 г. (ценз. раз. 30 дек. 1841 г.) была помещена библиография за декабрь месяц 1841 г.

41) Т. XX, № 2, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «История древней философии», соч. Карла Зодергольма, стр. 4—7.

Автор: В. П. Боткин.

См. письмо В. П. Боткина Краевскому <9 февраля 1842>: «Посылаю рецензию книги Зодергольма» (Отчет импер. публ. библ. за 1889 г., приложение, стр. 37). Все сказанное Боткиным в письме о книге Зодергольма совпадает с тем, что о ней говорится в рецензии.

42) Т. XXI, № 4, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Шекспир» в переводе Н. Х. Кетчера, части 2 и 3 «Генрих VI», стр. 32—35.

Автор: В. П. Боткин.

См. письмо В. П. Боткина Краевскому 16 марта и <март> 1842 г.: «Я послал к вам в библиографию о 2-й и 3-й частях Генриха VI» (Отчет импер. публ. библ. за 1889 г., приложение, стр. 46, 47—48).

43) Т. XXIII, № 8, отд. Библ. хроника.

Некролог Зенеиды Р-вой (Е. А. Ган), стр. 62—64.

Автор: К. А. Фадеева, сестра писательницы.

См. письмо К. А. Фадеевой Краевскому 13 июля 1842 г. из Одессы. Некролог представляет собой слегка литературно обработанное письмо. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского. («Письма», переплет «Т—Ф», лл. 244—245).

44) Т. XXV, № 11, отд. Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще, стр. 1—8.

Статья: «Замечания на статью г. Хомякова: «О сельских условиях», помещенную в № 6 «Москвитянина» за 1842 год». Подпись: «Русский помещик».

Автор: А. П. Заблоцкий-Десятовский.

См. письмо В. П. Боткина Краевскому 24 декабря 1842 г. из Москвы: «Статья Заблоцкого здесь произвела действие. Славяне ругают ее с остервенением и с пеною у рта; люди простые находят ее превосходною. Гравновский выдержал за неё у Свербеева самый резкий спор. Герцен не нахвалится ею» (Отчет импер. публ. библ. за 1889 г., приложение, стр. 53). Несомненно, речь идет об указанной статье в «Отеч. записках», направленной против Хомякова и вызвавшей бурную реакцию в стане московских «славян». Статья существенно совпадает в мотивах с известной статьей Заблоцкого «О причинах колебания цен на хлеб в России», появившейся в 1847 г. в «Современнике».

45) Т. XXVII, № 4, отд. Критика.

Статья: «Голос из провинции о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Подпись: Н. М.

Автор: Н. Мизко.

См. письмо Н. Мизко Краевскому 17 янв. 1856 г.: «В 1843 году напечатана была в «Отечественных записках», присланная тогда мною статья моя «Голос из провинции о поэме Гоголя...». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Л—М», л. 509).

46) Там же, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: В. П. Боткин.

См. Отчет импер. публ. библ. за 1889 г., приложение, стр. 63, 64—65.

47) Т. XXXI, № 12, отд. Библ. хроника.

Рецензия на книгу В. Бурнашева «Опыт терминологического словаря» стр. 44—46.

Автор: В. Бурнашев.

См. письма В. Бурнашева Краевскому 10 сент. 1843 г., в котором он извещает, что посылает статейку о своей брошюре, и 4 декабря 1843 г., в котором благодарит за помещение отзыва в 12 номере «Отеч. записок» — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Б—В», лл. 405, 406).

1844

48) Т. XXXIII, № 3, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 1 февраля 1844 г., в котором автор просит сделать цензурные изменения в своей статье и говорит об упомянутых им в статье «Путешествии в Ирландию» Коля, альманахе Раумера и Пруца (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 201 и об.).

49) Т. XXXIII, № 4, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 29 февр. 1844 г.: «В прилагаемой здесь статье представлен разбор нескольких романтиков, которые показали мне интересными, и книги «Hexelprocesse», о которой с великою похвалою говорят немецкие журналы» (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 200). Именно в указанной статье говорится о «романтике» Шамиссо, делается разбор его произведения «Петр Шлемиль» и упоминается книга «История дел о колдуньях», соч. В. Г. Зольдана.

50) Т. XXXV, № 7, отд. Словесность.

«Сцены уездной жизни (полюбовное межевание)». Подпись: Н+

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо П. Н. Кудрявцева Краевскому 11 марта 1844 г., в котором автор советуется с Краевским по поводу доработки этой повести, руководствуясь ранее полученными его замечаниями (ГПБ, там же, переплет «Д—К», лл. 745—746).

51) Т. XXXV, № 7, 8, отд. Критика.

Статья: «Описание всех каналов, прокопанных или только проектированных когда-либо в Российской империи в историческом, статистическом и техническом отношениях, составленное по самым полным и достоверным источникам И. Х. Штукенбергом».

Автор: А. А. Краевский.

См. письмо А. А. Краевского Белинскому 16 июля 1843 г. (В. Г. Белинский и его корреспонденты, стр. 97 и прим. 2 на стр. 106).

52) Т. XXXV, № 7, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 13 июня 1844 г.: «Статью о германской литературе я начинаю уже готовить...». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 184 об.). В ближайших 8 и 9 номерах статей о германской литературе не было.

53) Т. XXXVI, № 9, отд. Критика.

Статья: «Несколько слов о новой статье автора «Замечания об осаде Троицкой Лавры».

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 13 окт. 1844 г.: «Д. П. Голохвастов (автор статьи «Замечания об осаде Троицкой Лавры 1608—1610 годов». — В. К.) благодарен за статью Кудрявцева. Он был от нее в восторге (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 40). Возможно, Кудрявцев является и автором отзыва на статью Голохвастова, появившуюся впервые в «Москвитянине» и отдельным изданием в 1842 г. (см. отзыв в «Отеч. записках» 1842, № 11, отд. Библ. хр., стр. 14—17).

54) Т. XXXVI, XXXVII, № 9, 10, 11, 1845; т. XXXVIII, № 1, отд. Науки и искусства.

Статьи: «Реформация» (перевод и пересказ книги Л. Ранке «Реформация в Германии», изд. 1838).

Автор перевода: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 13 июня 1844 г., в котором он говорит о возможных цензурных затруднениях со второй статьей о Реформации, непосредственно описывающей крестьянскую войну под руководством Томаса Мюнцера. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 183 и об.).

55) Т. XXXVI, № 10, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Гаммы», соч. Я. П. Полонского, стр. 37—45. «Детская энциклопедическая панорама», стр. 73.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 6/д. (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 35).

56) Т. XXXVII, № 11, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Стихотворения Н. М. Языкова», стр. 4—14. «Вера есть лучший спутник человека», стр. 34. «Утро после бала Фамусова, или все старые знакомцы» (комедия-шутка), стр. 44. «Жена и дочь», стр. 45. «Кальдерон», стр. 45—46.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 14 декабря 1844 г. Здесь дается перечень рецензий, которые взялся написать Кудрявцев (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 42 об.).

57) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Библиотека для воспитания», изд. 2, ч. 1, стр. 34—38. «Вторая часть грамматики русского языка. Синтаксис». Тетрадь V, стр. 38. «Теория словесности». Тетрадь 3-я, стр. 38. «Русская слава», стихотворения Виссариона Белопашенцова, стр. 44. «Черный кощей», стр. 44. «Женни, или три цветочные рынка в Париже», соч. Поль де Кока, стр. 45.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 14 декабря 1844 г. В этом же письме Галахов предупреждает, что рецензию на «Полную русскую хрестоматию», 2 изд., составленную им самим, напишет «кто-нибудь из нас», т. е. Кудрявцев или сам Галахов. Помещена там же, стр. 38—39, (ГПБ, там же, л. 42 об.).

58) Т. XXXVII, № 12, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Самопожертвование», роман М. Воскресенского, стр. 62—66.

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 14 декабря 1844 г. (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 42 об.).

1845

59) т. XXXIX, № 3, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 30 июня 1845 г., в котором он говорит, что послал повесть, переведенную с немецкого языка, о которой он упоминал в 3 номере «Отеч. записок». В 3 номере есть статья о германской литературе и в ней упоминается повесть «Nieben Beter, изображение характера гелголандцев» (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 209 и об.).

60) Т. XXXIX, № 4, отд. Критика.

Статья: «Учебная книга русской словесности Н. Греча».

Автор: П. Н. Кудрявцев.

См. А. Д. Галахов. Воспоминания о П. Н. Кудрявцеве («Русский вестник», 1858, № 2, стр. 640).

61) Т. XL, № 5, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Краткое практическое наставление для постройки сельских зданий, каменных и деревянных». Сост. А. Сапожковым и П. Таманским, стр. 37.

Автор: И. Свиязев.

См. письмо И. Свиязева Краевскому 23 апреля 1845 г., в котором он говорит, что высылает рецензию на указанную книгу для «Отеч. записок». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Р—С», л. 264 и об.).

62) Там же, отд. Словесность.

Пьеса: «Богатая невеста». Подпись: М.

Автор: П. Н. Меньшиков.

См. раскрытие псевдонима в одной из статей Вал. Майкова («Критические опыты». СПб., 1891, стр. 318).

63) Тт. XLI, XLII, № 7, 8, 9, отд. Словесность.

Роман А. Дюма «Королева Марго».

Автор перевода: А. И. Кронеберг.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 24 июля 1846 г. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 44).

64) Т. XLI, № 8, отд. Иностранная литература.

Статья: «Германская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письма Г. Ф. Головачева Краевскому 30 июня и 27 августа 1845 г.: «В 8-й книжке «От. зап.» упомянул я биографию Леопольда Дессау» (ГПБ, там же, переплет «Г», лл. 209—210).

65) Т. XLII, № 10, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Борьба язычества и христианства», соч. П. Морозова, стр. 59—60.

Автор: А. Д. Галахов.

См. примечание А. Д. Галахова к статье «Ответ г. Морозову» («Отеч. записки», 1846, № 7, отд. Смесь, стр. 38).

66) XLIII, № 11, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Практическая медицина», лекции доктора Дядьковского, тетрадь 2, стр. 14. «Всеобщая география», соч. Ф. Соколова, стр. 25—28. «Краткая всеобщая география», соч. Штейна, стр. 25—28. «Образцовый письмовник», стр. 31. «Искусство сохранять лучшую память», стр. 34—36. «Собрание русских песен», стр. 34—36. «Козел-Бунтовщик», стр. 34—36. «Грошевый мертвец», стр. 34—36. «Мечта любви», стр. 34—36. «Спасенная Ниневия пророчеством Ионы», стр. 34—36. «Смоленский рынок в Москве», стр. 34—36. «Кот в сапогах», стр. 34—36. «Благодать божия в природе»,

стр. 34—36. «Корнелия Непота жизнеописания знаменитейших полководцев», изд. 2, стр. 37. «Евтропия сокровища Римской империи», стр. 37.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 5 октября 1845 г., в котором он сообщает список новых книг по номерам общего счета рецензий, предназначенных для «Отеч. записок» и с отметкой о выполнении. Галахов особо оговаривает те две-три книги, на которые рецензии напишет некто Смирнов, подысканный им взамен уехавшего за границу Кудрявцева. Следовательно, все указанные рецензии написал сам Галахов. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 34 об.).

1846

67) Т. XLIV, № 2, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев», стр. 66—67.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 24 февраля 1846 г. в связи с поступившим в редакцию «Отеч. записок» письмом от некоего «Р» с угрозами донести властям на вредную проповедь в журнале (см. стр. 183 настоящей книги). Галахов-автор успокаивал Краевского: «Что касается до статейки библиографической под № 57, то она не может иметь никакого вредного толкования» (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 62 об.).

68) Т. XLV, № 3, отдел Науки и художества, стр. 55—70.

Статья: «Декарт. Биографический очерк», соч. Я. Якоби.

Автор перевода: П. Н. Фус.

См. письмо П. Н. Фуса Краевскому 22 февр. 1846 г. (ГПБ, там же, переплет «Т—Θ», л. 300 и об.).

69) Там же, стр. 43—54. Статья: «О терминологии русской грамматики». Подпись: — Ъ. Автор: В. К. Кюхельбекер, декабрист. См. «Литературное наследство», т. 59, стр. 547—554.

70) Т. XLVI, № 6, отдел Критика.

Статья: «О преподавании отечественного языка», соч. Ф. Буслаева.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 5 октября 1845 г.: «Я пишу вам о книге Буслаева», и письмо 24 февраля 1846 г.: «Вышло вам к 10 или 15-му марта разбор книги Буслаева «О преподавании отечественного языка». Книга дала мне средство поговорить о разных предметах, не лишённых интереса. Если критика для апреля есть, то мою статью поместите в библиографию, или отложите до мая» (ГПБ, там же, переплет «Г», лл. 34 об. и 61 об.).

71) Т. XLVII, № 7, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «История смутного времени в России в начале XVII века», соч. Д. Бутурлина, ч. 3, стр. 35—41.

Автор: А. В. Старчевский.

См. воспоминания А. В. Старчевского: «Пошли разговоры (с Краевским. — В. К.) о Бутурлине и Филарете Никитиче, о котором у меня шла речь в разборе «Исторических актов» («Исторический вестник», 1886, т. XXIII, стр. 384).

72) Там же, отд. Смесь.

1. Заметка: «Ответ г. Морозову на статью его, помещенную в пятом номере «Москвитянина» под названием: «Ответ на замечания «Отечественных записок» на статью «Борьба язычества с христианством», стр. 38—41.

II. «О статье г. Кирова в пятом номере «Москвитянина» под названием «Ответ на рецензии «Отечественных записок», «Всеобщего атласа», стр. 41—43.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 24 июня 1846 г., в котором он говорит о «последней возне в библиографическую хронику и полемических ответах «Москвитянину». — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 44).

73) Там же, отдел Смесь.

Статья: «Литературные заметки из Германии», стр. 43—46. Подпись: В. В.

Автор: В. Вольфзон.

См. письмо В. Вольфзона Краевскому 22 июня 1846 г., в котором он сообщает, что послал, написанные им по-русски, в отдел смесь «Отеч. записок» литературные заметки (ГПБ, переплет «Б—В», л. 643 и об.).

74) Т. XLVII, № 8, отдел Критика.

Статья: «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею», тт. 1, 2, СПб., 1846 г.

Автор: А. В. Старчевский.

См. № 71. Именно в этой статье речь идет о Филарете, отце царя Михаила Романова.

1847

75) Т. I. № 1, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Босфор Киммерийский», соч. Гр. Спасского, стр. 12—17.

Автор: А. Д. Галахов или Ф. И. Буслаев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 24 декабря 1846 г., в котором дается очередной перечень порученных рецензий. — ГПБ. Фонд А. А. Краевского. («Письма», переплет «Г», л. 36 об.).

76) Там же, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «Греческий глагол в своем развитии», соч. И. Коссовича, М., 1846, стр. 47—51.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. письмо Б. Ордынского Краевскому 12 апреля 1849 г., в котором он упоминает свою статью о лексиконе Коссовича, напечатанную в 1 номере «Отеч. записок» за 1847 г. (ГПБ, там же, переплет «Н—П», л. 171 об.).

77) Там же, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «Постепенные занятия в переводах с русского языка на немецкий и французский для высших классов», изд. 3-е, доктор Ф. Кистер, стр. 51.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 20 декабря 1846 г., в котором он сообщает о своем намерении написать рецензию на указанную книгу (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 50).

78) Т. L, № 2, отд. Библ. хроника,

Рецензия: «Российско-греческий словарь» И. Синайского, стр. 11—114.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 20 декабря 1846 г., в котором говорится, что Б. И. Ордынский готовит рецензию о лексиконе греческом (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 50).

79) Там же, отдел Библ. хроника.

Рецензии: «Святой Николай чудотворец архиепископ Мирликийский», стр. 100. «Новая библиотека для воспитания», кн. 1 и 2, стр. 115—116. «Детские поздравления», стр. 120—121. «Чудные приключения кошки Мурлышки», стр. 121.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 10 января 1847 г., в котором дается перечень взятых им на себя рецензий (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 54 об.).

80) Там же, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «Серый армяк», повесть В. Львова, стр. 116.

Автор: А. Д. Галахов.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 24 декабря 1846 г., в котором говорится о взятых им на себя рецензиях (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 36 об.).

81) Там же, отдел Иностранная литература.

Статья: «Английская литература».

Автор: Г. Ф. Головачев.

См. письмо Г. Ф. Головачева Краевскому 12 января 1846 г., в котором он принимает предложение Краевского прислать в ближайший номер «Отеч. записок» вместо обзора германской литературы обзор английской литературы (ГПБ, там же, переплет «Г», л. 209). За этот же год в № 1 была помещена статья о французской, а в № 3 о германской литературе.

82) Т. LI, № 3, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «О всепародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании», кн. 2, соч. Маслова, М., 1846, стр. 21—22.

Автор: А. Д. Галахов.

См. ответ Краевского на запрос «меншиковского» комитета (ЦГАЛИ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 208693, лл. 1—1 об. и 3), в котором указано авторство Галахова, а также см. «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 228.

83) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства», соч. П. Дега, СПб., 1847, стр. 70—80.

Автор: А. В. Лохвицкий.

См. письмо А. В. Лохвицкого Краевскому 15 марта 1847 г., в котором он сетует на то, что в мартовской книжке «Отеч. записок» сократили какую-то его статью (ГПБ, там же, переплет «Л—М», лл. 121—122). До мартовского № 3 за 1847 г. в «Отеч. записках» не было юридических статей, а А. В. Лохвицкий — юрист и впоследствии весьма известный (см. о нем также на стр. 18 настоящей книги). Нет таких рецензий и в мартовских номерах за 1848, 1849 гг., а в рецензии на «Указатель законов о дворянах», извлеченных из свода законов, цензуре нечего было срезать. Таким образом речь могла идти только об указанной рецензии в № 3 за 1847 г.

84) Там же, отдел Смесь.

Статья: «Внутренние известия», стр. 73—112.

Автор: Р. Штрэндман.

См. примеч. к № 82.

85) Т. LI, № 4, отдел Смесь.

«Опыт продолжения романа Вальтер Скотта «Айвенго» М. А. Титмарша, (т. е. Теккерея), стр. 47—59.

Автор перевода: И. И. Введенский.

См. по связи с его переводом «Ярмарки тшеславия» Теккерея, предисловия к ней и статьи «Вильям Теккерей и его романы» (1849, № 5 и 6).

86) Т. LII, № 5, отд. Критика, стр. 1—22.

Статья: «Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Озерова».

Автор: А. Д. Галахов.

См. сб. «Белинский и его корреспонденты», М. 1948, стр. 44—46.

87) Т. LIV, № 9, отд. Критика.

Статья: «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских».

Автор: С. Соловьев.

См. письмо А. Д. Галахова Краевскому 30 мая 1847 г. с перечнем написанных С. Соловьевым рецензий.—ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Г», л. 60 об.).

88) Там же, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «Псковская судная грамота», стр. 21—22.

Автор: С. Соловьев.

См. там же.

89) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Творения святых отцев», стр. 22—25.

Автор: А. Д. Галахов.

См. «Историч. вестник», 1886, № 11, стр. 331—333.

90) Тт. LIV, LV, № 10, 11, отд. Науки и искусства.

Статья: Антонио Перес и Филипп 2» (компиляция из соч. Ф. Минье).

Автор: В. П. Боткин.

См. письма В. П. Боткина Краевскому 5, 13 августа и 19 ноября 1847 г. (Отчет импер. публ. библ. за 1889 г., стр. 85, 87, 92).

1848

91) Т. LVI, № 1, отдел Библ. хроника.

Рецензия: «Русские сказки для детей» К. Авдеевой, стр. 43—45.

Автор: П. М. Цейдлер.

См. примеч. к № 82.

92) Т. LVI, № 3, отдел Критика.

Статья: «Сравнение перевода «Одиссея» Жуковского с подлинником, на основании разбора 9-й рапсодии».

Автор: П. А. Лавровский. Редакция И. И. Давыдова.

См. письмо И. И. Давыдова Краевскому 13 марта 1849 г., в котором он сообщает, что студенты Главного педагогического института перевели «Историю педагогики» Раумера, вступление к которой «принадлежит Лавровскому, с которым вы знакомы по разбору Одиссеи...» — ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма», переплет «Д—К», л. 1). П. А. Лавровский в 1842—1851 гг. был студентом этого института. См. примеч. Краевского к публикации этой статьи в «Отеч. зап».

1849

93) Т. LXIII, № 4, отдел Смесь.

«Наталин день. Рассказ, заимствованный из летописей города Н». стр. 195—218.

Автор: Н. И. Иванникий.

См. письмо Н. И. Иванникого Краевскому 13 февраля 1849 г., в котором он говорит, что просил А. В. Никитенко передать в редакцию «Отеч. записок» рассказ «Наталин день» (ГПБ, там же, переплет «Д—К», л. 366).

94) Т. LXIV, № 5, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Греческо-русский словарь» И. Косовича. стр. 65—66.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. письмо Б. И. Ордынского Краевскому 20 июля 1849 г. с перечнем написанных им рецензий (ГПБ, там же, переплет «Н—П», лл. 174—175).

95) LXV, № 7, отд. Библ. хроника.

Рецензия: «Опыт истории театра у древних народов», соч. М. К., стр. 13—18.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. там же.

96) Т. LXV, № 8, отд. Критика.

Статья: «Новые стихотворения» В. Жуковского. Одиссея, песни I—XII.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. там же.

97) Там же, отд. Библ. хроника.

Рецензии: «Речи и отчеты, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета», стр. 107—110. «Ручной латино-русский словарь», стр. 110—111.

Автор: Б. И. Ордынский.

См. там же.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Айбулат (псевдоним Розена К. М.).
Аксакова В. С. — 102.
Аксаков И. С. — 305.
Аксаков К. С. — 26—27, 30, 97, 106, 108, 116, 164—165, 191, 193—194,
205, 246, 291, 293, 297, 301.
Александр I — 48.
Алексеев М. П. — 341—342, 367, 369.
Алипанов Е. И. — 8.
Алм-ов И. — 315.
Альминский (псевдоним А. Пальма).
Андроников И. Л. — 42, 49.
Андросов В. П. — 20—21.
Анненкова Варвара — 387.
Анненков П. В. — 15, 47, 109, 115, 127, 252, 273, 300, 305, 324, 329, 365.
Анфельт А. — 342.
Араго Доминик Ф. — 342.
Арендт (брат лейб-медика) — 309.
Аристов Е. Ф. — 315.
Аристофан — 193, 222, 351.
Артемьев А. И. — 44, 303, 310, 314, 356.
Аскоченский В. И. — 242.
Ашевский С. — 366.

Б

- Байрон — 80.
Бакунин М. А. — 9, 26—29, 43, 46, 66, 315.
Бакунин Н. А. — 102.
Бальзак О. — 3, 324.
Банников А. — 310.
Барбье А.-О. — 146.
Баратынский Е. А. — 155, 158, 177, 213, 281, 337.
Барсуков Н. П. — 362.
Баталин Н. В. — 271, 320, 367.
Бауэр Бруно — 29, 296, 325—326.
Башуцкий А. П. — 23, 93, 142, 285, 357.
Беадер — 21.

- Бегичев Д. Н. — 314.
Белинский В. Г. — 3—10, 12—34, 36—44, 46—58, 60, 62—88, 90—95,
97—121, 124—129, 132, 135—138, 140—142, 144—152,
154—179, 183—205, 207—208, 210—219, 221—227,
230—232, 234, 237, 239—240, 242—276, 278—303,
305—310, 312—315, 318, 320—323, 325, 326, 328—
330, 333—335, 337—345, 347, 349—358, 360—367, 369.
Белинская М. В. — 310.
Бенедиктов В. Г. — 94, 112, 196, 288, 311, 314, 335.
Бенкендорф А. Х. — 89.
Беранже П.-Ж. — 272, 324.
Бернар Ш. — 368.
Берне К.-Л. — 89, 351.
Бертен — 325.
Берх А. М. — 309—310, 366.
Берх М. — 309, 366—367.
Бильбасов В. А. — 355, 363, 366.
Бичурин И. Я. — 43.
Благой Д. Д. — 5, 354.
Блан Луи — 272, 325.
Бобылев Н. — 209, 362.
Богаевская К. П. — 367.
Болдырев А. В. — 23.
Ботен — 21.
Боткин В. П. — 10, 26—27, 30, 46—47, 66, 77, 106—108, 115, 145—146,
156, 187, 208, 214, 218—219, 252—253, 255, 285, 296,
298, 324, 326, 355, 360, 363.
Брайем Амарий — 256.
Брамбеус (см. Сенковский).
Брашман Н. Д. — 23.
Бремер Ф. — 188.
Бродский Н. Л. — 356—357.
Брокгауз Ф.-А. — 332.
Будков П. Е. — 360.
Булгарин Ф. В. — 9, 11—13, 15—16, 23, 34, 46, 65, 70, 87, 90, 92, 102,
105, 111, 115, 168, 177, 180, 184—186, 189, 191, 195,
216—217, 247, 268, 270, 289—292, 294, 297—298, 308,
313, 317, 331, 355, 357—358, 365, 367—368.
Буль Л. — 210.
Бураковский С. З. — 80.
Бурачек С. А. — 93.
Бурбоны (династия) — 324.
Бурнашев В. П. — 367.
Бурсов Б. И. — 274.
Буслаев Ф. И. — 80, 218—219, 222, 243.
Бутков Я. П. — 33, 58, 125, 210, 223, 232, 237—240, 244, 259, 269.
Бутовский А. И. — 23, 243, 250, 256.
Бутурлин Д. П. — 270.
Бэкон Фрэнсис — 262.
Бюло — 278, 325.
Быховец Гр. — 356.
Быховец Е. Г. — 356.

В

- Валуев Д. А. — 217, 243, 265.
Варранд С. — 368.
Введенский И. И. — 351.

Вейдемейер А. И. — 261—262.
 Вейтлинг В. — 327.
 Велланский Д. М. — 296.
 Веллингтон А. -К. -В. — 300.
 Вельтман А. Ф. — 16, 38, 155, 189, 297.
 Венгеров С. А. — 81, 202.
 Венелин Ю. И. — 16.
 Вердеревский Е. А. — 363.
 Веревкин Н. Н. — 110.
 Веретенников П. — 96.
 Вернет — 220.
 Верхоланцов Д. — 90.
 Виардо Луи — 278, 324, 327, 369.
 Видаль Франсуа — 220.
 Видок (см. Булгарин Ф. В.).
 Видок Ф. -Э. — 289.
 Винбарг Лудольф — 351.
 Виноградов В. В. — 62, 237.
 Висковатов П. А. — 40—42, 221, 356.
 Владиславлев В. А. — 354, 368.
 Воейков А. Ф. — 21, 355, 368.
 Волков М. С. — 330.
 Волков Платон — 359.
 Волконский Г. П. — 180, 183, 270.
 Вольтер Ф. -М. -А. — 105, 175, 235, 262, 300.
 Вольфзон В. — 331, 338, 344.
 Воскресенский М. И. — 314.
 Враский Б. А. — 31, 211, 354.
 Вронченко М. П. — 112, 338.
 Всевожский А. В. — 355.
 Вяземский П. А. — 299, 359.

Г

Галахов А. Д. — 26—28, 58—59, 65, 95, 106, 124—125, 128—130, 156,
 183, 185, 191, 195—196, 199, 208, 212—213, 218—219,
 221, 223, 229, 235, 242—252, 256, 260, 265, 271, 314—
 316, 338, 355—356, 361, 366.
 Галахов И. П. — 219.
 Галилей Галилео — 299.
 Галлуа Леонар — 185, 324.
 Гамазов М. А. — 365.
 Ганка В. — 332, 336, 341.
 Гарковенко — 271.
 Гебгардт И. К. — 65, 313.
 Гегель Г. -Ф. -В. — 9, 25, 28, 32, 67—69, 71, 73, 75—77, 97—98, 174, 189,
 200, 243, 256—257, 271, 275—276, 278, 352, 357.
 Гедеонов С. А. — 112.
 Гейне Генрих — 28, 89, 351.
 Герцен А. И. — 3—10, 16, 18, 25—26, 30—33, 39, 42, 46, 50, 58—62, 64,
 66, 87, 92, 97, 100, 102, 106—109, 125, 128—129, 137—
 141, 146—147, 151—152, 154, 162, 175, 177, 179, 184—
 187, 191, 197—199, 210, 213—215, 223—224, 226—229,
 233, 235, 242, 248, 250, 256, 269, 272, 274—276, 283, 286,
 296, 299—303, 305, 309—310, 315, 326, 328—329, 338,
 345, 348, 351—353, 355—357, 360—361, 364—366,
 368—369.

Гершензон М. О. — 149.
 Гесс М. — 325.
 Гете И. -В. — 18, 25, 31, 62, 90, 112.
 Гин М. М. — 360.
 Глазер Р. — 332, 341.
 Глинка М. И. — 332, 365.
 Глинка Ф. Н. — 95, 367.
 Гоббс — 262.
 Гоголь Н. В. — 7—16, 20—21, 29, 36—37, 62—63, 65, 72, 78, 86—87, 92—93, 101, 112—127, 129, 131—132, 137—139, 141—143, 147, 152, 156, 158—159, 164—165, 168—171, 177, 182, 193—195, 197—198, 212—213, 218, 220, 227, 230—231, 233—234, 238, 244, 246, 248, 258—260, 264—266, 269, 282—283, 286, 289—294, 298, 302—303, 314, 328, 333, 335, 337—338, 347—348, 351, 360, 366.
 Головачев Г. Ф. — 106—107, 219.
 Гольбах — 105, 300.
 Гомер — 164—165, 173, 193—194, 246, 293, 351.
 Гончаров И. А. — 6, 58, 129, 144, 179, 248, 253, 272, 283—284, 305, 351, 363.
 Горлов И. — 243.
 Граммати́н Н. Ф. — 23.
 Гранкин С. — 240.
 Грановский Т. Н. — 10, 29—30, 42, 97, 105, 108—109, 115, 186—187, 199—200, 208, 210, 214—215, 218, 262, 265, 296, 298, 306.
 Гребенка Е. П. — 9, 58, 63—64, 122, 127, 132, 134—135, 144, 189, 228, 314,
 Греч Н. И. — 9, 11, 16, 21, 46, 65, 115, 162, 195, 294, 314, 331—332, 355, 357, 361, 368.
 Грибоедов А. С. — 77, 102, 291.
 Григорович Д. В. — 33, 63, 107, 129, 223, 232—233, 249, 271.
 Григорьев П. И. (одесск. книгопродавец) — 16.
 Григорьев Ал. А. — 155, 160, 179, 189, 221.
 Григорьев В. В. — 23.
 Гроссман Л. П. — 280, 364.
 Грот Я. К. — 188—189, 359, 361.
 Губер Э. И. — 18, 23, 38, 155, 210, 358.
 Гумбольдт А. — 244.
 Гуцков Карл — 106, 326, 351—352.
 Гюго Виктор — 340.

Д

Д — 236.
 Давыдов Д. В. — 77.
 Давыдов И. И. — 18, 116, 303.
 Даль В. И. — 9, 33, 58, 63—64, 87, 127, 178, 182, 189, 223, 232—234, 236—237, 240, 298, 314, 354.
 Данилов А. М. — 309.
 Данилов К. — 94.
 Дегай П. И. — 270.
 Дезами — 327.
 Дела́винь Казимир — 108.
 Дельвиг А. А. — 299.
 Д-й — 321.
 Дементьев А. Г. — 4, 8, 210, 361.
 Державин Г. Р. — 65, 155, 158, 172, 178, 193, 195, 263, 281, 313.

Де-Пуле М. Ф. — 43.
 Дершау Ф. К. — 42, 219.
 Дэ-Минн (псевдоним) — 43, 368.
 Дидро Д. — 105.
 Дизраэли Б. — 352.
 Диккенс Ч. — 3, 142, 207, 272, 340, 351.
 Дмитрий Ростовский — 198.
 Дмитриев М. А. — 108, 198, 265.
 Добролюбов Н. А. — 241, 253, 274, 305, 361.
 Дондуков-Корсаков М. А. — 270, 369.
 Достоевский М. М. — 223, 232, 236, 238, 240.
 Достоевский Ф. М. — 3, 10, 15, 25, 58, 109, 154, 207—208, 222—223, 228—233, 236—240, 244, 258—259, 316, 344, 348, 351.
 Дубельт Л. В. — 89, 184, 270.
 Дубовиков А. Н. — 107, 338—339, 367, 369.
 Дубровский П. П. — 335—337, 341, 369.
 Дудышкин С. С. — 208, 221, 242—244, 251—252, 261—264, 271, 363, 365.
 Дурова Н. А. — 85, 155.
 Дуров С. Ф. — 189.
 Дюма А. — 223, 366.
 Дюмениль — 185.

Е

Евгенийев-Максимов В. Е. — 4, 210.
 Егунов А. — 265.
 Екатерина П. — 48, 89, 252, 262—263, 362.
 Екельн Л. Ф. — 43, 213, 318.
 Елагин В. А. — 28, 355.
 Емичев А. И. — 23, 129, 271, 359.
 Ершов Е. — 4, 8.

Ж

Жанен Жюль — 296, 324, 340.
 Жербин — 109.
 Жеребцов Н. А. — 23.
 Жирарден С.-М. — 325, 365.
 Жорж Занд — 3, 9, 29, 37, 62, 104—105, 136—137, 189, 226, 278, 324, 327, 340, 351, 366.
 Жукова М. С. — 85, 235, 314.
 Жуковский В. А. — 65, 80—81, 123, 173, 190, 193, 313—314, 346, 359.

З

Заблочкий-Десятовский А. П. — 10, 17, 183, 271, 338, 352—353.
 Заборова Р. Б. — 355.
 Загоскин М. Н. — 18, 35, 38, 110—111, 24?
 Заикин П. Ф. — 112, 193, 341.
 Запольский В. — 213.
 Зенеида Р-ва (псевдоним Е. Ган) — 38, 85, 123, 127, 137, 338.
 Зотов В. Р. — 223, 235.
 Зотов Р. М. — 313.

И

Иваницкий А. — 184.
 Иванов Н. А. — 315.
 Иванов А. И. — 16, 366.
 Иванов Н. — 332.
 Иванов-Разумник — 160, 202.
 Ивашенко А. Ф. — 369.
 И. Г-ва — 367.
 И. К. О. — 223, 235.
 Ильин А. — 16.
 Иордан Ян-Петр — 340—344, 369.
 Исаков Я. А. — 16.
 Искандер (см. Герцен А. И.)
 Истомин К. К. — 149.

К

Кабе Э. — 220, 272, 325, 327.
 Кавелин К. Д. — 10, 15, 109—111, 127, 137, 154, 206, 208, 218—219, 243—244, 265.
 Каллаш В. В. — 81.
 Каменский П. П. — 23, 177, 287, 358, 365.
 Канкрин Е. Ф. — 217, 243.
 Кант И. — 256, 276.
 Кантемир А. Д. — 158, 162, 262—263, 281—282, 351.
 Капнист В. В. — 77.
 Капфиг Б.-О.-Р. — 105, 262.
 Карамзин Н. М. — 65, 123, 162, 192.
 Карлейль — 105, 262.
 Карташевская М. Г. — 102.
 Катков М. Н. — 9, 26—29, 43, 46, 65—66, 82, 90—92, 112, 185, 193, 210—211, 293, 295—296, 301, 313, 324, 333—334, 355—358, 368.
 Кашкин Н. С. — 255.
 Кёниг — 331—332.
 Кеппен П. И. — 304.
 Кетчер Н. Х. — 18, 26, 42, 46, 215, 338, 356.
 Кийко Е. И. — 360.
 Киреевский И. В. — 96—98, 108—109, 189—191, 198—205, 285, 359, 361.
 Киреевский П. В. — 28—29.
 Ключников И. П. — 9, 26, 30, 33, 46, 51, 54, 235.
 Княжевич В. М. — 309.
 Княжнин Я. Б. — 261.
 Кодинский К. М. — 361.
 Коллар Ян — 336.
 Кольцов А. В. — 9, 18, 25, 33, 38, 43—46, 56—57, 87, 145, 151, 185, 195—197, 219, 254, 265, 277, 281, 320, 323, 337—338, 355—358, 367.
 Комаров А. А. — 109—110.
 Кондельяк — 262.
 Кони А. — 16.
 Кони Ф. — 187.
 Консидеран — 325.
 Конт О. — 253, 255—259, 352, 364.
 Коперник — 299.
 Корсаков П. А. — 88, 90.

Корф М. А. — 269—270, 308.
 Корф Ф. Ф. — 58.
 Корш Е. Ф. — 26, 46, 92, 187—188, 199, 215, 321.
 Косиковский В. А. — 111, 214.
 Краевский А. А. — 8, 10, 16—29, 31, 38, 40—43, 45—47, 49—50, 65, 86, 88, 90—92, 97, 101, 106—114, 128, 147—148, 154, 183—185, 187, 189, 191, 193, 197, 199—200, 207—223, 244—245, 247, 256, 265—266, 270—271, 277—278, 285, 294, 305, 307, 309, 311, 313, 315—318, 320, 325, 330—333, 335, 340—341, 353—358, 361—363, 365—368.
 Красов В. И. — 9, 26, 30, 33, 43—44, 46, 145, 151, 195, 214.
 Кречетов Е. К. — 288.
 Кромвель О. — 105, 182, 185, 202, 271, 352.
 Кронеберг А. И. — 109, 187, 210, 309, 338, 363.
 Крылов А. (цензор) — 88, 219, 270.
 Крылов И. А. — 155, 333, 359.
 Кудрявцев П. Н. — 26, 29, 33, 39, 58, 85, 87, 106, 123—124, 128, 131—133, 137, 143, 156, 182, 218, 223, 229, 235, 314, 356.
 Кузмиачев Ф. С. — 289.
 Кукольник Н. В. — 14, 16, 35—38, 70, 124, 168, 177, 196, 203, 357—358.
 Кульчицкий А. Я. — 109—110, 122—124, 126—127, 143, 178, 187, 320.
 Куник А. А. — 341.
 Купер Ф. — 47, 312, 366.
 Курье Поль-Луи — 324.
 Куторга М. С. — 89, 341.
 Куторга С. (цензор) — 88, 270.
 Кюхельбекер В. К. — 213, 346.

Л

Л. — 266.
 Лаврецкий А. — 361.
 Лажечников И. И. — 16, 65, 89.
 Ламеннэ Г.-Ф.-Р. — 272, 325.
 Лангер В. П. — 88.
 Ланский Л. Р. — 367, 369.
 Лапрад Виктор — 146.
 Лапуант Савиньен — 146.
 Лаубе Г. — 326, 338, 351.
 Леверрье — 220.
 Ледрю-Роллен А. О. — 220, 325.
 Лейбниц Г.-В. — 18.
 Лемке М. К. — 180, 310, 356, 360—361, 364—367.
 Ленин В. И. — 4, 50, 74, 109, 301, 350, 352, 354, 357.
 Ленц Э. Х. — 23.
 Дермонтов М. Ю. — 3, 7, 9, 11—12, 18, 24—25, 31, 33—57, 59—65, 67, 72—73, 78, 83—85, 87, 89, 92—94, 96, 106, 113, 115—116, 118, 120, 129, 132—133, 145—147, 149—152, 158—159, 170, 189, 195—198, 212—213, 218, 241, 281, 283, 288, 301, 310, 313—314, 333, 335, 337—339, 347—348, 351, 356, 358, 369.
 Леру П. — 29, 278, 324—325, 327.
 Лессинг Г.-Э. — 276.
 Лефорт А. А. — 362.
 Липперт К.-Р. — 298, 324, 338—340.

Лобода А. М. — 81.
 Локк Д. — 262, 300.
 Ломоносов М. В. — 65, 162, 195, 197.
 Лопатин А. Ф. — 109.
 Лоренц Ф. К. — 155.
 Лохвицкий А. В. — 18.
 Лузиков А. — 367.
 Любич-Романович В. И. — 363.
 Люджер А. А. — 271.
 Лютер М. — 105, 202.

М

Майков А. Н. — 145, 155, 158, 185, 187, 189, 221, 240, 271.
 Майков В. Н. — 10, 208, 210, 218—221, 223, 232, 237, 241—247, 251—260,
 263—265, 314, 318, 323, 362—363, 367
 Майков Л. Н. — 219.
 Макарий архимандрит — 243.
 • Макаров М. Н. — 18.
 Макашин С. А. — 224, 363.
 Максимович М. А. — 28, 66, 82.
 Мальтиц (барон) — 213.
 Мануйлов В. А. — 40.
 Марат Ж.-П. — 105, 185, 352.
 Маркевич Н. А. — 155.
 Маркс Карл — 81, 88, 104, 256, 276, 302, 325—328, 338—340, 352, 364,
 368—369.
 Марлинский (Бестужев) А. А. — 25, 36—37, 65, 90, 123—124, 129, 155,
 288, 311, 313.
 Мармье Ксавье — 334—335.
 Марченко Т. Ч. — 235.
 Масальский К. П. — 189.
 Маслов И. И. — 109—110.
 Маслов С. А. — 187.
 Мацевский В. А. — 336.
 Машинский С. О. — 290.
 Межевич В. С. — 16, 23.
 Мельгунов Н. А. — 21, 46, 331—332, 341, 365.
 Мельников (Печерский) П. И. — 213.
 Мендель В. — 30, 226.
 Меншиков А. С. — 270.
 Меньшиков П. П. — 126—127.
 Меринг Ф. — 276, 364.
 Мехелин А. — 88, 270.
 Мещерский Е. П. — 368.
 Мизко Н. Д. — 154, 196—197, 318.
 Миллер Ф. Б. — 112.
 Милонов М. В. — 288.
 Милюков А. П. — 196, 221.
 Милютин В. А. — 10, 208, 220—221, 223, 243—244, 251, 256.
 Михайловский-Данилевский А. И. — 314.
 Михеев (Казанск. унив.) — 315.
 Мицкевич Адам — 336—337, 369.
 Могилянский А. П. — 17, 19—20, 183.
 Модестов В. — 243.
 Мольер Ж.-Б. — 105.
 Монтескье — 262.

Мордвинов Н. С. — 184, 287.
 Мордовченко Н. И. — 4, 13, 53—54, 357.
 Мориер — 322.
 Морозов В. М. — 361.
 Мор Томас — 262.
 Мочалов П. С. — 283.
 Мундт Н. П. — 355.
 Мундт Т. — 331, 342, 351.
 Мусин-Пушкин М. Н. — 183.
 Мюнцер Т. — 105, 352.
 Мятлев И. П. — 314.

Н

Надеждин Н. И. — 18, 23, 29, 65, 277, 357, 361.
 Наполеон — 300.
 Небольсин П. И. — 319.
 Неведенский С. — 360.
 Неверов Я. М. — 9, 31, 88, 90, 210, 333—334.
 Некрасов Н. А. — 3, 10, 13, 25, 33, 39, 58—59, 63—64, 66, 104, 109—111,
 121, 127—128, 142—144, 146—147, 149—154, 179,
 187—188, 210, 212, 215—217, 220, 222—223, 240, 244,
 248, 269, 272, 285—287, 315, 318, 344, 347—348, 353,
 360, 362—363, 365, 368.
 Нелюбин А. П. — 23.
 Нестроев (см. П. Н. Кудрявцев)
 Никитенко А. В. — 88—90, 161—163, 166, 180, 186, 188, 199, 270—271,
 358—359, 361.
 Никитин И. С. — 121, 271, 306.
 Николай I — 11, 88, 96, 120, 183, 236, 269, 271, 335, 365, 368.
 Новиков Н. И. — 16, 261, 263.
 Новицкий О. М. — 361.
 Нольде Б. Э. — 366.
 Ньютон И. — 299.

О

Ободовский П. Г. — 288, 314.
 Огарев Н. П. — 3, 8—9, 26, 30—31, 38, 46, 56—57, 61, 64, 87, 92,
 107—108, 145—147, 149, 151, 187, 195, 214—215, 226,
 240, 272, 330, 360, 366.
 Одоевский А. И. — 22, 45, 318, 346, 356.
 Одоевский В. Ф. — 17, 19—24, 27, 31, 37—39, 46—47, 62, 85, 87,
 91—92, 114—115, 129, 155, 158, 177, 183, 191, 211,
 269, 298, 305, 308, 314, 316—318, 330—332, 338,
 354—357, 362—363, 366—367, 369.
 Озеров В. А. — 193, 251—252, 335.
 Ознобишин Д. П. — 38.
 Оксман Ю. Г. — 20.
 Ольдекоп Е. И. — 88.
 Ордынский Б. И. — 193, 222, 271, 351.
 Орлов А. А. — 95, 289, 313.
 Орлов А. Ф. (шеф жанд.) — 269—270, 310.
 Орлов В. Н. — 3, 19—20, 354.
 Основьяненко Г. — 16, 38, 85, 121, 155, 212, 319, 359.
 Островский А. Н. — 148.
 Очкин А. Н. — 88, 270, 359.

П

П. — 309—310, 366—367.

Павлова К. К. — 38.

Павлов Н. Ф. — 21, 37, 90, 106, 187, 277, 285.

Павский Г. П. — 361.

Пальм А. И. — 151, 189, 223, 229, 235—236, 305, 362, 365.

Панаев В. А. — 109.

Панаев И. И. — 9—10, 19, 33, 38—39, 43, 46—47, 58—59, 62, 64, 85,
87, 89, 102, 109—110, 122—123, 127—132, 136—137,
141, 143, 150, 152, 154, 178—179, 188, 191, 195,
215—217, 223, 228—229, 235, 285, 298, 305, 314, 319,
344, 347, 355—356, 358, 360, 362, 365, 368.

Пассек В. В. — 18.

Пек Э. — 331.

Перевлесский П. М. — 361.

Персий Ф. — 171.

Петр I — 35, 42, 83, 96—98, 162, 202, 268.

Петрашевский М. В. — 197, 208, 226—227, 269.

Печкин — 366.

Пигарев К. В. — 263, 364.

Писарев Д. И. — 274.

Плаксин В. Т. — 162.

Плетнев П. А. — 11, 43, 183, 188—189, 191, 215, 319, 359, 361, 368.

Плеханов Г. В. — 253, 259, 363.

Плещеев А. Н. — 229, 241—242, 252.

Плутарх — 61.

Плюшар А. А. — 368.

Победоносцев С. П. — 122—124, 128, 316.

Погодин М. П. — 18, 21—24, 37, 46, 66, 96—97, 114—116, 118, 169, 186,
190—191, 198—199, 203, 243, 266, 277, 285—286,
302—304, 315, 319—320, 330, 333—334, 354, 367.

Полевой Кс. А. — 271.

Полевой Н. А. — 8, 11, 16, 29, 34—37, 54, 59, 70, 93, 124, 129, 177, 189,
196, 277, 281, 292, 311, 313, 357, 367.

Полежаев А. И. — 155, 158, 281, 337, 361.

Полонский Я. П. — 145.

Поляков М. Я. — 369.

Помяловский Н. Г. — 136, 226.

Попов — 366—367.

Попов М. М. — 270.

Попович Милош — 337.

Порецкий А. — 210, 221, 252—254, 363.

Порошин В. Г. — 23.

Прейс П. И. — 341.

Прийма Ф. Я. — 361.

Прокопович Н. Я. — 116. *Протопопов А. И. см. Протопопов А. И.*

Прудон П.-Ж. — 220, 272.

Пугачев Е. И. — 89, 305.

Пуркини Ян — 329, 336—337, 341.

Пушкин А. С. — 8, 11—12, 16, 19—20, 25, 37, 47, 51, 58, 61—62, 65, 71,
78, 81—82, 86, 92, 115—116, 120, 129, 132, 137, 152,
155, 158—159, 162, 172, 178, 192, 197, 212, 217, 233,
242, 247, 263, 271, 281, 283—284, 288—289, 306, 314,
317, 319, 333, 335—339, 341, 344, 346—348, 356, 367,
369.

Пыпин А. Н. — 81, 202.

P

- Р... — 183.
Радищев А. Н. — 261—262, 350.
Раевский В. Ф. — 346.
Раевский С. — 46.
Ранке Л. — 105, 243.
Редкин П. Г. — 26, 199, 215.
Рётшер Г.-Т. — 106, 296, 298.
Робеспьер М. — 31—32, 61, 105, 108, 115, 140, 185, 262, 276, 352.
Розен Ф. Ф. — 21.
Розен К. М. — 359.
Ростопчин Ф. В. — 213.
Ростопчина Е. П. — 22, 24, 38, 45, 299.
Руге А. — 26, 29, 325—327, 340.
Рудый Пасечник (см. Гоголь Н. В.)
Рулье К.-Ф. — 219.
Руссо Ж.-Ж. — 105, 235, 262, 300.
Рылеев К. Ф. — 30—31, 61, 140, 184, 346.

C

- С***Александр — 287.
Савельев Н. В. — 23.
Савельев П. С. — 23.
Савельев-Ростиславич Н. В. — 155.
Сакулин П. Н. — 22, 24, 91, 355, 367.
Салтыков М. Е. — 3, 10, 15, 25, 57—59, 63, 66, 109, 134, 150, 154,
207—208, 222—230, 232—233, 272, 290, 305—306,
318, 348, 351, 353.
Самарин Ю. Ф. — 205.
Сатин Н. М. — 26, 30, 42, 46, 356.
Сахаров И. П. — 111.
Свиньина Н. А. — 211—212, 358.
Свиньин П. П. — 8, 17, 211, 277, 358, 365, 368.
Семевский В. И. — 352.
Семевский М. И. — 111.
Сен-Бёв — 324, 340.
Сен-Жюст — 115.
Сенковский О. И. — 9, 11, 14, 16, 21, 23, 38, 46, 70, 92—93, 177, 189,
192, 195, 277, 292, 294, 297—298, 317, 319, 321—
322, 358—359, 367—368.
Серов А. Н. — 309.
Сен-Симон — 31, 227—228, 256, 278.
Скабичевский А. М. — 180, 254.
Скафтымов А. — 357.
Скобелев И. Н. — 314.
Скотт В. — 251, 366.
Слепушкин Ф. Н. — 8.
Смарагдов С. Н. — 155.
Смирнов — 219.
Смирдин А. Ф. — 314, 354, 368.
Смолер — 336.
Сократ — 300.
Соллогуб В. А. — 9, 33, 38—39, 42, 54, 59, 85, 105, 129, 144, 172, 179,
182, 203, 205, 214, 269, 285—286, 298.
Соловьев А. — 365.

Соловьев С. М. — 206, 271.
 Солоницын В. А. — 36, 46, 92, 188, 221, 271, 321, 356—358.
 Сорокин М. — 110.
 Сотников Ап. — 45, 318.
 Софокл — 193.
 Спешнев Н. А. — 229.
 Спиридонов В. С. — 360.
 Срезневский И. И. — 270, 329, 336, 341.
 Станкевич Н. В. — 8—9, 25—27, 29, 212.
 Станко — 336.
 Старчевский А. В. — 185, 243.
 Стасов В. В. — 222, 305.
 Степанов А. П. — 59.
 Стрелинский К. — 16.
 Строганов А. С. — 270.
 Строев В. М. — 105, 324, 368.
 Струговщиков А. Н. — 31.
 Студитский А. Е. — 190.
 Сумароков П. П. — 39, 318.
 Суханов М. Д. — 286.
 Сухово-Кобылина Е. В. — 107.
 Сю Э. — 104—105, 142, 338—340, 352.

Т

Теккерей В. — 3, 351.
 Тимофеев А. В. — 311, 314.
 Титов А. А. — 21.
 Титова В. Г. — 369.
 Толстой Дм. Н. — 244.
 Толстой Л. Н. — 131.
 Толстой Ф. П. — 23.
 Толстая Сарра — 313.
 Тургенев И. С. — 3, 10, 15, 35, 58—59, 63—64, 66, 109, 111—112, 122, 124, 127, 129, 131, 135, 142, 147—151, 154, 177, 179, 213, 221—222, 228, 233—236, 249, 253—254, 272, 305—306, 314, 318, 348, 351, 369.
 Т. Ч. (см. Марченко Т. Ч.).
 Тютчев Н. Н. — 109—110.
 Тьер — 105.

У

Уатт Дж. — 220.
 Уваров С. С. — 11, 88—89, 96, 116, 180, 183—184, 186, 195, 199, 270—271, 287.
 Ульянов Н. — 318.
 Устрялов Н. Г. — 89.
 Ушаков В. А. — 314.

Ф

Фарнгаген фон Энзе — 331—334, 369.
 Феваль Поль — 223.
 Федоров Б. М. — 15, 180, 183—185, 195.
 Фейербах Л. — 29, 74, 107, 173, 272, 296, 352.
 Фейгина О. Я. — 366.

Фет А. А. — 29, 35, 145.
Фихте — 227.
Фишер Е. — 367.
Фойгт К. К. — 315.
Фомин А. Г. — 356.
Фонвизин Д. И. — 77, 158, 243, 251—252, 262—263.
Фрейганг А. — 88, 270.
Фролов Н. Г. — 244.
Фультон — 220.
Фурман П. Р. — 216—217, 362.
Фурье Ш. — 226—227, 278.

Х

Хамар Добанов (псевдоним Е. П. Лачиновой) — 89.
Хомяков А. С. — 28, 50, 96—98, 108, 172, 177, 191, 195—198, 200, 205,
265, 282, 288, 292—293, 314, 335, 352—353.

Ц

Цейдлер П. М. — 271.
Цейтлин А. Г. — 143, 360, 364.

Ч

Чаадаев П. Я. — 51, 199, 205.
Челяковский Ф. Л. — 336.
Чернявский М. — 291.
Чернышевский Н. Г. — 5, 57, 73—74, 77, 79, 118, 138, 176, 222, 231,
241, 253, 305, 356—357, 360.
Чижов Ф. В. — 16, 21.
Чистяков М. — 271.

Ш

Шаль Ф. — 185.
Шафарик П. И. — 336.
Шевырев С. П. — 21, 24, 31, 46, 66, 70, 93—97, 109, 114, 116, 118, 162,
180, 186, 189—193, 195—196, 198—203, 205, 213, 234,
242, 261, 264—265, 284—285, 288, 292, 297—298, 302,
330, 334—335.
Шекспир В. — 80, 90, 164, 193, 283, 338, 363.
Шеллинг Ф.-В.-И. — 9, 28, 106, 112, 189, 201, 352.
Шерр Иоганн — 342.
Шидловский Ю. — 88.
Шиллер Ф. — 61—62, 112.
Ширинский-Шихматов П. А. — 271.
Шишков А. С. — 184, 287.
Шмаков И. М. — 309.
Шопен — 334—335.
Штиллинг — 235.
Штирнер М. — 325—326.
Штрандман Р. Р. — 10, 208, 221, 318.
Штраус Д.-Ф. — 272.

Щ

Щедрин (см. Салтыков М. Е.)
Щепкин М. С. — 309, 311, 356, 366—367.

Э

- Эврипид — 193.
Эйхенбаум Б. М. — 51—52.
Эккартсгаузен К. — 235.
Эльсберг Я. Е. — 61.
Энгельс Ф. — 104, 106, 256, 302, 325—328, 339, 352, 368—369.
Эрман А. — 333, 368—369.
Эткина С. И. — 309.
Эхтермейер — 325.

Ю

- Ювенал Д.-Ю. — 171.
Юнг Э. — 326.

Я

- Языков М. А. — 43, 109.
Языков Н. М. — 172, 177, 191, 195—199, 282, 288, 314, 335, 356.
Якубец М. — 369.
Янушкевич А. М. — 356.
Ястребцов И. И. — 210, 362.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Предмет и метод исследования журнала. — «Отечественные записки» 40-х годов XIX века как орган складывающегося реалистического направления русской литературы. Художественная и теоретическая программа направления. — Призывы советских литературоведов специально изучить историю «Отечественных записок». — Периодизация истории «Отечественных записок».	

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Организационное и идейное оформление «Отечественных записок» (1839—1841)	11
Литературная и журнальная ситуация к моменту возобновления с 1839 г. издания «Отечественных записок» под редакцией А. А. Краевского. — С какого времени началась «натуральная школа»? — Три смысла термина «натуральная школа» в 40-е годы. — Восторженные отклики современников на вести о возобновлении «Отечественных записок» под новой редакцией (по неопубликованным материалам). — Официальная программа «Отечественных записок». — Краевский. — Состав сотрудников. — В. Ф. Одоевский, как «второй» редактор журнала (по неопубликованным материалам). — Белинский и его группа сотрудников в журнале. — Борьба внутри редакции. — Соотношение различных направлений в русской литературе этого времени. — «Отечественные записки» как собиратель лучших реалистических сил русской литературы. — Лермонтов и «Отечественные записки» (по неопубликованным материалам). — Герцен и «Отечественные записки». — Критика «Отечественных записок». — Эстетическая и теоретико-литературная программа реалистического направления. — Программа Белинского. — Борьба «Отечественных записок» за реалистическое направление. — Цензура (по неопубли-	

кованным материалам). — Полемика, ее содержание и приемы (частично по неопубликованным материалам).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Расцвет «Отечественных записок» (1842—1846) . . . 100

Резкое изменение направления и структуры «Отечественных записок» с 1842 г. — Статья Белинского «Речь о критике» — новая программа журнала. — Перемены в составе сотрудников. — Рост влияния Белинского. — «Студия» Белинского. — Борьба за Гоголя; значение письма Белинского к Гоголю от 20 апреля 1842 г. — Связь публицистических мотивов «Мертвых душ» с программными установками Белинского. — Реалистическое направление на новом этапе. — Гоголь и реалистическое направление. — Специфически «гоголевский пласт» в повестях 40-х годов. — «Кто виноват?» Герцена и история «Отечественных записок». — К вопросу о значении «физиологического» очерка. — Основная тематика и проблематика реализма на этом этапе. — Влияние прозы на поэзию. — Новаторство Некрасова-поэта. — Роль «Отечественных записок» в консолидации реалистического направления и во внутренней эволюции его творческого метода. — Рост «предмета» и престижа критики «Отечественных записок». Программное значение критики Белинского, ее проблематика и методология. — Учение о «беллетристике», новое решение историко-литературных проблем. — Обобщение художественной практики направления в годовых обзорах Белинского. — Борьба «Отечественных записок» за реалистическое направление на этом этапе. — Цензура (по неопубликованным материалам). — Полемика, ее проблематика и приемы. — Друзья и противники «Отечественных записок». — «Отечественные записки» и славянофилы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Отечественные записки» после ухода Белинского (1846—1849) . . . 207

Снижение идейного уровня «Отечественных записок». — Внутренняя периодизация и неравномерность этого снижения. — К вопросу об эксплуатации Белинского Краевским (частично по неопубликованным материалам). — Разрыв Белинского с Краевским. — Двойственная позиция «московских» сотрудников. — Ставка Краевского на группу В. Майкова. — Новый состав сотрудников (частично по неопубликованным материалам). — Реалистическое направление и «Отечественные записки». — Творчество Салтыкова и Достоевского. — Натуралисты (Бутков, М. Достоевский и др.). — Критика В. Майкова, А. Галахо-

ва, С. Дудышкина и др. и заветы Белинского. — Постепенная потеря критикой «Отечественных записок» своего программного значения по отношению к реалистическому направлению. — Выдвижение на первое место с 1847 г. «Современника». — Спад полемической активности «Отечественных записок». — Статья Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» — поворот к консерватизму. — Цензурное свирепствование в связи с революцией 1848 г. во Франции. Цензура и «Отечественные записки» (по неопубликованным материалам).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жанры и стили критики и публицистики «Отечественных записок». Читатель «Отечественных записок» . . .	274
К вопросу о структуре и «поэтике» журнала. — «Отечественные записки» как тип «энциклопедического» журнала. — Мастерство Белинского-критика. — Мастерство Герцена-публициста. — Проблема читателя «Отечественных записок». — Отклики современников (по неопубликованным материалам). — Читатели, друзья «Отечественных записок» на Западе (частично по неопубликованным материалам).	
Заключение	346
Примечания : :	354
Приложения : :	370
а) Указатель псевдонимов и криптонимов, встречающихся в «Отечественных записках» 1839—1849 годов	370
б) Список анонимных статей, рецензий и переводов, появившихся в «Отечественных записках» в 1839—1849 годы, авторов которых удалось установить	371
Указатель имен : :	386

**Василий Иванович
Кулешов**
**«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» И
ЛИТЕРАТУРА 40-х ГОДОВ XIX в.**

Редактор П. Г. Пустовойт.
Редакторы издательства Л. Г. Орлов,
О. А. Сатирова
Технич. редактор М. С. Ермаков.

Сдано в набор 11/I 1958 г. Подписано в печать 4/X 1958 г. Л-44545. Изд. № 917. Формат 60×92/16. Печ. л. 25,25. Уч.-изд. л. 26,88. Тираж 8000. Заказ 35. Цена 11 р. 75 к.

Издательство Московского университета.
Москва, Ленинские горы
Полиграфический комбинат
Ярославского Совета народного хозяйства,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97

